ГОДЪ **ДЕВЯТЫЙ.**

РУССКІЙ АРХИВЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

7 и 8. ПРИ **1871.**

ЧЕРТКОВСКОЙ БИБЛІОТЕКѢ.

СОДЕРЖАНІЕ.

МОСКВА

Типографія А. И. Мамонтова и К°. Большая Дмитровка. № 7.

1871.

Цѣна за 12 тетрадей, выходящихъ по мѣрѣ отпечатанія, съ пересылкою — семь рублей.

СОДЕРЖАНІЕ ВТОРОЙ КНИГИ

АРХИВА КНЯЗЯ ВОРОНЦОВА.

ПИСЬМА АЛЕКСАНДРА ЕФИМОВИЧА ИЗМАЙЛОВА КЪ ИВАНУ ИВАНОВИЧУ ДМИТРІЕВУ.

1816 — 1830.

I.

Я имѣлъ честь получить почтеннѣйшее письмо вашего превосходительства, отъ 10-го числа минувшаго Апрѣля, и приношу вамъ чувствительную мою благодарность за весьма лестное для меня ваше ко мнѣ благорасположеніе.

Вы изволите ободрять меня, совѣтуя мнѣ *идти надежно по слѣдамъ веселыхъ моралистовъ*. Ахъ! я не столько надѣюсь, сколько страшусь, вступивъ па сіе обширное и скользкое поприще. Чѣмъ болѣе читаю Лафонтена и другихъ славныхъ фабулистовъ и критиковъ, тѣмъ болѣе имѣю причинъ опасаться и не довѣрять самому себѣ. Весьма много почитаю себя обязаннымъ отечественнымъ баснописцамъ, ибо хорошіе образцы на своемъ языкѣ полезнѣе всякой теоріи и правилъ. По моему мнѣнію, Хемницеръ и Крыловъ весьма близко подошли къ Лафонтену: первый своимъ простодушіемъ, а вторый веселостью и живостію разговора. Но ни тотъ, ни другой не имѣютъ любезной его чувствительности, силы и благородства въ выраженіяхъ, которыя столь удачно сохранили вы въ своихъ подражаніяхъ. Я удивляюсь, какъ ваше превосходительство могли столь хорошо и столь близко переводить Лафонтена. Отъ Лафонтена и отъ васъ узналъ я, что баснописецъ долженъ быть настоящій поэтъ, то-есть долженъ имѣть чувство, составляющее существенное свойство поэта, и при всей простотѣ разсказа не унижать никогда языка боговъ.

Кажется, у насъ любятъ теперь читать басни. Никогда еще не раскупали здѣсь такъ хорошо ни одной книги, какъ раскупаютъ нынѣ басни Крылова. Жаль очень, что въ 4-й и 5-й частяхъ помѣстилъ онъ довольно посредственныхъ басенъ и оставилъ въ прочихъ нѣсколько слабыхъ и даже дурныхъ стиховъ, которые весьма бы легко можно было поправить. Завидуя его успѣхамъ, многіе здѣсь принялись писать басни, и пишутъ ежели не успѣшно, за то весьма поспѣшно. У главнаго издателя «Духа Журналовъ» подряженъ одинъ молодой баснописецъ Лузановъ, который всякую почти недѣлю ставитъ ему по двѣ и по три басни. Вотъ настоящій и самый плодовитый Fablier! Графъ Д. И. Хвостовъ намѣренъ сдѣлать второе изданіе своихъ Притчей. Не извѣстно еще, скоро ли онѣ появятся къ свѣтъ, но давно уже одобрены цензурою къ напечатанію. Недавно вышла здѣсь 1-я книжка басенъ

и сказокъ Василья Тибѣкина, а вслѣдъ за оной должны выдти еще три книги. Г. Тибѣкинъ, какъ я слышалъ отъ книгопродавцевъ, человѣкъ уже пожилой и съ просвѣщеннымъ вкусомъ: онъ строго критикуетъ въ книжныхъ лавкахъ сочиненія Карамзина и хвалитъ свои басни, называя ихъ *ядовитыми*. И подлинно ядовиты! Вотъ какъ онъ пишетъ:

„На споръ и драку къ нимъ
Съ усердіемъ своимъ
Въ подобныхъ случаяхъ искусный Разбирайло,
Крючекъ, Зацѣпичъ, Обдирайло".

Это у него подражаніе Лафонтену; это Perrin Dandin въ баснѣ: «Устрица и двое Прохожихъ».

А Шпицель вслѣдъ бѣжитъ и вякъ сему уроду:
Нарядъ не можетъ скрыть породу.

Такъ говоритъ устами г. Тибѣкина Собака Обезьянѣ, которая нарядилась въ платье своей госпожи.

Но я уже наскучилъ вашему превосходительству дурными стихами и дурною прозою. Прошу покорнѣйше великодушно меня въ ономъ извинить.

Съ чувствованіемъ глубочайшаго высокопочитанія и душевной преданности имѣю честь пребыть навсегда, милостивый государь, вашего превосходительства всепокорнѣйшимъ слугою Александръ Измайловъ *).

4 Мая 1816 г.

II.

Приношу вашему высокопревосходительству чувствительнѣйшую мою благодарность за присылку мнѣ экземпляра новаго изданія вашихъ сочиненій. Эта прекрасная книга, съ надписью душевно почитаемаго и любимаго мною автора, будетъ служить лучшимъ украшеніемъ маленькой моей библіотеки и сохранится навсегда въ моей фамиліи. Жаль только, что не нашелъ я при первой части вашего портрета.

Вашему высокопревосходительству угодно было сдѣлать по замѣчаніямъ моимъ поправки въ басняхъ: «Орелъ и Каплунъ, Ружье и Заяцъ, Левъ и Комаръ». А какъ именно за сіи самыя замѣчанія, года полтора тому назадъ, бранили меня здѣсь многіе знатоки словесности, особенно извѣстный авторъ Забавнаго Словаря и двухъ или трехъ жалкихъ эпиграммъ! Досталось мнѣ также и отъ партизановъ И. А. Крылова! Тѣ и другіе называли меня невѣждою, завистникомъ и т. п. Хорошо еще, что ничего не написали! — Благодаря Бога, я имѣю столько здраваго разсудка, что никогда не стану почитать себя соперникомъ или завидовать тому, у кого учился и кому старался всегда подражать. Я увѣренъ, что ваше высокопревосходительство не сердились за сдѣланныя мною замѣчанія на ваши басни. Я могъ, какъ и всѣ другіе, ошибаться; но если увижу свои ошибки, то готовъ немедленно загладить оныя чистосердечнымъ и торжественнымъ признаніемъ.

22 Ноября 1818 г.

П. П. Письмо ваше и книжки получилъ я 19-го числа сего мѣсяца и потому такъ поздно благодарю васъ за нихъ. Порученіе ваше относительно г. Милонова мною исполнено. Онъ опредѣляется здѣсь къ должности подъ начальство А. И. Тургенева и печатаетъ теперь свои стихотворенія, которыя отдалъ въ вѣчное и потомственное владѣніе здѣшнему книгопродавцу Глазунову за 500 р.

*) Обычное начало и конецъ въ дальнѣйшихъ письмахъ опускаются. П. Б.

III.

Имѣю честь препроводить при семъ къ вашему высокопревосходительству 5-й № моего журнала. Экземпляръ вашихъ сочиненій, присланный ко мнѣ при почтеннѣйшемъ письмѣ вашемъ отъ 23-го числа минувшаго Февраля, доставленъ мною лично г. Милонову. Онъ получилъ исправно и прежній экземпляръ.

Для обертки посылаемой при семъ книжки употребляю новую мою сказку: «Смерть и Стихотворецъ». Я хотѣлъ было напечатать ее въ своемъ журналѣ; но теперь ничего не буду печатать и писать противъ гр. Д. И. Вчера получилъ я отъ Симбирскаго баснописца, *крошки-Маздорфа* письмо, которое тронуло меня до слезъ. Полтора уже года онъ безъ мѣста, боленъ, имѣетъ жену и маленькую дочь, которыя едва не умираютъ съ нимъ отъ голода. Онъ просилъ моего пособія, съ тѣмъ однако, чтобы я не объявлялъ о немъ въ журналѣ. Сегодня извѣстилъ я о бѣдственномъ его положеніи гр. Д. И. и сегодня же получилъ отъ него для доставленія г. Маздорфу сто рублей, которые взялъ онъ въ счетъ жалованья своего въ Сенатѣ.

Недавно здѣсь вышло новое и полное изданіе басенъ Крылова въ шести частяхъ, или лучше сказать, въ шести книгахъ. Жаль только, что оно не очень исправно напечатано. Издатель употребилъ разную бумагу, такъ что одинъ листъ въ книгѣ синій, а другой желтый. Никто столько у насъ не портитъ книгъ, какъ книгопродавцы по своему невѣжеству и корыстолюбію.

20 Марта 1869 г

IV.

Поздравляя ваше превосходительство съ наступающимъ великоторжественнымъ праздникомъ Святыя Пасхи, желаю вамъ отъ всей искренности моего сердца препроводить оный и впредь препровождать многія лѣта въ совершенномъ здоровьи и благополучіи.

Препровождаю при семъ 6-ю книжку *Благонамѣреннаго*. Въ ней изволите найдти между прочимъ замѣчанія на новую книжку: Карманная (ридикюльная) библіотека Аонидъ, надъ изданіемъ которой трудился неутомимый графъ Д. И. Хвостовъ со студентомъ 3-го разряда медико-хирургической академіи Ив. Георгіевскимъ, обучающимся тамъ не медицинѣ, но ветеринарному искусству. Не унимается нашъ графъ Дмитрій Ивановичъ: все еще пишетъ и хвастаетъ. Доказательство сему увидите въ прилагаемомъ при семъ его письмѣ къ Архангельскому архіерею, моему пріятелю *). Его сіятельство чрезвычайно на меня гнѣвается за то, что въ послѣднемъ торжественномъ собраніи нашего общества не прочтена была его сатира къ Разуму, очень неразумно написанная.

7 Апрѣля 82 г.
С.-Петербургъ.

V.

Пріятнѣйшимъ долгомъ поставляю поздравить ваше высокопревосходительство какъ съ наступившимъ великоторжественнымъ праздникомъ Рождества Христова, такъ и съ наступающимъ новымъ годомъ.

*) Письмо сіе, всепокорнѣйше прошу, по прочтеніи, переслать ко мнѣ или предать въ жертву всеочистительной стихіи.

Отъ всей искренности моего сердца желаю, чтобы вы, милостивый государь, препровели сей наступающій и многіе, многіе годы въ совершенномъ здоровьѣ и благополучіи.

Имѣю честь препроводить при семъ вашему высокопревосходительству первую книжку «Благонамѣреннаго» на будущій 1822 годъ. XXI и XXII № моего журнала, надѣюсь, выдутъ къ 1-му числу Января, а остальные XXIII и XXIV въ исходѣ того мѣсяца. Сіи два нумера (въ одной книжкѣ) посвящены будутъ памяти несчастнаго Милонова. Нѣсколько общихъ нашихъ съ нимъ друзей и пріятелей положили торжествовать сороковой день послѣ его кончины. Итакъ, собравшись всѣ вмѣстѣ въ этотъ день, отслужили по немъ панихиду, а изъ церкви пришли ко мнѣ и открыли засѣданіе. Изъ читанныхъ піэсъ лучшія по моему мнѣнію суть: Сравненіе (младшаго Княжевича) двухъ переводовъ Шиллеровой оды (Жуковскаго *къ Мечтѣ* и Милонова *къ Юности*) и стихи Панаева. Мнѣ ничего не удалось написать кромѣ надгробія, которое надобно еще передѣлать. Какъ жаль бѣднаго Милонова! Вашему высокопревосходительству извѣстна настоящая причина преждевременной его смерти. Онъ умеръ отъ невоздержанія. За два только часа передъ смертью, какъ пришелъ священникъ исповѣдывать его и пріобщать, пересталъ онъ пить. Эту несчастную страсть получилъ онъ, кажется, еще въ училищѣ; я познакомился съ нимъ прежде еще, нежели онъ вступилъ къ вамъ въ департаментъ, а онъ уже и тогда былъ самый ревностный поклонникъ Бахуса. Въ прошедшемъ году, передъ поѣздкою въ деревню, мѣсяца два находился въ ужасномъ сумашествіи, и даже по возвращеніи его сюда изъ деревни, особливо въ послѣднее время, весьма примѣтно въ немъ было помѣшательство ума. Онъ сдѣлался чрезвычайно набоженъ и только-что молился да пилъ. Ни друзья, ни самые ближніе родственники никакъ не могли воздержать его отъ этой пагубной страсти. Не могу безъ смѣха вспомнить, какъ покойникъ при мнѣ ввелъ въ краску знаменитаго пѣвца Кубры. Прошедшею зимою былъ здѣсь Вологодской стихотворецъ П. А. Межаковъ, который каждое воскресенье дѣлалъ у себя вечеринки для литераторовъ. Графъ Д. И. не пропускалъ ни одного воскресенья и пріѣзжалъ обыкновенно съ двумя или тремя своими адъютантами и съ пукомъ стиховъ. Однажды, въ самое то время, какъ шли уже мы ужинать, является вдругъ Михаило Васильевичъ въ полномъ своемъ гардеробѣ, въ мундирномъ сюртукѣ *), едва стоитъ на ногахъ, требуетъ воды, но выпиваетъ большую рюмку водки и садится съ нами за столъ. Хозяинъ, самый деликатный человѣкъ, посовѣстился удалить его; впрочемъ, кромѣ мужчинъ, никого тутъ не было, да и тѣ все стихотворцы. За ужиномъ вздумалось Милонову хвалить графа и грозить за него всѣмъ намъ. Это было очень пріятно его сіятельству; но какъ Милоновъ, выхваливъ всю доброту его сердца, отозвался не слишкомъ выгодно о его стихо-

*) А. И. Тургеневъ опредѣлилъ, изъ сожалѣнія, Милонова въ свой департаментъ, но принужденъ былъ вскорѣ его исключить. Послѣ того, когда М. не зналъ куда преклонить голову, генералъ-провіантмейстеръ Абакумовъ взялъ его къ себѣ, обмундировалъ, далъ ему комнату въ своемъ домѣ, столъ,—словомъ, все, и записалъ его въ свой штатъ, гдѣ М. и числился до самой кончины. Но и тутъ несчастный Михайло Васильевичъ не могъ удержаться, хотя Абакумовъ обходился съ нимъ не какъ начальникъ, но какъ отецъ. А. И.

твореніяхъ, то графъ немного поморщился. Милоновъ, замѣтя это, излилъ на него всю сатирическую желчь свою и притомъ въ такихъ выраженіяхъ, какія не имѣютъ мѣста въ языкѣ боговъ. Едва могли мы удержаться отъ смѣха. Хозяинъ не зналъ что̀ дѣлать; графъ принужденъ былъ скрыть свою досаду, обратилъ все это въ шутку и первый началъ смѣяться. Какъ онъ добръ! Только что скончался бѣдный Михаило Васильевичъ, графъ сочинилъ ему эпитафію, которая напечатана уже въ 21 и 22 №№ «Благонамѣреннаго» вмѣстѣ съ другою же его эпитафіею Дмитревскому. При семъ случаѣ нельзя не вспомнить эпиграммы Лебрэня:

Tu fais l'épitaphe d'Etienne;
Que ne fait-il la tienne?

Я виноватъ еще передъ вашимъ высокопревосходительствомъ, не исполнивъ до сего времени приказанія вашего увѣдомить васъ о имени предсѣдательницы или попечительницы небольшаго нашего дружескаго литературнаго общества. Это г-жа Пономарева, дочь служившаго нѣкогда въ сенатѣ ст. сов. Позняка. Она дѣйствительно имѣетъ необыкновенные таланты и получила отличное воспитаніе; знаетъ прекрасно нѣмецкій, французскій и италіянскій языки, даже отчасти латинскій; переводитъ на русскій прозою лучше многихъ записныхъ литераторовъ; пишетъ весьма не дурно стихи; рисуетъ, танцуетъ, поетъ и играетъ на фортепіано превосходно. Жаль только, что очень мало занимается и ведетъ слишкомъ разсѣянную жизнь.—Но я уже наскучилъ, думаю, вамъ длиннымъ моимъ посланіемъ, которое не складнѣе посланій гр. Д. И.

26 Декабря 1821 г.

VI.

Простите меня, ваше высокопревосходительство, что я столь поздно поздравляю васъ съ праздникомъ и что не отправилъ къ вамъ XIV № на прошедшей почтѣ. Всю прошедшую недѣлю я былъ чрезвычайно занятъ и притомъ говѣлъ; въ первый день праздника простудился и, прочитавъ присланное ко мнѣ отъ графа Д. И., «не въ видѣ краснаго яичка, нарядное изданіе стиховъ его, на праздникъ 4 Февраля», занемогъ было не на шутку. Какому-то проказнику вздумалось въ прошедшую субботу, т. е. 1-го числа Апрѣля, послать къ его сіятельству отъ имени жены моей похоронный билетъ. Это чрезвычайно огорчило добродушнаго графа; тотчасъ отправилъ онъ ко мнѣ на домъ инкогнито нарочнаго и, удостовѣрясь чрезъ него, что слухъ сей лживъ и что я живъ, прислалъ мнѣ вмѣстѣ съ симъ пасквильнымъ билетомъ дружеское посланіе, которое беру смѣлость препроводить при семъ къ вашему высокопревосходительству въ надеждѣ, что проза гр. Д. И. разсмѣшитъ васъ.

Стихъ, поставленный въ началѣ посланія: «Я шутокъ не люблю ни въ прозѣ, ни въ стихахъ», принадлежитъ, какъ сказываютъ, Государю. Графъ Ч****, желая получить Александровскую ленту, прислалъ къ Императору не такъ давно стихи на французскомъ языкѣ, въ которыхъ между прочимъ упомянулъ, что Александръ у него въ сердцѣ и что онъ желалъ бы имѣть его *на сердцѣ*. Но Государь, вмѣсто ордена, какъ увѣряютъ, наградилъ его однимъ только этимъ шестистопнымъ стишкомъ.

Недавно возвратился сюда изъ чужихъ

краевъ К. Н. Батюшковъ. Съ нимъ случилось величайшее несчастіе. Онъ, какъ говорятъ, почти помѣшался и даже не узнаетъ коротко знакомыхъ. Это слѣдствіе полученныхъ имъ, по послѣднему мѣсту, непріятностей отъ начальства. Его упрекали тѣмъ, что онъ писалъ стихи, и потому считали неспособнымъ къ дипломатической службѣ. Такъ по крайней мѣрѣ я слышалъ. Что если это дѣйствительно справедливо? Къ несчастію, есть вельможи, которые вмѣняютъ въ величайшее преступленіе своимъ подчиненнымъ занятія въ словесности, особенно въ поэзіи. Это я знаю по собственному опыту.

6 Апрѣля 1822 г.

VII.

Я имѣлъ честь получить почтеннѣйшее письмо вашего высокопревосходительства отъ 21-го ч. минувшаго Сентября. Получивъ позволеніе ваше доставлять къ вамъ новыя произведенія нашихъ стихотворцевъ, обреченныя вѣчно оставаться въ рукописяхъ, препровождаю при семъ двѣ бездѣлки: 1) Honny soit qui mal y pense *) и 2) пародію одной старинной Русской пѣсни. При семъ прилагаю посланіе къ знаменитому нашему драматургу Ганину, отвѣтъ его, нѣсколько писемъ о ученыхъ предметахъ графа Д. И. Хвостова и еще письмо одного графа, который столько же почти славится своимъ театромъ, сколько первый своими стихотвореніями. Если не скучно будетъ вашему высокопревосходительству читать піэсы сего рода, то я могу доставить вамъ много еще такихъ рукописей, которыя напрасно только занимаютъ у меня мѣсто.

Обязанностію почитаю сообщить вашему высокопревосходительству нѣкоторыя здѣшнія литературныя и ученыя новости.

Два брата покойнаго Озерова продали вновь его творенія двумъ нашимъ книгопродавцамъ: Глазунову и Заикину, и каждый изъ нихъ хочетъ сдѣлать особое великолѣпное изданіе съ виньетами и гравированными картинами. Для Глазунова сочинилъ виньеты величайшій артистъ нашъ малютка А. Н. Оленинъ.

Онъ же А. Н. Оленинъ, въ послѣднемъ засѣданіи Академіи Художествъ, предложилъ въ почетные члены графа Д. А. Гурьева и графа В. П. Кочубея. Вице-президентъ, бывшій издатель «Сіонскаго Вѣстника», А. Ө. Лабзинъ, спросилъ его, по какой именно причинѣ предлагаетъ онъ ихъ въ почетные члены.—«Потому, отвѣчалъ Оленинъ, что они любятъ художества и очень близки къ Государю».—«Позвольте же ваше пре—во и мнѣ предложить въ почетные члены человѣка, который также любитъ художества и весьма близокъ къ Государю».—«Извольте, мы вамъ будемъ благодарны».—«Имѣю честь предложить лейбъ-кучера Е. И. В. Илью Ивановича», сказалъ Лабзинъ. Хотѣли было, говорятъ записать это въ журналъ *).

Первѣйшая наша актриса Семенова терпѣть не можетъ актера Каратыгина за то, что онъ учится у поэта Катенина, который, не умѣя, подобно прочимъ нашимъ учителямъ декламаціи, читать, обучаетъ

*) Этихъ стиховъ, написанныхъ Б. Өед. на счетъ Баратынскаго, теперь не могу отыскать. Пародія сочинена однимъ изъ молодыхъ нашихъ поэтовъ.

*) Графъ М. А. донесъ уже о семъ и Государю. Когда въ Академіи Художествъ брали подписки съ масоновъ, то А. Н. Оленинъ сказалъ весьма сильную противъ нихъ рѣчь въ присутствіи Лабзина, и у нихъ вышла тутъ небольшая размолвка. А. И.

также и молодую Колосову. Стоило великаго труда Толченову испросить у нашей гордой Мельпомены позволенія играть въ бенифисъ его (въ трагедіи Поликсенѣ) Каратыгину роль Пирра. По окончаніи піэсы, публика вызвала Семенову и Каратыгина. Семенова вышла, но не съ Каратыгинымъ, а съ Азаревичевою, игравшею роль Поликсены, которую публика и не требовала. Катенинъ осмѣлился сказать, что Азаревичевой *не надобно*! Графу М. А. Милорадовичу перетолковали, будто онъ сказалъ это о Семеновой, и графъ запретилъ ему ѣздить въ театръ. — Графъ теперь главный начальникъ здѣшняго театра; но онъ слушаетъ во всемъ Майкова, Майковъ князя Шаховскаго, а Шаховскій актрису Ежову.

Въ послѣдней книжкѣ «Журнала Департамента Министерства Народнаго Просвѣщенія» напечатана статья о *Вкусѣ*, написанная М. М. Сперанскимъ. Я не читалъ этой статьи, а многіе чрезвычайно ее хвалятъ. Однакоже редактору сдѣлано отъ попечителя здѣшняго университета замѣчаніе, что сія піэса не *согласна съ духомъ министерства*. Редакторъ осмѣлился представить г. попечителю, что онъ не знаетъ, въ чемъ именно состоитъ духъ М. Н. П. и просилъ по сему случаю инструкціи, однакоже не получилъ еще никакого разрѣшенія.

Въ прошедшую среду 4-го ч. сего Октября, издатель *Сына Отечества* давалъ у себя праздникъ въ память *десятилѣтія* своего журнала. Гостей было слишкомъ сто человѣкъ, и въ томъ числѣ почти половина литераторовъ. Меня заставили описать сей интересный праздникъ. Я исписалъ уже цѣлый листъ стихами и прозою. Если выдетъ изъ этого что-нибудь сносное, то напечатаю въ «Благонамѣренномъ».

Вотъ всѣ наши литературныя новости. Ахъ, виноватъ! Забылъ самую интересную. Нынѣшнимъ лѣтомъ Крыловъ и еще нѣсколько литераторовъ (не знаю уже кто именно) нанимали на общій счетъ дачу гдѣ-то близко Руки. Иногда бывали у нихъ и чтенія. Главою этого общества былъ Крыловъ, прозванный отъ членовъ Соловьемъ. Графъ Д. И., *пронюхавъ* (съ позволенія сказать) это, написалъ стихи *Пѣвцу-Соловью* и поѣхалъ съ ними на дачу въ то самое время, когда было тамъ чтеніе. Не прежде пустили его въ залу собранія, какъ онъ объявилъ желаніе быть членомъ и внесъ въ качествѣ онаго на общественныя издержки 25 руб. Графъ просилъ позволенія прочесть оду свою *Пѣвцу-Соловью*. «Сколько строфъ или куплетовъ»? спросили его — «Двадцать», отвѣчалъ онъ и началъ читать. Только что окончилъ онъ первую строфу, какъ раздались рукоплесканія. Онъ хотѣлъ начать вторую, но ему не даютъ читать и все аплодируютъ. Графъ сконфузился. Одинъ изъ членовъ объяснилъ ему, что когда при чтеніи аплодируютъ, то читающій долженъ, по уставу, купить бутылку шампанскаго и подчивать слушающихъ. Итакъ 20 строфъ стали его сія—ву 200 или 300 р.—Я недавно о семъ услышалъ, и при первомъ свиданіи съ Крыловымъ спрошу его, такъ ли было дѣло?

Но я уже вѣрно наскучилъ вашему высокопревосходительству своими новостями. Не могъ удержаться, чтобъ не написать нѣсколько лишнихъ строкъ о графѣ Д. И.

8-е Октября 1822.

Извините, ваше высокопревосходительство, дурной почеркъ и дурной складъ моего письма. Въ надеждѣ на вашу снисхо-

дительность писалъ торопясь, прямо набѣло.

А. П. Бунина передъ отъѣздомъ въ Ревель написала мнѣ для альбома піэсу подъ заглавіемъ: «Темпераментологія Анны Буниной» и требуетъ напечатать ее въ *Благонамѣренномъ*. Исполню повелѣніе. Совсѣмъ разучилась писать!

VIII.

Имѣю честь поздравить ваше высокопревосходительство съ наступившимъ новымъ годомъ. Молю Аполлона, да ниспошлетъ достойному любимцу своему, до котораго не чувствовали еще мы всей сладости нашей поэзіи, столько же благъ, сколько написалъ онъ прелестныхъ стиховъ.

Препровождаю при семъ къ вашему высокопревосходительству первую книжку *Благонамѣреннаго* на нынѣшній 1823 годъ. Въ ней всѣ статьи оригинальныя: нѣтъ ни одного перевода, но нѣтъ также ни разбора басенъ, ни извѣстій о новыхъ книгахъ, даже о «Полярной Звѣздѣ», о которой такъ много здѣсь говорятъ *) и въ которой такъ много хорошаго и дурнаго. Но всего хуже, по моему мнѣнію, тутъ *Взглядъ на Русскую Словесность*. Какое пристрастіе и неосновательность въ сужденіяхъ о новѣйшихъ нашихъ писателяхъ! И какимъ шутовскимъ языкомъ все это написано подъ руководствомъ временныхъ засѣдателей нашего Парнасса!

Мнѣ хочется хорошенько разобрать эту піэсу, хочется заняться разборомъ всѣхъ вообще басенъ лучшихъ нашихъ фабулистовъ, которыхъ, такъ какъ и Лафонтена, читалъ прежде почти ежедневно, но— on fait ce qu'on peut et non pas ce qu'on veut.

Приношу вашему высокопревосходительству чувствительную мою благодарность за совѣтъ относительно анекдотовъ о нашихъ писателяхъ. Давно уже собираю я всѣ вообще русскіе анекдоты; но анекдотовъ о русскихъ литераторахъ, къ сожалѣнію, у меня очень еще мало, по крайней мѣрѣ такихъ, которые позволятъ напечатать.

1 Генваря 1823 г.

IX.

Сію минуту имѣлъ я честь получить почтеннѣйшее письмо вашего высокопревосходительства отъ 11-го ч. сего Генваря и спѣшу отвѣчать на оное. Приношу вамъ чувствительнѣйшую мою благодарность за всѣ ваши совѣты и наставленія относительно *Благонамѣреннаго*; постараюсь воспользоваться ими и надѣюсь, если только болѣе буду имѣть досуга, сдѣлать журналъ мой занимательнѣе прежняго. У меня отнимаетъ много времени *стирка чужаго бѣлья*, или поправка прозаическихъ переводовъ, а иногда и сочиненій; но послѣднія все какъ-то легче поправлять. Слава Богу! на первый случай имѣю довольно матеріаловъ, и добрые люди обѣщались помочь мнѣ.

Препровождаю при семъ послѣдніе два нумера за прошедшій годъ. Въ этихъ книжкахъ, или, лучше сказать, въ этой книжкѣ, составленной и печатанной во время святокъ,—самыя сухія піэсы. Есть за что читателямъ побранить издателя.

Вчера былъ я въ торжественномъ собраніи Россійской Академіи. Засѣданіе открылось чтеніемъ записки о занятіяхъ Ака-

*) Книжка эта, какъ сказываютъ, и вѣроятно «Притчи Остолопова» обратили на себя вниманіе Мин. Нар. Пр.

деміи въ послѣдніе два года. Потомъ почтеннѣйшій исторіографъ намъ прочиталъ два весьма любопытные отрывка изъ X тома своей исторіи: 1) О убіеніи царевича Димитрія и 2) О избраніи на царство Бориса Годунова. Послѣ него читалъ Гнѣдичъ переводъ Жуковскаго изъ Энеиды россійскими гекзаметрами (Взятіе и сожженіи Трои). До сихъ поръ шло все очень хорошо; но какъ началъ *Петрушка Соколовъ* (такъ называютъ его всѣ старинные, сугубые сочлены) читать переводъ свой изъ Тита-Ливія о спасеніи Капитолія гусями и Камилломъ, то невозможно почти было слушать—такъ онъ несносно переводитъ и читаетъ! Дочитавъ до гусей, взглянулъ онъ и показалъ рукою на Крылова. Крыловъ улыбнулся; улыбнулся А. Н. Оленинъ и самъ важный Гнѣдичъ. Наконецъ князь Шаховской прочелъ двѣ сцены изъ какой-то Аристофановой комедіи. Сколько можно было разслышать, то стихи его очень хороши, по крайней мѣрѣ плавны. Въ заключеніе вышерѣченный секретарь Петрушка Соколовъ объявилъ громогласно, что Академія единогласно опредѣлила наградить его высокопревосходительство Ивана Ивановича Дмитріева и его высокоблагородіе Ивана Андреевича Крылова большими золотыми медалями. Раздались въ залѣ рукоплесканія.

«Миленькой, сказалъ мнѣ при выходѣ П. П. Свиньинъ: намъ съ вами работа»!— Весьма пріятная, отвѣчалъ я.

Сегодня будетъ тоже торжественное собраніе въ Минералогическомъ Обществѣ. Графъ Д. И. Х. будетъ читить свою поэму или посланіе къ вице-адмиралу Сарычеву *); не упомню заглавіе піэсы, хотя имѣю уже печатный экземпляръ. Г-жа Сарычева сказывала мнѣ, что когда графъ читалъ у нихъ въ домѣ свое посланіе, то какъ нарочно у всѣхъ разболѣлась голова.

Я думалъ, что онъ разсердится на меня за сказку: *Встрѣча двухъ подругъ*. Ничего не бывало—такъ же ласковъ, какъ и прежде.

Начинается брань у *Русскаго Инвалида* съ *Сыномъ Отечества*, и кажется будетъ продолжительная.

Вслѣдствіе Сатирической Газеты № 1, пріѣзжалъ ко мнѣ какой-то семинаристъ предлагать услуги свои и знанія въ грамматикѣ и риторикѣ. Жаль только, что пріѣзжалъ безъ меня.

Вотъ всѣ наши литтературныя новости! Извините, ваше высокопревосходительство, что на сей разъ не могу служить оными болѣе.

15 Генваря 1823 г.

P. S. Въ Россійской Академіи были и дамы. Я видѣлъ супругу г. предсѣдателя въ дверяхъ залы, и если не ошибаюсь, то и семейство почтеннѣйшаго нашего исторіографа, у котораго, къ стыду моему, ни однажды еще не былъ.

X.

Имѣю честь препроводить къ вашему высокопревосходительству III-ю книжку Благонамѣреннаго, въ которой есть статья и о амплификаціи. Эту статью цензоръ обрѣзалъ такъ, что ничего кромѣ выписокъ не осталось. У меня между прочемъ сказано было въ заключеніи: «Непростительно записному литтератору не знать значенія извѣстнаго риторическаго термина; непростительнѣе спорить о семъ съ людьми, которые несравненно свѣдущѣе его въ

*) Члену Рудословія и Домоводства.

теоріи словесности; а торжественно обвинять ихъ въ заблужденіи и показывать свое невѣжество—во сто разъ еще непростительнѣе». Все это и еще нѣкоторыя, подобныя сему истины, *закрещены* смѣлою рукою осторожнаго цензора, потому что *изъяснитель пустословія* a posteriori находится подъ высокимъ покровительствомъ попечителя М. У.

Еще могу служить вашему высокопревосходительству новымъ анекдотомъ о графѣ Д. И. Х. *Польскій литераторъ, становящійся въ рядъ русскихъ свѣтскихъ писателей*, издатель «Сѣвернаго Архива», Ѳаддей Булгаринъ просилъ его сіятельство замолвить слово о его дѣлѣ какому-то сенатору. Графъ исполнилъ это и сказалъ Булгарину, что онъ радъ все для него сдѣлать. «Сдѣлайте милость, прибавилъ онъ, не церемоньтесь со мною. Если пришлютъ къ вамъ какія-нибудь на меня критики,—печатайте; я не буду въ претензіи.» Булгаринъ пріѣзжаетъ домой, и ему подаютъ панигирикъ гр. Хвостову съ собственноручными его поправками.

15 Февраля 1823 г.

XI.

Приношу вашему высокопревосходительству чувствительнѣйшую мою благодарность за драгоцѣнный для меня даръ—новое изданіе вашихъ стихотвореній. Сегодня получилъ я съ почты ваши книжки; отдамъ ихъ завтра же переплести въ самый лучшій переплетъ и поставлю на первое мѣсто въ Русской моей библіотекѣ. Чувствительнѣйше также благодарю ваше высокопревосходительство за всѣ ваши совѣты и наставленія относительно моего журнала. Кипу бумагъ Дегеннина охотно передамъ моему *чугунному лбу*, *русскому Жуи*, *польскому литтератору* Ѳаддею Булгарину; готовъ подѣлиться ими даже и съ *мѣднымъ лбомъ*. Я далъ себѣ клятву не принимать никакихъ статей отъ безграмотныхъ нашихъ переводчиковъ. Ахъ! сколько мытье чужаго грязнаго бѣлья отняло у меня времени! Еслибъ не это, давно бы готовъ былъ у меня трактатъ о баснѣ и коментаріи на трехъ первыхъ нашихъ баснописцевъ, которыхъ настоящаго достоинства и теперь еще многіе записные словесники не понимаютъ. Въ случаѣ недостатка матеріаловъ, лучше буду наполнять книжки выписками изъ книгъ. Но теперь, слава Богу, есть у меня матеріалъ. Немножко поотдѣлался; хочется кой съ кѣмъ пораздѣлаться. За обѣдомъ у издателей *Полярной Звѣзды* торжественно далъ я честное слово Булгарину сдѣлать его безсмертнымъ, но прежде совершенной казни вытерпитъ онъ у меня съ братіею нѣсколько мучительныхъ пытокъ. Скажутъ ли-то они тогда, что *Благонамѣренный забавенъ для своего круга*! На Святкахъ въ домѣ однихъ искреннихъ моихъ пріятелей давали маскарадъ. Мнѣ присовѣтовали одѣться Полярною Звѣздою. Я надѣлъ на себя арлекинское платье. Спереди и сзади прицѣпилъ двѣ большія изъ серебряной бумаги звѣзды, по крайней мѣрѣ по аршину. На шапкѣ торчала еще маленькая серебряная звѣздочка. Къ поясу прицѣпленъ былъ *фонарь критики*—дѣтскій барабанъ съ надписью:

Ахъ лучше барабанъ поэта,
Чѣмъ грязный критика свистокъ.

Это стихи Туманскаго изъ Полярной Звѣзды. Вошедши въ залу, забилъ я въ барабанъ и потомъ сказалъ экспромтомъ краткую рѣчь, въ которой всѣ выраженія заимствованы были изъ обозрѣнія Бесту-

жева Русской Словесности. Ко мнѣ присталъ какой-то геній съ букетомъ цвѣтовъ, и давай говорить со мной языкомъ модныхъ нашихъ романтиковъ. Всѣ думали, что мы сговорились напередъ,—такъ разговоръ нашъ шелъ удачно; но я черезъ недѣлю уже узналъ, кто дѣйствительно былъ этотъ геній. Вотъ почему Булгаринъ напечаталъ во 2-мъ № Литтературныхъ Листковъ, будто я представилъ себя *съ фонаремъ критики*, хотя всякой легко догадается, кого разумѣлъ я подъ именемъ *г. Безграмотнаго*.

Послѣ маскарада въ томъ же самомъ домѣ представляли комедію Шаховскаго: *Своя семья*. Меня просили написать къ ней прологъ; я написалъ, но по нѣкоторымъ обстоятельствамъ не захотѣли играть его; сдѣлали другой, въ которомъ придѣлалъ я только окончаніе и прибавилъ нѣсколько стиховъ.—Препровождаю при семъ къ вашему высокопревосходительству этотъ прологъ. Сочинитель онаго есть молодой литтераторъ г. Чеславскій, котораго чуть не прокляли здѣсь за то, что осмѣлился послѣ Лобанова переводить Федру. Прилагаю также свою бездѣлку-пѣсню; въ прошедшій разъ забылъ я послать ее къ вамъ.

Крыловъ написалъ нѣсколько новыхъ басенъ. Я слышалъ только четыре, читанныя имъ при мнѣ у А. Н. Оленина. Очень хороши. Три изъ нихъ напечатаны будутъ во 2-мъ № Соревнователя.

Боюсь продолжать, чтобы не наскучить вашему высокопревосходительству. Другихъ литтературныхъ новостей у насъ нѣтъ, кромѣ того, что запрещено писать о игрѣ актеровъ. Недавно утверждено о семъ положеніе комитета министровъ.

1824 Февраля 1-го.

XII.

При отправленіи къ вашему высокопревосходительству 3-ей книжки Благонамѣреннаго я такъ былъ занятъ, что ничего не успѣлъ написать, а вложилъ только въ пакетъ Астронома Кулика и одинъ куплетъ изъ пародіи: «Извините, что случилось»!

Вотъ и четвертая книжка Благонамѣреннаго, вышедшая 5-ью днями послѣ срока. Въ ней есть прекраснѣйшіе стихи *послѣднѣйшаго изъ пѣвцевъ* и ученика его, студента ветеринарныхъ наукъ Ивана Георгіевскаго, котораго сравниваетъ онъ.... какъ бы вы изволили думать съ кѣмъ? Съ М. М. Сперанскимъ!!!—«У насъ изъ семинаристовъ выходятъ прекрасные люди, говорилъ графъ; вотъ напримѣръ: Сперанскій, Георгіевскій»! Стихи послѣдняго напечаталъ я по просьбѣ почти всей Медикохирургической Академіи, гдѣ онъ нетерпимъ; а кстати уже послѣ нихъ и стихи графа. Достанется мнѣ за это въ V-мъ №; нѣсколько разъ обманывалъ я публику, что не буду печатать у себя дурныхъ стиховъ. Если же еще что нибудь Георгіевскій, или графъ Хвостовъ пришлютъ, то право напечатаю на оберткѣ.

Графъ не ѣздитъ ни въ наше общество, ни въ Россійскую Академію. Сердится на президента, что по сіе время не даетъ ему большой золотой медали. Вчера получилъ я отъ его сіятельства поклонъ изъ бумажной лавки, гдѣ взялъ онъ полстопы бумаги на какіе-то новые куплеты.

Пусть ученѣйшій профессоръ г. Давыдовъ пишетъ трактатъ о ничтожности баснаго рода въ литтературѣ; посмотримъ, что онъ напишетъ: можетъ-быть, дастъ кому-нибудь сюжетъ къ новой забавной

баснѣ. А у насъ здѣсь проявился новый баснописецъ изъ самыхъ старыхъ словесниковъ, именно Александръ Семеновичъ Шишковъ. Недавно пошла по рукамъ новая его басня: Эзопъ и Скоты. Эта басня написана на Италіянскомъ языкѣ, а я давно уже читалъ ее на Французскомъ. Какъ досадно, что позабылъ имя Италіянскаго автора и Французскаго переводчика, хотя и есть у меня полное собраніе басенъ послѣдняго.—Басня предлинная и прекрасная. О Русскомъ переводѣ нельзя сказать этого; впрочемъ найдется десятка съ полтора хорошихъ и, можетъ-быть, до полудюжины и удачныхъ стиховъ. За то сколько Славянскихъ и площадныхъ словъ! Юпитеръ, Эзопъ, Левъ и Оселъ не говорятъ, а рекутъ, точно такъ какъ Душенька въ забытой оперѣ Потемкина. Лисица обвиняетъ Чечотку, что много летало къ ней *хахалей*. Вмѣстѣ съ этой басней написаны два или три мадригала для альбомовъ; послѣдніе стишки очень хвалятъ фрейлины и штатсъ-дамы. Одинъ изъ здѣшнихъ государственныхъ людей, имѣющій въ Германіи славу ученаго мужа и писателя, спрашивалъ знакомаго мнѣ литтератора, въ чемъ наиболѣе успѣли наши словесники и особенно поэты. Тотъ отвѣчалъ ему, что въ басняхъ.—«О, батюшка! сказалъ его пре-во, поморщась. Это еще младенчество литтературы».—Les beaux esprits se rencontrent: одинаково думаютъ какъ въ Москвѣ, такъ и въ Петербургѣ.

Отважные наши словесники не только бранятся, но и дерутся. Недавно выходилъ на дуель издатель Полярной Звѣзды Рылѣевъ, только не за стихи, а за прозу, и ни съ литтераторомъ, а съ подпоручикомъ Финляндской гвардіи, княземъ Шаховскимъ, мальчикомъ лѣтъ 18 или 19-ти, который написалъ болѣе двухъ сотъ писемъ къ побочной его сестрѣ, зрѣлой дѣвѣ и наскучившей своимъ дѣвствомъ. Богъ знаетъ, кто кого изъ нихъ соблазнилъ. Кн. Шаховскій не хотѣлъ было выходить на поединокъ; но Рылѣевъ, съ позволенія сказать, плюнулъ ему въ рыло, по правой, по другой, пинками... Друзья-свидѣтели розняли и убѣдили того и другаго драться по формѣ. Три раза стрѣляли другъ въ друга: кн. Шаховской остался невредимъ, а Рылѣевъ, какъ Ахиллъ, раненъ въ пяту. Бѣдный лежитъ теперь въ постелѣ; жена его, мать, побочная сестра и мать ея также въ постелѣ, всѣ больны.

Приношу вашему высокопревосходительству чувствительнѣйшую мою благодарность за совѣты относительно *Благонамѣреннаго*. Праха Дегеннина тревожить не стану; а съ 7-го №, которымъ начнется новая часть, если позволитъ возможность, т. е. наличность матеріаловъ, стану отдѣлять не только стихи отъ прозы, но и сочиненія отъ переводовъ, и т. д.

7 Марта 1824.

XIII.

Имѣю честь поздравить ваше высокопревосходительство съ наступающимъ великоторжественнымъ праздникомъ Святыя Пасхи. Ото всей души, ото всего сердца желаю, чтобы вы, милостивый государь, не только сей праздникъ, но и много, много еще таковыхъ праздниковъ проводили въ совершенномъ здоровьи и благополучіи.

Вмѣсто краснаго яичка препровождаю при семъ къ вашему высокопревосходительству мадригалъ графа Д. И. Хвостова, который хотя и не стóитъ простаго яйца, но заслуживаетъ вниманіе по собственноручной надписи одного изъ здѣшнихъ бла-

гочестивыхъ цензоровъ. Ахъ! и этотъ цензоръ, избѣгая непріятностей, намѣренъ вскорѣ оставить свою несносную по нынѣшнимъ обстоятельствамъ должность. Пожалѣешь о чурбанѣ, когда займетъ его мѣсто журавль! А вѣрно опредѣлятъ когонибудь изъ ханжей и дураковъ, гораздо хуже, нежели Бируковъ. Надобно отдать ему справедливость, что онъ весьма благородно поступалъ съ нашею братьею журналистами и не только не дѣлалъ никому притѣсненія, но даже многихъ остерегалъ и берегъ.

Препровождаю также новую мою басню: *Слонъ и Собаки*. Согрѣшилъ, окрестилъ въ полыньѣ третьяго дни послѣ исповѣди-басурмана Поляка, Гречева ученика и клеврета, самозванца, критика и поэта. Мѣсяца два, или три назадъ, за обѣдомъ у издателей *Полярной Звѣзды*, торжественно обѣщалъ я ему безсмертіе. Сдержу слово, напишу сказку: *Ѳаддей чугунный лобъ*.

Съ наступленіемъ весны начнется, кажется, у журналистовъ прежаркая война. Позабавимъ на свой счетъ публику.

4 Апрѣля 1824.
С.-Петербургъ.

XIV.

Извольте ожидать, ваше высокопревосходительство, новой поэмы отъ нашего Байрона: перевезенный изъ Ораніенбаума и перестроенный въ теченіи трехъ мѣсяцевъ у Чернышева моста деревянный театръ сгорѣлъ въ три часа 2-го ч. сего мѣсяца. Театръ сгорѣлъ, но Бардъ нашъ остался невредимъ.

И хоть отъ старости чуть дышетъ,
А новую поэму пишетъ.

Напишетъ, напечатаетъ, велитъ перевести на Нѣмецкій языкъ и разошлетъ всѣмъ друзьямъ и врагамъ своимъ по нѣскольку экземпляровъ.

Напрасно изволите, ваше высокопревосходительство, подозрѣвать Очкина съ товарищами въ поправкѣ стиховъ нашего Барда. Очкинъ не стихотворецъ и не бываетъ у графа, а ходятъ къ нему, поправляютъ его стихи и издаютъ ихъ все кутейники: магистры и профессора. Покойный Г. Р. Державинъ сказалъ однажды: «графъ Д. И., право, добрый человѣкъ, но пускаетъ къ себѣ мерзавцевъ; пріѣду къ нему съ палкою и всѣхъ разгоню». Жаль, что это благое намѣреніе осталось безъ исполненія.

Недавно слышалъ я презабавный анекдотъ о графѣ. Какъ-то по наряду былъ онъ въ крестномъ ходу на стѣнахъ Петропавловской крѣпости въ день Преполовенія. Народу собралось множество, давка сдѣлалась нестерпимою. Какой-то забавникъ при этомъ случаѣ сказалъ: «Жаль, что графъ присланъ сюда въ качествѣ сенатора, а не въ качествѣ стихотворца,— прочти онъ только теперь дюжину стиховъ, и толпа разсѣется». Графъ пожертвовалъ нѣсколько десятковъ послѣдней своей поэмы на потопъ въ Пользу Россійско-Американской компаніи. И уже всѣ экземпляры отправлены на островъ Ситху для дѣланія изъ оныхъ патроновъ.

Въ прошедшее воскресенье было торжественное собраніе въ здѣшнемъ Минералогическомъ Обществѣ. Между прочимъ профессоръ Соколовъ читалъ какую-то статью о горахъ. М. Л. Магницкій не могъ дослушать всей піэсы: найдя въ ней что-то противное Библіи, перекрестился и удалился. Теперь эту статью разсматриваетъ нашъ министръ.

Вчера получилъ я изъ Москвы эпиграмму на издателя Дамскаго Журнала:

Петрушку-грубіяна,
Феклистъ *Лукіяновичъ* за что-то потузилъ.
Ну, ладно! про себя Петрушка говорилъ;
Чтобы меня Феклистъ не билъ,
Я нападу и самъ на дряхлаго Лукьяна.

Вотъ рѣзкая черта безсильныхъ подлецовъ;
Но надобно учить Петрушекъ-наглецовъ.

Какъ благородно кн. Шаликовъ поступилъ съ моимъ племянникомъ! Разругалъ дряхлаго старика его отца за слезы и вздохи. Достанется же и ему самому! Попрошу графа, моего крестника, извѣстнаго словесника, чтобы написалъ на князя притчу; а если графъ напишетъ неудачно, то напишу самъ и прославлю Петрушку не менѣе, чѣмъ Павлушку. Теперь же кстати есть у меня книжки на четыре, или на пять, піэсъ, и все оригинальныхъ; такъ можно удѣлить вечеръ - другой на панигирикъ Дамскому писателю.

Но думаю, что я уже наскучилъ вашему высокопревосходительству и графомъ и княземъ, не менѣе чѣмъ они своимъ читателямъ и читательницамъ.—Простите мою нескромность.

5 Марта 1825.
С.-Петербургъ.

XV.

Имѣю честь поздравить ваше высокопревосходительство съ наступающимъ великоторжественнымъ праздникомъ Святыя Пасхи. Молю Аполлона, чтобы внушалъ вамъ каждый годъ передъ Святою недѣлею хотя по одной такой прекрасной баснѣ, какая напечатана въ новой *Полярной Звѣздѣ*, и чтобы вы написали еще по крайней мѣрѣ сорокъ такихъ басенъ.

Съ душевнымъ удовольствіемъ прочелъ я вчера вашего *Слѣпца, Собаку и Школьника*. Еслибъ и не читалъ я въ 26 № *Сѣверной Пчелы* (или *Осы*) что въ *Полярной Звѣздѣ* будетъ напечатано новое произведеніе *долго безмолвствовавшей вашей Музы*, то и тогда бы узналъ, чья это басня, по мастерской отдѣлкѣ стиховъ и особенно по глубокому чувству. Сего послѣдняго вовсе нѣтъ ни у Хемницера, ни у Крылова. Постараюсь на праздникахъ разобрать хорошенько вашего *Слѣпца* и *Добрушку*.

Кромѣ нѣкоторыхъ стихотвореній, я прочелъ въ *Полярной Звѣздѣ* только взглядъ Завирашки на Русскую словесность 1824 и 1825 да Восточныя Повѣсти, переведенныя Сеньковскимъ съ разныхъ языковъ на Польскій, а съ Польскаго Булгаринымъ на Русскій. Переводъ очень плохъ; есть самыя ученическія ошибки: видно учителю (Гречу) всего этого безграмотнаго народа (какъ грамматическій нашъ оберъ-полицеймейстеръ называетъ друзей своихъ) было недосужно, или полѣнился поправить. Взглядъ же *Завирашки* поднялъ всю мою желчь, хотя истинно я очень хладнокровенъ. Какой варварскій языкъ! Какой рѣшительной, дерзкій тонъ! Ахъ! какъ досадно, что я имѣю очень мало свободнаго времени.

Но письмо мое становится довольно длинно, а я спѣшу въ департаментъ. И какая пестрота! Сколько курсива! Точно какъ въ стихотвореніяхъ Ѳ. Н. Глинки. Простите, ваше высокопревосходительство, безпорядокъ нескладнаго моего къ вамъ посланія.

23 Марта 1825.

XVI.

Я имѣлъ честь получить почтеннѣйшее письмо вашего высокопревосходительства отъ 29 ч. минувшаго мѣсяца. Приношу вамъ чувствительнѣйшую мою благодарность и за желаніе ваше, чтобы я провелъ весело праздники, и за отеческое наставленіе заниматься на Святой недѣлѣ каждый день часа по три для журнала. Но, увы! нынѣшній праздникъ провелъ я, кромѣ двухъ или трехъ дней, не такъ-то весело: не гулялъ и не писалъ ничего путнаго, за то довольно читалъ; съ нынѣшняго вечера хочу серьезно приняться за литтературную работу. Всего болѣе отымала и отымаетъ еще теперь у меня времени поправка плохихъ переводовъ, а иногда переписка чужаго маранья на-бѣло. Слава однако Богу: есть у меня теперь въ запасѣ нѣсколько чужихъ оригинальныхъ и довольно хорошихъ піэсъ.

Изволили, ваше высокопревосходительство, читать пародію Жуковскаго баллады *Дункановъ вечеръ*, написанную баловнемъ барономъ Дельвигомъ? Не знаю навѣрное, окончилъ ли онъ ее, потому что я читалъ одно только начало. На прошедшей недѣлѣ получилъ я отъ Остолопова окончаніе, которое въ совокупности имѣю честь препроводить при семъ къ вашему высокопревосходительству.

Предсказаніе мое сбылось: графъ Д. И. написалъ на послѣдній пожаръ стихи, только не напечаталъ, а раздаетъ письменные экземпляры и увѣряетъ, будто эти стихи написаны мною. Придется намъ опять поссориться.

Не угодно ли прочесть это новое его четверостишіе? Вотъ оно:

На пожаръ.

Строителя забавъ не любятъ, видно, Музы;
Его несчастливы съ Харитами союзы:
Что онъ ни затѣвалъ,
То все вода снесла, или огонь пожралъ.

Написалъ онъ еще басню на наводненіе, какъ плавалъ *котъ съ баулой, а на спинѣ его сутулой* сидѣли крысы и мыши. Не извѣстно еще, гдѣ эта басенка будетъ напечатана. Вѣроятно въ Невскомъ Альманахѣ на 1826-ой годъ, если не выдетъ къ тому времени новое, исправленное и умноженное изданіе твореній Екатерингофскаго Барда, или по крайней мѣрѣ его Притчей.

Новаго у насъ мало. Вчера разошлась Нева, и вчера же слышалъ я достовѣрно, что въ Россійской Академіи собираютъ подписку на намалеваніе портрета почтеннѣйшаго президента оной, исходатайствовавшаго у монаршаго престола знатныя на содержаніе ея суммы и обогатившаго отечественную словесность своими твореніями и особенно переводомъ Тассова Іерусалима.

6 Апрѣля 1825.

XVII.

Имѣю честь поздравить ваше высокопревосходительство съ наступающимъ великоторжественнымъ праздникомъ Свѣтлаго Христова Воскресенія, желая притомъ, такъ какъ и всѣ искренніе почитатели ваши, чтобы вы, милостивый государь, препроводили многіе еще таковые праздники въ совершенномъ здоровьи и благополучіи.

Приношу вамъ чувствительнѣйшую мою благодарность за прекраснѣйшій вашъ подарокъ — Апологи. По крайней мѣрѣ разъ пять прочелъ я ихъ и многіе знаю

наизусть. Графъ Григорій Владиміровичъ Орловъ, съ недѣлю тому назадъ, будучи у меня и увидя эту книжку, сказалъ: *а что Иванъ Ивановичъ не прислалъ ко мнѣ? Я посылалъ ему свои изданія.*— Графъ Григорій Владиміровичъ давно уже мнѣ благодѣтель: на его иждивеніе воспитывалась въ Екатерининскомъ Институтѣ вторая моя дочь, которая нынѣ выпущена оттуда; а на счетъ родственницы его, ея превосходительства Прасковьи Ивановны Мятлевой, воспитывается въ Смольномъ монастырѣ третья моя дочь. Самымъ страннымъ и неожиданнымъ образомъ познакомился я, лѣтъ семь тому назадъ, съ Петромъ Васильевичемъ Мятлевичемъ: нечаянно попалъ я къ нему въ кабинетъ, когда нужно было мнѣ видѣться со старшимъ его сыномъ, котораго однажды только до того видѣлъ у графа Григорія Владиміровича. При второмъ свиданіи съ Петромъ Васильевичемъ, вызвался онъ самъ отдать пенсіонеркою въ Смольный монастырь младшую дочь мою, да хотѣлъ туда же помѣстить и старшую, которая уже тогда назначена была къ пріему въ здѣшнее Патріотическое Училище. Стоило мнѣ большаго труда упросить его и Прасковью Ивановну, чтобы они отказались отъ старшей моей дочери. Не могу изъяснить вашему высокопревосходительству, какъ обласканъ я, и всѣ мы, этимъ почтеннымъ семействомъ. Я очень часто теперь у нихъ бываю; нынѣшнею зимою короче мы познакомились. Старшій сынъ ихъ Иванъ Петровичъ, прекраснѣйшій молодой человѣкъ, страстно любитъ словесность и начинаетъ самъ упражняться въ ней съ большимъ успѣхомъ. Недавно напечатано *) первое его сочиненіе: *Пустынникъ на праздникѣ* (брошюра листа въ три), гдѣ описываетъ онъ великолѣпный праздникъ, данный прошлаго года въ селѣ ихъ Знаменскомъ, близъ Петергофа, въ день именинъ ихъ отца. Праздникъ этотъ данъ былъ съ большимъ великолѣпіемъ и вкусомъ и описанъ, истинно сказать, мастерски, кромѣ нѣкоторыхъ маловажныхъ небрежностей въ слогѣ, кои впослѣдствіи исправлены. Если нѣтъ у вашего высокопревосходительства этой книжки, то я доставлю вамъ собственный мой экземпляръ.

Теперь мнѣ гораздо веселѣе прежняго: семейство мое умножилось двумя старшими дочерями, которыя черезъ семь лѣтъ возвратились къ отеческимъ своимъ Пенатамъ. Благодареніе Богу! Обѣ учились очень хорошо, особливо старшая въ училищѣ женскаго Патріотическаго Общества, которое, безъ всякаго пристрастія, несравненно лучше и Екатерининскаго Института и Смольнаго Монастыря. Дѣвицы въ среднемъ классѣ этого училища гораздо лучше переводятъ и пишутъ, нежели самыя первыя въ большемъ классѣ прочихъ институтовъ, а одинъ и тотъ же учитель въ Патріотическомъ Училищѣ и Екатерининскомъ Инст. Причина та, что въ одномъ училищѣ читаютъ книги, а въ прочихъ или вовсе не читаютъ, или читаютъ очень мало. Надѣюсь, что старшая моя дочь со временемъ будетъ надежною помощницею въ литтературныхъ трудахъ моихъ.

Вмѣсто краснаго яичка посылаю къ вашему высокопревосходительству бездѣлку, которая не стоитъ и простаго яйца, но которая можетъ-быть разсмѣшитъ васъ,— *Дружеское посланіе издателю Телеграфа.* Я защищалъ его противъ *Брылана* и *сухощаваго пуделя*; а онъ, неблагодарный,

*) Для немногихъ—только 30 экземпляровъ.

обругалъ нашъ *Календарь Музъ* и особенно посланіе мое *къ сердечному другу доктору Яшѣ*, описателю Гиперборейскихъ странъ и сопернику, по мнѣнію нѣкоторыхъ ученыхъ епископовъ и кутейниковъ, Бюффона и Гуффланда!! Догадываюсь, за что осердился на насъ г. Полевой; въ *Календарѣ Музъ* напечатана статья: «Вблизи и издали», гдѣ между прочимъ говорится о издателѣ Статистическаго и Археологическаго Журнала. Сочинитель метилъ на извѣстнаго Флюгарина, или Булгарина, а Полевой, вѣроятно, принялъ на свой счетъ. Некогда мнѣ, а то раздѣлался бы съ нимъ прозою.

Но письмо мое становится уже слишкомъ длинно. Боюсь утомить терпѣніе вашего высокопревосходительства.

15 Апрѣля 1826.

P. S. Письмо сіе отдано было мною для отправленія на почту еще въ четвергъ на Страстной недѣлѣ, но за говѣньемъ и гуляньемъ на праздникахъ нашихъ чиновниковъ, къ крайней моей досадѣ, осталось до сихъ поръ неотправленнымъ, и я принужденъ былъ распечатать пакетъ, чтобы просить извиненія у вашего высокопревосходительства въ неумышленной винѣ моей. Между тѣмъ могу сообщить вамъ нѣкоторыя стихотворныя новости, напримѣръ.

Эпиграммы.

1.

Господь послалъ на Питеръ воду,
А графъ сейчасъ скропалъ и оду.
Пословица не даромъ говоритъ:
Бѣда бѣду родитъ.

2.

Въ Хвостова Притчахъ *) мы читаемъ, что пѣтухъ,
Въ навозѣ роясь, нашелъ большой жемчугъ.
Но клада не найдешь такова,
Всѣ Притчи перерывъ Хвостова.

3.

Поистиннѣ, Магницкій чудо;
Лишь жаль, что поздно онъ родился для чудесъ.
За Тайной Вечерью онъ вѣрно бъ былъ Іуда,
А въ Директоріи Сіэсъ.

Казань. *Кн. Гундоровъ.*

4.

Надпись къ портрету нѣкоей духовной особы.

Се лицемѣръ, исчадье злое ада,
Магницкаго первѣйшій другъ,
Безбрачныхъ старыхъ дѣвъ супругъ
И словомъ: Русскій Торквемада.
(Par une société des gens de lettres).

XVIII.

Имѣю честь препроводить при семъ къ вашему высокопревосходительству экземпляръ новаго изданія моихъ сказокъ. Онѣ давно уже отпечатаны, но недавно выпущены изъ цензуры и переплетены.

Я уже не живу болѣе на Пескахъ въ домѣ Моденовыхъ, но въ Садовой, въ домѣ Департамента Государственнаго Казначейства, хотя и не служу уже тамъ: 5 ч. сего мѣсяца подписанъ Высочайшій указъ, по которому назначенъ я вице-губернаторомъ въ Тверь. Теперь буду поближе къ вашему высокопревосходительству. Не знаю еще самъ, долго ли останусь въ Петербургѣ. И прежде имѣлъ мало времени на служеніе Музамъ; теперь велятъ

*) Не складно, но ладно—для графа.

совсѣмъ ихъ оставить и посвятить все время на дѣла Вакха. Утѣшаюсь единственно тѣмъ, что скоро возстановятся откупа и что не долго буду исправлять должность главнаго цѣловальника въ губерніи.

Извините, ваше высокопревосходительство, что такъ дурно пишу,—спѣшу на похороны; притомъ же болитъ у меня правая рука, хотя и не писалъ я въ это время ни басни, ни эпиграммы на графа Д. И. Хвостова.

9 Ноября 1826.

XIX.

Не знаю какъ оправдаться передъ вашимъ высокопревосходительствомъ въ долговременномъ моемъ и непростительномъ молчаніи. Донесу только вамъ *по чистой совѣсти*, что предъ отѣздомъ моимъ изъ Петербурга въ Тверь былъ чрезвычайно разстроенъ, боленъ и пріѣхалъ сюда полубольной. Въ Твери съ пріѣзда хворалъ два раза и въ первые мѣсяцы моего здѣсь пребыванія, не столько волею, сколько неволею, такъ занялся питейными и другими новыми для меня дѣлами, что едва имѣлъ время вести переписку съ женою, которая пріѣхала сюда въ началѣ Мая. Наканунѣ ея пріѣзда принялъ я губернаторскую должность и во все продолженіе времени моего губернаторства, цѣлыя семь недѣль,—клянусь богами моими: Аполлономъ и Бахусомъ,—не спалъ покойно ни одной ночи, видѣлся съ семействомъ моимъ только во время обѣда и сидѣлъ почти безвыѣздно въ кабинетѣ, какъ въ тюрьмѣ. И кабинетъ мой очень походилъ на тюрьму: маленькая, низенькая, темная со сводами и съ голыми стѣнами комната, оберегаемая при дверяхъ суровымъ жандармомъ и угрюмымъ унтеръ-офицеромъ инвалидомъ. Теперь я поубралъ немного свой кабинетъ и украсилъ его изображеніями извѣстнѣйшихъ нашихъ литтераторовъ, въ числѣ которыхъ есть и два портрета вашего высокопревосходительства. Наконецъ, благодареніе Небесамъ, губернаторъ возвратился въ Тверь, и мнѣ полегче теперь. На сихъ дняхъ думаю отправиться въ нѣкоторые уѣздные города для обозрѣнія питейныхъ домовъ, винныхъ подваловъ и магазиновъ. Мѣсяца два пройдетъ въ приготовленіяхъ къ сдачѣ откупщикамъ и въ заготовленіи контрактовъ съ поставщиками вина; въ Сентябрѣ мѣсяцѣ опять вступлю въ губернаторство, потому что губернаторъ осмотрѣлъ не всѣ еще уѣзды. Надѣюсь, что послѣ всѣхъ этихъ испытаній буду несравненно свободнѣе прежняго, а можетъ-быть—для сюрприза подписчикамъ на Благонамѣреннаго—выдамъ остальныя книжки этого несчастнаго журнала. Я не имѣлъ времени не только дополнить, но даже и переправить *Опыта о разсказѣ Басни*, и потому вышелъ онъ точно въ томъ видѣ, въ какомъ за десять лѣтъ предъ симъ былъ напечатанъ. Книжка эта, такъ какъ и *Календарь Музъ* на 1827 годъ, отпечатались уже послѣ отъѣзда моего изъ Петербурга. Виноватъ не я, а коммиссіонеръ мой и двоюродный братъ дворянинъ Зарайскій, Каменевъ-Любавской *), что не доставилъ вашему высокопревосходительству послѣдней книжки Календаря Музъ, которая при семъ къ вамъ препровождается. Получили ли вы первую часть *Сочиненій* моихъ въ прозѣ? Если нѣтъ, то, по полученіи о семъ увѣдомленія, доставлю непремѣнно съ первою почтою.

---

*) О которомъ упоминается въ элегіи моей на кончину Рыжаго коня.

Третьяго дня уѣхалъ отсюда И. П. Мятлевъ, который просилъ меня засвидѣтельствовать вашему высокопревосходительству его почтеніе. Онъ побранилъ меня за то, что я такъ долго не писалъ къ вамъ, а совѣсть моя дѣлала мнѣ еще бо́льшіе упреки. Жалѣю, что не имѣю времени описать вашему высокопревосходительству здѣшняго моего житья-бытья въ піитическомъ отношеніи. Въ заговѣнье на масляницѣ, когда я сдѣлался такъ болѣнъ, что не въ состояніи былъ ни писать, ни читать, сочинилъ я сказку: *Бабушка и Внучка*, которую напечаталъ *въ Сѣверной Пчелѣ*. Одна изъ здѣшнихъ бабушекъ, о которой вовсе не думалъ я, приняла эту сказку на свой счетъ и наняла какого-то риѳмача-семинариста написать на меня пасквиль. Я отвѣчалъ и написалъ, по просьбѣ всѣхъ почти здѣшнихъ гражданъ, для соблюденія благочинія въ церквахъ, другую сказку: «Дворянка - буянка». Эти двѣ сказки надѣлали такого шума въ Твери, что многія уѣздныя дворянки-буянки не смѣютъ теперь пріѣхать въ Тверь. Сколько подражателей мнѣ нашлось! Семинаристы, подъячіе, купцы, мѣщане начали писать стихами. Точно какъ бы я привезъ сюда какую заразу, которая отъ меня распространилась. При первомъ удобномъ случаѣ пришлю къ вашему высокопревосходительству новѣйшія мои Петербургскія и Тверскія стихотворенія, писанныя не для печати.

Тверь, 6 Іюля 1827.

XX.

Не знаю, какъ благодарить ваше высокопревосходительство за обязательное письмо ваше отъ 21 ч. минувшаго Іюля. А я все виноватъ передъ вами, не доставивъ до сихъ поръ печатныхъ моихъ *Сочиненій въ прозѣ*. Вотъ причина: мнѣ хотѣлось доставить къ вашему высокопревосходительству экземпляръ этой книги на веленевой бумагѣ; искалъ, искалъ веленевыхъ экземпляровъ въ своей библіотекѣ, или кладовой, и не нашелъ. Итакъ рѣшился послать къ вамъ экземпляръ на обыкновенной, впрочемъ довольно хорошей, бумагѣ, а къ брату въ Петербургъ пишу, чтобы онъ поискалъ у себя веленевыхъ экземпляровъ и прислалъ бы ко мнѣ хоть одинъ для доставленія вашему высокопревосходительству. Вторая часть сочиненій моихъ, въ которой будутъ одни только стихи, еще не составлена. Авось съ возстановленіемъ откуповъ удосужусь, пересмотрю и по возможности выправлю свои стишонки, изъ которыхъ многіе еще не были напечатаны и многіе писаны не для печати, а для того, чтобы разсмѣшить пріятелей.

Препровождаю при семъ къ вашему высокопревосходительству нѣсколько такихъ моихъ стихотвореній. Если не скучно будетъ вамъ читать сіи бездѣлки, то могу доставить ихъ цѣлую кучу. Извините только, что нѣкоторыя изъ нихъ не хорошо переписаны: переписывала дочь моя, а писцы мои по Казенной Палатѣ заняты теперь перепискою контрактовъ для винныхъ поставщиковъ и разныхъ бумагъ для откупщиковъ.

Часто разговариваемъ мы объ васъ съ почтеннѣйшею моею сосѣдкою княгинею Елис. Семен. Хилковою. Я видѣлъ у нея старинный альбомъ, въ которомъ между прочимъ нашелъ ваши стихотворенія и Юрія Александровича Нелединскаго-Мелецкаго. По приказанію ея, осмѣлился вписать туда и мои стихи, которые подали случай Ю. А. превосходно объяснить

свое мнѣніе: on ne juge pas ce qu'on admire. Графъ Д. И. Хвостовъ также прислалъ для альбома княгини стишки на палевой бумажкѣ. Нынѣшнее лѣто не ѣздилъ онъ на Кубру (вѣрно не къ добру), а мы было ожидали его въ Тверь,—не пріѣхалъ звѣрь.

Только и отрады у насъ въ Твери, что *княгиня-богиня* (такъ всѣ у насъ теперь ее называютъ), да преосвященный Амвросій, умнѣйшій, ученѣйшій, благороднѣйшій и любезнѣйшій человѣкъ.

Ничего печатнаго почти не читаю, кромѣ сенатскихъ указовъ и изрѣдка Сѣверной Пчелы. Не читалъ даже критики на мои басни, напечатанной въ *Телеграфѣ*, хотя этотъ журналъ и получается у насъ въ клубѣ. Какой-то г. Зефировъ прислалъ мнѣ двѣ книжки Дамскаго Журнала, въ которыхъ помѣщена его антикритика. Виноватъ, не благодарилъ еще его за то, что заступился за меня.

11 Августа 1827.
Тверь

XXI.

Вологда, 21 Мая 1828.

Не въ силахъ изъяснить душевной благодарности моей вашему высокопревосходительству за оказанное вами мнѣ въ Москвѣ гостепріимство, не только въ стихахъ, но и въ прозѣ. Молю Бога, чтобы далъ мнѣ случай хотя еще однажды увидѣться съ вашимъ высокопревосходительствомъ.

Простившись съ вами, поѣхалъ я прямо, по совѣту вашему, къ обѣднѣ къ Троицѣ на Арбатъ; но тамошній священникъ не говорилъ проповѣди. Впрочемъ, по чтенію его молитвъ, видно было, что онъ имѣетъ даръ декламаціи,—даръ, къ сожалѣнію, весьма рѣдкій у насъ, пренебрегаемый и необработываемый. Обѣдалъ я въ этотъ день у извѣстной вамъ Московской красавицы. Сестра ея принудила меня койчто прочесть; но, увы, красавица не столько слушала меня, сколько смотрѣла на своего *адоратёра*. Кстати, знаете ли, ваше высокопревосходительство, какъ удачно перевелъ это слово одинъ чистый Русакъ, покойный купецъ Кусовъ? «Барышни! что же вы однѣ? Гдѣ же ваши... какъ называете вы ихъ... дыротёры, что ли?»

Заѣзжалъ я въ Святотроицкую Сергіевскую обитель. Богъ знаетъ, что наврали мнѣ тамошніе монахи. Напримѣръ: одинъ увѣрялъ меня, будто церковь, гдѣ покоятся мощи угодника Сергія, выстроена патріархомъ *Никономъ*. Видно, что св. отцы не читали ни жизнеописанія преп. Сергія, сочиненнаго Платономъ, ни описаній Сергіевской Лавры, которыя раздаются всѣмъ молельщикамъ.

Квартира въ Сергіевскомъ посадѣ, которую занималъ я, украшена портретами царской фамиліи, генераловъ, патріарховъ и какихъ-то царицъ; также картиною, изображающею нагую Сусанну и двухъ сластолюбивыхъ судей, да двумя эстампами, представляющими Венеру и Аполлона съ Музами. Подъ послѣднимъ эстампомъ на стѣнѣ написалъ я:

Ахъ! ради Феба и Каменъ,
Молю прохожихъ и проѣзжихъ
Не пакостить стихами стѣнъ.
За глупые стихи сѣчь должно бы на съѣзжихъ.
14 Мая 1828. Другъ графа Хвостова.

Всѣ стѣны и двери исписаны глупѣйшими стихами, разумѣется Русскими.

На дорогѣ къ Переславлю-Залѣсскому обратили на себя вниманіе мое великолѣпная церковь и красивый домъ.—

Чей это домъ? спрашиваю ямщика.—Да графа Хвостова (надобно доложить вашему высокопревосходительству, что графъ Хвостовъ убѣдительно просилъ меня заѣхать въ его владѣнія, если поѣду на прославленный имъ Переславль-Залѣсской).—«А гдѣ же *Кубра*»?—*Да уже проѣхали.*—«Ступай къ графу Хвостову».—Пріѣхали. Предъ домомъ его большой зеркальный прудъ, а на прудѣ Китайская беседка. Призываю управителя и вхожу въ бесѣдку, украшенную эстампами и портретами Русскихъ литтераторовъ. На одной части стѣны, которую нельзя было закрыть картинами, вижу надпись карандашомъ: «Здѣсь былъ риѳмоплетъ Воейковъ, поклонился праху великаго поэта и праху его родителей и пилъ воду изъ Кубры». И я вынулъ карандашъ и написалъ:

Здѣсь также былъ
Хозяина усердный почитатель,
Забытый Музами издатель;
Но струй Кубры, увы! не пилъ.
Не пилъ же потому, что очень тороплюсь,
А праху же родныхъ
Поэта поклонюсь
И помолюсь,
Чтобъ жилъ онъ долѣ ихъ.

Послалъ и за водой сейчасъ вашъ управитель.
Да здравствуетъ почтенный сочинитель,
Воспѣта кѣмъ Кубра.
Ура!

По Сенькѣ шапка, по поэту стихи. *Доброе дѣло*, говорятъ, *не остается безъ награды*. За стихи управитель гр. Хвостова напоилъ меня и сына чаемъ, человѣка моего водкой, а лошадей подчивалъ сѣномъ. Ахъ! какія сладкогласныя лягушки въ прудѣ его сіятельства! Заквакали анапестомъ, когда вышелъ я изъ бесѣдки.

Версты за двѣ отъ Грязовца сломалась у меня коляска. Еслибы не это несчастіе, то не написать бы мнѣ въ Грязовцѣ басни: *Кулачные Бойцы*. Вмѣстѣ съ другою прежнею моею баснею: *Собаки на сѣнѣ* и съ *Инструкціею женѣ моей, Тверской вице-губернаторшѣ*, имѣю честь препроводить при семъ къ вашему высокопревосходительству.

Простите, ваше высокопревосходительство, неумѣстную, можетъ-быть, мою болтливость: я привыкъ говорить все, что ни придетъ мнѣ на мысль, съ тѣми людьми, которыхъ искренно люблю и почитаю.

XXII.

Простите, ваше высокопревосходительство, неумышленную мою невѣжливость, что я, получивъ почтеннѣйшее письмо ваше еще 18 ч. минувшаго Октября, не благодарилъ васъ своеручно за оное. Одному Богу извѣстно, что перенесъ я въ это время. Зрѣніе мое, вмѣсто того, чтобы укрѣпляться, слабѣло только болѣе и болѣе, и я едва вовсе не лишился онаго и не потерялъ ума отъ стеченія въ одно почти время не только многихъ непріятностей, но можно сказать несчастій. Благодаря Бога, большая часть оныхъ миновала. Наконецъ, послѣ разныхъ страданій, описаніемъ коихъ не смѣю безпокоить ваше высокопревосходительство, получилъ я полный пенсіонъ, 2,000 рублей въ годъ. Благодарю Бога и Государя: есть теперь хотя небольшой, но вѣрный кусокъ хлѣба. Сколько враги мои ни старались замарать меня, но не могли въ этомъ успѣть. Надѣюсь, что Богъ, чудесно сохранившій меня, возвратитъ мнѣ со временемъ зрѣніе и прежнія умственныя способности, которыя примѣтно ослабѣли.

Чувствую, что не въ силахъ писать, не столько по слабому моему зрѣнію, сколько по разстройству всей нервной системы; но я не хотѣлъ отказать себѣ въ удовольствіи поздравить ваше высокопревосходительство съ наступившими великоторжественными праздниками и наступающимъ новымъ годомъ. Надѣюсь, что вы, милостивый государь, великодушно извините и дурной мой почеркъ, и дурной слогъ, и невольныя описки, которыхъ до нынѣшняго времени никогда почти не дѣлалъ. Однажды, не такъ давно, доведенъ я былъ до такого униженія, что подписалъ написанную вмѣсто меня полицейскимъ писаремъ бумагу: Пьянюшкинъ достойно отомщенъ.

Примите, ваше высокопревосходительство, нескладныя, но усердныя и чистосердечныя мои поздравленія. Молю Всевышняго (а я въ болѣзни привыкъ и научился молиться), чтобы вы сей новый годъ и еще многія, многія лѣта встрѣтили и провели въ совершенномъ здоровьи и благополучіи.

Повторяю всепокорнѣйшую мою просьбу—извинить дурной мой почеркъ и неумышленныя описки. Пишу только при дневномъ свѣтѣ и радуюсь, что дни начинаютъ прибавляться. Недавно, вопреки запрещенію медиковъ, началъ при свѣчахъ читать, съ большею впрочемъ умѣренностію и осторожностію. Когда же можно будетъ писать, увы,—не знаю и почти отчаяваюсь.

30 Декабря 1830. Спб.

XXIII.

Простите, простите великодушно меня, ваше высокопревосходительство, что я такъ давно не писалъ къ вамъ: истинно не лѣность, а несчастныя обстоятельства тому причиною. Богу одному извѣстно, что перенесъ я въ это время, и перенесъ, скажу, съ примѣрнымъ терпѣніемъ и мужествомъ. Когда Богъ испытуетъ насъ несчастіями, то посылаетъ и силы переносить оныя. Вотъ уже годъ какъ я въ Петербургѣ, считаюсь чиновникомъ особыхъ порученій при министрѣ финансовъ, но не получаю жалованья, котораго лишилъ меня за правду бывшій Архангельскій генералъ-губернаторъ, отрѣшенный недавно за предосудительные по службѣ поступки. Просилъ, какъ милости, чтобы отдали меня подъ судъ: по крайней мѣрѣ получалъ бы я тогда хотя половинное жалованье,—не предали и суду. Въ крайности я принужденъ былъ давать уроки въ отечественной словесности и едва получалъ изъ Пажескаго корпуса за обученіе каммеръ-пажей и еще изъ одного партикулярнаго мѣста рублей полтораста въ мѣсяцъ. Вдругъ въ Мартѣ мѣсяцѣ слегъ въ постелю отъ жесточайшей горячки. Тогда и послѣдній скудный источникъ моихъ финансовъ изсякъ совершенно. Но Богъ милостивъ: въ самое то время, когда искуснѣйшіе врачи, большею частію родственники мои и друзья, сомнѣвались еще въ моемъ исцѣленіи, болѣзнь моя и дѣла приняли самый счастливѣйшій оборотъ. Государь воздвигъ меня, можно сказать, со смертнаго одра, всемилостивѣйше пожаловавъ мнѣ по ходатайству благотворительнаго и справедливаго министра 2,000 руб. Миницкаго отставили, а любимцы его, ненавидѣвшіе насъ съ Бухаринымъ за то, что мы знать ихъ не хотѣли и не умѣли *подгибать колѣнъ*, и теперь, чай, сидятъ въ Петропавловской крѣпости. Надѣюсь, что вскорѣ разрѣшено будетъ мнѣ жалованье, на производство котораго Государь, при переводѣ еще меня изъ Архангельска, по докладу ми-

нистра, изъявилъ предварительно свое согласіе; но Миницкій, бывшій тогда здѣсь, успѣлъ клеветою своею этому помѣшать. Я давно уже, почти передъ Пасхою, выздоровѣлъ; но отъ жестокой горячки таково у меня зрѣніе, что я даже теперь не могу почти самъ не только писать, но и читать. Тоска ужасная! Вотъ почему не могу до сихъ поръ приступить къ изданію моихъ стихотвореній и новыхъ басень, которыхъ накопилось у меня до 30. Надобно написать три разбора образцовыхъ басенъ, которые въ головѣ давно сдѣланы, но писать я еще не въ силахъ, а диктовать невозможно. Благодареніе однако Богу, что зрѣніе мое начинаетъ укрѣпляться. Помня благосклонность, какую ваше высокопревосходительство изволили оказывать къ моимъ произведеніямъ, пріемлю смѣлость пріобщить при семъ нѣсколько новѣйшихъ моихъ бездѣлокъ, приложивъ къ онымъ одну басню ученика моего, поэта и баснописца Линдфорса. Каммеръ-пажи очень много меня утѣшаютъ: въ кратко-временное преподаваніе мною имъ отечественной словесности, они очень много полюбили ее и оказали, могу сказать безъ хвастовства, неожиданные и блистательные успѣхи. Первый, самый лучшій призъ на экзаменѣ, состоящій изъ маленькой библіотеки, получилъ баснописецъ Линдфорсъ, который, по желанію своихъ родственниковъ и по собственному своему, остается еще на годъ въ Корпусѣ. Кромѣ его и достаточнаго товарища его, переводчика Массильона, барона Корфа, написавшаго безъ приготовленія лучше всѣхъ на экзаменѣ изъ данной новымъ нашимъ директоромъ генераломъ Кавелинымъ темы, съ Августа мѣсяца будутъ у меня все новые ученики. Новый директоръ, человѣкъ весьма благонамѣренный и со свѣдѣніями. Помощникъ его по учебной части, инспекторъ нашъ, извѣстный писатель Броневскій, сдѣлавшій для Корпуса очень много добра, занемогъ въ одно время со мною и теперь еще не встаетъ съ постели. Вскорѣ послѣ болѣзни моей имѣлъ я утѣшеніе выдать замужъ послѣднюю дочь мою за поручика гвардіи при Артиллерійскомъ Училищѣ Майкова, человѣка также небогатаго, какъ и невѣста, но очень хорошаго, и чрезъ сіе новое родство попалъ въ сваты съ крестниками моими П. П. Свиньинымъ и... угадайте?—съ графомъ Д. И. Хвостовымъ, котораго новый переводъ Буало превознесенъ до небесъ въ подломъ журналѣ *Сѣверный Меркурій*, издаваемомъ подъ покровительствомъ графа и подъ руководствомъ умирающаго Воейкова и сидѣвшаго съ нимъ на гауптвахтѣ Польскаго пса Ѳаддея Булгарина, попавшаго безъ Русской грамоты въ лучшій, т. е. самый богатый, приходъ.

Извините, ваше высокопревосходительство, дурный почеркъ и складъ моего посланія. Съ зрѣніемъ вмѣстѣ ослабѣла у меня и память, а можетъ быть и самый умъ. Истинно пожертвовалъ бы правою рукою, чтобы сохранить прежнее зрѣніе: тогда могъ бы я по крайней мѣрѣ самъ читать, а что за жизнь безъ чтенія?

Простите меня, повторяю, за невольное мое молчаніе. Не извольте думать обо мнѣ худо и не считайте меня ни лѣнивымъ, ни, что̀ ужаснѣе для меня, неблагодарнымъ къ вамъ. Повѣрьте, что умѣю чувствовать въ полной мѣрѣ цѣну благосклонности вашей, которою изволили меня почтить въ проѣздъ чрезъ Москву и прежде еще того. Я всегда искренно любилъ и почиталъ васъ какъ отличнѣйшаго поэта, научившаго насъ какъ должно пи-

сать стихи, смѣю сказать какъ моего наставника, ибо именно у васъ, а не у кого другаго, учился я хорошей версификаціи и настоящему слогу басни. Сострадалецъ мой въ несчастіяхъ по службѣ, Иванъ Яковлевичъ Бухаринъ, бывшій единственною моею отрадою въ Архангельскѣ, можетъ засвидѣтельствовать вашему высокопревосходительству чувствованія мои къ вамъ, которыя сохраню до послѣдней минуты моей жизни.

Съ глубочайшимъ высокопочитаніемъ и вѣчною, сердечною преданностію имѣю честь быть всегда.

P. S. Я живу на прежней квартирѣ на Пескахъ противъ прудовъ, въ домѣ наслѣдниковъ Моденовыхъ, подъ № 306. Утѣшьте, ваше высокопревосходительство, хотя строчкою бѣднаго слѣпца, отставнаго баснописца и пѣвца.

ПРИЛОЖЕНІЯ КЪ ПИСЬМАМЪ ИЗМАЙЛОВА.

I.

РУСКАЯ БАЛЛАДА.

На разсвѣтѣ поднявшись, извощика взялъ
Журналистъ нашъ Измайловъ съ Песковъ
И безъ отдыха гналъ онъ съ Песковъ, чрезъ каналъ,
Въ желтый домъ, гдѣ живетъ Бируковъ.
Не съ Цертелевымъ онъ совокупно спѣшилъ
На журнальную битву вдвоемъ,
Не съ романтиками перевѣдаться мнилъ
За Романсы, Баллады путемъ;
Но во фракѣ былъ онъ, пылью фракъ занесенъ,—
Какой цвѣтомъ, нельзя распознать;
Оттопыренъ карманъ, въ немъ торчитъ какъ чурбанъ
Двадцати-фунтовая тетрадь (*).
Соскочивъ у воротъ, какъ съ полка жирный котъ,
Кошелекъ изъ кармана досталъ;
Расплатившись съ возницей, въ ворота идетъ
И Бориса въ очкахъ повстрѣчалъ.
«Ты скажи мнѣ, Борисъ, что твой носикъ повисъ?
«Откровененъ всегда ты душой;
«Намекни мнѣ враговъ, разгоню будто крысъ;—
«Безопасенъ ты будешь со мной».
— «Пусть Ѳадей замолчитъ, какъ церберъ не ворчитъ:
«Защити отъ него ты меня.
«А съ Барономъ я слажу. Баронъ только спитъ
Среди ночи, средь бѣлаго дня».—
«Но скажи наконецъ, что задумалъ пришлецъ?
«Онъ, клянуся очками, пропалъ»...—
— «Онъ кое-что въ Запискахъ нашелъ, мой отецъ!
«И тебя онъ въ Листочкахъ задралъ!»—
И Измайловъ тогда, изумленъ, пораженъ,
И хладѣлъ, и блѣднѣлъ, и дрожалъ....
«Успокойся, Борисъ, будешь мною спасенъ»,—
И Борису онъ руку пожалъ.

*

Есть Писатель на Мойкѣ, въ огромныхъ стѣнахъ,
Онъ подъ кровлю бѣжитъ отъ людей;

(*) До здѣ баронъ Дельвигъ.

Но видали, какъ прячетъ фонарь на глазахъ,
И Писатель сей, кто онъ?—Ѳадей.
Есть другой, по друзьямъ знаменитѣй—кто онъ?
Онъ въ просоньи лишь смотритъ на свѣтъ:
То Поэтъ молчаливый и мрачный—Баронъ,
Для Плетнева онъ лучшій Поэтъ.
И Измайловъ доволенъ: Баронъ и Ѳадей
Насмѣшили до сыта людей.

II.

ПИСЬМО ГРАФА ХВОСТОВА.

Я шутокъ не люблю ни въ прозѣ, ни въ стихахъ.

1 Апрѣля. Возвращая у сего пасквильной билетъ, будто бы изъ дому вашего мнѣ доставленный, прошу покорно, батюшка Александръ Ефимовичь, приказать прекратить сколько вамъ возможно, дерзновенную и непростительную шутку о кончинѣ вашей.—Дай вамъ Богъ долго жить, и при томъ вы безсмертны по трудамъ вашимъ, слѣдственно выдумка шутки очень глупа.—Смерть ваша, какъ и всякаго достойнаго писателя, меня огорчитъ, равномѣрно какъ и моя васъ. естьлибы кому нибудь случилося такимъ пошутить образомъ.

Естьли супругу вашу подлинно зовутъ Катерина Ивановна, посудите сами, каково бы было ей и всѣмъ ближнимъ вашимъ услышать такую вѣсть, основанную хотя на наружномъ, но на достовѣрномъ свидѣтельствѣ.—Шутить надобно умно; пожалуйте прикажите когда вамъ удастся отыскать глупѣйшаго этого шута, растолкуйте вы ему, что въ такой глупой обманъ нынѣ никто не попадется по той причинѣ, что и Сумароковъ вопилъ:

Апрѣля 1 число
Обманомъ заросло.

Кончая статью о мнимой смерти вашей, обращаюся къ воскресенію и поздравляю васъ съ свѣтлымъ праздникомъ завтрешняго дня, а между тѣмъ не въ видѣ краснаго яичка посылаю нарядное изданіе стиховъ моихъ на праздникъ 4-го Февраля.

Впрочемъ есмь и пребуду съ истиннымъ почтеніемъ и таковою же преданностію

Вашъ, милостивый государь мой,
покорный слуга
Графъ Хвостовъ.

Апрѣля 1 число 1822.

III.

СТИХИ НА БУЛГАРИНА.

Ѳадей здѣсь издаетъ Листки,
Въ Варшавѣ издавалъ свистокъ.
Его *свистокъ* пустой листокъ,
Его *листки* ему свистки.

—

Ты слухъ разнесъ, что къ твоему вреду
Я жалобой министра безпокоилъ;
Но много о себѣ воображать изволилъ!
Не формою, не по суду,
Управу на тебя—я въ букварѣ найду!

—

Ѳадей Французовъ билъ какъ коренной Русакъ,
А на Испанцевъ шелъ онъ въ арміи Французской,
Ругалъ онъ Рускихъ—какъ Полякъ,
А Поляковъ ругалъ какъ Руской.

—

Умна, Ѳадей, твоя догадка,
Нѣтъ спора: въ буквѣ опечатка,
Но въ томъ стыда журналу нѣтъ;
Есть и въ природѣ опечатка,
Когда Оадей живетъ.

—

Ѳадей растратилъ стыдъ, Европу объѣзжая,
Для совѣсти его потеря не большая.—
Теперь въ немъ менѣе стыда,
Чѣмъ бѣлизны найдется въ Еѳіопѣ;
Но стоитъ ли труда
Стыда съ ползолотникъ—искать по всей Европѣ?

—

Ex nihilo nihil Ѳадей,
И судитъ и рядитъ людей,
Онъ логикой храмлетъ, въ грамматикѣ бродитъ,
Бросая журнальную пыль,
И все, что напишетъ, выходитъ
Ex nihilo—гиль.

IV.

ПЕТЕРБУРГСКИМЪ ЦЕНЗОРАМЪ.

Передъ вами нуль Тимковскій!
Въ вашей славѣ онъ погасъ;
Вы по совѣсти поповской,
Цензируя, жмете насъ.
Славьтесь, Бируковъ, Красовскій!
Вамъ дивится даже Князь.

—

Членъ тюремный и Библейской,
Цензоръ, мистикъ и срамецъ;
Онъ съ душонкою Еврейской,
Нашъ гонитель, Князя льстецъ.
Славься, славься духъ лакейской;
Славься, доблестный подлецъ!

—

Васъ и духъ святый робѣетъ;
Онъ, какъ мы, у васъ въ когтяхъ;
Появиться онъ не смѣетъ
Даже въ Глинкиныхъ стихахъ.
Вотъ какъ сѣмя злое зрѣетъ!
Вотъ какъ все у васъ въ тискахъ!

—

Ни угрозою, ни лаской,
Видно васъ не уломать;
Олинъ и Григорій Спасской
Подозрѣнье въ васъ родятъ.
Славьтесь цензорской указкой:
Таски вамъ не миновать.

Дельвигъ.

V.

НА БОЛѢЗНЬ КРЫЛОВА.

Нѣтъ одобренія талантамъ никакова:
Въ Россіи глушь и дичь.
О дарованіи Крылова
Едва напомнилъ паралочь.

Рылѣевъ.

VI.

НА ОТЪѢЗДЪ ВЪ ТВЕРЬ.

Застольная пѣсня.

Собираюся теперь
Въ городъ древній, славный Тверь.
Скоро тройку подхвачу
И какъ вихорь полечу—
А журналъ, стихи хоть кипь!
Ѣду, ѣду—динь, динь, динь *).
Динь, динь, динь, динь, динь, динь, динь.

—

Полно думать о стихахъ:
Надо думать о дѣлахъ,
Позабыть и Музъ и дамъ,
Помнить только Вакховъ храмъ.
Корректурѣ ужь аминь!
Не до ней—динь, динь, динь, динь.—
Динь, динь, динь, динь, динь, динь, динь.

—

А когда пріѣду въ Тверь,
То какъ страшный, лютый звѣрь
Встрѣчу винныхъ приставовъ,
Надзирателей плутовъ.
Чуть не такъ что—тотчасъ вынь

*) При словахъ: динь, динь надобно стучать ножомъ по бокалу, или рюмкѣ.

И положь—динь. динь, динь, динь—
Динь, динь, динь. динь, динь. динь, динь.

—

Подниму въ Твери я носъ,
Буду лаять какъ Барбосъ:
А гдѣ нужно, тамъ согнусь
И въ лисицу превращусь.
Совѣсть! ты меня лишь кинь!
Слышь? чу! звѣнитъ динь, динь —
Динь, динь. динь, динь, динь, динь. динь.

—

О, любезные друзья!
Разстаюся съ вами я.
Какъ обязанъ я всѣмъ вамъ!
Просимъ милости въ Тверь къ намъ.
Ради всѣхъ боговъ, богинь.
Пріѣзжайте!—динь, динь, динь!—
Динь, динь, динь. динь, динь, динь, динь.

8 Декабря 1826.

—

VII.

ПРИГЛАШЕНІЕ НА ОБѢДЪ.

Приди, любезный Прокуроръ!
Къ Вицъ-Губернатору откушать,
Преосвященнаго послушать,
Который, молвить не въ укоръ,
Умнѣе даже Филарета,
Краснорѣчивѣе его.
Приди же, одолжи Поэта.
Столъ постный будетъ у него.
Но не красна изба углами,
Ни винами, ни пирогами—
Красна лишь добрыми друзьями.
Теперь же праздники—гуляй!
И если можно пріѣзжай
Съ почтенною своей подругой,
Картолюбивою супругой.
Я такъ твою *Любовь* люблю,
Такъ уважаю, почитаю,
Что самъ хоть въ карты не играю,
А карты для нея куплю.

8 Апр. 1827.

ПИСЬМА НИКОЛАЯ ИВАНОВИЧА НОВИКОВА КЪ Д. П. РУНИЧУ *).

I.

«Милостивый государь и любезный другъ Дмитрій Павловичъ!

Благодарю васъ отъ искренняго сердца за всѣ необманчивые знаки вашей дружбы, довѣренности и любви, въ бытность мою оказанные вами: я всемѣрно потщусь, съ Божію помощію, заслужить оныя и сдѣлаться ихъ достойнымъ. Прошу засвидѣтельствовать искреннее мое почтеніе и благодарность премного уважаемому мною, почтенному родителю вашему за всѣ ласки, благосклонности и одолженія мнѣ оказанныя и увѣрить его, что я пріемлю оныя въ праведной ихъ цѣнѣ.—Любезный другъ! Вы добровольно обѣщалися, по дружбѣ вашей, быть моимъ коммиссіонеромъ; вотъ вамъ первая: поздравьте батюшку за меня съ наступающимъ торжественнымъ праздникомъ Свѣтлаго Христова Воскресенія и скажите, что я желаю ему добраго здоровья и всѣхъ благъ, временныхъ и вѣчныхъ. А я поздравляю васъ съ тѣмъ же и того же желаю.—Вторая коммисія: приложенное письмо прошу приказать отправить въ Елецъ. Я такъ разстроился съ дороги и по причинѣ кушанья, на сей недѣлѣ употребляемаго, что истинно съ великимъ трудомъ смогъ написать отправляемыя письма. Прости, любезный другъ! Помните и не забывайте

*) Что въ ковычкахъ, собственноручно. П. Б.

искреннимъ сердцемъ любящаго васъ
вашего вѣрнаго друга и слугу
Н. Новикова.

28 Марта 1806.
С. Тихвинское.

P. S. Въ случаѣ ежели письмо сіе пойдетъ не съ нарочнымъ, а по почтѣ, то приложу и еще два письма, которыя прошу отослать по надписямъ.

P. S. Ко мнѣ чрезъ почту, въ пятницу, подписывать: такому-то въ Бронницы М. губ. отдать пріѣзжающему отъ него человѣку или отдавать г. Эберу, для отправленія съ газетами».

II.

«Милостивый государь и любезный другъ Дмитрій Павловичъ.

За любезное письмо ваше усердно благодарю; но къ вамъ писать буду весьма коротко, или лучше сказать нѣсколько, потому что отъ продолжающейся весьма тяжелой погоды, по моимъ припадкамъ, весьма сильно разстроился и истинно на силу брожу. Запечатанныя въ особомъ пакетѣ письма къ Александру Өедоровичу и пр. другимъ покорно прошу на первыхъ почтахъ отправить; а первое я желалъ бы, чтобъ оно пошло въ вашемъ пакетѣ. Я запечаталъ ихъ въ особой пакетъ для того, что ежели бы человѣкъ мой не засталъ васъ въ Москвѣ, то чтобы отдать его Дмитрію Ивановичу для отправленія. Я съ нетерпѣливостію буду ожидать, мой любезный и сердечный другъ, вашего посѣщенія и постараюсь васъ принять и угостить сколько, какъ и чѣмъ только наилучше могу. Я отвѣтствую и за всю нашу обитель, что всѣ примутъ васъ не какъ гостя, а какъ роднаго, потому что они всѣ отъ меня много объ васъ наслышались. Прости, л. др.; ожидаю удовольствія васъ здѣсь обнять и доказать, что я не на словахъ, а на дѣлѣ, хочу быть всегда

вашимъ
искреннимъ и вѣрнымъ другомъ
и покорнѣйшимъ слугою
Н. Новиковъ.

17 Іюня 1806.

P. S. Батюшкѣ прошу свидѣтельствовать мое искреннее и сердечное почтеніе».

III.

✝

«Любезнѣйшій другъ, милостивый новобрачный государь Дмитрій Павловичъ!

Отъ искренняго сердца поздравляю васъ съ совершившимся вашимъ бракомъ; желаю, да будетъ онъ благословенъ; желаю, чтобы онъ послужилъ къ вашему облегченію, успокоенію и къ утѣшенію; желаю, чтобы онъ не былъ вамъ препятствіемъ и преткновеніемъ на пути, на который милосердіе Господне вступить позволило; желаю наконецъ, да увидите вы сыны сыновъ своихъ и да возможете нѣкогда, пришедъ, сказать: Господи, се азъ и дѣти мои, которыхъ Ты мнѣ далъ!—Вотъ мои желанія; но о семъ послѣ болѣе, ежели Господь благоволитъ, а теперь вы еще пьяны, или по крайней мѣрѣ спохмѣлья.—Супруга ваша есть внука моего друга, кото-

рый меня очень любилъ (да упокоитъ его Господь Богъ!) С. В. Нарышкина. Посему я долженъ быть друженъ и съ супругою вашею; но напротивъ, я уже и теперь на нее въ претензіи: ибо навѣрное она причиною, что вы по обѣщанію вашему не пріѣхали къ намъ, ни лѣтомъ, ни осенью. Но какъ я до ссоръ не охотникъ, то готовъ помириться съ нею, съ условіемъ, первое, чтобы впредь отъ друзей не отвлекала, а второе, ежели пришлетъ на мировую свадебныхъ конфектовъ, такъ мы и миръ заключимъ.—И о семъ до здѣ: а впредь побольше;—теперь же будутъ слѣдовать мои покорнѣйшія прозьбы, которымъ испрашиваю благосклоннаго и милостиваго исполненія.

1. Письма ко мнѣ прошу писать не очень связно: прежнія, по причинѣ слабости глазъ, читалъ я съ великою трудностію.

2. Получили ли вы мою записку чрезъ общаго нашего друга Алекс. Григор. и сдѣлали ли по оной какое исполненіе, или еще нѣтъ?—Въ послѣднемъ случаѣ возобновляю о томъ мою прозьбу.—Книгу отъ г. Ольгина, взявъ и запечатавъ въ пакетъ, ко мнѣ прислать, а о сѣмянахъ и лукѣ прошу увѣдомить.

3. Послали ли вы мое письмо, какъ я просилъ, къ Алекс. Григор. въ своемъ пакетѣ и не получили ли отвѣта объ ономъ?—прошу увѣдомить.

4. При отъѣздѣ моемъ изъ Москвы, просилъ я васъ 110 руб. за 11 лотерейныхъ билетовъ отдать Ивану Алексѣев. Владимірову. Но нынѣ пишетъ онъ ко мнѣ и проситъ сихъ денегъ; изъ чего заключаю я, что вы еще не отдали сихъ денегъ, почему покорнѣйше прошу какъ возможно поскорѣе отдать ему сіи деньги, чѣмъ меня много одолжите: ибо онъ пишетъ, что въ бѣдѣ можетъ быть, ежели скоро не получитъ, чего я очень боюсь. А какъ я ему задолжалъ сверхъ сихъ за разныя для меня покупки и другія коммисіи 163 руб. 50 к., то и прошу покорнѣйше васъ, люб. др., обязательнѣйше и наичувствительнѣйше одолжить меня, перехватя гдѣ сію сумму на два мѣсяца, и ему за меня заплатить, взявъ отъ него въ полученіи росписку; а я можетъ быть исправлюсь и доставлю къ вамъ сію сумму и прежде сего срока; вы симъ несказанно меня обяжете, оказавъ сію дружескую помощь: меня измучило бы, ежели бы сему бѣдному хотя малѣйшее что̀ случилось чрезъ меня! Не оставьте меня, л. д., и не откажитесь оказать мнѣ сію дружбу. Я буду съ нетерпѣливостію ожидать вашего на сіе отвѣта.

Наконецъ скажу о себѣ нѣчто: съ самаго отъѣзда друга нашего А. Г. я очень нездоровъ и крайне въ здоровьѣ разстроился, такъ что истинно три дня пишу сіе чрезъ силу; а къ тому еще безмѣрно стѣсняемъ окружающими обстоятельствами.—Я пишу по условію просто, безъ всякихъ чиновъ, и васъ прошу наблюдать тоже и вѣрить, что я съ искреннею, сердечною любовію есмь и всегда пребуду

вашимъ
искреннимъ и вѣрнымъ другомъ
и покорнѣйшимъ слугою
Н. Новиковъ.

P. S. Увѣдомьте, есть ли надежда, чтобы вы хотя зимою насъ посѣтили.

16 Октября 1806».

IV

«Милостивый государь и любезнѣйшій другъ Дмитрій Павловичъ.

Любезное письмо ваше и съ приложеніями получилъ, за которое васъ усерднѣйше благодарю и буду, сколько смогу, на оное отвѣтствовать.

1. Лукъ хорошъ; прошу покорно выписать онаго точно такого же полчетверика, а другіе полчетверика сего же самаго луку Казанскаго, только самаго крупнаго; чѣмъ скорѣе получу оной, тѣмъ лучше; только прикажите написать къ коммисіонеру, чтобы хорошенько его укутали, дабы въ дорогѣ не померзъ,—но о сѣмянахъ сего лука въ письмѣ ничего не упоминается: не забыли ли вы о семъ? Прошу покорно приказать попросить, чтобы коммисіонеръ постарался достать сѣмянъ сего самаго луку 5 фунт., или хотя уже одинъ фунтъ, или же по послѣдней мѣрѣ сколько можетъ, и прислалъ бы вмѣстѣ съ лукомъ.

2. Красноярскаго луку также покорно прошу выписать полчетверика самаго крупнаго и полчетверика самаго мелкаго, и сѣмянъ одинъ фунтъ, или сколько можно достать: сіе также чѣмъ скорѣе могу получить, тѣмъ лучше.—NB. Изъ обоихъ мѣстъ о времени посадки и хожденіи за нимъ истребовать записки. Слышанная вами отъ Ѳ. П. неудача въ разводѣ Красноярск. луку меня не остановляетъ; ибо что не удалось одному, то можетъ удаться другому: собственный опытъ вѣрнѣе всѣхъ.

3. О новыхъ произшествіяхъ покорнѣйше прошу насъ увѣдомлять: ибо мы, не получая столь долго Гамбург. вѣдом., крайне оными обнищали; а доходящіе до насъ городскіе слухи часто бываютъ нелѣпы.

4. Письмо С. И. отдалъ: онъ благодаритъ васъ за поклонъ и самъ усердно кланяется.

5. Надѣюсь, что г. Ольгинъ окончалъ мою книгу перепискою для Ѳ. П., почему и прошу, истребовавъ отъ него оригиналъ мой, ко мнѣ возвратить.

6. Размѣряя заботы ваши по должности и по новому хозяйству, признаю справедливымъ разрѣшить васъ отъ обѣщанія вашего переводить *Плуменека*; тѣмъ паче, что С. И. хочетъ переводить сію книгу, и мнѣ хочется поскорѣе переведенную на нашъ языкъ; почему и прошу васъ, люб. др., оригиналъ и начатой переводъ мнѣ возвратить. Ежели же у васъ найдутся свободные часы для перевода, то пришлю вамъ другую, о чемъ прошу увѣдомить.

Приложенныя письма прошу покорно приказать не замѣшкавъ отправить: они мнѣ нужны.

Наконецъ, пожелавъ вамъ отъ искренняго сердца добраго здоровья, душевнаго спокойствія и всѣхъ благъ въ милости Божіей, останусь навсегда съ искреннею любовію и почтеніемъ вашимъ

вѣрнымъ другомъ и
покорнѣйшимъ слугою
Н. Новиковъ.

4 Декабря 1806».

V.

†

«Милостивый государь и любезнѣйшій другъ Дмитрій Павловичъ.

Покорнѣйше прошу прилагаемой пакетъ отправить вѣрно въ вашемъ пакетѣ по надписи: онъ крайне мнѣ нуженъ. Прошу также и о томъ, чтобы объ немъ только вы знали, и въ этомъ я имѣю нужду. Не могу теперь болѣе писать, истинно надъ письмомъ измучился. Простите! Отъ искренняго сердца желаю вамъ милости Божіей, а съ нею добраго здоровья и всѣхъ благъ временныхъ и вѣчныхъ. Есмь на всегда съ искреннею любовію и почтеніемъ

вашимъ
вѣрнымъ и покорнымъ слугою
Н. Новиковъ.

12 Августа 1808».

VI.

«Милостивый государь и любезнѣйшій другъ, Дмитрій Павловичь!

Усерднѣйше благодарю васъ за любезныя и дружескія письма ваши. Простите мнѣ по братски, что столь долго не отвѣчалъ: истинно не могъ и не смогъ; обстоятельствами и письмомъ столь стѣсненъ и измученъ, что едва зналъ какъ проходило время. Нынѣ, благодареніе Господу, начинаю дышать посвободнѣе.

По извѣстной матеріи похваляю рѣшимость вашу не вступать ни съ кѣмъ въ М. въ связи: лучшаго совѣта я не могъ бы вамъ дать. Сердечная моя къ вамъ любовь и искренне-откровенное расположеніе, надѣюсь, вамъ извѣстны. Вы справедливо разсуждаете, что чрезъ переписку сего дѣла производить нѣтъ удобности. Я прибавлю къ вашему мнѣнію еще сіе: невозможность эта продолжаться можетъ только дотолѣ, пока *водитель ведомаго бр. поставитъ на прямой путь, узнаетъ всю нравственность его, поправитъ понятія его о вещахъ, направитъ и устремитъ его къ истинной цѣли, положитъ основаніе и выучитъ азбуку:* тогда уже переписка будетъ не трудна и удобна; а для сего, любезнѣйшій другъ мой, равно и для дальнаго введенія, непремѣнно нужно личное свиданіе. А болтать не мудрено, лишь бы была хороша память, а то можно и цѣлой вѣкъ проболтать, по сказанному у Св. Апост. *всегда учащеся и никогда въ разумѣ истины пріити могуще.* Страшное опредѣленіе! Вы согласитесь, что съ завязанными глазами трудно въ цѣль попадать. И такъ, люб. др., я сердечно желаю, чтобы вы, улуча время, посѣтили насъ; моя же чистосердечная откровенность, усердіе, хотѣніе и любовь для васъ готовы и давно васъ ожидаютъ. Пріѣзжайте, л. др., въ нашу обитель, посѣтите нашу больницу, только не менѣе, какъ дни на три на четыре по крайней мѣрѣ, а ежели бы на недѣлю, то несравненно бы лучше и полезнѣе для васъ. Я надѣюсь на милосердіе Господне и въ сей надеждѣ увѣряюсь, чтобы вы не безъ пользы для васъ здѣсь жили. Устроивайте путь вашъ, а я готовъ.

Приложенное письмецо прошу отправить по надписи.—Я послалъ пись-

мо къ Григорью Максимовичу и приказалъ, что ежели не застанутъ его въ Москвѣ, то принесть къ вамъ, а васъ прошу отправить оное къ нему.

Сдѣлайте мнѣ одолженіе, выпишите мнѣ изъ Петербурга четырехъ частей свѣта и пятую генеральную, поправленные Максимовичемъ, и Русскіе форшрифты, изданные какимъ-то Степановымъ.

Прошу покорнѣйше засвидѣтельствовать искреннѣйшее и сердечное почтеніе вашему батюшкѣ.

Равномѣрно прошу сказать мое почтеніе любезной вашей супругѣ.

При заключеніи еще повторю: постарайтесь улучить время и пріѣхать къ намъ, я сердечно радъ и хочу вамъ служить и быть вамъ полезнымъ, по искренней и чистосердечной моей любви къ вамъ и довѣренности; а затѣмъ прости, люб. др., желаю вамъ милости Божіей, а съ нею добраго здоровья и всѣхъ благъ временныхъ и вѣчныхъ. Есмь навсегда съ искреннею любовію и почтеніемъ

вашимъ
вѣрнымъ и покорнѣйшимъ слугою
Н. Новиковъ.

5 Декабря 1808».

VII.

✝

«Любезный другъ, милостивый государь Дмитрій Павловичъ!

За письмо, присылку ландкартъ и за поздравленіе покорнѣйше васъ, л. д., благодарю, и усердно поздравляю васъ съ новымъ годомъ, и желаю вамъ новой милости Божіей, а съ нею добраго здоровья, душевнаго спокойствія и всѣхъ благъ, временныхъ и вѣчныхъ.

Насилу я кое-какъ собрался отправить въ Москву и написать къ вамъ, л. д., нѣсколько строкъ: нынѣшняя болѣзнь, продолжающаяся уже около 4 недѣль и мучительныя обстоятельства совсѣмъ разстроили мое здоровье и совершенно изнурили.

Посылаю за ландкарты и проч. 23 р. 70 к. да незаплаченные еще за луковыя сѣмена 8 р. 40 к., а всего 32 р. 10 к.

Теперь покорно прошу взять на себя у г. Шне *солнечной тинктуры 12 скляночекъ*, ежели можно съ обожданіемъ денегъ, ибо я нынѣ деньгами очень бѣденъ; и прислать со вручителемъ.

Еще покорно прошу посланныя суровыя сукна 36 половинокъ приказать вашему кучеру положить въ сараѣ и поберечь до присылки человѣка, которой будетъ ихъ сдавать въ комис. вѣдомство.

На прочее содержащееся въ письмѣ вашемъ теперь отвѣтствовать истинно не смогу.

Прости, л. д. Есмь навсегда съ искреннею любовію и почтеніемъ

вашимъ
вѣрно-покорнѣйшимъ слугою
Н. Новиковъ.

14 Генваря 1809».

VIII.

✝

«Милостиваго государя и любезнаго друга, Дмитрія Павловича, покорнѣйше прошу приложенное письмо приказать

отправить на первой почтѣ: оно мнѣ крайне нужно,—а притомъ покорнѣйше прошу выписать изъ Петербурга, или изъ Одессы 10 ф. самаго лучшаго и крупнаго Французскаго черносливу; а хотя и изъ обоихъ мѣстъ по 10 ф.; въ Одессѣ онъ вѣрно есть, я знаю по комерческимъ вѣдомостямъ, въ Москвѣ совсѣмъ нѣтъ; а онъ почти единственное мое лѣкарство. Симъ чувствительно одолжите

вашего
покорнѣйшаго слугу
Н. Новикова.

16 Марта 1809».

IX.

Любезнѣйшіе друзья, милостивые государи Дмитрій Павловичъ и Александръ Григорьевичъ!

Усерднѣйше благодарю васъ за письма и за поздравленія ваши и равномѣрно самъ, хотя и поздно, усердно васъ поздравляю. Причиною долгаго молчанія суть трудныя и разстроенныя мои обстоятельства и здоровье, а къ тому еще въ прибавокъ неоднократно случавшіеся тяжелые припадки, изъ которыхъ отъ послѣдняго едва едва и теперь еще могу сказывать что писать.

Милостивымъ государынямъ Катеринѣ Ивановнѣ и Александрѣ Павловнѣ приношу покорнѣйшую благодарность за воспомянутіе объ насъ и поздравленіе, и равномѣрно поздравляя ихъ, посылаю вмѣсто красныхъ яицъ по 10 зеленыхъ огурцовъ изъ первыхъ здѣшнихъ весеннихъ плодовъ.

Препорученіе ваше и ихъ о поздравленіи С. И. и протчихъ всѣхъ я исполнилъ; всѣ васъ благодарятъ, равномѣрно поздравляютъ и усердно кланяются, а прилежные и сами пишутъ.

О Ефремовскомъ канцеляристѣ просилъ васъ не С. И., но я, какъ вы изъ письма могли видѣть, что мать его писала ко мнѣ; присланную отъ васъ записку здѣсь прилагаю, прося покорнѣйше употребить ваше стараніе и ходатайство по содержанію письма, не вмѣшивая только моего имени, чѣмъ меня весьма много обяжете. Ежели же вамъ ничего сдѣлать невозможно, то прошу письмо Васильевой ко мнѣ обратно прислать.

Предпринятое вами намѣреніе, въ разсужденіе Петербургскихъ, я хвалю и совѣтую приономъ остаться, развѣ только сказать: ктожь меня поставилъ судьею? Судить и осуждать не велѣно никого, а любить приказано всѣхъ и всѣмъ желать, чтобы всѣ пребывали въ любви. Я не удивляюсь, что вамъ трудно терпѣть, зная, что ежели бы не было трудно, такъ бы не было и терпѣнія, и намъ приказано терпѣть, и долго терпѣть, и терпѣть до конца. На вопросъ вашъ о моемъ пріѣздѣ не могу иного ничего сказать кромѣ того, что я уже съ нѣсколькихъ лѣтъ не осмѣливаюсь никогда располагать даже и завтрешнимъ днемъ, но какъ угодно будетъ Господу, такъ и да будетъ; а къ намъ обоихъ васъ и съ обѣими вашими милости просимъ: мы сердечно будемъ ради, ежели вы сіе исполните, хотя вмѣстѣ, хотя порознь.

Любезнаго моего внучка прошу увѣдомить меня, продолжается ли переводъ,

начата ли переписка, купилъ ли онъ себѣ домъ и будетъ ли мнѣ у него мѣсто?

Прошу покорно обѣихъ васъ засвидѣтельствовать искреннее и усердное мое почтеніе милостивому государю Павлу Степановичу, которое свидѣтельствуетъ ему и моя Вѣра, которую онъ жалуетъ и которая его искренно почитаетъ.

Ежели батюшка извѣстную книгу прочитаетъ, то не забудьте доставить оную Григорью Максимовичу.

Прошу покорно третій десятокъ огурцовъ поднесть отъ меня батюшкѣ.

Простите, любезные друзья! Желаю вамъ всѣмъ милости и благословенія Господня, а съ ними добраго здоровья, спокойствія и всѣхъ истинныхъ благъ временныхъ и вѣчныхъ. Впротчемъ пребуду всегда съ искреннею любовію и почтеніемъ вашимъ

вѣрнымъ другомъ и слугою
«Н. Новиковъ».

7 Маія
1810.

X.

Милостивой государь и любезной другъ Дмитрій Павловичь!

Не могши самъ писать, употребилъ я наилучшаго моего секретаря, которому и прошу васъ вѣрить, не смотря на всю его вѣтренность; онъ впротчемъ человѣкъ честной, ни въ кражѣ, ни въ плутовствѣ по сіе время приличенъ еще не былъ. Послѣ сего вступленія, собираемся мы приступить къ писанію самаго письма.

1. Присланное отъ васъ письмецо, прочитавъ съ сожалѣніемъ, возвращаю. Ежели вы вспомните, то я вамъ предсказывалъ подобный сему отвѣтъ. Всего лучше замолчать и ожидать что̀ будетъ еще далѣе.

2. Вы позабыли, или захлопотались, по обѣщанію вашему прислать мнѣ копію съ ф. системы; постарайтесь сдѣлать мнѣ сіе одолженіе. Ежели что узнаете новаго по сей матеріи, то прошу меня извѣстить; а притомъ прошу и писать не такъ связно. Послѣднія ваши два письма я едва, едва могъ разобрать: глаза мои очень слабѣютъ.

3. Обстоятельства мои хозяйственныя принудили меня продать отхожую землю въ пяти верстахъ отъ меня состоящую, не имѣвъ же кромѣ васъ никого кому бы сдѣлать довѣренность, то есть кто бы захотѣлъ потрудиться совершить на оную купчую, рѣшился я въ надеждѣ на дружбу вашу написать на имя ваше вѣрющее письмо, здѣсь прилагаемое, прося покорно сдѣлать мнѣ сіе одолженіе. Покупщикъ графа Бобринскаго крестьянинъ, а купчую совершать надлежитъ на имя графское. При написаніи купчей вѣроятно встрѣтятся затрудненія по запрещеніямъ, но они пустыя; вручитель сего вамъ донесетъ о томъ. Ежели вы разсудите попросить о семъ Лукьяна Яковлевича, *) то онъ васъ можетъ облегчить въ семъ случаѣ: ему тамъ всѣ знакомые. Купчую по совершеніи прошу прислать ко мнѣ.

О назначеніи же цѣны за проданную землю вручитель вамъ донесетъ. Постарайтесь, любезнѣйшій другъ,

*) Яковлева, коего сынъ, сенаторъ Михаилъ Лукьяновичъ, извѣстный ценсоръ и товарищъ Пушкина. П. Б.

симъ меня одолжить, и чемъ скорѣе это дѣло окончите, тѣмъ для меня полезнѣе. Мнѣ сказывали, что тотъ человѣкъ, которому отъ графа Бобринскаго дана довѣренность, вамъ какъ-то знакомъ, но я теперь не могу вспомнить его фамилію; покупщикъ крестьянинъ скажетъ его фамилію; прикажите вручителю его къ себѣ представить.—Сосѣду вашему я не почитаю нужнымъ сказывать до моего пріѣзда, почему ежели бы можно было обойтись безъ Лукьяна Яковлевича, такъ бы это было лучше; мнѣ кажется, что ежели бы братецъ вашъ послалъ отъ себя попросить надсмотрщика, такъ бы это было всего легче и лучше, и дешевле. Деньги, сколько будетъ нужно на пошлины и совершеніи купчей, даны вручителю сего; приказывайте ему употреблять, сколько будетъ нужно. Я такъ увѣренъ въ дружбѣ вашей, что и не спрося у васъ позволенія написалъ вѣрющее письмо на имя ваше.

Милостивой государынѣ Екатеринѣ Ивановнѣ свидѣтельствую искреннее и усердное мое почтеніе, и таковое же батюшкѣ вашему, Александру Григорьевичу, и сестрицѣ. При семъ случаѣ мой секретарь оказался истинною секретаршею, потому что вступился тотчасъ, для чего я поставилъ сестрицу вашу послѣ Александра Григорьевича. Вотъ каковы нынѣшнія Евы! Впрочемъ пожелавъ вамъ милости и благословенія Господня, а съ ними добраго здоровья и всѣхъ благъ, пребуду, всегда съ искреннею любовію и почтеніемъ

вашимъ покорнѣйшимъ слугою
«Н. Новиковъ».

1810 года
Ноября 14.

Любезному другу Дмитрію Павловичу приношу благодарность какъ за благосклонное письмо, такъ и за книгу перевода его, и сердечно желаю ему того переводчества, о которомъ сказано 1 Корин. XII. 10, и есмь съ усердіемъ и почтеніемъ покорнѣйшій слуга

Семенъ Гамалея.

Милостивой государынѣ Екатеринѣ Ивановнѣ свидѣтельствую искреннѣйшее мое почтеніе, также и м. г. Дмитрію Павловичу.

Вѣра.

P. S. Покорнѣйше благодарю за присланную книжку, она мнѣ весьма, весьма полюбилась: видно, что авторъ ея обучался весьма въ доброй школѣ, что онъ въ одномъ мѣстѣ весьма искусно даетъ замѣтить. Ежели можно, то прошу покорно выписать мнѣ ее на бѣлой бумагѣ пять книжекъ безъ переплета, и увѣдомить меня что онѣ будутъ стоить. Вы тѣмъ меня очень одолжите.

P. S. Паче чаянія ежели не достанетъ у вручителя денегъ, то покорно прошу дать ему, сколько будетъ нужно; я при первой посылкѣ съ благодарностію возвращу.

P. S. Наталія Ильинична поручила мнѣ свидѣтельствовать вамъ ея почтеніе. А я отъ себя ставлю прекрупное NB, разсуждаю и замѣчаю, что память ваша такъ скудельна и разбивается какъ стекло того стакана, которой вы хотѣли ей подарить: моя память напротивъ того гораздо тверже вашей, потому что я и теперь еще помню, что обѣщаніе это было за столомъ. Это, да будетъ сказано мимо-

*

ходомъ, по Русской пословицѣ, гласящей такъ: *я говорю на обумъ, а ты бери себѣ на умъ.*—Я люблю Русскія пословицы, онѣ очень нравоучительны и исправляютъ даже и память.

P. S. Секретарь мой человѣкъ предорогой, у васъ во всемъ почт-амтѣ такого нѣтъ; я было и позабылъ васъ увѣдомить о вашей коммиссіи, но мнѣ съ учтивостію напомнили, и тогда я увидѣлъ, что всегда бываетъ нехорошо, когда мы чѣмъ похвастаемся: не успѣлъ еще и похвалиться, что моя память тверже вашей, какъ увидѣлъ, что она такова же, какъ и ваша, и я забылъ васъ увѣдомить, что племянникъ мой Каверинъ у меня былъ и сказывалъ, что племянникъ же мой новой засѣдатель Каширской отправилъ приказнаго въ ту деревню, которую вы желаете купить, и приказалъ ему сдѣлать порядочную опись всему, и обо всемъ развѣдать, и ко мнѣ ее доставить. Ежели вамъ это угодно, то за сіе извольте благодарить не меня, а секретаря моего, которой мнѣ то напомнилъ. Не худо и секретарю хоть рюмочку подарить. Вы знаете, что секретари подарки любятъ; объ этомъ еще и покойной Сумароковъ писалъ въ Трудолюбивой Пчелѣ.

XI.

Милостивый государь и любезнѣйшій другъ Дмитрій Павловичъ!

Извините меня, что я по разнымъ обстоятельствамъ такъ долго къ вамъ не писалъ. Буду теперь, сколько смогу, отвѣтствовать на послѣднее ваше письмо.

Мы всѣ сердечно обрадовались, услышавъ о выздоровленіи сестрицы вашей. Лѣкарство, о которомъ вы меня спрашивали и котораго ей дано было три порошка, точно таково, за какое оно вамъ дано, и какимъ вы думали его почитать. Оно получено отъ меня, и о которомъ я увѣренъ, что черезъ него, а не чрезъ бѣднаго крестьянина Господь Богъ по милосердію Своему исцѣлилъ сестрицу вашу: будьте и вы въ этомъ увѣрены.

Усердно поздравляю васъ съ полученіемъ новой монаршей милости, о чемъ я узналъ изъ Сѣверной Почты.)

Имѣете ли вы письма отъ Александра Ѳедоровича, или отъ Ивана Потаповича? Мы къ нимъ писали, но по сіе время ничего въ отвѣтъ не получили: видно, что письма наши не полюбились. Ежели вы что знаете, то пожалуйте увѣдомите и насъ.

Усугубляю покорнѣйшую прозьбу мою объ окончаніи дѣла моего и о совершеніи крѣпости. Крестьянинъ каждую недѣлю навѣщаетъ меня и проситъ неотступно.

Нѣмецкую піесу письменную, комментаріи для перевода, прошу покорно, переведена она или нѣтъ, мнѣ оную возвратить; я въ ней прекрайнюю имѣю нужду.

Милостивой государынѣ Екатеринѣ Ивановнѣ прошу засвидѣтельствовать искреннее и усердное мое почтеніе.

Впротчемъ, пожелавъ вамъ милости Божіей, а съ нею добраго здоровья и

) Изъ С. Почты 1811, № 73, отъ 13 Сент. видно, что служащій въ вѣдомствѣ министерства вн. дѣлъ по почтовому департаменту статскій совѣтникъ Руничъ пожалованъ орденомъ св. Владимира 4-й степ. П. Б.

всѣхъ благъ, останусь навсегда съ искреннею любовію и почтеніемъ

вашимъ покорнѣйшимъ слугою
«Н. Новиковъ».

23 Сентября
1811.

Приписка Гамалѣя: Милостивой государынѣ Екатеринѣ Ивановнѣ и милостивому государю Дмитрію Павловичу свидѣтельствую мое усердное почтеніе.

XII.

Милостивый государь и любезный другъ Дмитрій Павловичь!

Два письма ваши я получилъ, за которыя усердно благодарю, и прошу извинить меня, что я по нездоровію, недосугамъ и хлопотамъ по сіе время не отвѣчалъ, и теперь не на все отвѣчать буду.

1. Приложенное письмо прошу переслать по надписи, а меня передъ нимъ извинить, что я по тѣмъ же причинамъ нынѣ къ нему не пишу, а буду писать впредь.

2. Нѣмецкую піесу прошу покорно непремѣнно прислать, запечатавъ, съ подателемъ сего; она мнѣ крайне нужна, а вы можете докончать оную по пріѣздѣ моемъ въ Москву; я надѣюсь, ежели Господь Богъ благословитъ, пріѣхать по первому зимнему пути.

3. Крестьянина графа Бобринскаго, купившаго землю, я пришлю къ вамъ на сихъ дняхъ; пусть онъ самъ хлопочетъ, а васъ покорнѣйше прошу постараться объ окончаніи сего дѣла; мнѣ же онъ наскучилъ, да нужно при томъ получить отъ него остальныя деньги, которыя мнѣ очень нужны къ отъѣзду моему въ Москву.

Увѣдомьте меня: Александръ Григорьевичь и сестрица пріѣхали ли изъ деревни въ Москву, и отвѣчалъ ли онъ на полученное имъ отъ А. Ѳ. письмо; я бы совѣтывалъ ему, ежели еще онъ не отвѣчалъ, поспѣшить исполненіемъ христіанской должности, къ которой мы всѣ обязаны, и тѣмъ соотвѣтствовать возстановленію добраго согласія между всѣми добрыми людьми. Я прошу васъ при засвидѣтельствованіи усерднаго моего почтенія и любви А. Г. прочесть ему сію статью моего письма и попросить о благосклонномъ прнятіи сего моего усерднаго прошенія и незамедлительнаго исполненія онаго.

Милостивой государынѣ Екатеринѣ Ивановнѣ и милостивой государынѣ Александрѣ Павловнѣ свидѣтельствую усердное мое почтеніе.

Вы весьма худо меня разумѣли, начавши употребленіе солнечной тинктуры, какъ вы меня увѣдомили, и совѣтую тотчасъ прекратить оное; по свиданіи съ вами я объясню вамъ причину сего совѣта, а теперь только повторю еще о скорѣйшемъ прекращеніи.

Семенъ Ивановичь благодаритъ васъ за приписаніе ваше и усердно вамъ кланяется.

Больной мой секретарь свидѣтельствуетъ усердное свое почтеніе м. г. Екатеринѣ Ивановнѣ, а притомъ и вашему высокородію.

Впротчемъ, пожелавъ вамъ всѣмъ милости и благословенія Господня, а съ ними добраго здоровья и всѣхъ истин-

ныхъ благъ, останусь навсегда съ искреннею любовію и почтеніемъ

вашимъ
вѣрнымъ и покорнѣйшимъ слугою
«Н. Новиковъ».

Октября 18
1811.

XIII.

Милостивый государь и любезнѣйшій другъ Дмитрій Павловичь.

Покорно благодарю васъ и милостивую государыню Екатерину Ивановну за всѣ ваши дружескія угощенія и ласки въ бытность нашу оказанныя. Во извѣстіе вамъ доношу, что мы насилу, насилу дотащились въ 11 часовъ вечера, и теперь такъ разстроился, что насилу смогу сказывать что̀ писать.

Приложенныя письма прошу разослать по надписямъ. Прошу потрудиться послать приложенную записочку къ Ивану Ивановичу Переплетчикову, и ежели у него мои книги готовы, то принявъ отъ него переслать ко мнѣ съ почтою.

Любезнѣйшимъ друзьямъ Григорью Максимовичу, Александру Григорьевичу и милостивой государынѣ Александрѣ Павловнѣ, сказать усердное мое почтеніе.

О случающихся у васъ новостяхъ не лѣнитесь увѣдомлять насъ. Хотѣлъ бы и больше писать, но право не смогу, а потому и окончу, пожелавъ вамъ всѣмъ милости Божіей и добраго здоровья, останусь навсегда съ искреннею любовью и почтеніемъ

вашимъ
вѣрнымъ и покорнѣйшимъ
слугою
«Н. Новиковъ».

Апрѣля 12
1812.

Милостивой государынѣ Екатеринѣ Ивановнѣ и м. г. Дмитрію Павловичу усерднѣйше кланяюсь, прошу меня извинить, что не пишу; съ слѣдующею почтою не премину исполнить оное и благодарить за всѣ ласки.

Вѣра.

Mille jolies choses à mon aimable Madame Tcherewine; j'embrasse mon petit favori.

P. S. Извѣстно ли вамъ что нибудь о моемъ поварѣ, то прошу увѣдомить.

XIV.

Почтенный и любезный другъ и милостивый государь Д. П.

За любезное мнѣ письмо ваше и за присланныя книжицы искренне благодарю, отвѣтствовать же на оное теперь не буду и оставляю до спокойнѣйшаго мнѣ времени, ибо предлежитъ горькая матерія, о которой писать должно и нужно:

1. Дружеской вашъ совѣтъ въ разсужденіи пріѣзда моего въ Москву съ благодарностію пріемлю. Къ пріѣзду моему были двѣ побудительныя причины: первое увидѣться съ вами, тремя или четырьмя друзьями и что можно къ вашимъ услугамъ сдѣлать; а другая, чтобы сократить время по дѣламъ. А какъ вы изъявили въ письмѣ вашемъ прямо-дружескую готовность помочь мнѣ и дѣло исполнить безъ моего пріѣзда, то я и рѣшился оной отмѣнить. На сей конецъ прилагаю письмо къ Лукьяну Яковлевичу и обстоятельную записку о существѣ дѣлъ моихъ. Самая главнѣйшая нужда моя сдѣлать пересрочку на 12 лѣтъ въ Опекун-

скомъ Совѣтѣ, срокъ же назначенъ для сихъ пересрочекъ по первое Генваря 1814-го; а съ тѣми, которые до перваго Генваря пересрочки не сдѣлаютъ, съ тѣми предписано поступать по всей строгости законовъ, то есть описывать имѣніе и продавать съ аукціону. Изъ чего и видите, что ежели я до перваго Генваря сей пересрочки не сдѣлаю, то я и все семейство мое должны будемъ лишиться послѣдняго оставшагося убѣжища. О семъ то я васъ и Лукьяна Яковлевича препокорнѣйше прошу употребить все стараніе и помощь къ избавленію грозящаго неизбѣжнаго бѣдствія. Главнѣйшей страхъ мой происходитъ, что успѣю ли я въ сіе время получить деньги, ибо у меня только и надежды къ полученію денегъ, что продать излишнія квитанціи на поставленныхъ въ ополченіе; но какъ сіе дѣло происходитъ съ великими затрудненіями, то я и боюсь, что успѣю ли это дѣло сдѣлать, не смотря на то, что охотники уже нашлись и въ цѣнѣ согласились. На сей то конецъ я васъ и Лукьяна Яковлевича препокорнѣйше прошу, не можно ли вамъ изобрѣсть какое средство къ тому, чтобъ не пропустить первое Генваря въ пересрочкѣ, и такъ будущее мое и всего семейства спокойство предаю въ ваши руки. Милосердый Господь Богъ да просвѣтитъ и вразумитъ васъ исполнить сіе христіанское и братское дѣло любви.

Я крайне растревоженъ моими припадками и хлопотливыми обстоятельствами, что съ нуждою могу сказывать что писать.

2. Ежели бы можно было найти купить билетъ коммиссіи о погашеніи долговъ, такъ бы для меня это было весьма выгодно.

3. Также не можно ли вамъ найтить добраго человѣка, которой бы взялся исполнить все касающееся до рекрутскаго набору. О всѣхъ сихъ моихъ покорнѣйшихъ прозьбахъ съ вручителемъ сего, увидѣвшись съ Лукьяномъ Явовлевичемъ, прошу успокоить меня хотя нѣсколькими строками, до полученія которыхъ я все буду въ тревожномъ безпокойствѣ.

Впротчемъ, препоруча себя въ дружескую вашу любовь и испрашивая на васъ милосердія и благословленія Господня, останусь на всегда съ искреннею любовію и почтеніемъ

вашимъ
искреннимъ, вѣрнымъ и благодарнымъ
слугою
«Н. Новиковъ».

P. S. Покорнѣйше благодарю за пощаду бѣдныхъ глазъ моихъ присылкою восковыхъ свѣчь. Съ насиліемъ себя извѣщаю васъ, что я получилъ ихъ не пудъ, но 18 фун. Я хотѣлъ было о семъ умолчать, но другъ нашъ С. И. убѣдилъ меня своими доказательствами, что я долженъ васъ о томъ увѣдомить, что симъ и исполняю, не свою, но его волю. Ежели это шалость отправлявшаго, то прошу вспомнить на сей разъ сказанное: будите милостивы и пр.— отпустите и отпустится вамъ.

Декабря 7-го 1813.
С. Тихвинское.

XV.

†

I. № 1.

«Письмо ваше, почт. и люб. др. и бр. Д. П., со всѣми приложеніями, я

получилъ: благодарю васъ и м. г. Лукьяна Яковлевича за все сдѣланное вами по дѣлу моему; но прочтенное мною въ письмѣ вашемъ, что нѣтъ никакой надежи сдѣлать денежной изворотъ до полученія мною денегъ за три сторгованныя у меня зачотныя квитанціи такъ взбунтовало мои геморοиды и въ такой привело страхъ, что я не въ силахъ описать вамъ того состоянія. Вы можетъ быть не повѣрите, что я въ 1792 году, когда меня взяли въ постели и повезли, былъ гораздо спокойнѣе нежели нынѣ. Тогда была надежда и увѣренія, что я одинъ страдать буду; а нынѣ нѣтъ надежды, и я видѣлъ предъ собою пропасть, въ кою повергнуться должны не одинъ я, но все семейство и живущіе со мною друзья, что раздирало сердце мое. Вы не можете вообразить сего мучительнаго состоянія, въ коемъ я находился. Такая сумма, такой короткой срокъ, въ деревнѣ, приводили меня въ ужасъ, и я щиталъ себя и всѣхъ живущихъ со мною погибшими. На третій уже день, по милосердію Господню, стали нѣсколько просвѣтляться мысли, возраждаться надежда, и я могъ думать и дѣлать дѣло, а прежде не только страдалъ и мучился, но долженъ былъ все сіе скрывать отъ всѣхъ, и они примѣтили только, что я получилъ какое нибудь непріятное извѣстіе. Я сдѣлалъ все отъ меня зависящее и возможное мнѣ, но все сіе, безъ помощи вашей, не надежно и безсильно помочь мнѣ. Послѣ милосердаго Господа Бога, изъ человѣковъ вы четверо только мнѣ остались, отъ коихъ могу ожидать помощи: вы съ Лукьяномъ Яковлевичемъ и Хар. Андр. съ Матв. Яковл. *) Я просилъ милосердаго Господа, чтобы Онъ благоволилъ коснуться перстомъ милосердія сердцамъ вашимъ, подвигнуть оныя и повторить въ нихъ слова Его, нѣкогда ученикамъ Его сказанныя: ежели кто и чашку холодной воды подастъ во имя Мое *яко ученику*, тотъ не лишится награды своей. Какой же награды долженъ ожидать тотъ, которой спасаетъ отъ погибели цѣлое семейство! Да исполнитъ милосердый Господь Богъ сіе мое бѣдное прошеніе и да учинитъ васъ орудіемъ благости Своей ко мнѣ и семейству моему. Я умоляю васъ въ пресвятѣйшее имя вашего, и моего, и общаго всѣхъ насъ Спасителя и милосердаго Господа І. Х., не оставьте меня въ сей горькой крестной часъ со всѣмъ семействомъ моимъ: войдите не разумомъ, но сердцемъ въ горестное мое состояніе: оно иное скажетъ нежели разумъ. Можетъ быть въ немъ отзовутся слова: въ какую мѣру мѣряете другимъ, въ ту и вамъ отмѣряно будетъ; и вѣрно оно пожелаетъ услышать слова божественнаго милосердія: пріидите ко Мнѣ благословенные Отца моего, и проч. Можетъ быть поставлены всѣ мы на опытъ и испытуемся; и такъ часъ дорогъ. Я читалъ гдѣ то: упустя данную птицу изъ рукъ, въ другой разъ не поймаешь. И такъ, по милосердомъ Господѣ Богѣ и Спасителѣ нашемъ, предаю судьбу мою, семейства и друзей, живущихъ со мною, въ руки ваши, прибавя только слова Спасителя нашего: будите милостивы, яко же Отецъ вашъ мило-

*) Харитонъ Андреевичъ Чеботаревъ и Матвей Яковлевичъ Мудровъ. П. Б.

сердъ есть, и проч.; также мои слова: можетъ быть въ жизни вашей другаго подобнаго сему опыта имѣть не будете—и замолчу.

Я хотѣлъ было писать къ общему др. нашему Х. А. о семъ; но, зная нѣжность и чувствительность сердца его и любовь его ко мнѣ, побоялся, чтобы онъ не испугался, что̀ въ болѣзни его могло быть крайне вредно и опасно. И для того просилъ Ив. Сидор., чтобы онъ какъ возможно деликатнѣе сказалъ и просилъ бы его и Мат. Яковл. о помощи, и ежели что могутъ сдѣлать, то, получа то, тотчасъ бы доставилъ къ вамъ. Ежели и вы можете увидиться съ нимъ, то попросите и вы его о семъ; но, Бога ради, скажите ему какъ можно деликатнѣе, чтобъ не испугать его: я страшусь этого.

Выше сказалъ я, что я все зависящее отъ меня и возможное сдѣлалъ; оное есть слѣдующее:

1) Я попросилъ Ив. Сид. отвесть письмо мое къ купцу, съ коимъ имѣю дѣло и котораго просилъ, чтобы одолжилъ меня 3000 руб., или сколько можетъ, а И. С. поручилъ, что̀ получитъ, доставить къ вамъ тотчасъ.

2) Объявленіе въ Оп. Сов. подписанное прилагаю; но какъ Л. Я. пишетъ, чтобы прислалъ бланковой листъ простой бумаги подписанной, то въ запасъ и сей прилагаю.

3) Вѣрющее письмо на имя Ивана Яковлевича, переправленное мною и съ формою въ 99 № Моск. Вѣд. соглашенное и засвидѣтельствованное, прилагаю.

4) Свидѣтельство Земскаго Суда, требуемое въ формѣ, и

5) Двѣ подлинныя квитанціи на 18 человѣкъ прилагаю.

6) Нашелся охотникъ на четвертую квитанцію, за такую же цѣну, какъ и первыя три сторгованы, по 2100 руб. каждая. Сей послѣдній согласился дать деньги впередъ подъ мою росписку до полученія квитанцій и на сихъ дняхъ обѣщался привезть деньги; ежели получу, тотъ же часъ къ вамъ ихъ отправлю. И прежніе трое согласны были отдать деньги впередъ, но какъ они удѣльные, то ѣздили въ Москву у командира просить позволеніе, но онъ имъ запретилъ давать деньги до 1 Генваря, а послѣ позволилъ. Отъ сего то и произошло все медленіе, а то давно было бы все кончено.

Вотъ все, что̀ я могъ сдѣлать.— Ежели же вышепомянутой купецъ откажетъ, ежели Хар. Андр. и Матв. Яковл. скажутъ, что они не могутъ помочь, то уже вы съ Лук. Яковлев. помогите, или взносомъ денегъ, или не можетъ ли Лукьянъ Яковлевичъ купить билеты Коммиссіи о погашеніи долговъ съ обожданіемъ денегъ до продажи квитанцій; 7 или 8 излишнихъ, пусть останутся у него въ томъ залогомъ, да которыя и у меня сторговали, и тѣхъ я къ нему же адресую для окончанія сдѣлки, по чему и все производство дѣла будетъ въ его рукахъ.

И какъ помнится мнѣ, что при продажѣ квитанцій должно совершать и купчую, то на сей конецъ попросите Лук. Яковл., чтобы онъ пожаловалъ прислалъ для сей сдѣлки черное вѣрющее письмо, такъ написавъ и засвидѣтельствовавъ, къ вамъ доставлю.

Вотъ все, что̀ Господь Богъ даровалъ и вразумилъ меня написать къ вамъ, а моя голова совсѣмъ была къ тому неспособна. Судьба наша теперь

въ вашихъ рукахъ. Да просвѣтитъ и вразумитъ васъ Господь Богъ исполнить волю Его объ насъ и да наградитъ васъ за благость вашу милосердіемъ Своимъ. Аминь.

Простите; поручая себя и всѣхъ моихъ вашей бр. христіан. любви, останусь навсегда съ искреннею любовію, почтеніемъ и благодарностію вашимъ вѣрнымъ другомъ и

покорнѣйшимъ слугою
Николай Новиковъ.

16 Декабря 1813».

XVI.

†

«Милостивый государь, любезный и благодѣтельный другъ Д. П.

Во первыхъ поздравляю васъ съ прошедшимъ торжественнымъ и всерадостнымъ для всего христіанства днемъ воспоминанія Рождества Христова и желаю, чтобъ милосердый Господь Богъ нашъ дозволилъ вамъ и всѣмъ намъ праздновать сей великій день не наружно токмо и обрядно, но и внутренно и духовно! Поздравляю также и съ наступающимъ новымъ годомъ, и отъ искренняго сердца желаю и молю милосердаго Господа Бога и Спасителя нашего І. Х., да изліетъ Онъ на васъ и на все семейство ваше отъ щедротъ милосердія Своего столько же и еще съ лихвою, сколько оказали вы истинно христіанско-братской любви и состраданія ко мнѣ и семейству моему (о чемъ увѣдомилъ меня И. С), и да допуститъ Онъ васъ нѣкогда услышать слова Его: пріидите благословенные отца Моего наслѣдовать царство, уготованное вамъ отъ сотворенія міра, и проч. Аминь!!! вѣруйте сему! и будутъ во истинну слова сіи для васъ, не пустые комлименты. Я вѣрую, что сердце ваше нѣкогда возрадуется о нихъ. Вѣруйте, что Тотъ, Которой произнесъ сіе благословенное обѣщаніе, силенъ есть и исполнитъ оное. Аминь!!!

Не могу я изъяснить мучительнаго состоянія, въ коемъ я находился, до полученія послѣдняго письма И. С. Скажу коротко: я висѣлъ на волоскѣ между страха и надежды. Но кто Богъ велій, яко Богъ нашъ, Онъ есть Богъ творяй чудеса! Кто коснулся перстомъ милосердія сердцу императрицы? *) Кто подвигъ оное къ состраданію? Кто побудилъ ее отмѣнить свое опредѣленіе и продолжить еще срокъ для пересрочки? Во истинну видимъ нынѣ ясно, что сердце царское въ рукѣ Божіей! Да будетъ же за все благодареніе, честь, слава и поклоненіе во вѣчность, единому вѣчно-всемогущему, вѣчно-праведному, вѣчно-милосердому Господу Богу нашему, Отцу, Сыну и Духу святому. Аминь. Аллилуіа!!!

Я начинаю дышать свободнѣе.— Приложенной пакетъ прошу поскорѣе приказать доставить Лукьяну Яковлевичу. Я просилъ его взять справки вновь въ Опекунской Совѣтъ о числѣ душъ по 6 ревизіи, такъ можно будетъ и проценты причислить къ капитальной суммѣ на 12 лѣтъ, отъ чего денежной взносъ много умень-

*) Маріи Ѳедоровны.

шится, и для меня гораздо полезнѣе. Попросите объ этомъ и о прочемъ, о чемъ я его просилъ. Къ Ивану Яковлевичу о квитанціяхъ писалъ и просилъ его выхлопотать послѣднія три квитанціи, коими предводитель нашъ обижаетъ меня: я долженъ получить 8 квитанцій, а не 5, и приложилъ письмо къ предводителю и объявленіе на гербовой бумагѣ къ нему же, въ коихъ доказано, что онъ въ число явившихся 3 человѣкъ показалъ лишнихъ, и даже одного чужаго, коего имени нѣтъ у меня и въ ревизской сказкѣ.

Пять квитанцій, кои вамъ подалъ І. Я., покорно прошу ко мнѣ прислать, запечатавъ; я надѣюсь ихъ продать всѣ: ихъ хотятъ купить изъ двухъ волостей, и сіе должно кончиться въ теченіи недѣли послѣ новаго года; а ежели бы, паче чаянія, сія покупка не состоялась, то возвращу ихъ къ вамъ, чтобъ продать ихъ въ Москвѣ; но кажется, что тѣ или другія вѣрно купятъ здѣсь.

Въ бывшихъ моихъ обстоятельствахъ, я и забылъ просить васъ о газетахъ, почему и прошу покорно по приложенной запискѣ для насъ записать и высылать, а деньги за нихъ взнесу послѣ, теперь нѣтъ. Не можно ли сдѣлать одолженіе приказать чтобъ Сѣверную Почту газетная экспедиція выписала на себя и отправляла съ Московскими газетами въ одномъ пакетѣ на мое имя, чтобъ г. Преображенской не имѣлъ права распечатывать онаго, а то онъ насъ обижаетъ. Также ежели вы получаете для себя Инвалида, то не можно ли приказать и оной прислать къ намъ для прочтенія, а я исправно возвращать буду.

Ежели Господь Богъ благословитъ, то съ первыми ѣздоками пришлю вамъ на новой годъ подарокъ, коимъ, надѣюсь, вы будете довольны.

Испрашивая на васъ и на семейство ваше милосердіе и благословеніе Господне, останусь навсегда съ искреннею любовію, почтеніемъ и благодарностію вашимъ вѣрнымъ и благодарнымъ другомъ и покорнѣйшимъ слугою

«Н. Н».

30 Декабря 1813.

XVII.

Милостивый государь, любезнѣйшій другъ Дмитрій Павловичь!

Извините, что не самъ пишу, крайне разстроенъ, и погода и всѣ обстоятельства тѣснятъ, я очень нездоровъ. Посылаю къ вамъ обѣщанной на новый годъ подарокъ, къ которому хотѣлъ я написать предисловіе или лучше сказать предъусловіе, но ни голова, ни рука не слушаются, а секретарь мой такъ глупъ и вѣтренъ, что сей работы я ему поручить никакъ не могъ; думаю, что и вы со мною совершенно будете согласны. Потерпите же, ежели Господь Богъ благословитъ, я, написавъ оное, къ вамъ доставлю. Приложенной пакетъ прошу покорно приказать поскорѣе доставить къ Ивану Яковлевичу: это отвѣтъ на его письмо, полученное мною на послѣдней почтѣ.

Ежели у васъ прошлогодній собственной вашъ Инвалидъ здравствуетъ еще, то пожалуйте пришлите его къ намъ за весь годъ; я по немъ хочу секретаря своего учить чтенію, а каково пишетъ онъ, это вы видите: не

можно ли также сообщать намъ для прочтенія и Петербургскихъ вашихъ газетъ и новаго Инвалида; мы вамъ все въ цѣлости возвращать будемъ, и чтобъ вамъ по такимъ прозьбамъ не имѣть никакого безпокойства и заботы, то прошу поручить сію коммиссію любезному моему Өедору Дмитріевичу. Я увѣренъ въ немъ, что онъ по любви своей ко мнѣ не затруднится симъ препорученіемъ.

Посылаю свѣжій померанецъ милостивой государынѣ Катеринѣ Ивановнѣ, при засвидѣтельствованіи моего и секретаря моего усерднаго почтенія, а другой отъ нея, и того два, на новый годъ вмѣсто подарка; пусть она изволитъ сдѣлать бишовъ и васъ попотчиваетъ.

Съ квитанціями моими дѣло все протягивается еще, однако надѣюсь, по полученіи отвѣта отъ Ивана Яковлевича, скоро оное окончить.

Прости, любезный другъ! желаю вамъ новой милости и благословенія Господня, а съ ними добраго здоровья, спокойствія и всѣхъ благъ. Остаюсь навсегда, съ искреннею любовію, почтеніемъ и благодарностію вашимъ вѣрнымъ другомъ и покорнѣйшимъ слугою

«Н. Н».

Генваря 12
1814.
С. Тихвинское.

P. S. Прилагаю сто рублей, на которые прошу сдѣлать одолженіе Семену Ивановичу и мнѣ, вымѣнять мѣдныхъ денегъ половину пятикопѣешниковъ, а другую грошей.

XVIII.

Милостивый государь и любезнѣйшій другъ Д. П!

Благодарю васъ за любезное письмо ваше, которое я читалъ съ сердечнымъ удовольствіемъ, читая въ немъ изображеніе мыслей вашихъ въ разсужденіи подарка: онъ во истинну драгоцѣненъ, и вы еще не знаете въ полной мѣрѣ, какое свидѣтельство сей подарокъ даетъ искренней сердечной моей любви и довѣренности къ вамъ. Однако вы нѣчто пропустили изъ сказаннаго мною, а именно: слова *предисловіе* или *предъусловіе*, которыя слова не безъ намѣренія были помѣщены, а что не яснѣе сказано, тому причина Еввина рука. Теперь буду писать о дѣлахъ и прозьбахъ.

1. Прилагаю вѣрющее письмо на имя Ивана Яковлевича и четыре зачетныхъ квитанціи, которыя у меня здѣсь купили по 2000 руб. каждую, и получилъ я здѣсь по 100 руб. на каждую квитанцію, а остальные по тысячи по девяти сотъ руб. получить въ Москвѣ при совершеніи купчихъ и окончательной сдѣлки. Я пишу къ Ивану Яковлевичу, чтобы онъ по полученіи денегъ доставилъ оныя къ вамъ. Изъ вѣрющаго письма вы увидите, что я продаю Никифора Өедорова съ его семействомъ, его покупаетъ генералъ лейтенантъ Иванъ Петровичь Вырубовъ; только теперь еще немного не согласились въ цѣнѣ; я просилъ Ивана Сидоровича съ нимъ увидиться и дѣло сіе рѣшить, и ежели сія продажа совершится, то и сіи деньги извольте принять къ себѣ. Вы теперь генераль-

ной и полномочной мой повѣренной, такъ уже вы и примите свое мѣры.

2. Попросите какъ возможно наиубѣдительнѣйше Лукьяна Яковлевича, чтобы взять новыя справки для Опекунскаго Совѣта, и чтобы въ залогъ можно было прибавить потребное число душъ, а накопившіеся проценты причислить къ капитальной суммѣ на 12 лѣтъ; симъ вы и Лукьянъ Яковлевичь крайне бы меня обязали. Мой расчотъ состоитъ въ томъ, что теперь за каждый рубль плачу я 4 рубли, а ежели Господь Богъ благословитъ, что война благополучно кончится, то я надѣюсь, что можетъ быть цѣна на серебро упадетъ, и рубли по манифесту придутъ въ опредѣленную цѣну 2 рубли. Такъ судите сами, что я чрезъ это выигрываю, а время для взятья справокъ теперь весьма довольно: въ Московскихъ газетахъ объявлено отъ Опекунскаго Совѣта, что отсрочка продолжится до 1-го Іюля. Пожалуйте постарайтесь уговорить и упросить его сіе сдѣлать.

3. Милосердіе ваше къ бѣднымъ глазамъ моимъ уже догараетъ; въ остаткѣ на лицо по самымъ вѣрнымъ исчисленіямъ состоитъ 3 свѣчи, и о семъ какъ соблаговолите; и пишу я при нихъ весьма, весьма хорошія вещи, которыя со временемъ можетъ быть и вамъ полюбятся.

4. Секретарь мой, какъ и всѣ секретари, твердо знаетъ пословицу: сухая ложка ротъ деретъ, и говоритъ, что онъ всегда трудится, а за труды я ему даю только обрѣзочки веленевой бумаги; да я-де и то употребляю въ дѣло: дѣлаю вершковые и полувершковые альбомчики; ежели угодно вамъ, такъ онъ и вамъ подаритъ, и ежели бы-де у меня была веленевая бумага въ четвертку, или въ осьмушку, и пришла бы-де она прямо въ мои руки, такъ бы надѣлаю чудеса на ней. Вашъ, любезной мой, секретарь кажется не таковъ какъ мой, и мой секретарь вашему завидуетъ въ разсужденіи изобилія его въ бумагахъ разныхъ сортовъ. Я было эту статью и кончилъ, но секретарь мой недоволенъ былъ этимъ, говоря, что въ этой статьѣ говорили, говорили, а ничего не сказали; можетъ-де быть, что онъ и не догадается что надобно сдѣлать, такъ лучше бы написать ясно, вы-де писали только исторически, а надобно бы-де написать экономически; потому что я дискать ото всѣхъ и вездѣ хорошую бумажку собираю, потому что дѣланіе альбомовъ сдѣлалось моею пассіею. А что бы еще болѣе убѣдить васъ, такъ и посылаетъ одинъ изъ таковыхъ альбомчиковъ, который по вашему почерку весьма вамъ будетъ полезенъ.

Впротчемъ пожелавъ вамъ и всѣмъ вашимъ милости и благословенія Господня, а съ ними добраго здоровья, спокойствія и всѣхъ благъ временныхъ и вѣчныхъ, остануся на всегда съ искреннею любовію, почтеніемъ и благодарностію вашимъ вѣрнымъ другомъ и покорнѣйшимъ слугою

«Н. Новиковъ».

Генваря 30
1814.
С. Тихвинское.

XIX.

Милостивый государь и любезнѣйшій другъ Д. П.!

Усерднѣйше благодарю васъ за любезное письмо ваше и исполненіе моей

просьбы въ разсужденіе бѣднаго г. Ѳедяшева, а равномѣрно и за присланную матерію для свѣта, а по просту сказать: за присланныя восковыя свѣчи.

Въ разсужденіи малой покупки переведенной вами книжицы и дивиться нечему: доброму почти всегда худой бываетъ успѣхъ.

Сожалѣю о вашихъ безпокойствахъ по экономической части; я давно зналъ, что она такова, каковою вы ее описываете; на это сказать можно только слышанное мною отъ покойнаго барона Рейхеля: Geduld! mein Bruder, и еще Geduld! Сказываютъ, что сіе лѣкарство весьма полезно въ такихъ обстоятельствахъ.

Къ Лукьяну Яковлевичу и Ивану Яковлевичу я писалъ нынѣ обо всемъ обстоятельно и просилъ И. Я. объ отдачѣ посланныхъ двухъ рекрутъ за мои души; деньги на сіи расходы человѣкъ мой долженъ получить отъ купца за посланныя сукна, но ежели паче чаянія онъ не получитъ, чего однако я не думаю, а пишу только въ запасъ, то прошу покорно одолжить меня въ такомъ случаѣ дать сколько будетъ нужно денегъ на отдачу, а по полученіи за квитанціи извольте ихъ вычесть.

За доставленіе къ намъ Инвалида и Петербургскихъ газетъ, получаемыхъ нами весьма исправно, мы всѣ премного васъ благодаримъ; мы всякую почту нетерпѣливо ожидаемъ извѣстія, что наши вступили въ Парижъ, или врага рода человѣческаго Наполеона убили, или взяли въ полонъ; на тотъ или другой случай у меня сдѣлано распоряженіе, что ежели мы сіе извѣстіе получимъ, хотя бы то было ночью, то сдѣлать троекратной звонъ и итить всѣмъ въ церковь для благодарнаго молебствія и при многолѣтіи Государю Императору и всей его фамиліи, также союзникамъ и всему воинству, опять троекратной звонъ.

Милостивой государынѣ Екатеринѣ Ивановнѣ прошу сказать благодарность и почтеніе наше за ея объ насъ воспоминаніе.

Семенъ Ивановичъ благодаритъ васъ за приписаніе и усердно вамъ кланяется.

Лукья. Яковл. и Ив. Яковл. я просилъ нынѣ о присылкѣ ко мнѣ формы для написанія вѣрющаго письма, какое нужно на имя И. Я., какъ о томъ приписалъ ко мнѣ Л. Я. Повѣренной г. Бека, покупщикъ квитанціи, надѣюсь, что уже въ Москвѣ у И. Я. Впротчемъ пожелавъ вамъ и всѣмъ вашимъ милости и благословенія Господня, а съ ними добраго здоровья, спокойствія и всѣхъ благъ, временныхъ и вѣчныхъ, останусь на всегда съ искреннею любовію, почтеніемъ и благодарностію вашимъ вѣрнымъ другомъ и покорнѣйшимъ слугою

«Н. Новиковъ».

Февраля 25 (1814 г.).

XX.

Любезнѣйшій другъ, милостивый государь Д. П!

Вручитель сего, сынъ покойнаго друга и благодѣтеля нашего Ивана Григорьевича и Натальи Ильиничны, а мой крестникъ, Павелъ Ивановичъ Шварцъ, котораго вамъ рекомендую въ дружескую любовь вашу; онъ по

сердцу своему достоинъ оной, а иначе я бы сего не сказалъ, и эта статья кончена.

А теперь начинаю другую, поручая себя въ ваше премилостивое благорасположеніе. Дѣло стоитъ въ слѣдующемъ: крестникъ мой мѣсяца съ три назадъ, бывъ проѣздомъ у насъ, выручилъ меня изъ прекрайней тогда нужды на покупку хлѣба, далъ мнѣ 500 руб. денегъ, а теперь ему самому прекрайняя нужда, хотя по неправому рѣшенію онъ долженъ однако взнести въ казну слишкомъ 1000 руб., о чемъ онъ вамъ самъ сказать можетъ, почему и прошу покорнѣйше, ежели уже за квитанціи деньги получены, дать ему изъ нихъ пятьсотъ рублей, а ежели еще не получены, а отъ него скоро будутъ требовать взносу въ казну, въ такомъ случаѣ наипокорнѣйше прошу хотя перехватить гдѣ до полученія моихъ денегъ и ему отдать. Не оставьте сей моей покорнѣйшей прозьбы безъ исполненія. Онъ хотя мнѣ въ нынѣшній пріѣздъ ни слова не напоминалъ о сихъ деньгахъ, но для меня тѣмъ мучительнѣе будетъ, ежели онъ что нибудь можетъ потерпѣть отъ этого.

Полюбите его, онъ хотя еще и профанъ, но по сердцу предоброй, а по уму прелюбезной человѣкъ. Я его истинно люблю какъ роднаго сына.

Въ надеждѣ на вашу дружескую въ семъ случаѣ помощь останусь навсегда съ искреннею любовію, почтеніемъ и благодарностію вашимъ вѣрнымъ другомъ и покорнѣйшимъ слугою

«Н. Новиковъ».

Февраля 25
814.

XXI.

Благодарю васъ, любезнѣйшій и благодѣтельный другъ, за послѣднеполученное письмо ваше. Напрасно увѣряете вы меня въ искренности вашей дружбы ко мнѣ: я въ ней совершенно увѣренъ и прямую цѣну оной по благости Божіей хорошо знаю. Станемъ же оба благодарить милосердаго Господа, дающаго въ сердца наши искреннюю любовь; Онъ сказалъ: по сему будутъ признавать васъ за Моихъ учениковъ, ежели будете имѣть любовь между собою.—Онъ же сказалъ: безъ Меня не можете дѣлать ничего. Слѣдовательно Онъ даетъ въ сердца наши любовь; Онъ есть самъ превѣчная любовь, и потому даяй въ сердца наши любовь, даетъ Онъ Себя, и Онъ же сказалъ двѣ заповѣди: любить Бога и любить ближняго, что на сихъ двухъ заповѣдяхъ висятъ весь законъ и пророки. И ученикъ любви святой Іоаннъ сказалъ: Богъ есть любовь, и кто имѣетъ любовь, тотъ пребываетъ въ Богѣ, и Богъ въ немъ пребываетъ и пр. и пр. Слѣдовательно любить Бога и ближняго есть высочайшая степень совершенства человѣческаго.

Премного благодарю васъ за одолженіе сдѣланное мнѣ отдачею 300 р. слугѣ I. Ѳ. и 500 р. П. И. Шварцу. Извольте ихъ вычесть изъ полученныхъ денегъ отъ Ивана Яковлевича. Онъ меня увѣдомилъ, что онъ за вычетомъ употребленныхъ имъ на расходы 244 р., остальные 6756 р. съ промѣномъ подалъ вамъ, а вы поручили Л. Я.

Къ Л. Я. нынѣ же я писалъ и послалъ къ нему вѣрющее письмо по

присланной отъ него формѣ написанное и засвидѣтельствованное на полученіе справокъ изъ Опекунскаго Совѣта.

Я теперь при крайней разстройкѣ здоровья забочусь о покупкѣ хлѣба на прокормленіе людей до новаго урожая и овса на посѣвъ; покуда еще не совсѣмъ испортились дороги, то и цѣны на хлѣбъ подешевле, а какъ совершенно испортятся, то вдругъ возвысится въ полтора раза, что уже со мною нѣсколько разъ случалося. Скажу одинъ случай для примѣра: нѣкогда просилъ я Ѳ. П. выдать мнѣ за поставленныя сукна 2000 р. впередъ; онъ отказалъ, сказавши, что это еще не уйдетъ; мука тогда продавалась отъ 80 до 90 коп. пудъ, сѣно подряжался поставить ко мнѣ на мѣсто Москворѣцкое по 15 к. за пудъ съ его привозомъ, но не имѣя денегъ, не могъ я ни того, ни другаго купить. Чрезъ мѣсяцъ онъ прислалъ деньги уже безъ просьбы моей, путь тогда испортился уже, и я принужденъ былъ купить въ Коломнѣ по рублю по 70 коп. пудъ съ моимъ провозомъ, а сѣно купилъ за 40 верстъ подъ Каширою по 40 к. пудъ, съ моимъ же провозомъ. Разсудите сами, какая ужасная разница. Сего то я и нынѣ опасаюсь.

Къ Ивану Яковлевичу я нынѣ также пишу и посылаю къ нему остальную квитанцію, да у него есть одна и прошу его обѣ продать уже въ Москвѣ, а здѣшній мой покупщикъ покупаетъ охотно почти за туже цѣну, но чтобы денегъ подождать годъ, на что я никакъ не могъ рѣшиться, потому что опасаюсь, чтобы не потерять и всѣхъ денегъ.

Теперь васъ, любезнѣйшій и благодѣтельный другъ, покорнѣйше прошу сдѣлать съ деньгами слѣдующее распоряженіе:

1. Оставить у Л. Я. 3000 р. для Опекунскаго Совѣта.

2. Вычесть вашихъ денегъ 800 р.

3. Дать И. С. Черепанову 1000 р.

4. На 100 руб. прислать съ человѣкомъ моимъ мѣдными 100 р., половину пятикопѣешниковъ, а другую грошей.

5. Остальные 1856 р. въ число сихъ послѣднихъ включить всѣ серебрянныя деньги, о коихъ мнѣ бурмистръ сказывалъ, что онъ отдалъ съ чѣмъ то 1200 р. Мнѣ онѣ нужны, потому что здѣсь на покупку хлѣба серебро, рубли и мелкія, суть наилучшія деньги, а самыя худыя красныя и синія бумажки, потому что промѣнъ на сихъ совсѣмъ пропадаетъ. Исполненіемъ всего онаго вы меня чувствительно обяжете. Ив. Яков. я просилъ по продажѣ двухъ квитанцій полученныя деньги представить къ вамъ же.

Истинно на силу, на силу смогъ это письмо сказывать: такъ разстроился.

Впротчемъ, испрашивая на васъ и семейство ваше благословенія и милосердіе Господня и пожелавъ вамъ добраго здоровья, спокойствія и всѣхъ благъ, временныхъ и вѣчныхъ, остаюсь навсегда съ искреннею любовію, почтеніемъ и благодарностію вашимъ вѣрнымъ другомъ и покорнѣйшимъ слугою «Н. Новиковъ».

Марта 13 (1814).

P. S. Милостивой государынѣ Катеринѣ Ивановнѣ свидѣтельствую мое и пишущей искреннее почтеніе.

P. S. Семенъ Ивановичь благодаритъ васъ за приписаніе и усердно кланяется.

P. S. Оставшуюся у меня квитанцію прилагаю здѣсь, прося доставить ее Ив. Яков.

P. S. Нѣтъ-ли у васъ ординарной хорошенькой бумаги стопу, величиною по прилагаемому здѣсь листу для переводовъ С. И.? Послѣднюю поѣздку привезли мнѣ за 9 руб. стопу, какову видите въ прилагаемомъ листѣ: рука даже устаетъ писать на ней, и почему она у васъ будетъ въ подрядѣ, прошу меня увѣдомить.

P. S. Милостивой государынѣ Катеринѣ Ивановнѣ моя хозяйка, исправляющая секретарскую должность, посылаетъ 35 свѣжихъ яичекъ, коихъ только и набралось и притомъ тельца питомаго съ головою, ногами и пр. и желаетъ вамъ во здравіе кушать: она очень рада будетъ, ежели хорошо довезутъ.

P. S. Серебряныя деньги прикажите положить въ какой нибудь ящикъ, завязать и запечатать, а ассигнаціи запечатать въ пакетъ и отдать Патрекѣю, чѣмъ всѣмъ одолжите.

XXII.

†

На два письма ваши, почтенный и благодѣтельный другъ, мною полученныя, буду отвѣчать, сколько рука будетъ повиноваться. И первое, благодаря за нихъ и за все сдѣланное вами, а также и за присланную бумагу, скажу, что я съ ними поступилъ по желанію вашему и прошу равнаго воздаянія. Письма ваши застали меня въ сильной простудѣ, хотя я всю зиму изъ горницы не выхожу, и притомъ въ сильной гемороидальной разстройкѣ и слабости; прочтеніе же писемъ все сіе весьма умножило, такъ что не знаю, буду ли въ силахъ начатое окончать. Но буду отвѣчать сколько смогу, въ случаѣ нужды употреблю руку Вѣры, которая и сама нездорова: пуще всего мѣшаетъ сильной кашель. И такъ.

1) Спаситель нашъ сказываетъ: тѣсенъ путь и узки врата для входа въ царствіе небесное. Ап. Павелъ говоритъ: и всѣ хотящіе жить благочестиво, будутъ гонимы, и понеже мы удостоились быть крестоносцами, то и должны ожидать гоненія; ибо Спаситель говоритъ: ежели бы вы были изъ міра, такъ міръ любилъ бы васъ, но понеже Я избралъ васъ изъ міра, сего ради міръ васъ ненавидитъ, и пр. и пр.—Лѣкарство противу гоненія самое сильное и вѣрное молитва за враговъ нашихъ и гонителей; я знаю человѣка, которой ежедневно между прочимъ молится и проситъ, чтобы Господь даровалъ ему желаніе и силы любить враговъ его, дѣлать добро ненавидящимъ его и молиться за гонителей его и дѣлающихъ обиды и напасти. Но на что намъ человѣческіе примѣры: самъ божественный Учитель нашъ на крестѣ молится за враговъ и гонителей Своихъ, и даже извиняетъ ихъ, что они дѣлаютъ сіе по незнанію. Какая нѣжная, возвышенная и воистинну Божественная любовь! Станемъ же и мы подражать ей, будемъ молиться за враговъ и гонителей нашихъ и любить ихъ, вооружимся щитомъ вѣры, о которой всѣ огненныя стрѣлы врага нашего діавола и апостоловъ его притупляются;

будемъ вѣровать, что не возложится на насъ тяготы больше, нежели сможется понести; да будетъ за все и за сіе честь, слава, благодареніе и поклоненіе милосердому Господу Богу нашему Отцу, Сыну и Духу Святому во всю вѣчность, Аминь!!! Ежели Богъ по насъ, то кто на насъ!—тіи спяти быша и падоша, мы же возстанемъ и исправимся. И на закуску послушаемъ Іова, учащаго жену свою: Благая отъ руки Господней пріяхомъ, злыхъ ли не стерпимъ?—Терпѣніе! терпѣніе! и долготерпѣніе! А Премудрый утѣшаетъ насъ слабыхъ: кого любитъ Господь, наказуетъ и пр.—Сама превѣчная любовь увѣряетъ насъ, что безъ воли Отца нашего небеснаго и волосъ съ головы нашей не падаетъ.—А царь Давидъ громогласно вопіетъ: мужайтеся! и да крѣпится сердце ваше, всѣ уповающіе на Господа! Аминь.

2) Присланныя двѣ книжицы отъ А. Ѳ. я получилъ, но прочитать еще не успѣлъ. Прошу потрудиться написать къ любезному другу нашему искреннюю нашу благодарность, какъ за сію, такъ и за прежде присланныя книги и увѣрить его въ искренней, сердечной моей къ нему любви, дружбѣ и почтеніи.

3) Въ пакетѣ вашемъ, не знаю на что, вложенъ отпечатокъ гербовой печати, а потому и возращаю его къ вамъ.

4) Прилагаю здѣсь Нѣмецкую книжицу для чтенія вашего, и не только для чтенія, но и для ученія. Изъ одной рѣчи вы увидите, что добрые люди, хотя и далеко отъ насъ находящіеся, молятся за насъ, а молитва праведныхъ во истинну всегда бываетъ услышана. Читайте сію книжицу и другую находящуюся у васъ мою же книжицу Нѣмецкую о должностяхъ, равномѣрно и письменную Нѣмецкую, переписанную вами, чаще, чаще и еще чаще и сколько можно чаще.

5) Теперь будетъ касаться до дѣлъ моихъ. Присланное отъ Лукьяна Яковлевича объявленіе, подписавъ, здѣсь прилагаю; извините меня предъ нимъ, что не пишу къ нему самъ и не благодарю его за все дѣлаемое имъ, истинно не смогу; стараюсь какъ нибудь только, чтобы это докончить и спѣшу отправить, ибо дорога очень угрожаетъ. Жалко мнѣ, что Л. Я. сдѣлалъ не по тому расположенію, о коемъ я просилъ; время было бы еще довольно по полученіи справокъ причислить и прибавить число душъ сколько потребно на причисленіе накопившихся процентовъ къ капитальной суммѣ на 12 лѣтъ, чѣмъ бы взносная сумма почти въ половину уменьшилась, ибо я крѣпкую имѣю надежду, что по возстановленіи мира и спокойствія въ Европѣ промѣнъ на серебряныя деньги уменьшится, теперь же платимъ за рубль 4 рубля. Сверхъ же всего этого мой планъ симъ совсѣмъ разрушился, и я теперь будто какъ на льду обломился, и не знаю что̀ дѣлать; хлѣба на прокормленіе и овса на посѣвъ купить не на что, также и другихъ необходимыхъ платежей казенныхъ и партикулярныхъ сдѣлать не изъ чего; а ежели бы сдѣлано было по моему прошенію, такъ бы я могъ со всѣмъ и во всемъ исправиться; но теперь уже этого поправить нельзя, и я не знаю что̀ и дѣлать.—Я просилъ Ивана Яковлевича оставшіяся двѣ квитанціи продать; но вчерась былъ у меня знакомой

крестьянинъ малолѣтныхъ графовъ Бобринскихъ и просилъ меня для его родни одну квитанцію; но тотъ человѣкъ еще не возвратился, а ожидаетъ онъ его на сихъ дняхъ и хотѣлъ ко мнѣ привесть, такъ не можно ли дать знать И. Я., чтобы онъ до Ѳоминой недѣли подождалъ продавать.

Въ заключеніе поздравляю васъ и м. г. Катерину Ивановну съ наступающимъ торжественнымъ праздникомъ Свѣтлаго Христова Воскресенія въ радости, спокойствіи и добромъ здоровьѣ препроводить и насъ вспомнить, тоже повторяетъ и Вѣра. За тѣмъ пребуду навсегда съ искреннею любовію, почтеніемъ и благодарностію вашимъ вѣрнымъ другомъ и покорнѣйшимъ слугою

Н. Новиковъ.

22 Марта (1814).

(Подпись и сначала до словъ: «2. Присланныя двѣ книжицы отъ А. Ѳ.» собственноручныя. Внизу рукою Рунича отмѣчено: «Квитанціи проданы по 1400 р»).

XXIII.

«Воистинну воскресъ Христосъ!

Да воскреснетъ Онъ и въ бѣдныхъ и потемненныхъ сердцахъ нашихъ, да освятитъ оныя свѣтомъ Своимъ, и да учинитъ ихъ сообразными пресвятой Его волѣ о насъ и сотворитъ съ нами по милосердію Своему, изъ единаго милосердія Своего. Аминь!!!

Любезное коротенькое письмо ваше, почтенный и благодѣтельный другъ, хотя утѣшило и успокоило меня на краткое время; ибо въ немъ сказали, что все исполнится по желанію моему; но какъ я обѣщаннаго вами письма, по свиданіи вашемъ съ Л. Я., по почтѣ не получилъ, то и заключилъ, что вы не могли согласить Л. Я. сдѣлать по моему расположенію въ Опек. Сов., а не по его, что̀ и погрузило меня въ прежнюю горестную и мучительную неизвѣстность, что̀ мнѣ дѣлать въ настоящемъ положеніи дѣлъ моихъ. Сіе состояніе такъ встревожило мои гемороиды и измучило меня, что я нынѣ едва могу бродить. Я знаю, что вы сильно развлечены своими дѣлами, а я обременяю васъ еще моими. Но, сердечный другъ, въ такихъ-то только случаяхъ и познается истинная и вѣрная дружба. И такъ я, въ полномъ уповапіи на вашу вѣрную дружбу, прошу васъ наипокорнѣйше вникнуть хорошенько въ различіе расположеній Л. Я. и моего въ разсужденіи настоящаго моего положенія и потому употребить всю возможность къ соглашенію Л. Я. окончать сіе дѣло по моему расположенію. Различіе сіе состоитъ въ слѣдующемъ:

По расположенію Л. Я. долженъ я нынѣ вдругъ внести въ Опек. Совѣтъ накопившихся процентовъ, также и впредъ за годъ проценты съ капитальной суммы, а всего 7.552 р., за квитанціи полученныхъ денегъ 6750 р., недостающіе слишкомъ 800 р. хочетъ онъ взнести свои, а капитальную сумму 10.000 р. разсрочить на 12 лѣтъ. Вотъ расположеніе Л. Я.; по оному деньги за квитанціи уйдутъ всѣ въ платежъ Совѣту, и сверху долженъ буду заплатить Л. Я. слишкомъ 800 р. да вамъ уплатить хотя только нынѣшнія 300 р., данные человѣку Зах. Ѳед., 500 р. данные Шварцу, 500 р. дан-

*

ные въ два раза Черепанову, а всего вамъ уплатить 1300 р., а я останусь ни съ чѣмъ; а мнѣ кромѣ всѣхъ другихъ нуждъ необходимо нужно прикупить на сѣмена овса 150 четвертей; это по крайней мѣрѣ составляетъ 1500 р.; да ржи на остальные 4 мѣсяца до новаго хлѣба 200 четвертей для прокормленія людей. Не купя овса и не посѣявъ, и ожидать будетъ нечего; а о необходимости купить рожь и говорить нечего, на сіе надобно 2400 руб. Чтò же я дѣлать долженъ въ такомъ положеніи, разсудите сами. Ежели и продадутся остальныя двѣ квитанціи, то сими деньгами могу уплатить вамъ и Л. Я., а чтò посѣять, чѣмъ кормить 4 мѣсяца, чѣмъ исправлять необходимыя другія нужды? Страшно и подумать.

Напротивъ же сего, по моему расположенію: накопившіеся проценты причислить къ капитальной суммѣ и привесть въ круглыя сотни, разсрочить всю сію сумму на 12 лѣтъ, прибавя въ залогъ число душъ сколько потребно, чтò дозволено дѣлать; ко взносу же тогда нужно будетъ только за годъ впередъ со всей суммы проценты, да что еще причтется сверхъ сотенъ назначенныхъ мною къ оставленію у Л. Я. 3000 руб. А между тѣмъ можетъ быть продадутся и остальныя двѣ квитанціи, такъ бы я и во всѣхъ моихъ нуждахъ могъ исправиться и успокоиться. Выгоды сего расположенія для меня суть слѣдующія: 1). что я долженъ взнесть нынѣ не 7.552 руб., а вѣроятно меньше половины, и слишкомъ 800 р. Л. Я. не платить; и имѣющіеся же за квитанціи 6750 руб., оставя у Л. Я. 3000 руб. для Совѣта, заплатить вамъ 1300 руб., а затѣмъ осталось бы еще мнѣ на прочія мои нужды 2.450 р.

2) Выгода. что я накопившіеся проценты выплачиваю вмѣстѣ съ капитальною суммою въ 12 лѣтъ, а не всѣ теперь взношу вдругъ; чтò дѣлаетъ для меня великую разность.

3) Что по всей вѣроятности, по окончаніи войны, курсъ на серебряныя деньги уменьшится, и всемилостивѣйшій Государь исполнитъ то, чтò сказано съ манифестѣ, что рубли будутъ имѣть постоянную цѣну два рубли; вообразите же, какую тогда великую сдѣлаетъ мнѣ разность!

4) Что я остальными деньгами могу исправить всѣ мои нужды и остаться спокоенъ. И такъ изъ сего видите, какую великую дѣлаетъ мнѣ разность, ежели въ Опек. Совѣтѣ дѣло будетъ кончено по моему расположенію. Почему и прошу васъ, люб. др., наипокорнѣйше и наиубѣдительнѣйше употребить всю возможность къ соглашенію на сіе Л. Я. и тѣмъ избавить меня отъ угрожающаго мнѣ бѣдствія. И такъ человѣческая моя надежда на васъ и на дружбѣ вашей основана. Истинно по чрезмѣрной нынѣшней дороговизнѣ всѣхъ необходимыхъ вещей, начинаю приходить въ уныніе; одно милосердіе Господне еще только подкрѣпляетъ;—не оставьте и вы съ Л. Я. меня и помогите.

Въ Свѣтлое Воскресенье я получилъ отъ Ивана Сидоровича письмо. Онъ увѣдомилъ, что вы приказали написать ко мнѣ, что у васъ есть для меня 1000 руб., полученныя отъ Л. Я. Покорнѣйше прошу отдать ихъ Ивану

Сидоровичу. Я получа куплю на Май ржи и сколь можно овса.

Истинно едва могу писать, такъ разстроенъ, ослабѣлъ, и голова пуста.

Милост. госуд. Катеринѣ Ивановны прошу сказать искреннее мое и Вѣрино почтеніе.

Прости, люб. др. Испрашиваю на всѣхъ васъ благословеніе и милосердіе Господне и, пожелавъ вамъ добраго здоровья, спокойствія и всѣхъ благъ, временныхъ и вѣчныхъ, останусь на всегда съ искреннею сердечною любовію, почтеніемъ и благодарностію вашимъ вѣрнымъ другомъ и преданнѣйшимъ слугою.

13 Апрѣля (1814)».

Н. Н.

XXIV.

Милостивый государь и любезнѣйшій другъ и благодѣтель Дмитрій Павловичь!

На письмо ваше отъ 7-го Іюля буду отвѣчать весьма кратко и воздержно: причина тому крайняя моя разстройка въ здоровьѣ и великая слабость, а при томъ нынѣшній день и сильная боль въ головѣ.

Карла Лаврентьевича я нетерпѣливо ожидаю, тѣмъ паче прочтя въ письмѣ вашемъ все о немъ написанное, и сердечно желаю быть для него и для цѣлаго дѣла полезнымъ, и ежели найду способную землю, то радъ высѣять все что Господинъ мой даровалъ мнѣ для сего употребленія. Я, и не видавши его, уже сердечно люблю, а увидѣвши и нашедъ желаемое, еще болѣе и болѣе любить буду.—Для чего же онъ не ѣдетъ, ежели пріѣхать желаетъ?

Вы отгадали почти, что я написалъ къ вамъ шутя о бывшемъ у васъ въ деревнѣ фейерверчикѣ; я больше и лучше знаю васъ, нежели чтобъ могъ о томъ говорить серьезно. Иванъ Игнатьевичь писалъ ко мнѣ между протчимъ, что онъ былъ у васъ въ деревнѣ, хвалилъ оную, что онъ у васъ обѣдалъ и сожгли маленькой фейерверчикъ. Симъ дѣлу сему да будетъ конецъ.

Извините, что я о запискѣ лѣкарствамъ написалъ, а ея не приложилъ; причина таже была какъ и выше сказано, теперь же за то прилагаю не только одну записку, но и самыя съ нихъ печатныя объявленія, прося покорнѣйше о скорѣйшей выпискѣ оныхъ.

Я радуюсь, что вы получили позволеніе жить въ деревнѣ и что вы хотя нѣсколько отдохнете и поправитесь; но только прошу увѣдомить меня, какъ вы пріѣзжаете въ Москву, наканунѣ или въ самые почтовые дни, чтобы я по тому могъ расположиться посылками въ Москву.

Ежели извѣстно что вѣрное о прибытіи вселюбезнѣйшаго Государя нашего въ Петербургъ, то прошу увѣдомить; мы нетерпѣливо желаемъ о томъ знать: онъ у меня и днемъ и ночью изъ мысли не выходитъ, и не могу имени его прочесть безъ слезъ, и теперь плачу, столько онъ любезенъ сердцу моему.

Прилагаемое письмо къ Лукьян. Яковлев. прошу покорно отдать и попросить его о исполненіи прозьбы моей. Также и прилагаемыя приказать отправить.

Милостивой государынѣ Катеринѣ Ивановнѣ свидѣтельствую искреннюю

благодарность, почтеніе и пренизкой поклонъ, какъ только я могу поклониться. Бабы и дѣвки наши ей свидѣтельствуютъ искреннее почтеніе и благодарность за памятованіе объ нихъ, также и вамъ кланяются въ ноги до лица земли.

Понеже я узналъ, что вы посланныхъ цыплятъ отправили въ деревню для заводу, то я сколько могъ найтить здѣсь отъ хорошихъ Шпанской породы куръ, столько и посылаю къ вамъ мужеска и женска пола, пусть у васъ въ деревнѣ разродятся тысячи.

Впротчемъ пожелавъ вамъ милости и благословенія Господня, а съ ними добраго здоровья и всѣхъ благъ, временныхъ и вѣчныхъ, останусь навсегда съ искреннею сердечною любовію,почтеніемъ и благодарностію вашимъ вѣрнымъ другомъ и покорнѣйшимъ слугою

«Н. Новиковъ».

Іюля 18
814.

XXV.

Милостивый государь и почтенный другъ и благодѣтель Дмитрій Павловичь!

Послѣднее письмо ваше и при немъ 10 экземпляровъ *Вѣрую* и 500 рублей на счетъ поставки овса я получилъ уже больной, а потому столь поздно за все сіе и благодарю. Я пришолъ было въ такую безмѣрную слабость отъ почти двунедѣльнаго неядѣнія, ибо аппетитъ совершенно пропалъ, что едва, едва смогъ весьма слабо говорить; 16-го, въ воскресенье, сподобился я причаститься тѣла и крови Христовой, и Господь толико былъ ко мнѣ милосердъ, что благоизволилъ сею дражайшею пищею и питіемъ толико укрѣпить, что въ сей же день открылся апетитъ, и я поѣлъ довольно со вкусомъ; такого апетита я уже не имѣлъ около двухъ мѣсяцевъ, и слабость моя столько уменьшилась, что я въ сей день довольно могъ ходить съ палкою по горницѣ. Коль дивенъ Господь Богъ нашъ, и милосердію Его нѣтъ числа! Ему единому да будетъ за все честь, слава, благодареніе и поклоненіе во всѣ вѣчности. Аминь!!!

Присланную отъ васъ росписку я успѣлъ тогда же подписать, но отправить къ вамъ уже не могъ, а нынѣ прилагаю.

Нужно бы еще было писать, но истинно не смогу.

Прилагаю Инвалида и Петербургскія газеты.

Милостивой государынѣ Катеринѣ Ивановнѣ свидѣтельствую искреннее и усердное мое почтеніе; желалъ бы послать арбуза и дынь, но у насъ былъ морозъ и все парничное и садовое, даже и полевые горохи и гречу, побилъ.

Впротчемъ пожелавъ вамъ милости и благословенія Господня, а съ ними добраго здоровья и всѣхъ благъ, временныхъ и вѣчныхъ, останусь навсегда съ искреннею любовію, почтеніемъ и благодарностію вашимъ вѣрнымъ другомъ и покорнѣйшимъ слугою

«Н. Н».

P. S. Не получили ли вы какого извѣстія о лѣкарствахъ? Прошу увѣдомить: больныхъ у насъ много, а лѣкарствъ нѣту.

Свидѣтельствую искреннее мое почтеніе милостивой государынѣ Кате-

ринѣ Ивановнѣ и м. г. Дмитрію Павловичу, также и отъ Натальи Ильиничны.

С. Тихвинское.
814
18 Августа.

XXVI.

Любезнѣйшій другъ и благодѣтель Дмитрій Павловичь!

Прежде всего поздравляю васъ отъ искренняго сердца съ прошедшимъ днемъ тезоименитства вашего и желаю вамъ всѣмъ милосердія и благословенія Господня, а съ ними добраго здоровья, и всѣхъ истинныхъ благъ, временныхъ и вѣчныхъ, и всего того ежедневно вамъ испрашиваю. Сожалѣю, что не могъ отправить къ имянинамъ вашимъ: посылаю къ вамъ два лимона и цвѣтной капусты, которая, я думаю, у васъ нынѣ должна быть дорога; лучшего не имѣю подарка.

Препокорнѣйше благодарю за присылку капель и черносливу, но вы не увѣдомили меня о цѣнахъ ни капель, ни черносливу; почему и прошу покорнѣйше увѣдомить меня о томъ и другомъ и по скольку можете вы меня одолжить Гарлемскихъ, солнечной тинктуры и Альтонскихъ, такъ я по тому и расположусь и васъ увѣдомлю; а между тѣмъ прошу прислать Гарлемскихъ капель 40 скляночекъ, а солнечной тинктуры 12—и сколько можете еще сверхъ того отпустить, о томъ увѣдомить.

За Московскія газеты и Исторической журналъ, на нынѣшній годъ мною получаемые, 45 р. я отослалъ къ П. Я. Жарову.

Овса 100 четвертей я выставилъ и денегъ съ прежними 1000 р. я получилъ; но какъ г. Строевъ увѣдомилъ меня, что овесъ до новаго года имъ болѣе не нуженъ, а мнѣ такъ долго дожидаться было нельзя, то и посылалъ я 60 четвертей тогда овса на торгъ; продали слава Богу хорошо, безъ гривны по 11 р. четверть обошлась; нынѣ послалъ я также 40 четвертей овса на торгъ, почему и вся пропорція, которую могъ я продать, кончилась, почему и прошу покорно приказать возвратить мнѣ мою подписку.

Милостивой государынѣ Катеринѣ Ивановнѣ свидѣтельствую искреннее и усердное почтеніе и поздравленіе, а малютокъ вашихъ прошу за меня поцѣловать.

Вы бы меня теперь не узнали, ежели бы увидѣли: такъ я въ нынѣшней болѣзни исхудалъ, одряхлѣлъ и ослабѣлъ, кожа да кости остались; зрѣніе также крайне ослабѣло; главнѣйшая же причина сего есть лишеніе аппетита, по недѣлѣ и по двѣ почти ничего не ѣмъ, все пріѣлось; въ нынѣшнее время у насъ кромѣ баранины и цыплятъ ничего найтить нельзя, а я и того и другаго и ко рту поднести не могу. Сдѣлайте одолженіе прикажите вашему повару сдѣлать холодной пирогъ съ чѣмъ онъ хочетъ, съ мясомъ или съ рыбою, только что подешевле, и лишь бы не клалъ *ванили;* не поправитъ ли это моего аппетита?

Присланныя вами Гарлемскія капли суть истинныя; я вамъ сообщу мною дознанный опытъ узнавать истинныя отъ поддѣльныхъ: возьмите тониньку лучиночку, обмокните конецъ ея въ скляночку истинныхъ, поднесите къ

огню, они тотчасъ вспыхнутъ, а поддѣльныя сего не произведутъ, а будетъ горѣть лучиночка, но не капли; вотъ имъ истинная проба.

Нѣтъ ли чего извѣстнаго, касающагося до Александра Петровича, и гроза наша *) отправилась ли въ Петербургъ?

Впротчемъ пожелавъ вамъ милости и благословенія Господня, а съ ними добраго здоровья и всѣхъ истинныхъ временныхъ и вѣчныхъ благъ, останусь навсегда съ искреннею любовію, почтеніемъ и благодарностію вашимъ вѣрнымъ другомъ и покорнѣйшимъ слугою

«Н. Новиковъ».

26 Октября
1814.

Наталья Ильинична и я усерднѣйше поздравляемъ милостиваго государя Дмитрія Павловича со днемъ ангела, съ желаніемъ всего наилучшаго отъ Господа подателя всѣхъ благъ, также и милостивую государыню Катерину Ивановну, при засвидѣльствованіи нашего искреннѣйшаго почтенія.

В Н.

XXVII.

Почтенный и любезнѣйшій другъ и благодѣтель Дмитрій Павловичь!

За любезное письмо ваше и присылку покорнѣйше благодарю. Инвалида 6 № мы не получили, а пакетъ отъ общаго друга нашего полученъ исправно. Радуюсь сердечно о выздоровленіи вашемъ; а я все также еще крайне разстроенъ и почти безпрестанную имѣю боль въ головѣ, а наипаче въ затылкѣ.

*) Графъ Растопчинъ. П. Б.

За Григорьемъ Максимовичемъ я уже посылалъ и экипажъ, но по причинѣ сдѣлавшейся Г. М. болѣзни онъ возвратился пустой; теперь ожидаю увѣдомленія отъ него, когда за нимъ прислать.

Весьма, весьма хорошо бы вы сдѣлали, ежели бы вывели меня изъ сомнѣнія объ исполненіи обѣщанія вашего пріѣхать къ намъ по зимнему пути и весьма бы обрадовали и утѣшили всѣхъ насъ, только чуръ не вмѣстѣ съ кѣмъ нибудь.

Карлъ Лаврентьевичь собирается къ намъ давно, давно, но исполненія не видимъ; хорошо было бы, ежели бы онъ пріѣхалъ въ то время, какъ Г. М. отъ насъ возвратится въ Москву, такъ бы онъ въ томъ же экипажѣ могъ къ намъ пріѣхать. Вы по сіе время забыли увѣдомить меня, родня ли онъ намъ, или нѣтъ.

Александръ Өедоровичь увѣдомляетъ меня о двухъ напечатанныхъ книгахъ: О таинствѣ креста и О пути ко Христу: первая у меня есть, а о другой я и не слыхалъ, что она напечатана: ежели же она есть у васъ, то прошу покорно прислать оную ко мнѣ для прочтенія: я вамъ возвращу, а попрошу объ оной А. Ө. Также прошу меня увѣдомить можно ли къ нему безопасно послать нѣкоторые манускрипты по почтѣ. А. Ө. хочетъ печатать вновь Избранную Библіотеку, такъ они бы могли послужить ко умноженію числа томовъ сей Библіотеки.

Милостивую государыню Катерину Ивановну, я и всѣ упомянутые вами

благодаримъ за напоминаніе и свидѣтельствуемъ усерднѣйшее наше почтеніе. Семенъ Ивановичь усерднѣйше благодаритъ васъ и свидѣтельствуетъ усерднѣйшее свое почтеніе.

Понеже приближается масленица, на которой отцы и дѣды наши имѣли обычай кушать во всю недѣлю блины, то и посылаю къ милостивой государынѣ Катеринѣ Ивановнѣ пудъ какой-то славной и преславной Тульской грешневой муки, которую мнѣ прислали оттуда въ подарокъ, и прошу ее благосклонно принять и кушать во здравіе.

Въ заключеніе сего письма испрашиваю на васъ и на всѣхъ вашихъ милосердія и благословенія Господня и съ ними, пожелавъ вамъ всѣмъ добраго здоровья, спокойствія и всѣхъ истинныхъ благъ, временныхъ и вѣчныхъ, останусь навсегда съ искреннею любовію, почтеніемъ и благодарностію вашимъ вѣрнымъ другомъ и покорнѣйшимъ слугою

«Н. Новиковъ».

P. S. Я слышалъ, что Александръ Григорьевичь былъ у васъ въ Москвѣ, то прошу меня увѣдомить получилъ ли онъ мое письмо и гдѣ онъ нынѣ?

Февраля 13
815.

P. S. Прилагаю полученное мною письмо для прочтенія: не можете-ли вы приказать Ѳедору Дмитріевичу чрезъ Коломенскаго г. почтмейстера узнать, чрезъ кого оно къ нему доставлено, а письмо прошу возвратить.

XXVIII.

Хрістосъ воскресъ!

Любезнѣйшій и сердечный другъ, милостивый государь Дмитрій Павловичь.

Усерднѣйше благодарю васъ и милостивую государыню Катерину Ивановну за любезное письмо ваше и за поздравленіе всѣхъ насъ съ минувшимъ торжественнымъ праздникомъ пресвѣтлаго Хрістова воскресенія, и равномѣрно поздравляю васъ обоихъ. Въ свое время я не могъ сего исполнить по причинѣ приключившейся мнѣ болѣзни; въ началѣ Страстной недѣли я сильно занемогъ и всю страстную и Святую недѣли очень былъ боленъ, и почти ничего не ѣлъ; нынѣ благодареніе Господу полегче и началъ ѣсть, однако еще крайне слабъ. Нынѣ и Вѣра занемогла и писать у меня не можетъ.

Семенъ Ивановичь, Наталья Ильинишна и всѣ наши усерднѣйше благодарятъ васъ и милостивую государыню Катерину Ивановну за поздравленіе ихъ, равномѣрно поздравляютъ васъ и свидѣтельствуютъ искреннее свое почтеніе.

Желалъ бы много писать къ вамъ о новыхъ произшествіяхъ, но истинно не смогу еще; не оставляйте насъ, что узнаете повѣрнѣе, о военныхъ происшествіяхъ; періодъ времени весьма опасной, но я теперь замолчу.

Я обѣщалъ милостивой государынѣ Катеринѣ Ивановнѣ нѣчто сообщить касательно до Индѣйскихъ куръ: секретъ весь состоитъ въ томъ, чтобы циплятъ первые два мѣсяца, или по-

крайней мѣрѣ одинъ мѣсяцъ, по ихъ выводѣ кормить всегда на доскѣ покрытой войлокомъ или по крайней мѣрѣ сукномъ толстымъ; они всегда помираютъ одинаковою болѣзнію, у нихъ пухнутъ головы и помираютъ; причина сему та, что они крѣпко очень клюютъ, а предосторожность сія сіе отвращаетъ.

Возвратилъ ли Коломенской почтмейстеръ посланной отъ васъ къ нему пакетъ на мое имя и не узналъ ли онъ чего, отъ кого оный присланъ; ежели возвратилъ и узналъ, то прошу пакетъ ко мнѣ возвратить и увѣдомить, что̀ онъ пишетъ.

Семенъ Ивановичь и я усерднѣйше и премного благодаримъ васъ за г. Гроздова; онъ писалъ Семену Ивановичу внѣ себя отъ радости о вашемъ милостивомъ его пріемѣ и оказанныхъ ему милостяхъ; не оставьте его и впредь въ возможномъ; молодецъ прелюбезной, но притомъ и человѣкъ бѣдный, старуха мать на его рукахъ. Я надѣюсь крѣпко, что онъ будетъ честной и исправной служитель почтамта.

Впрочемъ испрашивая на васъ милосердія и благословенія Господня и пожелавъ вамъ добраго здоровья, спокойствія и всѣхъ истинныхъ благъ, временныхъ и вѣчныхъ, останусь на всегда съ искреннею сердечною любовію, почтеніемъ и благодарностію вашимъ искреннимъ и вѣрнымъ другомъ и покорнѣйшимъ слугою

«Н. Новиковъ».

1815-го
Маія 4 дня.

P. S. Приложенное письмо покорно прошу на первой почтѣ приказать отправить.

XXIX.

†

«Любезнѣйшій и почтенный другъ благодѣтель Д. П.!

Скоро послѣ отъѣзда вашего я очень занемогъ и что̀ далѣе, то хуже дѣлалось: прорывы мои чрезмѣрно увеличились, и слабость и разстройка умножались; наконецъ стало очень слабѣть зрѣніе, также слухъ и правая рука; а къ тому и аппетитъ пропалъ. Секретарь мой, Вѣра, также больна уже другой мѣсяцъ, нынѣшнею станною (sic) болѣзнію и ко мнѣ ходить не можетъ; отъ чего я лишился и послѣдняго средства къ чтенію и писанію. Семенъ Ивановичь также былъ болѣнъ болѣе двухъ недѣль, своею болѣзнію, а бывшая погода все сіе умножала. Въ такомъ состояніи получилъ я письмо ваше, увѣдомляющее о непремѣнномъ взносѣ въ Іюнѣ, кои щиталъ я что должно взносить въ Мартѣ. Вообразите сами, п. д., мое состояніе, а я описать оное не въ состояніи. Я о семъ не сказывалъ никому, писать самъ и Вѣра не могла, а хотя и могла, то я, зная крайнюю ея чувствительность, не сказалъ бы ей; однако при всемъ томъ, благодареніе Господу! не терялъ надежду на милосердую Его помощь и избавленіе отъ сей бѣды. Послѣднее ваше, п. др. и бл., столько обрадовало и укрѣпило изнуренныя силы мои, что я началъ писать сіе письмо и рѣшился выѣхать посмотрѣть посѣянной хлѣбъ что̀ къ удивленію моему и исполнилъ, не писавъ ничего и не выходя изъ горницы съ

Іюля прошедшаго года. Да будетъ за все вѣчное благодареніе милосердому Господу Богу нашему!!!—Вамъ же, люб. благод., воздать инымъ не могу, кромѣ ежедневнаго поутру и вечеромъ приношенія бѣдной молитвы за васъ и за все семейство ваше.

Милостивой государынѣ Катеринѣ Ивановнѣ свидѣтельствую искреннее мое и всѣхъ нашихъ почтеніе. Хотѣлъ бы писать больше, но истинно рука не служитъ.

Въ заключеніе испрашивая на васъ и на всѣхъ вашихъ милосердіе и благословеніе Господне и пожелавъ вамъ отъ искренняго сердца добраго здоровья, спокойствія и всѣхъ истинныхъ благъ, временныхъ и вѣчныхъ, останусь на всегда съ искреннею сердечною любовію, почтеніемъ и благодарностію вашимъ вѣрнымъ другомъ и покорнѣйшимъ слугою

Н. Новиковъ.

P. S. Не забульте 10-го Іюня, съ коимъ васъ, п. д., и поздравляю. 1 Іюня 1815».

XXX.

«М. г. и п. д. Д. П. Покорнѣйше благодарю за оказанное мнѣ благодѣяніе; оно тѣмъ для меня чувствительнѣе, что сдѣлано безъ прозьбы моей, и тѣмъ важнѣе, что получено въ то время, когда я уже рѣшился нѣсколько десятинъ приготовленной земли оставить не засѣянными по недостатку сѣмянъ: но теперь они засѣяны. Да воздастъ вамъ за сіе Тотъ, Которой вдохнулъ въ васъ мысль сію и подвигъ къ исполненію оной. Онъ увѣряетъ, что и чашка холодной воды, поданная именемъ Его, не останется безъ награды. Вы, п. д., предлагаете еще: я здѣсь кое какъ еще перебиваюсь по сіе время; но меня мучитъ заплата Вас. Ѳедор. Дружинину съ чѣмъ-то 300 руб., коими я ему долженъ. Ежели вамъ можно заплатить ему, то весьма много тѣмъ меня обяжете. Ежели сочтете неприличнымъ отдавать ему изъ вашихъ рукъ, то поручите сіе Ив. Сид. Онъ сіе исполнитъ отъ имени моего. Симъ весьма много меня обяжете.

Покорнѣйше и много благодарю за увѣдомленіе о поправленіи замѣшанныхъ дѣлъ.

Что касается до нашего положенія, то ежели бы описывать оное, такъ потребно было бы нѣсколько тетрадей исписать. Вручитель можетъ вамъ подать о томъ понятіе; а я коротко скажу: милосердый Господь по сіе время еще сохраняетъ насъ.

М. г. Е. И. прошу засвидѣтельствовать искреннее почтеніе мое и больной моей Вѣры

Ежели вы имѣете что ко мнѣ приказать, то съ Ив. Сид. можете говорить какъ со мною.

Истинно насилу смогъ написать. Простите, п. д. Милосердіе и благословеніе Господне да будетъ съ вами. Есмь навсегда съ искреннею любовію, почтеніемъ и благодарностію вашимъ вѣрнымъ и покорнѣйшимъ слугою

Н. Н.

8 Іюня (1815)».

Замѣтка Рунича: «послалъ съ Черепановымъ 500 р.»

XXXI.

Любезносердечнѣйшій и благодѣтельный другъ Д. П.

Писательница сего письма такъ мнѣ наговорила и нажужжала въ уши о ласковомъ, болѣе нежели дружественномъ, но родственномъ вашемъ и Катерины Ивановны принятіи ихъ; она мнѣ столько о томъ наболтала, что я уже началъ и завидовать, а вы знаете, что завидливые ищутъ все разстроить, чему завидуютъ; сему грѣху подпалъ и я на старости и по обычаю завидливыхъ хочу исполнить. Вы и м. г. Катерина Ивановна меня наичувствительнѣйше изволили обидѣть; сіе почерпнулъ я изъ письма дочери моей, ко мнѣ писаннаго, и признаюсь, что мнѣ эта обида крайне болѣзненна. Вотъ слѣдуетъ и объясненіе сей обиды. Я поручилъ дочери моей просить васъ одолжить меня деньгами, изъ коихъ я позволилъ ей взять 25 р. для себя; по ея увѣренію ей оказалось этихъ денегъ мало и что она просила вашего и Катерины Ивановны совѣта, но что вы оба отвѣчали ей, что вы въ такое щекотливое и нѣжное обстоятельство опасаетесь вмѣшаться. Не обида ли есть несносная сей отвѣтъ?

Вы усумнились во мнѣ и моей къ вамъ неограниченной довѣренности и не позволили ей взять еще 25 руб.; ежели бы вы позволили ей взять и половину всей суммы, и я бы объ этомъ узналъ, такъ бы я не иное что сказалъ: напрасно они это сдѣлали, дѣвку только балуютъ. Послѣ сего писательница тотчасъ заговорила другимъ языкомъ: экіе какіе они, что не позволили мнѣ взять, я бы сдѣлала то и то и пр. Замѣтьте, какъ мы старики умѣемъ очень скоро дружбу молодыхъ людей разстроивать,—и о семъ до здѣ. Оставя пустое, станемъ говорить о дѣлахъ:

1) Препокорнѣйше благодарю за два любезныя ваши письма и за присланныя деньги; они очень кстатѣ ко мнѣ пришли, я ужь было и рѣшился взять муку и заплатить лишняго за три мѣсяца противу настоящихъ цѣнъ, по полтинѣ на рубль лишняго; но, получа ихъ, тотчасъ отправилъ съ деньгами въ Каширу, за что и приношу сугубое благодареніе.

2) Изъ уѣзднаго Бронницкаго Суда рапортъ прилагаю.

3) Прилагаю вѣрющее письмо на имя Ивана Яковлевича на продажу той пустоши, на которую до Французовъ было вѣрющее письмо на ваше имя. Но тогда дѣло не состоялось; попросите обоихъ и прошу на совершеніе купчей дать сколько будетъ потребно денегъ, а меня увѣдомить, сколько будетъ издержано.

4) Препокорнѣйше прошу васъ вывесть меня изъ числа неблагодарныхъ во мнѣніи Лукьяна Яковлевича; меня крайне огорчаетъ это, ежели онъ такимъ меня почитаетъ. Я истинно къ нему благодаренъ за всѣ его мнѣ одолженія и хотѣлъ просить вашего совѣта, чѣмъ бы я возблагодарить его могъ; между тѣмъ имя его и всего семейства его я ежедневно утромъ и вечеромъ на ряду съ вами (sic); а какъ вы по скорости своей это произвели, то справедливо, чтобы вы въ мысляхъ его сіе и перемѣнили.

5) Пріѣхавшіе ко мнѣ отъ васъ бабы и дѣвки, которыхъ всегда должно держать въ ежовыхъ рукавицахъ и воли имъ не давать (разумѣется исключая м. г. Катерину Ивановну), они насказали мнѣ, что Карлъ Лаврентьевичъ, а по Матвѣя Яковлевича нареченію Кирила Лаврентьевичъ, хочетъ сдѣлать честь посѣтить насъ. и что онъ живетъ у васъ и короткой пріятель Матвѣя Яковлевича, изъ чего я и заключаю, что онъ другъ съ Александромъ Ѳедоровичемъ, а потому и желаю и прошу его посѣтить насъ старыхъ, дряхлыхъ стариковъ. Пріѣхавъ къ намъ дни на два, на три, чтобъ было время получше познакомиться, устройте такъ, чтобы онъ доѣхалъ до насъ на вашемъ съ Матвѣемъ Яковлевичемъ коштѣ, а отъ насъ поѣдетъ онъ на нашемъ животѣ, а между тѣмъ прошу сказать ему усердной мой поклонъ и благодарность за его намѣреніе.

6) Покорнѣйше благодарю васъ за присланный новый кофейникъ, апельсины и лимоны. Кофейникъ такъ мудренъ, что чуть ли и учительницы не забыли какъ его употреблять, потому что они, показывая его мнѣ, тотчасъ заспорили, и чуть не дошло у нихъ до драки. Семенъ Ивановичъ самъ къ вамъ пишетъ, а я посылаю къ вамъ мать съ дѣтьми; извольте изъ нихъ сдѣлать употребленіе; вашъ поваръ, мои дамы увѣряли, что мастеръ готовить.

7) На закуску. То, что слышала Вѣра отъ васъ, меня ни мало не потревожило, ибо у меня готовъ Спартанскій на то отвѣтъ. И Наполеонъ на Эльбѣ. Вы я думаю помните Лакедемонской отвѣтъ: и Діонисій въ Сиракузахъ. Я люблю лаконической слогъ, но и Русской въ подобномъ случаѣ хотя не такъ нѣженъ, тонокъ и коротокъ, однако хорошъ: ежели Богъ не выдастъ, такъ свинья не съѣстъ.

Вотъ какъ я заболтался, а это значитъ то, что я очень обрадовался увѣренію Вѣры, что вы на меня не сердитесь и не почитаете уже неблагодарнымъ. Вѣрьте, что я умѣю цѣнить благодѣянія, которыя мнѣ оказываютъ.

Милостивой государынѣ Катеринѣ Ивановнѣ свидѣтельствую искреннее сердечное почтеніе и благодарность, а маленькихъ вашихъ прошу за меня перецѣловать, а ее увѣрить, что я когда говорю о бабахъ и дѣвкахъ нѣсколько грубенько, то всегда исключаю ее, потому что по желанію ея въ сердцѣ моемъ довольно пространной очищенъ уголъ, и она въ немъ изволитъ помѣщаться. Въ протчемъ пребуду всегда съ искреннею, сердечною любовію, испрашивая на васъ и на всѣхъ вашихъ милосердіе и благословеніе Господне, останусь на всегда вамъ преданнымъ, вѣрнымъ другомъ и покорнѣйшимъ слугою

«Н. Новиковъ».

Іюня 16 (1815 г.)

XXXII.

Любезнѣйшій и благодѣтельной другъ м. г. Дмитрій Павловичъ!

Во первыхъ посылаемъ къ вамъ тельца питомаго, извольте во здравіе кушать; а во вторыхъ покорнѣйше доношу о себѣ, что я на другой день по пріѣздѣ моихъ Московокъ занемогъ, что-то лихорадочное, и крайне разстроился.

Я предполагаю, что вы изъ деревни уже возвратились, а потому и надѣюсь съ симъ посланнымъ получить отъ васъ грамотку, въ которой будете вы отвѣчать на прежнее письмо и въ которой молвите словца два-три о нашемъ *Угрозѣ*. Мнѣ хочется все всѣхъ васъ увидѣть лично, какъ вы объэтомъ думаете, а взъѣхать бы я могъ къ Матвѣю Яковлевичу, однако разумѣется, что когда я поправлюсь въ здоровьѣ.

За присланные апельсины и лимоны покорнѣйше еще благодарю, потому что ихъ только вчера привезли. Изъ кофейника вашего уже три раза я кофій пилъ, очень хорошъ.

Милостивой государынѣ Катеринѣ Ивановнѣ прошу сказать мое усердное почтеніе и отъ моихъ Московокъ.

Впротчемъ пожелавъ всѣмъ вамъ милости и благословенія Господня, а съ ними добраго здоровья и всѣхъ благъ, временныхъ и вѣчныхъ, останусь навсегда съ искреннею любовію, почтеніемъ и благодарностію вашимъ покорнѣйшимъ слугою

«Н. Н.»

P. S. Вѣра моя, писавши сіе письмо, весьма тяжко вздохнула и сказала: какъ щастливы тѣ люди, у которыхъ много веленевой бумаги, а у меня такъ нѣтъ ея, а что это значитъ и сколько я ни думалъ, но никакъ не могъ догадаться: вы не догадливѣе ли меня?

Іюня 21 (1815 г.)
С. Тихвинское.

XXXIII.

Милостивый государь и любезнѣйшій другъ Дмитрій Павловичъ!

Не могу я вамъ изъяснить того замѣшательства, въ коемъ я нахожусь въ разсужденіи перемѣны вашей ко мнѣ. Долго я изыскивалъ и изслѣдывалъ себя, не подалъ ли я какой нибудь къ тому причины, но истинно не нашелъ, чѣмъ бы я заслужилъ оную.

Я не писалъ къ вамъ столь долго по причинѣ моей болѣзни, также и Вѣриной, и еще нынѣ черезъ силу я сказываю, а она пишетъ. Къ тому же хлопотливыя мои и тѣсныя обстоятельства великое имѣютъ вліяніе на болѣзнь мою. Уборка хлѣбная была самая трудная; въ половинѣ Сентября не весь еще хлѣбъ съ поля былъ свезенъ, и рожь не вся еще была посѣяна; всѣ работы стеклись въ одинъ пунктъ, но милосердіе Господне столь велико было ко мнѣ, что со всѣмъ управились, урожай всѣхъ хлѣбовъ былъ отмѣнно хорошъ, такъ что я уже и не запомню такого обильнаго урожая.

Между тѣмъ приближался Октябрь, а я страдалъ, что не видалъ никакой возможности сдѣлать уплату въ Опекунской Совѣтъ; но милосердіе Господне и тутъ даровало мнѣ помощь. Вручитель сего письма Тимофей Ершовъ сыскалъ мнѣ Московскаго купца, котораго имя я запишу на особой запискѣ и которой купилъ у меня 200 четвертей овса по 10 руб. и съ зимнею поставкою, а деньги 2000 руб. отдать впередъ и вручить оныя вамъ.

Почему и прошу всепокорнѣйше продолжить вашимъ благодѣяніемъ мнѣ, принявъ сіи деньги, поручить кому купить билетъ и внести оной въ уплату въ Опекунской Совѣтъ, остальные же деньги сколько слѣдуетъ ко взносу надѣюсь, какъ станетъ зимній путь, продавъ хлѣба, заплатить исправно, а между тѣмъ будемъ молотить и приготовлять.

Вотъ какъ велико милосердіе Господне! Ну ежели бы нынчѣ урожай былъ таковъ же, какъ предъ симъ три года, что̀ бы мнѣ было тогда дѣлать? Воистинну сказано: *Воззоветъ ко Мнѣ и услышу его.* Ахъ! ежели бы мы умѣли искренно отъ глубины сердца только взывать къ Нему! Ахъ! ежели бы мы столько Его помнили, сколько Онъ насъ помнитъ! Ахъ! ежели бы мы всѣмъ умомъ, сердцемъ и душею столько любили Его, сколько Онъ насъ возлюбилъ и любитъ: да будетъ же Ему честь, слава, хвала и поклоненіе во всѣ вѣчности вѣчностей. Аминь!!!

Успокойте же меня и обрадуйте письмомъ вашимъ! Истинно я крайне огорчаюсь тѣмъ, что вы меня забыли; въ такое продолженіе времени кажется, какъ не найтить часа, въ которой бы хоть дватцать строкъ написать.

Милостивой государынѣ Катеринѣ Ивановнѣ мое и писательницы моей искреннее почтеніе свидѣтельствую.

Наконецъ поручаю себя вашей благодѣтельпой помощи и старанію по дѣлу моему въ Опекунскомъ Совѣтѣ: сердце мое все еще увѣряетъ меня, что вы не оставите меня.

Впротчемъ испрашивая на васъ и на всѣхъ вашихъ милосердія и благословенія Господня и пожелавъ вамъ добраго здоровія, спокойствія и всѣхъ истинныхъ благъ, временныхъ и вѣчныхъ, останусь навсегда съ искреннею любовію, почтеніемъ и сердечною благодарностію вашимъ вѣрнымъ другомъ и всепокорнѣйшимъ слугою

«Н. Новиковъ».

P. S. Прилагаю полученное мною письмецо отъ бѣдняка Семена Ивановича Иванова, которой былъ помощникомъ почтмейстерскимъ, кажется, въ Рыбномъ; а послѣ, помнится мнѣ, онъ переведенъ въ другое мѣсто; потрудитесь прочесть оное и сдѣлайте милость съ симъ бѣднымъ страдальцемъ, чѣмъ меня крайне одолжите.

10 Октября
815 г.
С. Тихвинское.

Приношу благодарность за благосклонное напамятованіе обо мнѣ въ письмахъ вашихъ, и хотя я и безъ письменнаго изъявленія всегда желаю вамъ истиннаго добра, однако теперь рѣшился и на семъ мѣстѣ письменно удостовѣрить васъ въ ономъ и именно, да совершается въ васъ въ полной мѣрѣ сказанное Ephes. II. 22. Vale, tuus humillimus Symeon Hamalea.

P. S. Московской купецъ Иванъ Ѳедотовъ сынъ Соколовъ, купилъ у меня овса двѣсти четвертей по 10 рублей съ тѣмъ, чтобы деньги за оной двѣ тысячи рублей вручить вамъ, какъ скоро вы прикажете, и въ такомъ случаѣ извольте приказать вручителю сего Тимофею Ершову, когда вамъ угодно принять деньги, такъ онъ его къ вамъ и представитъ. Этотъ купецъ г. Соколовъ великое дѣлаетъ мнѣ одолженіе и пособіе; ни онъ меня, ни я его въ глаза отъ роду не видывали, а дѣлаетъ такую довѣренность, и я надѣюсь, что онъ и еще согласится у меня купить овса, потому что онъ покупаетъ большое количество. Онъ, узнавши отъ Тимофея, что деньги за овесъ взносить къ вамъ, обрадовался этому, потому что онъ хочетъ къ вамъ въ почтамтъ войтить въ поставщики разныхъ вещей, коими онъ между прочимъ производитъ

торгъ, и ежели это случится, то я покорнѣйше прошу оказать ему ваше покровительство: человѣкъ предоброй, сколько я наслышался отъ вручителя.

XXXIV.

Ваше благородіе!

Милостивѣйшій государь, отецъ и благотворитель.

Прошу васъ въ лице самого Бога и яко отца и благотворителя, не можно ли будетъ вамъ отписать къ Дмитрію Павловичу о увольненіи меня въ Бронницы на четырнадцать дней. О чемъ и прозьба моя отослана уже въ Ярославскую губернскую почтовую контору; но я не надѣюсь, чтобъ о семъ представлено было изъ оной въ почтамтъ; и такъ естьли вы, отецъ мой и благотворитель, не будете писать ему о семъ, то и я точно отпущенъ не буду, да и прозьба моя останется въ тунѣ. Мнѣ жъ нетерпѣливо хочется видѣть васъ, благотворителя моего, при вседражайшей жизни вашей; о чемъ и сынъ мой пишетъ мнѣ часто, чтобъ я былъ въ Бронницы, и я въ надеждѣ вашихъ отеческихъ ко мнѣ щедротъ благонадежнымъ имѣю остаться на всегда

вашего благородія
милостивѣйшаго отца и благотворителя
всепреданнѣйшимъ слугою
Семенъ Ивановъ.

Ч. 16 Сентября.
1815 г.

XXXV.

Любезнѣйшій и почтенный другъ и благодѣтель Дмитрій Павловичъ.

Нѣтъ словъ и силъ къ выраженію горести сердца моего по прочтеніи письма вашего; судьба ваша и моя рѣшилась симъ новымъ произшествіемъ. Кто же остался намъ помощникомъ? Единъ милосердый Господь Богъ нашъ; безъ Его милосердія у человѣковъ трудно находить милосердія. Горесть моя такъ велика о семъ произшествіи, что я не могу принудить себя и поздравить васъ. За дружескіе совѣты ваши усердно благодарю. Четыре дни продержалъ я подводы отъ того, что не былъ въ состояніи писать писемъ: такъ я сильно разстроился.

Препокорнѣйше благодарю васъ за благодѣяніе ваше, оказанное мнѣ по Воспитательному Дому, прошлый годъ очищенъ, и я квитанцію отъ васъ получилъ: но что будетъ со мною въ наступившій годъ? Вы уѣдете въ Петербургъ; не возможно ли вамъ прежде отъѣзда попросить г. Полуденскаго оказать мнѣ такое же благодѣяніе въ терпѣніи до новаго урожая хлѣбнаго, чѣмъ бы вы премного меня обязали. П. С. Лихонинъ писалъ ко мнѣ о какомъ-то планѣ, о которомъ будто вы хотѣли меня увѣдомить; не можно ли сего сдѣлать нынѣ до отъѣзда вашего и хотя нѣсколькими словами меня увѣдомить?

Овесъ и послѣдній 60 четвертей къ г. эконому доставленъ, и я получилъ на всѣ 300 четвертей полную росписку.

Истинно не знаю что̀ и писать, такъ сильно я разстроенъ, что ни мысли, ни словъ не нахожу, почему и долженъ прекратить сіе письмо.

Испрашивая на васъ милосердіе и благословеніе Господне и пожелавъ вамъ отъ искренняго сердца добраго здоровья и всѣхъ истинныхъ благъ, временныхъ и вѣчныхъ, останусь во

всю жизнь мою съ искреннею любовію, почтеніемъ и благодарностію вашимъ вѣрнымъ другомъ и покорнѣйшимъ слугою

«Н. Н.»

Р. Т. Милостивой государынѣ Катеринѣ Ивановнѣ свидѣтельствую мое искреннѣйшее почтеніе.

Къ сему присоединяю и я мою сердечную преданность и непремѣнное почтеніе.

В. Н.

7 Марта
1816 г.
С. Тихвинское.

XXXVI.

Почтенный и любезнѣйшій другъ милостивый государь Дмитрій Павловичь!

Мнѣ уже кажется, по причинѣ тяжкихъ и горестныхъ моихъ обстоятельствъ, что вы меня забыли. Вы чрезъ Преображенскаго требовали, чтобъ я прислалъ къ вамъ свѣдѣнія о числѣ душъ въ селѣ Тихвинскомъ и протч. и о доходахъ съ онаго; я все сіе къ вамъ тогда же отправилъ, но по сіе время въ отвѣтъ на оное ничего еще не получилъ, и не знаю, что̀ со мною будетъ. Александръ Михайловичъ скончался; не извѣстно еще, кто на его мѣсто опредѣленъ будетъ; и г. Полуденской будетъ ли въ такой силѣ, какъ прежде, также не извѣстно. Я знаю, что и ваши собственныя обстоятельства теперь очень трудны, но кажется мнѣ, какъ бы не найтить часа, въ которой бы написать хотя десять строкъ. Сдѣлайте милость увѣдомьте меня, г. Казариновъ желаетъ ли и нынѣ купить сіе имѣніе. Иванъ Игнатьевичъ меня увѣдомлялъ, что онъ весьма охотно желалъ купить оное и приглашалъ его съ собою ко мнѣ для осмотра всего. А Петръ Степановичъ Лихонинъ, недавно бывши у меня, сказывалъ и увѣрялъ, что вы хотѣли оное покупать для себя; почему я и сталъ теперь между ихъ сказаніями въ нерѣшимости, ибо отъ васъ ни о томъ, ни о другомъ я не былъ увѣдомленъ. Еще повторяю, сдѣлайте милость увѣдомьте меня обо всемъ и тѣмъ облегчите настоящее мое горестное положеніе. Я съ нетерпѣливостію буду ожидать на все сіе вашего отвѣта. Моя Вѣра сдѣлалась очень нездорова, и я уже въ другой разъ отправилъ ее на сихъ дняхъ въ Москву къ Матвѣю Яковлевичу, и она будетъ жить въ Москвѣ у Ивана Сидоровича Черепанова до того времяни, какъ отпуститъ ее Матвѣй Яковлевичъ.

Милостивой государынѣ Катеринѣ Ивановнѣ свидѣтельствую искреннее мое почтеніе, также и отъ Натальи Ильинишны.

Въ заключеніе сего письма испрашиваю на васъ и на все любезное ваше семейство милосердія и благословенія Господня и, пожелавъ вамъ всѣмъ добраго здоровья, спокойствія и всѣхъ истинныхъ благъ временныхъ и вѣчныхъ, останусь на всегда съ искреннею любовію, почтеніемъ и благодарностію вашимъ вѣрнымъ другомъ и покорнѣйшимъ слугою

«Н. Новиковъ».

Августа 21 дня
1816 г.

XXXVII.

Милостивый государь и любезнѣйшій другъ Дмитрій Павловичь!

Покорнѣйше благодарю за любезное, но притомъ и горестное сердцу моему письмо ваше. Что дѣлать! Намъ осталось только взаимное другъ къ другу состраданіе; положеніе ваше крайне тягостно, а мое еще тягостнѣе, и здоровье мое совершенно разстроено, такъ что едва, едва смогу бродить. Тяжелѣе этого году во всѣхъ отношеніяхъ я кажется еще въ жизни моей не имѣлъ; зная вашу ко мнѣ любовь и чувствительность, я не хочу описывать всѣхъ моихъ обстоятельствъ, но благодареніе милосердому Господу, нынѣ начинаю дышать нѣсколько посвободнѣе. Я получилъ изъ Петербурга увѣдомленіе, что ея величество государыня вдовствующая императрица всемилостивѣйше благоволила внять моему прошенію и соизволила приказать Опекунскому Совѣту сдѣлать мнѣ отсрочку во всемъ по содержанію моего прошенія. *Кто Богъ велій, яко Богъ нашъ, Онъ есть Богъ творяй чудеса.* Любезнѣйшій другъ! намъ предписано терпѣніе и долготерпѣніе, и Христосъ Спаситель нашъ сказалъ: *въ терпѣніи вашемъ стяжите души ваши*, и въ другомъ мѣстѣ: *Претерпѣвый до конца, той спасенъ будетъ*. И такъ наша доля: терпѣніе, терпѣніе и терпѣніе; онымъ начинать, продолжать и оканчивать.

Милостивой государынѣ Катеринѣ Ивановнѣ свидѣтельствую искреннее мое почтеніе, а любезныхъ вашихъ малютокъ прошу за меня перецѣловать; также и всѣ наши инвалиды вамъ и ей свидѣтельствуютъ усердное свое почтеніе.

Много благодарю васъ за дружбу, оказываемую мнѣ любезнымъ моимъ Ѳедоромъ Дмитріевичемъ; онъ въ Почтамтѣ для меня заступаетъ ваше мѣсто и расположенъ ко мнѣ совершенно хорошо.

Покорнѣйше прошу васъ сдѣлать мнѣ одолженіе прислать чрезъ Ѳедора Дмитріевича Французскую мою у васъ книжку: *о свѣтѣ яко источникѣ огня и пр.* и переводъ вашъ оной, сколько оного есть, чѣмъ меня наичувствительнѣйше одолжите.—Увѣдомляйте меня, прошу васъ, хотя изрѣдка, о состояніи вашего и всѣхъ вашихъ здоровья, и поправляются ли ваши хозяйственныя обстоятельства: не полѣнитесь доставлять мнѣ сіе утѣшеніе. Не можно ли, хотя по просухѣ, доставить мнѣ пріятное удовольствіе видѣть васъ у себя дни на два-три, чтобы можно было употребить ихъ къ вашей пользѣ. Мои же пріѣзды въ Москву нынѣ крайне сомнительны.

Въ заключеніе сего письма испрашиваю на васъ и на всѣхъ вашихъ милосердіе и благословеніе Господне и, пожелавъ вамъ всѣмъ добраго здоровья, спокойствія и всѣхъ истинныхъ благъ временныхъ и вѣчныхъ, останусь навсегда съ искреннею любовію и почтеніемъ вашимъ вѣрнымъ другомъ и покорнѣйшимъ слугою

«Н. Новиковъ».

Не поставляя себя въ число *инвалидовъ*, особенно свидѣтельствую мое искреннее почтеніе и сердечную пре-

данность почтеннѣйшей Катеринѣ Ивановнѣ и Дмитрію Павловичу.

Апрѣля 24
1817.
С. Тихвинское.

P. S. О книжкѣ Французской объ огнѣ и проч., о которой вамъ Х. А. говорилъ, я и позабылъ по причинѣ бывшей разстройки, что я васъ просилъ о переводѣ оной. Прошу по возможности продолжать и выручить въ Москву уже переведенное и ко мнѣ доставить, чѣмъ меня много одолжите, ибо я сею книжкою весьма интересуюсь.

P. S. Прошу покорно потрудиться сказать Ивану Александровичу усердное мое почтеніе и благодарность за то, что онъ меня помнитъ и не сумнѣваюсь, что и любитъ, а я его искренно люблю и почитаю.

P. S. Поздравляю васъ съ новокупленною деревнею; я ее знаю; она прежде отстроивана была моимъ сосѣдомъ Михаиломъ Михаиловичемъ Матюшкинымъ; у него прекрасное было заведеніе всего, не знаю каково нынчѣ.

При семъ и я свидѣтельствую мое усерднѣйшее почтеніе милостивому государю Дмитрію Павловичу и милостивой государынѣ Катеринѣ Ивановнѣ, и приносимъ вмѣстѣ съ Натальей Ильинишной таковую же благодарность за любезнѣйшій и ласковый пріемъ. Но я должна еще васъ безпокоить. Семенъ Ивановичь далъ мнѣ коммиссію, еще когда я ѣхала въ Москву, чтобы спросить, не знаете ли вы, гдѣ теперь находится вдова Концаревичева, и хотя у меня было это записано, но не смотря ни на что, я забыла, и такъ покорно васъ прошу, м. г. Дмитрій Павловичъ, поправить мою вѣтренность и увѣдомить его объ ней. Мнѣ теперь очень жаль, что вы не согласились присовѣтывать мнѣ взять изъ посланной вами суммы 25 руб. еще; эти деньги пропали у меня ни за что теперь, потому что здѣсь мнѣ уже ихъ не дадутъ.

ПИСЬМО МИНИСТРА ИНОСТРАННЫХЪ ДѢЛЪ БАРОНА БУДБЕРГА КЪ МОСКОВСКОМУ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕМУ ТУТОЛМИНУ.

Милостивый государь мой

Тимоѳей Ивановичъ!

Государь Императоръ высочайше указать мнѣ соизволилъ довести до свѣдѣнія вашего высокопревосходительства непріятныя обстоятельства, встрѣтившіяся въ короткое время командованія арміями генераломъ - фельмаршаломъ графомъ Каменскимъ, для сообщенія оныхъ Московской публикѣ въ настоящемъ ихъ видѣ.

Назначая его главнымъ начальникомъ армій, дѣйствующихъ противъ Французовъ, Государь Императоръ основалъ выборъ сей на общемъ мнѣніи, возлагавшемъ надежду на искусство и опытность сего генерала. При отправленіи его отсюда, данныя ему полномочія сообразны были какъ съ оказанною ему довѣренностію, такъ и съ обстоятельствами.

По прибытіи своемъ къ арміи 8 Декабря прошедшаго года, графъ Каменскій, зная, что непріятель готовится атаковать всѣми силами нашу армію, тотчасъ приступилъ къ перемѣнѣ позиціи, генераломъ Бенигсеномъ учрежденной, и тѣмъ самымъ подвергнулъ войска наши къ частнымъ атакамъ непріятеля, который настигалъ оныя на маршѣ несовокупленныя.

Генералъ отъ инфантеріи Буксгевденъ получилъ повелѣніе поспѣшать на правой флангъ для подкрѣпленія, но въ то же время вторичнымъ повелѣніемъ графъ Каменскій предписалъ ему со всею арміею, не останавливаясь, идти къ нашимъ границамъ, не щадя даже пушекъ. Потомъ, когда корпусъ, подъ предводительствомъ генерала отъ кавалеріи Бенигсена, храбро отражалъ непріятеля и одержалъ надъ нимъ поверхность, графъ Каменскій поставилъ въ вину Буксгевдену, что онъ не подоспѣлъ къ нему на помощь.

Между сими противурѣчіями поступокъ, заслуживающій наибольшаго удивленія, есть слѣдующій: перемѣстивъ всѣ войска по новой диспозиціи‘ наканунѣ сраженія, фельдмаршалъ сдалъ команду старшему по себѣ и уѣхалъ изъ арміи, объявляя генералу Буксгевдену, что онъ раненъ (рана сія состояла въ поврежденіи отъ верховой ѣзды) и предписывая ему со всѣми войсками ретироваться къ нашимъ границамъ, самъ отправился въ Гродно.

Таковыя неожидаемыя произшествія при началѣ военныхъ дѣйствій, которыя могли бы при лучшихъ распоряженіяхъ увѣнчать войска наши совершенною побѣдою и произвесть въ дѣлахъ другой оборотъ, поставили Государя Императора въ необходимость отозвать генерала-фельдмаршала графа Каменскаго и поручить начальство надъ обѣими арміями генералу Бенигсену; а потомъ и генералъ Буксгевденъ также отозванъ.

Въ заключеніе всего, съ прискорбіемъ долженъ сообщить вашему высокопревосходительству, что при семъ случаѣ одна свойственная Россійскимъ войскамъ храбрость, рвеніе частныхъ начальниковъ, а наипаче благоразумныя распоряженія генерала Бенигсена спасли нашу армію, которая безъ устройва должна была сражаться съ превосходными силами непріятеля. Такимъ образомъ ожиданія Его Величества и всей публики уничтожены въ нѣсколько дней начальствованіемъ гр. Каменскаго чрезъ непостижимые его поступки.

Исполняя симъ Высочайшую волю Его Величества, съ истиннымъ почтеніемъ и преданностью имѣю честь быть

вашего высокопревосходительства
покорнѣйшій слуга
Андрей Будбергъ.

С.-Петербургъ.
8 Генваря 1807 года.

(Сообщено академикомъ А. Ѳ. Бычковымъ.)

СПЕРАНСКІЙ

(*Посвящается барону Модесту Андреевичу Корфу*).

. . . . *)

Можно ли говорить свободно о такой книгѣ, гдѣ главную роль играетъ И. Александръ, I-й и гдѣ главный предметъ составляютъ высшіе государственные вопросы? Можемъ ли мы судить о времени И. Александра, и произносить свой приговоръ дѣйствіямъ его министра, слѣдственно и его собственнымъ дѣйствіямъ?

Еслибъ предложить такой вопросъ за границею, въ Англіи, Германіи, Франціи, всѣ слушатели разразились бы громкимъ хохотомъ: какое сомнѣніе можетъ быть въ правѣ разсуждать о лицѣ, подобномъ И. Александру, принадлежащемъ Исторіи? Какое сомнѣніе можетъ быть въ правѣ говорить объ Европейскихъ событіяхъ, которымъ минуло слишкомъ 50 лѣтъ?

А если Англичане, Нѣмцы, Французы, могутъ говорить и писать объ И. Александрѣ I и его министрахъ, то Русскіе кольми паче; потому что только Русскіе имѣютъ средства оцѣнить всѣ обстоятельства; только Русскіе видятъ всѣ послѣдствія, испытывая на себѣ ихъ вліяніе; только они знаютъ почву событій, ощущаютъ воздухъ, могутъ догадываться, откуда дулъ вѣтеръ, могутъ поймать неуловимые для другихъ оттѣнки. Русскіе только могутъ доставить иностранцамъ матеріалы для ихъ соображеній и умозаключеній, для науки.

Безъ Русскихъ въ этомъ случаѣ иностранцы шагу ступить не могутъ, обреченные на вранье, которое мы безпрестанно и слышимъ, когда рѣчь зайдетъ о Россіи и ея отношеніяхъ.

Чѣмъ же мы можемъ остановить ихъ вранье?

Доставленіемъ имъ вѣрныхъ свѣдѣній. А если мы будемъ молчать, такъ откуда жъ имъ взять истины, и чѣмъ они будутъ виноваты? Виноваты будемъ мы передъ лицемъ науки, Исторіи, передъ лицемъ Европы, передъ лицемъ человѣческаго образованія, развитія, если будемъ продолжать молчать въ виду мнимыхъ опасностей, то есть вѣтренныхъ мельницъ, на другой сторонѣ, чѣмъ Донкихотовы. построенныхъ.

Достоинства и заслуги И. Александра въ Русской, и еще болѣе въ Европейской Исторіи, такъ велики и обширны, что ему и его почитателямъ нечего опасаться за его славу, а горячіе слѣды, свидѣтельства очевидцевъ, разсужденія современниковъ, ничѣмъ замѣнены быть не могутъ; и наоборотъ, невѣрныя показанія ихъ изъ вѣка въ вѣкъ сдѣлаются источникомъ ошибокъ.

Слѣдовательно, не только мы имѣемъ право, но имѣемъ священную обязанность говорить и судить объ И. Александрѣ I, и наше робкое сомнѣніе есть логическій nonsens, повторяемый нами безъ всякаго основанія, по привычкѣ; есть самый же-

*) Это вступленіе было написано для огражденія статьи отъ цензуры во время оно. Нынѣ нѣтъ въ немъ нужды, чему доказательствомъ служатъ многія откровенныя статьи объ И. Александрѣ, появившіяся въ журналахъ, въ Запискахъ графа П. А. Строгонова, въ Исторіи ген. Богдановича и проч., но мы оставляемъ ненужный нынѣ громоотводъ, какъ историческій документъ. М. П.

стокій приговоръ прежней системѣ оставившей такія болѣзненныя впечатлѣнія; есть наконецъ нравственная гражданская проказа, отъ которой мы должны всѣми средствами, хоть подъ исходъ тысячелѣтія, исцѣляться.

Графъ Аракчеевъ, лицо, о которомъ придется намъ говорить часто въ предлагаемой статьѣ, завѣщалъ сумму, которая должна возрасти до милліона рублей къ назначенному сроку, за сочиненіе лучшей Исторіи Императора Александра I.

Онъ думалъ тѣмъ отблагодарить своего несравненнаго благодѣтеля за полученныя благодѣянія, воздвигнуть ему прочный монументъ, засвидѣтельствовать предъ лицемъ свѣта свое неограниченное къ нему благоговѣніе. Публика Русская и иностранная удивилась такой безпримѣрной наградѣ.

Еслибы графъ Аракчеевъ, вмѣсто этого милліона, оставилъ простыя записки о своей жизни, и искренній дневникъ, вѣрный отчетъ о своихъ разговорахъ съ И. Александромъ, безъ всякихъ украшеній, безъ всякихъ притязаній на искусство, то Исторія была бы ему гораздо благодарнѣе, а потомство готово было бы заплатить ему за нихъ лучше свой собственный милліонъ заднимъ числомъ, чѣмъ получить отъ него. Что будетъ дѣлать Исторія съ Аракчеевскимъ милліономъ, если ей останется почерпать для своихъ показаній только изъ современныхъ газетъ и реляцій, въ которыхъ до правды добраться трудно?

Такую, или подобную услугу, могли бъ оказать Александру и другія лица къ нему близкія: Волконскій, Голицынъ, Кочубей, Новосильцевъ; но никому изъ нихъ, кажется, и не приходило того въ голову, за недостаткомъ политическаго гражданскаго развитія, хоть и толковали они много о своей привязанности, и клялись часто въ своей преданности!

Есть еще люди теперь, которые могли бы, если не восполнить, то по крайней мѣрѣ сколько-нибудь замѣнить, этотъ недостатокъ: Нессельродъ, Меньшиковъ, Закревскій.

О, еслибъ эти строки могли побудить кого-нибудь изъ нихъ взяться за перо, или передать свои свѣдѣнія довѣреннымъ лицамъ *)!

Повторяю, мы не только имѣемъ право, но и имѣемъ обязанность писать и судить объ Императорѣ Александрѣ. Молчаніе есть преступленіе предъ Исторіею и грѣхъ предъ его памятью.

На этихъ основаніяхъ приступаю къ разбору важнаго историческаго сочиненія, обогатившаго нашу скудную въ этомъ родѣ литературу. Долженъ прибавить, что разборъ этотъ для меня пріятенъ въ особенномъ отношеніи. Въ Исторіи Русской и всеобщей есть много важныхъ вопросовъ, въ коихъ, по недостатку свѣдѣній, должно прибѣгать къ догадкамъ и предположеніямъ, а провѣрить ихъ нечѣмъ. Баронъ Корфъ, безъ сомнѣнія, знаетъ гораздо больше, нежели сколько написалъ. По особеннымъ, вѣроятно уважительнымъ причинамъ, онъ не досказалъ многаго; онъ долженъ былъ умалчивать, а критикъ имѣетъ полное право догадываться, предполагать, и слѣдовательно критикъ занимаетъ въ этомъ отношеніи положеніе

*) Вотъ уже двоихъ не стало изъ числа трехъ: графовъ Нессельрода и Закревскаго (Позднѣйшее примѣчаніе). И третій кн. Менщиковъ отправился на тотъ свѣтъ (1868 г.). Публика недавно узнала о драгоцѣнныхъ матеріалахъ въ Запискахъ П. А. Строгонова. (См. Вѣстникъ Европы 1866 г.).

гораздо выгоднѣе автора. Критикъ не отвѣчаетъ за вѣрность своего предположенія или объясненія, всегда почти условнаго, между тѣмъ какъ авторъ долженъ говорить положительно, чего по времени, обстоятельствамъ, по мѣсту, ему можетъ быть нельзя. Я буду имѣть честь предложить свои соображенія на судъ автора, съ просьбою произнести имъ приговоръ, такъ или иначе, на основанія извѣстныхъ ему данныхъ. Въ дѣлѣ исторической критики узнать причину своей ошибки бываетъ пріятно, а угадать еще пріятнѣе.

*

Статья эта была написана вскорѣ по выходѣ въ свѣтъ сочиненія барона Корфа. Я посылалъ ее тетрадями къ г. де-Санглену, какъ хорошо знакомому со всѣми обстоятельствами десятыхъ годовъ, для сообщенія мнѣ замѣчаній.

Яковъ Ивановичъ де-Сангленъ служилъ начальникомъ тайной полиціи при министрѣ Балашевѣ, былъ нѣсколько времени очень близокъ къ Императору Александру, имѣлъ отъ него важныя порученія опечатывалъ вмѣстѣ съ Балашевымъ бумаги Сперанскаго въ день его ссылки.

86-ти лѣтній старикъ, разбитый параличемъ, не смотря на свои лѣта и болѣзни, сохранялъ до конца жизни свѣжую память, теплое сердце, и принималъ живое участіе въ политикѣ, какъ внѣшней, такъ и внутренней.

Я познакомился съ нимъ передъ тридцатыми годами, въ домѣ попечителя Писарева; онъ полюбилъ меня и сохранилъ ко мнѣ съ тѣхъ поръ неизмѣнно-доброе расположеніе, принимая участіе во всѣхъ моихъ изданіяхъ, начиная съ Ураніи 1826 года,—въ Московскомъ Вѣстникѣ и Москвитянинѣ.

Яковъ Ивановичъ де-Сангленъ казался мнѣ человѣкомъ честнымъ и благороднымъ, сколько я могъ замѣтить впродолженіи 40-лѣтняго знакомства, не имѣя съ нимъ впрочемъ никакихъ дѣлъ, кромѣ бесѣдъ и литературныхъ сношеній. Безкорыстіе его доказывается тѣмъ, что онъ кончилъ жизнь почти въ бѣдности, пользуясь только какою-то ничтожной пенсіей. Жилъ онъ лѣтъ десять одинъ-одинешенекъ въ двухъ-трехъ низенькихъ комнатахъ, на дачѣ, въ Красномъ Селѣ, питаясь въ день чашкою кофе и тарелкою супа съ кускомъ жаркаго. Туда заѣзжалъ я къ нему раза по два въ годъ, по пути на желѣзную дорогу и въ Сокольники, и заставалъ всегда за кучею газетъ, присылаемыхъ къ нему его пріятелемъ, Московскимъ губернаторомъ И. В. Капнистомъ.

Просьбу мою онъ исполнилъ и присылалъ при письмахъ замѣчанія на всякую тетрадь, прося усильно, чтобъ я содержалъ все втайнѣ и не оглашалъ его имени, которое говорилъ онъ, можно узнать по тѣмъ или другимъ признакамъ. Начальникъ нѣкогда тайной полиціи, онъ никакъ не могъ освободиться отъ того страха, который прежде наводилъ на другихъ, и боялся, чтобъ не попасть въ бѣду, хотя въ замѣчаніяхъ его, говоря вообще, не было вовсе ничего опаснаго. Я, разумѣется, далъ ему слово, и свято сохранялъ при его жизни. Теперь смерть его сняла съ меня слово, и я печатаю его замѣчанія, кромѣ нѣкоторыхъ личныхъ мнѣній, не имѣющихъ важности для публики. Чтобъ судить о его замѣчаніяхъ, я долженъ прибавить, что Яковъ Ивановичъ былъ нѣсколько любочестивъ, и потому былъ очень недоволенъ книгою барона Корфа, можетъ быть и потому, что баронъ Корфъ о немъ почти не упоми-

настъ. Ему казалось, что одинъ онъ знаетъ дѣло лучше всѣхъ, между тѣмъ память въ нѣкоторыхъ случаяхъ явно ему измѣняла, или онъ не хотѣлъ открыться вполнѣ. Онъ думалъ, что баронъ Корфъ хочетъ во что бы ни стало прославить Сперанскаго, и это несправедливо. Онъ думалъ, что подозрѣніе въ доносѣ на Сперанскаго падало и было обращаемо умышленно на него, чего никакъ въ книгѣ барона Корфа непримѣтно, развѣ для него одного, и ему хотѣлось доказать противное. По духу прежней своей службы продолжалъ онъ видѣть интриги тамъ, гдѣ ихъ не было, и проч. Все это должно имѣть въ виду при разсужденіи о нѣкоторыхъ его замѣчаніяхъ, которыя, во всякомъ случаѣ, полезно обнародовать, чтобъ вызвать новыя соображенія и разсужденія, коими объяснилось бы сколько нибудь темное до сихъ поръ дѣло.

Противъ вступленія г. де Санглень возражаетъ мнѣ въ разныхъ мѣстахъ:

«13 Февраля 1862 г. Я получилъ и неожиданно письмо ваше, М. Г. М. П., и при письмѣ три тетради. Удивляюсь вашей торопливости и заботливости воспѣть благодарность, по словамъ вашимъ, *богатому* сочиненію б. Корфа, или, какъ вы въ другомъ мѣстѣ сказали, почтенному историческому сочиненію».

«Что вы хотите произвесть своими тетрадями? Печатать ихъ? Рано, рано! Руссо правъ: le tems est indispensable pour le triomphe de la vérité.

«Да и осторожность нужна. Баронъ Корфъ писалъ подъ эгидою правительства. Такъ тому и быть. Мы не въ Англіи, гдѣ Герцену позволяется говорить, что ему въ голову придется.»

«Надо выжидать и держать въ портфеляхъ, пока наступитъ время».

«Мѣра Аракчеева о сочиненіи исторіи И. Александра I чрезъ сто лѣтъ—благоразумная. Страсти утихнутъ, злоба, зависть скроются въ ущелья свои, и правда восторжествуетъ»

«Истина святая проложитъ себѣ путь къ правдѣ».

«Нѣтъ тайны, которая не была бы явна.»

«Le tems donne à tout le mouvement et l'être. Попытайтесь сравнить И. Александра I съ Лудовикомъ XV, съ которымъ первый въ характерѣ имѣетъ большое сходствѣ, et vous verrez ce qu' il en sera. Эти тайны обнаруживаетъ время, которое не всегда готово насъ удовлетворять.»

«Вы думаете, что нѣтъ Записокъ? Ошибаетесь»

«23 Ноября 1861 г. въ Journal de St. Pétersborg напечатано объявленіе о сочиненіи барона Корфа. Журналъ этотъ оффиціальный: на него опираются всѣ наши Русскіе журналы. Вотъ что тамъ сказано: On remarque bien quelques lacunes dans certaines parties de l'ouvrage, mais il ne faut pas oublier, que Speransky a vecu à une epoque peu eloignée de nous, et par consequent, des considérations, qu'il n'était pas permis à l'auteur de méconnaitre ont du le forcer de glisser sur differens détails. Cette objection se rapporte principalement à l'epoque de la disgrace et de l'éxil.»

«Отличное avis au lecteur, и откровенное сознаніе въ недостаткахъ творенія барона Корфа. За чѣмъ вводить общество въ заблужденіе? Изъ всего этого вывожу я заключеніе—молчать, молчать и молчать! Рано! Идетъ ли направленіе снизу или сверху, все равно молчать, молчать!

*

I.

Удивительное зрѣлище представляетъ намъ жизнь графа Сперанскаго, удивительное даже въ Русской Исторіи, богатой примѣрами быстраго возвышенія и паденія! Предложимъ сперва очеркъ ея по сочиненію барона Корфа.

Сынъ бѣднаго сельскаго священника, онъ оканчиваетъ первымъ курсъ ученія въ губернской семинаріи, и отправляется въ высшую, столичную, для дальнѣйшаго усовершенствованія.

Въ Петербургѣ онъ учится съ такимъ же отличіемъ, дѣлается извѣстнымъ митрополиту и назначается преподавателемъ.

Землякъ указываетъ на него знатному барину, которому понадобился писецъ и секретарь для домашней переписки [1]).

Князь Куракинъ въ первое свиданіе задаетъ ему для опыта написать 11 писемъ, коихъ одно содержаніе разсказываетъ въ продолженіи часа.

Сперанскій остается ночевать у земляка, и въ одинъ присѣстъ, вечеромъ и ночью, обработываетъ 11 писемъ, кои на другой день по утру всѣ лежали на столѣ переписанныя у вельможи.

Куракинъ совершенно доволенъ: всѣ мысли его поняты, желанія исполнены, намѣренія угаданы,—и онъ предлагаетъ молодому семинаристу мѣсто у себя въ домѣ на полномъ содержаніи и съ хорошимъ жалованьемъ.

Сперанскій переѣзжаетъ къ нему въ домъ, исполняетъ всѣ свои обязанности, къ полному его удовольствію, а между тѣмъ дружится съ гувернеромъ, овладѣваетъ Французскимъ языкомъ, и начитывается новостей [2]).

Вдругъ князь Куракинъ, по вступленіи на престолъ Императора Павла, назначается генералъ-прокуроромъ.

Генералъ-прокуроръ приглашаетъ своего домашняго секретаря въ коронную службу [3]), и содѣйствуетъ къ увольненію изъ духовнаго званія.

Онъ назначаетъ Сперанскаго экспедиторомъ съ чиномъ титулярнаго совѣтника, яко бы въ уваженіе десятилѣтней почти службы въ семинаріи [4]).

Молодой чиновникъ работаетъ изъ всѣхъ силъ и черезъ три мѣсяца получаетъ чинъ коллежскаго ассесора, еще чрезъ полгода надворнаго совѣтника [5]), а въ началѣ слѣдующаго года коллежскаго совѣтника, а вскорѣ и статскаго совѣтника.

Куракина въ короткое время при И. Павлѣ смѣняетъ Лопухинъ, Лопухина Беклешевъ, Беклешева Обольяниновъ.

---

[1]) Де-Санглевъ замѣчаетъ, что Сперанскій поступилъ сначала къ Куракину для дѣтей учителемъ Славянскаго языка, съ жалованьемъ по 200 р. въ годъ и столомъ, а въ канцелярію помѣщенъ, когда потребовалъ прибавки жалованья. Извѣстіе о переводѣ въ канцелярію вмѣсто прибавки жалованья,—и какого ничтожнаго жалованья!—невѣроятно.

[2]) Чтобы соединить это извѣстіе съ предыдущимъ замѣчаніемъ г. де-Санглена, можно предположить, что Сперанскій получилъ порученіе учить дѣтей князя Куракина, уже по поступленіи къ нему въ домъ секретаремъ. Это кажется тѣмъ вѣроятнѣе, что прямо поручить учительскую должность неизвѣстному молодому человѣку едва ли могъ рѣшиться князь Куракинъ.

[3]) Первое жалованье по вступленіи въ канцелярію было 400 р. ас., по замѣчанію г. де-Санглена.

[4]) Де Сангленъ замѣчаетъ, что къ чину онъ былъ представленъ за десятилѣтнюю яко бы службу въ канцеляріи, а не въ семинаріи, о которой не могло бы, де, быть рѣчи въ представленіи. Опять несправедливое замѣчаніе, ибо десятилѣтней службы въ канцеляріи никакъ нельзя было выставить чрезъ годъ!!

[5]) Де-Сангленъ прибавляетъ, что Сперанскій въ чинѣ надворнаго совѣтника прохаживался въ дворцѣ рука объ руку съ Столыпинымъ во время присяги И. Александру.

Сперанскій угождаетъ всѣмъ одинаково, дѣлается необходимымъ для каждаго, и осыпается наградами. Счастіе, что называется, везетъ ему, и онъ идетъ въ гору не останавливаясь. Кромѣ обязанности его въ канцеляріи генералъ-прокурора Паленъ предлагаетъ ему мѣсто производителя дѣлъ въ комитетѣ снабженія столицы припасами [6]), Растопчинъ въ капитулѣ орденовъ.

Не стало Павла, и Трощинскому, который сдѣлался главнымъ производителемъ текущихъ дѣлъ при особѣ новаго Императора, нуженъ способный сотрудникъ— и общій голосъ, чрезъ Аверина, указываетъ ему на Сперанскаго [7]). Сперанскій пишетъ докладныя записки, отчеты, манифесты, указы; онъ уже статсъ-секретарь, дѣйствительный статскій совѣтникъ, получаетъ орденъ Св. Владиміра 3 степени, Св. Анны 1-го класса, и аренду въ 12 тысячъ рублей на двѣнадцать лѣтъ.

Учреждаются министерства. Кочубей, самое довѣренное и близкое лицо къ Государю, приглашаетъ Сперанскаго къ себѣ, и поручаетъ ему устройство дѣлъ во ввѣренномъ ему министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. Сперанскій дѣлается душею министерства, сообщаетъ ему движеніе, сочиняетъ проекты, заводитъ журналъ Сѣверную Почту.

Кочубей часто бываетъ боленъ, и посылаетъ вмѣсто себя съ докладами къ Государю Сперанскаго,—и вотъ Сперанскій предъ лицемъ И. Александра, въ скоромъ времени очаровываетъ его также своими пріемами, докладами и изложеніемъ его мыслей.

Государь беретъ Сперанскаго съ собою въ путешествіе въ Эрфуртъ, узнаетъ его еще короче, сближается съ нимъ, и оставляетъ при себѣ [8]).

Горизонтъ Сперанскаго распространяется, воображеніе паритъ. Знакомый съ ходомъ всѣхъ дѣлъ, со всѣми затрудненіями и злоупотребленіями, начитанный иностранныхъ теорій, и преимущественно Французскаго новаго законодательства, сильный въ логикѣ, искусный въ письменной архитектурѣ, Сперанскій задумываетъ преобразовать все Русское управленіе, съ ограниченіемъ самодержавія. Проэкты слѣдуютъ за проэктами. Работа кипитъ. Государю предлагаются безпрестанно, на основаніи его намековъ, новыя записки, разсужденія, изслѣдованія, писанныя сначала до конца рукою Сперанскаго, читаются съ глазу на глазъ, подвергаются всестороннимъ обсужденіямъ и облекаются формою закона [9]).

[6]) Де-Санглепъ говоритъ, что при немъ Паленъ такъ отзывался о Сперанскомъ правителю своей канцеляріи Беку: Er ist zu klug für mich, er hat zu viel Fiffiologie studirt.

[7]) Де-Санглепъ говоритъ, что Сперанскій, по совѣту Столыпина, написавъ манифестъ о кончинѣ И. Павла, нашелъ случай представить его Государю чрезъ министра финансовъ. (Какого же министра финансовъ? Тогда министровъ еще не было). Этотъ манифестъ очень понравился и былъ принятъ вмѣсто манифеста, написаннаго Трощинскимъ. Государь потребовалъ автора къ себѣ. Съ этого времени, благодаря мысли Столыпина, начинается будто извѣстность Сперанскаго И. Александру. «Съ этого времени», заключаетъ г. де-Санглепъ, «пріѣзжалъ Сперанскій отъ Кочубея съ докладами» и т. д. Явная невѣрность или смѣшеніе; Сперанскій поступилъ къ Кочубею гораздо позднѣе, уже по учрежденіи министерствъ.

[8]) Сперанскій былъ въ восторгѣ отъ Наполеона, что однакожь подозрительному Государю не совсѣмъ понравилось, хотя онъ и самъ почувствовалъ къ Наполеону большое уваженіе. Прибавимъ, что Наполеонъ полюбилъ Сперанскаго, и отозвался о немъ съ похвалою предъ Государемъ. Такъ замѣчаетъ мнѣ г. де-Санглепъ.

[9]) По журналу графа Строгонова мы можемъ заключить теперь, что Сперанскій продолжалъ, исполнялъ и распространялъ мысли, предначертанныя прежде въ комитетѣ И. Александра, Новосильцева, Строганова и Чарторижскаго.

Учреждается Государственный Совѣтъ, преобразуются министерства, опредѣляются права и обязанности Сената, устроивается судопроизводство, изготовляется гражданское уложеніе, пишутся законы уголовные и торговые, вводится новая система финансовъ, и полагаются наконецъ конституціонныя основанія государственнаго устройства, кои не излагаются въ книгѣ барона Корфа, какъ не приведенныя въ исполненіе. Въ три-четыре года весь планъ былъ готовъ, и не далѣе Октября 1809 года лежалъ уже на столѣ Александра. Счастливый преобразователь съ торжествомъ восклицаетъ въ заключеніи одной своей докладной записки: «Если Богъ благословитъ всѣ сіи начинанія, то въ 1811 году, къ концу десятилѣтія настоящаго царствованія, Россія воспріиметъ новое бытіе, и совершенно во всѣхъ частяхъ преобразуется». «Но въ книгѣ судебъ», замѣчаетъ баронъ Корфъ, «было написано иное. Важнѣйшія части этого плана никогда не осуществились. Остальныя далеко отошли и потеряли всякую съ нимъ связь». Этого мало: творецъ всеобъемлющаго плана, счастливецъ, которому до сихъ поръ все удавалось, и который сталъ на такой высотѣ, на какой никто тогда не стоялъ, который надѣялся увѣковѣчить свои намѣренія на пользу и благо Отечеству, вдругъ былъ низвергнутъ позорнымъ образомъ съ высоты своего величія, посланъ въ заточеніе къ предѣламъ Урала.

Остановимся здѣсь на нѣсколько минутъ, и прежде нежели приступимъ къ изслѣдованію катастрофы въ жизни Сперанскаго, предложимъ нѣкоторыя дополнительныя замѣчанія къ предложенному очерку его жизни, чтобъ познакомиться ближе съ этою славною личностью въ новой Русской Исторіи. Мы извлечемъ ихъ изъ богатой книги барона Корфа, и добавимъ собственными свѣдѣніями и соображеніями.

II.

Умъ Сперанскаго обнаружился съ самыхъ молодыхъ лѣтъ.

Во Владимірской семинаріи товарищи прозвали его Спасовы Очи, потому что онъ все зналъ, все понималъ, все видѣлъ, по ихъ мнѣнію.

(Это разсказывалъ мнѣ И. П. Фаворскій, котораго отецъ учился вмѣстѣ съ Сперанскимъ, и имѣлъ множество его писемъ, сожженныхъ изъ страха во время его ссылки).

Зимою онъ хаживалъ въ овчинномъ тулупѣ, обыкновенно на отлетъ, то-есть спустя одинъ рукавъ, въ подражаніе тогдашнимъ щеголямъ.

Благообразная наружность, даръ слова, пріятный голосъ, счастливая память, живое воображеніе, тонкій умъ, жадная любознательность, неутомимое прилежаніе, характеръ мягкій—вотъ достоинства, съ коими вступаетъ онъ въ свѣтъ.

Наклонность къ умствованію, принесенная изъ семинаріи, съ привычкой къ логическимъ построеніямъ и системамъ, опредѣлили первыя его занятія, и дали имъ направленіе.

Отказъ вступить въ духовное званіе, несмотря на настоянія митрополита Гавріила, который первый замѣтилъ отличныя дарованія молодаго семинариста,—первое счастливое происшествіе въ жизни Сперанскаго, гдѣ показалъ онъ свою самостоятельность.

Воздадимъ здѣсь честь и митрополиту Гавріилу, который оставилъ своего воспитанника въ покоѣ, и не потревожилъ местію, столь обыкновенною въ подобныхъ случаяхъ.

Указаніе Куракину чиновника Иванова на Сперанскаго есть второе счастливое происшествіе, имѣвшее вліяніе на всю последующую его судьбу. Замѣтимъ сцѣпленіе обстоятельствъ, этихъ волосяныхъ трубокъ, коими опредѣляется жизнь человѣческая, отъ коихъ зависитъ дальнѣйшее ея развитіе. Куракину нуженъ писарь, секретарь, писаря негдѣ искать кромѣ семинаріи, въ семинарію ходитъ часто, какъ ему извѣстно, живущій у него чиновникъ Ивановъ; Ивановъ знакомъ съ землякомъ своимъ Сперанскимъ,—ну вотъ онъ и указываетъ естественно на Сперанскаго. Первоначальная причина[10]), слѣдовательно,—пребываніе Иванова въ домѣ князя Куракина: какъ онъ туда попалъ? Это уже такъ мелко и тонко, что укрывается отъ Исторіи, и даже отъ тщательныхъ разысканій барона Корфа. А еслибъ не жилъ Ивановъ у Куракина, то и Сперанскому не попасть бы въ кабинетъ Императора Александра I, и не сдѣлаться душею управленія,—по крайней мѣрѣ декораціи должны бы были быть иныя.

Куракинъ, надо отдать ему честь, умѣлъ съ перваго раза оцѣнить молодаго семинариста, предложилъ ему жить у себя въ домѣ, сталъ приглашать къ своему столу, желая дать ему средства для свѣтскаго образованія. Семинаристъ на первый разъ уклоняется отъ высшаго общества, въ которомъ чувствуетъ себѣ стѣсненіе, и предпочитаетъ обѣдать съ ближайшею прислугою [11]). Это чуть ли не одно время, гдѣ Сперанскій показалъ робость, застѣнчивость, коихъ впредь мы не увидимъ болѣе.

[10]) Де-Санглевъ здѣсь замѣчаетъ, вопреки прежнему своему замѣчанію (см. выше): «легко статься можетъ, что и Ивановъ способствовалъ къ принятію Сперанскаго въ учители Славянскаго языка, но служебная карьера Сперанскаго открыта ему Столыпинымъ».

Разсказъ о первыхъ сношеніяхъ Сперанскаго съ Аркадіемъ Алексѣевичемъ Столыпинымъ переданъ намъ сыномъ сего послѣдняго Дмитріемъ Аркадіевичемъ, который слышалъ о томъ отъ покойнаго дяди своего Аѳанасія Алексѣевича. Князь Алексѣй Борисовичь Куракинъ въ Пензенскомъ имѣніи своемъ приказалъ построить винокуренный заводъ и взялъ поставку вина въ казну. Заводъ не былъ готовъ къ нужному сроку, и управляющій кн. Куракина, для исполненія обязательства передъ казною, долженъ былъ передать поставку другимъ лицамъ. Пользуясь его затрудненіемъ, съ него просили чрезмѣрную цѣну. Но сосѣдній помѣщикъ Алексѣй Емельяновичь Столыпинъ, имѣя нѣсколько винокуренныхъ заводовъ, нашелъ возможнымъ взять поставку вина по цѣнѣ сходной. Узнавъ о томъ, князь Куракинъ приказалъ управляющему своему благодарить добраго сосѣда, и просить его знакомства. Въ первой свой пріѣздъ изъ Петербурга, кн. Куракинъ заѣхалъ въ село Столыпино и пробылъ у Столыпина (Городищенскаго уѣзда. Пензенск. губ.) недѣли двѣ. Чрезъ нѣсколько времени послѣ того старику Столыпину пришлось ѣхать въ Петербургъ для опредѣленія на службу одного изъ сыновей своихъ, именно Аркадія Алексѣевича. Князь Куракинъ уговорилъ отца не пускать сына въ конную гвардію, куда онъ былъ записанъ, а помѣстить въ гражданскую службу по его вѣдомству. Чтобы покончить образованіе юноши, Алексѣй Емельяновичь принялъ изъ Семинаріи Сперанскаго для уроковъ. Умный учитель очень полюбился умному старику, и добрыя отношенія продолжались и по окончаніи уроковъ. Сперанскій сообщилъ своему доброжелателю, что митрополитъ нудитъ его поступить въ духовное званіе, къ чему онъ не имѣетъ призванія. Столыпинъ поговорилъ о томъ съ кн. Куракинымъ, который отозвался, чтобы Сперанскій пришелъ къ нему самъ. Впечатлѣніе было самое выгодное, и разумѣется ходатайство кн. Куракина освободило Сперанскаго отъ священнической рясы или монашескаго клобука. П. Б.

[11]) Въ запискѣ своей ко мнѣ де-Санглевъ говоритъ: «Мы видѣли его въ синемъ изъ домашняго сукна сюртукѣ, обѣдавшаго съ камердинерами князя Куракина и камерфрейлинами его супруги».

Къ числу счастливыхъ обстоятельствъ, имѣвшихъ вліяніе на будущую дѣятельность Сперанскаго должно причислить знакомство съ Французскимъ языкомъ и его литературою, пріобрѣтенное въ домѣ князя Куракина, чему способствовала связь съ домашнимъ гувернеромъ Брюкнеромъ. Розенкамфъ и Дмитріевъ замѣчаютъ, сколько пользы принесло Сперанскому знаніе Французскаго языка. Брюкнеръ отличилъ Сперанскаго между его товарищами, полюбилъ за умъ, проводилъ много времени въ бесѣдахъ съ нимъ, и имѣлъ вліяніе на расширеніе круга его понятій. Съ другой стороны, овладѣвъ Французскимъ языкомъ, Сперанскій тѣмъ легче пріобрѣлъ благосклонность и вниманіе высшаго общества, въ которое вскорѣ вступить ему предстояло.

Баронъ Корфъ недостаточно, кажется, оцѣнилъ эти обстоятельства, и желательно было бы собрать еще какія нибудь свѣдѣнія о ранней связи Сперанскаго съ Брюкнеромъ.

Хотя княгиня Е. Ѳ. Долгорукая, живя три года подъ одною крышею съ Сперанскимъ, не слыхала его по имени, но chronique scandaleuse сохранила преданіе о любовной связи Сперанскаго, красиваго собой мущины, съ какою-то высшею дамою.

Князь Куракинъ,—опять заслуга съ его стороны,—безпрерывными наградами содѣйствовалъ къ ободренію, къ возвышенію духа Сперанскаго; а сколько начальниковъ, которые любятъ держать своихъ подчиненныхъ въ черномъ тѣлѣ, загребая только жаръ ихъ руками!

Разскажемъ здѣсь анекдотъ, слышанный нами отъ того же г. Фаворскаго. Князь Куракинъ, воротившись однажды отъ Государя не въ духѣ, позвалъ Сперанскаго, и, ходя по комнатѣ въ раздумьѣ, началъ диктовать ему указъ: «Указъ правительствующему сенату. Калмыки».... Сперанскій написалъ, а Куракинъ продолжалъ ходить по комнатѣ, повторяя однѣ и тѣ же слова. Ну что написалъ? спросилъ онъ опомнясь. Указъ правительствующему сенату. Калмыки... — Что же дальше? — Вы не сказали ничего.—Какъ ничего? И опять началъ князь Куракинъ ходить по комнатѣ, и ворчать про себя по прежнему: Указъ правительствующему сенату. Калмыки... Въ эту минуту пріѣзжаетъ гр. Растопчинъ, и застаетъ, какъ генералъ-прокурора, такъ и его секретаря, въ великомъ замѣшательствѣ. Что такое? спрашиваетъ Растопчинъ.—Да вотъ не могу добиться указа о Калмыкахъ. Растопчинъ, понявши въ чемъ дѣло, разсказываетъ, что̀ при немъ говорилъ Государь о Калмыкахъ князю Куракину, позабывшему распоряженіе,—и указъ былъ въ ту же минуту готовъ. Куракинъ остался довольнымъ.

Сперанскій женился 3 Ноября 1798 года на молодой пріѣзжей Англичанкѣ. Эта женитьба даетъ намъ понятіе объ его характерѣ; онъ увидѣлъ нечаянно свою суженую, влюбился и женился, не спрашивая ни объ ея званіи, ни объ ея состояніи, повинуясь влеченію сердца. Семинаристъ и Англичанка—необыкновенное соединеніе. Сперанскій при первомъ взглядѣ на нее, рѣшась просить ея руки, побоялся только того, что не можетъ объясниться съ нею, но первое слово на Французскомъ языкѣ, ею сказанное, рѣшило его судьбу.

Сперанскій не прожилъ года съ женою: она скончалась чахоткою въ концѣ 1799 года, родивъ дочь. Горести его не было границъ, что̀ свидѣтельствуютъ показанія друзей и оставшіяся письма, кои къ счастію

достались мнѣ въ руки, и напечатаны въ Москвитянинѣ. Попеченіе о дочери, оставшемся залогѣ супружеской любви, привязывало его къ жизни. Служба была спасительнымъ отводомъ для его горести.

Князь Куракинъ, послѣ безсчетныхъ милостей, былъ сосланъ въ деревню своенравнымъ Павломъ, и Сперанскій рѣшился слѣдовать за своимъ благодѣтелемъ— опять прекрасная черта! Князь Куракинъ самъ потребовалъ, чтобъ тотъ не оставлялъ службы [12]).

Важнѣйшимъ лицомъ, имѣвшимъ вліяніе на судьбу Сперанскаго послѣ Куракина, былъ Кочубей, который перезвалъ его къ себѣ отъ Трощинскаго, и доставилъ случай сдѣлаться лично извѣстнымъ Государю. Думалъ ли Кочубей, посылая съ докладомъ своего чиновника, что способствуетъ ему получить въ руки власть такую, какой самъ не имѣлъ никогда?

Поѣздка въ Эрфуртъ, доставя Сперанскому случай приблизиться еще болѣе къ Императору Александру, содѣйствовала вмѣстѣ много къ расширенію его политическаго горизонта; онъ видѣлъ Наполеона, и заслужилъ лестный отзывъ, много ему однакожъ впослѣдствіи повредившій; онъ говорилъ съ Талейраномъ, и перенесся въ сферу высшихъ Европейскихъ политическихъ вопросовъ [13]).

«Александръ воротился въ Петербургъ, говоритъ баронъ Корфъ, «очарованный Наполеономъ и всѣмъ Французскимъ».

Мы сдѣлаемъ здѣсь нѣсколько важныхъ выписокъ изъ книги, необходимыхъ для послѣдующихъ нашихъ разсужденій. «Послѣ видѣннаго и слышаннаго при блестящемъ Французскомъ дворѣ, Сперанскому еще болѣе прежняго показалось, что все у насъ дурно, что все надобно передѣлать, что, по любымымъ тогдашнимъ его выраженіямъ, il faut trancher dans le vif, tailler en plein drap. Данное ему новое, самостоятельное положеніе освобождало его отъ постороннихъ стѣснительныхъ вліяній, и милость Государя вдохнула въ него полную отвагу. Наполеонъ и политическая система Франціи совершенно поработили воображеніе и всѣ помыслы молодаго преобразователя; онъ снова находился какъ бы въ чаду, но уже съ тою разницею, что, найдя себѣ готовый образецъ для подражанія, совсѣмъ откинулъ прежнюю робость малоопытности. Вмѣсто осмотрительныхъ попытокъ и нѣкоторой сдержанности, наступила эпоха самоувѣренности и смѣлой ломки всего существовавшаго. Еще въ «Правилахъ высшаго краснорѣчія», написанныхъ Сперанскимъ въ скромномъ званіи семинарскаго учителя, мы читаемъ слѣдующее, какъ бы пророческое мѣсто: «Когда великая ось правленія обращается въ нашихъ очахъ; когда нѣтъ въ обществѣ ничего столь великаго, что бы отъ насъ было скрыто,— на какую высоту не восходятъ тогда наши понятія, чего не объемлетъ наше воображеніе. Какое рвеніе, какая ревность не воодушевятъ тогда оратора, и какъ можно не быть Демосѳеномъ, говоря противъ Филиппа и защищая дѣло цѣлой Греціи». То, что нѣкогда рисовала ему молодая фантазія, теперь обратилось для него въ дѣйствительность: готовый видѣть въ каждомъ, кто отваживался сопротивляться его нововведеніямъ, своего Филиппа, онъ въ самомъ себѣ почувствовалъ всѣ силы Демосѳена: «Il y a un principe dans l' homme, qui le pousse à courir les chances», писалъ онъ, около этого времени, одному изъ своихъ друзей. Позже,

---

[12]) Де-Сангленъ противъ этого мѣста замѣчаетъ, что «Куракинъ былъ отправленъ въ Парижъ, и Сперанскій, уже при Александрѣ, перевелъ его министерство въ руки Кочубея». Старикъ перемѣшалъ здѣсь опять событія. Можетъ быть въ его Запискахъ вопросъ объяснится лучше. Я привожу замѣчаніе только для того, чтобы показать и при прочихъ необходимость въ критикѣ и осторожности.

[13]) См. ниже въ показаніяхъ г. де-Санглена.

онъ говаривалъ, что великіе люди разнятся отъ прочихъ тѣмъ только, что вышли изъ береговъ и помѣшались на одной постоянной хотя и не темной мысли; изъ береговъ же выходятъ движеніемъ всякаго сильнаго восторга, и тогда все въ человѣкѣ покоряется этой мысли. Если вникнуть въ эти слова, произносившіяся спокойнымъ, разговорнымъ тономъ, то становится ясно, что *Сперанскій уже и безъ восторга парилъ душею въ безбрежномъ пространствѣ*». (Ч. 1. с. 107).

«*Государь, постоянно занятый*, съ начала своего царствованія, идеею преобразовать устройство своей державы, вручилъ Сперанскому разные прежніе проекты по этой части, и нерѣдко проводилъ съ нимъ цѣлые вечера въ чтеніи печатныхъ сочиненій, относившихся къ тому же предмету. Сперанскій, съ своимъ организующимъ и быстрымъ умомъ, умѣвшимъ представлять всѣ трудности легкими и всѣ препятствія одолимыми, съ многостороннимъ знаніемъ, съ обаятельнымъ краснорѣчіемъ, съ дѣятельностью, въ которой никто еще не превзошелъ его,—Сперанскій, полный воображенія, страсти создавать и честолюбиваго стремленія къ славѣ, былъ именно такимъ человѣкомъ, какого искалъ Александръ, и какой нуженъ былъ ему при тогдашнемъ настроеніи его мыслей» (109).

«Изъ всѣхъ сихъ упражненій,» писалъ Сперанскій впослѣдствіи, уже подвергнутый опалѣ и заточенію, «изъ стократныхъ, можетъ быть, разговоровъ и разсужденій Вашего Величества, надлежало наконецъ составить одно цѣлое. Отсюда произошелъ планъ всеобщаго государственнаго образованія. Въ существѣ своемъ онъ не содержалъ ничего новаго, но идеямъ съ 1801 г. занимавшимъ Ваше вниманіе, дано въ немъ систематическое расположеніе. Весь разумъ сего плана состоялъ въ томъ, чтобы посредствомъ законовъ утвердить власть правительства на началахъ постоянныхъ, и тѣмъ самымъ сообщить дѣйствію власти болѣе достоинства и истинной силы.»

«Вотъ, слѣдственно, въ чемъ заключалась задача. Въ видѣ вступленія къ ея разрѣшенію, Сперанскій представилъ обширную записку, почти цѣлую книгу о свойствѣ и предметахъ законовъ государственныхъ вообще, о раздѣленіи ихъ на преходящіе и коренные, или неподвижные, и о примѣненіи тѣхъ и другихъ къ разнымъ степенямъ власти. Потомъ онъ принялся, съ свойственнымъ ему жаромъ, за составленіе полнаго плана новаго образованія государственнаго управленія во всѣхъ его частяхъ, отъ кабинета государева до волостнаго правленія».

«Колоссаленъ былъ этотъ планъ, исполненъ смѣлости какъ по основной своей идеѣ, такъ и въ подробностяхъ развитія» (110).

Въ Октябрѣ 1809 года все было готово, и Сперанскій, какъ мы выше привели слово его, воскликнулъ, что къ 1811 году Россія преобразуется. «Сперанскому все казалось уже совершеннымъ, поконченнымъ, и исполненіе своего плана онъ раздѣлялъ на сроки единственно съ тѣмъ, чтобы еще болѣе обезпечить его успѣхъ. Вмѣсто того, *важнѣйшія части этого плана никогда не осуществились.* Приведено было въ дѣйствіе *лишь* то, что самъ онъ считалъ болѣе или менѣе независимымъ отъ общаго круга задуманныхъ преобразованій; все прочее осталось только на бумагѣ, и даже исчезло изъ памяти людей, какъ стертый временемъ очеркъ смѣлаго карандаша....»

«Если нѣтъ сомнѣнія, что подробности тогдашнихъ предположеній займутъ нѣкогда важную страницу въ Исторіи Россіи и въ біографіи Императора Александра I, то не здѣсь мѣсто разбирать начинанія, не достигшія полной зрѣлости, и самимъ имъ впослѣдствіи покинутыя». Поэтому, заключаетъ авторъ, «мы ограничимся обозрѣніемъ только тѣхъ частей проекта, которыя получили дѣйствительное основаніе, но, получивъ его порознь, разновременно, во многомъ даже на другихъ основаніяхъ, *далеко отошли* отъ первоначальнаго плана, и почти *потеряли* всякую съ нимъ связь» (с. 112 и 113).

Государь самъ испугался изумительной быстроты своего секретаря... «Начались колебанія. Свѣтлый умъ Александра постигъ» (такъ объясняетъ баронъ Корфъ причину колебаній), «что неизмѣримо легче было написать, чѣмъ осуществить написанное, и что во всякомъ случаѣ необходимы сперва разныя переходныя мѣры, для коихъ требовалось время. Разсуждая о нихъ, и соображаясь съ измѣнившимися мыслями Государя, Сперанскій написалъ къ нему: «Существенныя правила вводимаго порядка должны состоять въ томъ, чтобъ не терять времени, но избѣгать всякой торопливости, каждое установленіе открывать не прежде, какъ все образованіе его будетъ изготовлено и, наконецъ, переходъ отъ настоящихъ установленій къ новымъ такъ учредить, чтобъ онъ казался самымъ простымъ и естественнымъ, чтобы новыя установленія казались возникающими изъ прежнихъ, чтобы ничего не отваживать, и имѣть всегда способы остановиться и удержать прежній порядокъ во всей его силѣ, ежели бы, паче чаянія, встрѣтились къ новому какія либо непреоборимыя препятствія».

Роковое замедленіе! Зависть давно уже начала поднимать ядовитое свое жало. Униженная гордость вельможъ при видѣ блестящихъ, безпримѣрныхъ успѣховъ поповича-выскочки, пылаетъ злобою. Честолюбцы и властолюбцы соединяютъ свои усилія. Тайное дружное общество посредственностей, ненавидящихъ всякій талантъ, подаетъ имъ помощь со всѣхъ сторонъ. Къ нимъ присоединяется нѣсколько достойныхъ гражданъ, устрашенныхъ ниспроверженіемъ стараго порядка и такими нововведеніями, которымъ и не видать было конца!

Россія находилась въ особомъ положеніи. Новыя финансовыя мѣры произвели временное замѣшательство въ дѣлахъ. Сословія были недовольны, однѣ новыми налогами, другія стѣснительными для нихъ распоряженіями; грозила внѣшняя страшная война.

Враги Сперанскаго приписывали ему всѣ бѣды, взвели напраслины, распространили клеветы, привели въ движеніе всѣ страсти, наконецъ обвинили въ измѣнѣ и предательствѣ Сперанскаго.

Сперанскій работалъ съ неистовствомъ. По осмнадцати часовъ въ день сидѣлъ онъ за своимъ письменнымъ столомъ, и неестественнымъ образомъ жизни разстроилъ свой организмъ до такой степени, что желудокъ не могъ у него варить безъ возбудительныхъ средствъ, спина не могла разгибаться. Только Карамзинъ, въ другой сферѣ, успѣвъ въ десять лѣтъ воздвигнуть свою пирамиду Русской Исторіи, можетъ идти съ нимъ въ сравненіе въ этомъ отношеніи. Высокое чувство творчества, великая цѣль преобразованія, какъ оно представлялось ему въ услужливомъ воображеніи, цвѣтущее состояніе Отечества, благополучіе Русскаго народа, сознаніе своего участія въ такомъ великомъ дѣлѣ, давали ему силу, подкрѣпляли среди неимовѣрныхъ трудовъ. Отъ ранней зари до поздней ночи сидитъ онъ въ глубинѣ своей кельи, строитъ воздушные замки, и ни мало не подозрѣваетъ тѣхъ тайныхъ подкоповъ, кои, глубоко въ землѣ, подъ нимъ проводились; онъ готовъ со всѣми новыми уставами, да и враги не опоздали; на послѣднемъ шагѣ къ высшей цѣли, земля подъ нимъ проваливается, и онъ падаетъ въ пропасть, запутанный въ предательскихъ сѣтяхъ.

Бѣдный труженикъ! Несчастный мечтатель! Злополучный преобразователь! Ты получилъ предъ кончиною Андреевскую ленту, графскимъ сіяніемъ озарилось твое имя, но эти позднія почести не вознаграждали тебѣ за одну страшную минуту,

которую привелось пережить тебѣ, когда II. Александръ растворилъ двери своего кабинета въ заключеніе послѣдней аудіенціи, и сказалъ тебѣ ласковымъ голосомъ: «Прощайте, Михаилъ Михайловичъ!» А тѣ страданія, которыя ты испыталъ въ ссылкѣ, слыша на улицахъ клики — измѣнникъ! отъ того народа, которому ты посвящалъ свою жизнь; видя въ церкви всѣ взоры, устремленные на тебя съ презрѣніемъ и злобою? Прими же отъ насъ, хоть теперь, чрезъ 50 лѣтъ, слово сердечнаго участія, и не посѣтуй на тѣхъ газетныхъ Аристидовъ, на тѣхъ фельетонныхъ Катоновъ, которые не совѣстятся бросать грязью изъ общихъ мѣстъ въ твою славную память за промежутки слабости, кои имѣлъ ты, какъ человѣкъ, за тѣ шаги плачевной необходимости, къ которымъ ты былъ вынуждаемъ, какъ Русскій.

Приступимъ къ изслѣдованію катастрофы, погубившей Сперанскаго.

III.

Средоточіе всей жизни Сперанскаго есть его ссылка. Предъидущее и послѣдующее сводятся къ этой точкѣ и получаютъ изъ нея, какъ изъ своего фокуса, свѣтъ, смыслъ и значеніе. Здѣсь соединяются и отсюда разлагаются всѣ отдѣльные случаи. Психологическій, драматическій, историческій интересы соединяются въ этомъ удивительномъ событіи.

Сперанскій, наперсникъ и ближайшій совѣтникъ Императора Александра I, съ 1808 года правая его рука, главное дѣйствующее лицо въ системѣ государственнаго правленія, ссылается внезапно въ ссылку, передъ началомъ войны съ Французами въ 1812 году, въ Нижній и потомъ въ Пермь.

За что именно онъ былъ сосланъ?

Неизвѣстно до сихъ поръ,—такъ скажетъ всякій, прочетшій и перечетшій внимательно разбираемую нами книгу.

Баронъ Корфъ, описавъ всеобщее неудовольствіе въ народѣ по поводу новыхъ налоговъ, упадокъ кредита, зависть и ревность вельможъ, описываетъ такъ это событіе.

«Пока толпа бездѣйственно роптала, люди, болѣе честолюбивые, искали изъ малосознательнаго ея ропота извлечь себѣ пользу. Въ ихъ глазахъ... вина Сперанскаго состояла не въ его дѣйствіяхъ, а въ его значеніи и силѣ при Дворѣ; въ томъ, что ему удалось, въ такое короткое время, изъ ничтожества стать во главѣ государственнаго управленія; въ томъ, наконецъ, что онъ мѣшалъ имъ; этимъ оправдывались въ ихъ глазахъ и всѣ средства къ его низложенію. Сперва, однако, они предпочли попытаться на раздѣленіе съ нимъ власти, что во всякомъ случаѣ казалось тогда легче, чѣмъ ее сокрушить. Два лица, уже облеченныя въ нѣкоторой степени довѣріемъ Государя, предложили его любимцу пріобщить ихъ къ своимъ видамъ и учредить, изъ нихъ и себя, помимо Монарха, безгласный комитетъ, который бы управлялъ всѣми дѣлами, употребляя Государственный Совѣтъ, Сенатъ и Министерства единственно въ видѣ своихъ орудій». «Въ такомъ точно таинственномъ видѣ и именно этими словами Сперанскій самъ, въ одной найденной между его бумагами запискѣ (на Французскомъ языкѣ) описалъ сдѣланное ему предложеніе, не поясничъ ближе его сущности» (т. II, с. 7.).

Сперанскій отвергъ ихъ предложеніе, но смолчалъ, а они, съ больной головы да на здоровую, приписали свое собственное намѣреніе Сперанскому и донесли на него.

«Промолчавъ», говоритъ авторъ, «Сперанскій далъ своимъ врагамъ способъ сложить вину своихъ замысловъ на него, связать ему руки, заподозрить его искрен-

ность въ отношеніи къ его благодѣтелю; паденіе его сдѣлалось неизбѣжнымъ».

Изъ такихъ словъ, какъ они ни сжаты и темны, мы должны заключить, мы должны принять, что въ этомъ именно дѣйствіи заключается непосредственная, ближайшая причина ссылки Сперанскаго, и что этимъ ударомъ именно опрокинуто было его зданіе. Иначе авторъ не выразился бы такъ положительно: «паденіе его сдѣлалось неизбѣжнымъ».

Разсмотримъ же тщательно извѣстіе, раскроемъ смыслъ событій, постараемся добраться до сущности, почитаемъ, если можно, между строками.

Кто были эти два лица?

Авторъ говоритъ: «съ нашей стороны не отваживаемся здѣсь ни на какое толкованіе, которое, во всякомъ случаѣ, было бы только самопроизвольною догадкою». Предлагая послѣ отрывокъ изъ Записокъ графа Ростопчина, авторъ замѣчаетъ также: «Здѣсь названы тѣ два лица, о которыхъ и мы выше упомянули, но которыхъ имена мы умалчиваемъ, потому что слухъ, или хотя бы распространенное до нѣкоторой степени въ публикѣ мнѣніе, еще не составляетъ ни судебной, ни даже исторической улики, а другихъ доказательствъ у насъ нѣтъ въ рукахъ (с. 11)».

Отдаемъ полную справедливость осторожности и благоразумію автора. Но критикъ въ этомъ случаѣ, какъ мы замѣтили выше, можетъ быть смѣлѣе автора, и назвать два лица по именамъ: онъ долженъ даже это сдѣлать, ибо безъ именъ не можетъ объяснить событіе, не можетъ выводить никакихъ заключеній ни объ его сущности, ни обо всѣхъ сопровождающихъ обстоятельствахъ. Критикъ впрочемъ послѣдуетъ примѣру автора въ его скромности, и предложитъ свои соображенія съ строгою оговоркою объ ихъ точности, не придавая имъ права положительныхъ истинъ.

Общій голосъ, сколько мнѣ слышать случалось, приписываетъ обвиненіе Балашеву и Армфельду.

Въ Пермскомъ письмѣ Сперанскаго къ Государю есть на нихъ только намеки, но они названы въ письмѣ Ростопчина.

Итакъ, Балашевъ и Армфельдъ предлагали Сперанскому «пріобщить ихъ къ своимъ видамъ и учредить изъ нихъ и себя, помимо Монарха, безгласный, тайный комитетъ, который управлялъ бы всѣми дѣлами, употребляя Государственный Совѣтъ, Сенатъ и Министерства единственно въ видѣ своихъ орудій».

Разберемъ это дѣйствіе, какъ оно описано въ книгѣ.

Точно ли Балашевъ и Армфельдъ хотѣли въ самомъ дѣлѣ забрать управленіе въ свои руки, за одно съ Сперанскимъ, и пытались склонить его на свою сторону? Таково ли въ самомъ дѣлѣ было ихъ намѣреніе?

Авторъ какъ будто принимаетъ это мнѣніе, говоря положительно: «сперва, однако, они предпочли попытаться на раздѣленіе съ нимъ власти, что во всякомъ случаѣ казалось тогда легче, чѣмъ ее сокрушить».

Нѣтъ, не можетъ быть, чтобъ они дѣйствовали искренно, и въ самомъ дѣлѣ хотѣли склонить Сперанскаго на свою сторону, если дѣйствительно и дѣлали это предположеніе. Нѣтъ, я думаю (принимая пока извѣстіе), что Балашевъ и Армфельдъ приступали къ Сперанскому только съ *подвохомъ*.

Ни Балашеву, ни Армфельду, сколько мы ихъ знаемъ, не могла придти въ голову мысль объ управленіи государствомъ.

Они, положимъ, были близки къ Государю, пользовались его довѣренностію, не такою, впрочемъ, какъ Аракчеевъ, Кочубей, или даже князь Голицынъ, а прежде Новосильцевъ, Чарторижскій, Строгоновъ. Балашевъ могъ быть министромъ полиціи, сдѣлаться министромъ внутреннихъ дѣлъ, генералъ-губернаторомъ, и только. Армфельдъ могъ получить въ управленіе Финляндію, занять мѣсто въ Государственномъ Совѣтѣ, и только. Оба могли надѣяться на возвышеніе личное, частное, на пріобрѣтеніе вліянія, расположенія, не болѣе. Взять въ руки кормило правленія имъ было не по силамъ. Чѣмъ они могли участвовать въ правленіи, какіе особенные труды нести, какую пользу могли обѣщать Сперанскому? И безъ нихъ онъ пользовался неограниченною довѣренностію Государя. Что же за разсчетъ былъ для него уступить двѣ ея трети постороннимъ лицамъ?

И какое тождество, или какъ говорятъ нынѣ по модѣ, солидарность, могло быть между Балашевымъ и Армфельдомъ?

Точно также между Армфельдомъ, Балашевымъ и Сперанскимъ?

(Любопытно бы узнать объ ихъ прежнихъ отношеніяхъ между собою).

На какомъ основаніи могли они надѣяться на согласіе Сперанскаго? Чѣмъ они могли обезпечить свою неудачу?

Что было бъ съ ними, еслибъ Сперанскій донесъ объ ихъ умыслѣ?

Они клали свои головы въ петлю.

Предложеніе Б. и А. должно было показаться Сперанскому смѣшнымъ, и даже возбудить его подозрѣніе, именно о подвохѣ.

Нѣтъ, безумные люди могли бы только возымѣть подобное намѣреніе. Нѣтъ, Балашевъ и Армфельдъ, если и дѣлали предложеніе, то не хотѣли *въ самомъ дѣлѣ* устроить съ Сперанскимъ невозможный тріумвиратъ, а только ставили ему свою *ловушку*, хотѣли вывѣдать его образъ мыслей, побудить къ какому-нибудь полезному для нихъ шагу,—вотъ необходимое заключеніе, какое можетъ сдѣлать изслѣдователь, разсматривая предложеніе.

Отвергнувъ намѣреніе и желаніе Балашева и Армфельда участвовать въ управленіи, разсмотримъ теперь это событіе, какъ ловушку.

Принадлежитъ ли она только Армфельду и Балашеву, или они дѣйствовали по плану заранѣе составленному, и можетъ-быть *застрахованному*?

Допустимъ сначала первый случай. Какъ они могли разсуждать, ставя ловушку?

Вотъ три единственныя возможности:

Услышавъ наше предложеніе, Сперанскій или согласится, или откажется и донесетъ, или откажется и смолчитъ.

Если онъ согласится, мы будемъ имѣть явную на него улику.

Если онъ откажется и донесетъ, мы будемъ оправдываться добрымъ намѣреніемъ испытать его, и провинимся только въ неудачномъ выстрѣлѣ. Сперанскій догадался.

А можетъ-быть Сперанскій не донесетъ. Тогда мы будемъ имѣть доказательство его неискренности, и донесемъ на него сами: мы предложили-де вотъ что̀, и онъ отказался, но смолчалъ. Слѣдовательно, случатся предложенія другія, пріятнѣе и выгоднѣе для него: онъ смолчитъ и приметъ. Слѣдовательно онъ чего-то хочетъ, кромѣ Вашей полной довѣренности.

Дальше предположенія простираться не могутъ; но нельзя не согласиться, разсмотрѣвъ ихъ внимательно, что *всѣ* они были бы основаны на пескѣ.

Должно быть очень дерзку, чтобъ идти съ такимъ доносомъ къ Государю на его

любимца, и очень легковѣрну, чтобъ надѣяться на успѣхъ, если онъ не застрахованъ заранѣе. Чѣмъ они могли-бы доказать свой доносъ? Почему-бы они узнали, что доносъ Государю неизвѣстенъ? Въ какой просакъ попали бы доносчики!

И что́-же они донесли-бы Государю: мы сдѣлали Сперанскому преступное предложеніе, а онъ отказался. Что́ же изъ этого слѣдуетъ?

Государь, самый снисходительный въ отношеніи къ доносчикамъ, и самый подозрительный въ отношеніи къ своему наперснику, взглянувъ съ презрѣніемъ на доносителей, сказалъ бы Сперанскому: Вотъ что о тебѣ говорятъ. Почему ты меня не предупредилъ?

—Я не считалъ нужнымъ и достойнымъ вниманія Вашего Императорскаго Величества занимать Васъ, среди такихъ великихъ и важныхъ дѣлъ, подобными дрязгами. Какой тріумвиратъ могу я составить съ Балашевымъ и Армфельдомъ? Я хотѣлъ разузнать дѣло яснѣе и подробнѣе, а между тѣмъ принималъ мѣры, чтобы злоумышленники не могли причинить никакого вреда.—Вотъ и все.

А еслибъ еще Сперанскій донесъ прямо объ ихъ злоумышленіи? Тогда съ чѣмъ остались бы Балашевъ и Армфельдъ? Могли они опасаться такого оборота или нѣтъ?

Приписывая, наконецъ, свой планъ Сперанскому, какъ же они не боялись очной ставки?

При томъ, рѣшаясь лгать и выдумывать, они могли безъ всякаго повода сказать, что́ имъ угодно.

Почему однакожъ, спросимъ мимоходомъ, Сперанскій дѣйствительно не донесъ Государю о полученномъ предложеніи, если оно было; какъ онъ не увидалъ и не понялъ, что это ловушка, чья бы то ни была, и что ему слѣдуетъ усугубить свою осторожность?

«Съ негодованіемъ отвергнулъ Сперанскій ихъ предложеніе», говоритъ баронъ Корфъ, «но онъ имѣлъ неосторожность, по чувству ли презрѣнія къ нимъ, или можетъ-быть по другому тонкому чувству, умолчать о томъ передъ Государемъ. Благородное его отвращеніе отъ доноса было въ этомъ случаѣ непростительною политическою ошибкою противъ самого себя. Кабинетный труженикъ, занятый болѣе дѣлами, нежели людьми, не разглядѣлъ, при всей своей прозорливости, разставленной ему сѣти; не подумалъ, что противъ такихъ замысловъ, мало одного презрѣнія. Если честь и высшее чувство не позволили ему согласиться на дерзкое предложеніе, то самосохраненіе требовало огласить его».

Авторъ называетъ это умолчаніе политической ошибкой.

Не называя заговорщиковъ по именамъ, охранивъ ихъ такъ или иначе отъ всякаго по этому поводу вреда, Сперанскій могъ, правда, вообще предупредить Государя о возможности подобныхъ заговоровъ, на что́ впослѣдствіи и можно бы сослаться.

Чужая душа — потемки; можетъ - быть Сперанскій, *если дѣло было такъ*, хотѣлъ имѣть въ своихъ рукахъ лишнее орудіе на будущее время, на всякій случай владѣть судьбою сильныхъ лицъ; можетъ-быть онъ не хотѣлъ произвести лишняго шума, пріобрѣсти новыхъ враговъ, произвести новыя затрудненія. Мудрено рѣшить, почему смолчалъ Сперанскій. Мы не имѣемъ достаточныхъ данныхъ: когда сдѣлано было предложеніе, и когда учиненъ доносъ? Можетъ-быть, промежутокъ такъ малъ, что Сперанскій не успѣлъ еще обдумать своего образа дѣйствій.

Не сюда ли относится слѣдующій отзывъ. Сперанскій въ откровенномъ разго-

ворѣ съ княземъ Грузинскимъ, въ Нижнемъ, сказалъ, что Балашевъ упредилъ это происшествіе (ссылку) двумя недѣлями, а то послѣдовало бы тоже съ нимъ, что̀ случилось со Сперанскимъ. (Т. II, с. 55).

Былъ изъ Нижняго и другой доносъ: у архіерея Сперанскій сказалъ тоже самое, только приписывалъ Балашеву ускореніе двумя часами.

Замѣтимъ мимоходомъ, что нельзя придавать большое значеніе этимъ словамъ Сперанскаго, еслибы они даже и были произнесены: можетъ-быть, они принадлежатъ минутному увлеченію въ потокѣ рѣчи; можетъ-быть, совпали случайно съ обстоятельствами, какъ бываетъ иногда къ удивленію наблюдателя или изслѣдователя.

Какъ бы то ни было, Армфельдъ и Балашевъ донесли Государю, что Сперанскій предложилъ имъ составить тріумвиратъ и управлять государствомъ помимо Государя.

Вѣдь такъ надо понимать слова, а иначе и нельзя: «Промолчавъ, Сперанскій далъ своимъ врагамъ способъ сложить вину своихъ замысловъ на него, связать ему руки, заподозрить его искренность въ отношеніи къ его Благодѣтелю» (с. 8).

Станемъ продолжать разсужденіе. Какъ Государь долженъ былъ принять нелѣпый доносъ? Государю должно-бы показаться невѣроятнымъ, чтобъ Сперанскій захотѣлъ раздѣлять свою власть съ Балашевымъ и Армфельдомъ, которою онъ пользовался одинъ исключительно. Государь, зная ихъ всѣхъ, минуту не могъ подумать, чтобъ Сперанскій нуждался, для чего бы то ни было, въ союзѣ съ Балашевымъ и Армфельдомъ.

Но ничего этого не случилось. Государь не только смолчалъ, не только не удивился, не только не спросилъ доказательствъ, не объяснился съ обвинителями, но принялъ будто доносъ основаніемъ своихъ дѣйствій и предлогомъ наказанію Сперанскаго. Даже впослѣдствіи, когда невинность, такъ называемая, доказалась, судя по письмамъ самого Государя, не призывались они ни къ какимъ объясненіямъ, и не подверглись никакой отвѣтственности.

Значитъ, Государь ожидалъ этого или *какого-нибудь* доноса; значитъ, Армфельдъ и Балашевъ были только орудіями, и дѣйствовали только какъ agents-provocateurs. Значитъ, они были застрахованы.

Потому-то они осмѣливались предлагать Сперанскому, потому-то осмѣливались донести Государю навыворотъ, и потому-то остались впослѣдствіи безъ наказанія, какъ и теперь; впрочемъ безъ особой награды.

Участь Сперанскаго была рѣшена прежде этого случая, а для исполненія рѣшенія пріискивался только предлогъ какой-нибудь, который, волей-не волею, а пуще своей охотою, доставляли теперь такъ названные у автора заговорщики, а въ самомъ дѣлѣ только покорные слуги, исполнители-аматёры, участвовавшіе прежде въ хорѣ, а теперь сыгравшіе соло.

Противъ такого заранѣе положеннаго рѣшенія можно сказать, что по письму Паррота оно оказывается внезапнымъ: «Въ минуту, когда вы вчера довѣрили мнѣ горькую скорбь вашего сердца объ измѣнѣ Сперанскаго», пишетъ онъ, «я видѣлъ васъ въ первомъ пылу страсти, и надѣюсь, что теперь вы уже далеко откинули отъ себя мысль разстрѣлять его» (стр. 13).

Стремительность была не въ характерѣ Александра. Не можетъ быть, чтобы онъ послушался перваго движенія и вдругъ назначилъ смерть или ссылку человѣку, который столь долго пользовался неограниченною его довѣренностію, зналъ сокро

венныя его мысли и принималъ главное участіе въ управленіи государства. Добрый Нѣмецъ принялъ обыкновенное выраженіе («за это разстрѣлять надо»), составляющее общее мѣсто, въ точномъ смыслѣ, и написалъ совѣтовательное письмо

На другой день Александръ сказалъ князю Голицыну: «Ты разберешь бумаги Сперанскаго, но въ нихъ ты не найдешь ничего—онъ не измѣнникъ». Спрашивается, какъ же такой отзывъ согласить съ разсказомъ Паррота? «Измѣна» и разстройство были только слова, о коихъ мы будемъ говорить ниже [14]).

Принимая записку за документъ, мы должны полагать, что Балашевъ и Армфельдъ явились къ Сперанскому съ подвохомъ, застрахованные, и представили Государю поводъ усомниться въ искренности своего любимца.

Но недостатокъ въ искренности, который можно бы объяснить многоразлично, не есть еще уголовное преступленіе, достойное внезапной ссылки.

Далѣе, объ этомъ доносѣ Балашева и Армфельда Государь не упомянулъ Сперанскому даже вскользь, намекомъ, во время послѣдняго свиданія, продолжавшагося слишкомъ два часа. Еслибъ онъ упомянулъ, то вѣрно и Сперанскій коснулся бы его въ отвѣтномъ оправдательномъ своемъ письмѣ изъ Перми. Если же онъ тогда не упомянулъ, такъ зачѣмъ же и нуженъ былъ предлогъ именно этотъ?.

Еслибъ Сперанскій былъ сосланъ по этому доносу, то какимъ образомъ попалъ въ ссылку Магницкій, въ немъ не упоминаемый?

Осмѣливаюсь заключить, что доноса Балашева и Армфельда не могло быть въ томъ видѣ, въ какомъ представляется въ книгѣ, и (главное) что *не доносъ былъ причиною ссылки*.

Собственноручная записка Сперанскаго, на которую ссылается баронъ Корфъ (желательно было бы прочесть ее вполнѣ), должна имѣть какой-нибудь другой смыслъ, относиться къ иному времени, и не играть главной роли въ ссылкѣ Сперанскаго.

Это положеніе подтверждается слѣдующими показаніями г. де Санглена, извлеченными изъ его разбросанныхъ по мѣстамъ замѣчаній. Я привожу ихъ собственными его словами.

«Балашевъ и Армфельдъ были заклятые враги между собою. Никогда и нигдѣ не являлись они вмѣстѣ. Армфельдъ говорилъ о Балашевѣ: Comment a t'on pu faire d'un lieutenant de police un ministre, un homme d'état? C'est abominable!» (Какъ можно было изъ полицейскаго чиновника сдѣлать министра, государственнаго человѣка? Это ни на что не похоже). «Et cette betasse de ministre de police» (см. ниже) «Армфельдъ зналъ, что послѣднему ничего довѣрять нельзя, какъ Фуше, тоже министру полиціи. Вмѣстѣ у нихъ никакого предпріятія быть не могло, а еще менѣе сдѣлать такое неосторожное предложеніе Сперанскому».

«Этого предложенія не было; еслибъ было, то во всемъ былъ бы и Армфельдъ, и отъ меня сокрыться не могло» [15]).

---

[14]) Г. де Сангленъ замѣчаетъ: «Про Паррота Государь говорилъ: «эти ученые все видятъ косо, и въ цѣль не попадаютъ, и съ жизнію мало знакомы, хотя онъ человѣкъ свѣтскій». То есть Парротъ приведенъ былъ въ заблужденіе какъ всѣ.

[15]) Вообще видно, что де-Сангленъ былъ въ тѣсной связи съ Армфельдомъ и противъ Балашева. Армфельдъ указалъ на него Государю, какъ на человѣка способнаго исполнять важныя его порученія. «Армфельдъ и Варнегъ часто пріѣзжали ко мнѣ, а я къ нимъ».

«Но была у Армфельда и Балашева точка соединенія: ненависть къ Сперанскому».

«Армельдъ былъ друженъ съ chevalier de Varnegue, тайнымъ посланникомъ Людовика XVIII, стоялъ за Бурбоновъ, и подстрекалъ къ войнѣ съ Наполеономъ (а Сперанскій былъ противъ)».

«Армфельду мѣшалъ Сперанскій въ управленіи Финляндіи».

«Армфельдъ и Балашевъ не знали ничего одинъ противъ другаго, кромѣ того, что Армфельдъ былъ за Бурбоновъ съ Варнегомъ, а Балашевъ, въ угодность Государю, былъ противъ Сперанскаго.»

И такъ, повторяю, не мнимое Армфельдо-Балашевское предложеніе Сперанскому — ими яко бы умолчанное, было причиною его ссылки, *а что-нибудь другое.*

IV.

Была партія сильная, многочисленная, составленная изъ разныхъ элементовъ, противъ Сперанскаго.

Народу были тяжелы новые налоги.

Миръ чиновническій озлился за прекращеніе пути по службѣ безъ экзаменовъ. (Ребенкомъ я слышалъ самъ эти жалобы между знакомыми моего отца.)

Знатные жаловались на униженіе камеръ-юнкерства и камергерства.

Министры — на осужденіе играть страдательную роль.

Вельможи ненавидѣли поповича-выскочку за то, что онъ взялъ надъ всѣми преимущество.

(Мнѣ случилось, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, провожать покойнаго Иннокентія изъ Москвы до Всесвятскаго. Впереди ѣхалъ въ каретѣ онъ съ архимандритомъ Донскимъ Ѳеофаномъ. За нимъ я въ коляскѣ съ однимъ родовымъ княземъ. Мы разговорились о Сперанскомъ. «Вотъ онъ!» сказалъ мой спутникъ, указывая на служку, трясшагося на запяткахъ за архіерейской каретой. Надо было слышать, сколько заключалось злости и презрѣнія въ этомъ односложномъ восклицаніи: вотъ онъ! Ну—еслибъ князь, мой спутникъ, взглянулъ тогда и на меня, то увидѣлъ бы на моемъ лицѣ также не совсѣмъ пріятное для себя выраженіе).

Къ числу враговъ Сперанскаго присоединимъ охранительную часть общества, которая боится всякихъ нововведеній и не имѣетъ довѣрія ни къ какимъ перемѣнамъ, и наконецъ, то упомянутое нами выше тайное (по выраженію Шатобріана) общество бездарностей и посредственностей, которое, по какому-то непонятному чутью, узнаетъ людей талантливыхъ, и соединенными силами стремится уничтожить ихъ вліяніе и значеніе. А адское исчадіе, клевета, въ медоточивыхъ устахъ донъ-Базилей!

Сперанскій ведетъ отечество къ погибели. Надо отстранить его отъ Государя, во что бы то ни стало.

Опасное состояніе финансовъ, приверженность Сперанскаго къ Наполеону и Французамъ, общее неудовольствіе, открывали партіи широкое поле и обильную пищу.

Въ толпѣ недовольныхъ находились личности разныхъ родовъ, были и примѣчательныя по своему характеру, званію, уму, благонамѣренности, любви къ отечеству. Довольно назвать В. К. Екатерину Павловну[16]), Ростопчина, Карамзина, убѣжденныхъ искренно, если и несправедливо, во вредномъ вліяніи Сперанскаго.

[16]) Г. де Сангленъ говоритъ, что ея ненависти къ Сперанскому онъ имѣлъ доказательства.

Сперанскій въ Пермскомъ письмѣ говоритъ: отъ чего доходили отъ разныхъ лицъ однѣ вѣсти? Отъ того, что сіи разныя лица составляли одно тѣло, а душею сего тѣла былъ *тотъ самый, кто всему казался и теперь кажется постороннимъ*.

Кого имѣлъ онъ въ виду? Неужели Аракчеева? Едва ли. Письма Сперанскаго не могли миновать рукъ Аракчеева, и невѣроятно, чтобъ онъ въ просительномъ и оправдательномъ письмѣ помѣстилъ обвиненіе всесильнаго временщика, который могъ парализовать дѣйствіе самаго письма. Г. де-Сангленъ думаетъ, что Сперанскій разумѣлъ здѣсь Балашева.

Аракчеевъ, впрочемъ, вѣрно принадлежалъ къ числу личныхъ противниковъ Сперанскаго, видя въ немъ себѣ соперника, раздѣляющаго благоволеніе Государево, если не болѣе.

Вспомнимъ, какъ онъ впослѣдствіи попрекалъ Сперанскаго: «Я любилъ васъ душевно тогда, какъ вы были велики и какъ вы не смотрѣли на нашего брата» (Т. II. с. 159).

«На нашего брата» въ устахъ Аракчеева значило много.

Аракчеевъ вѣрно не могъ простить, что даже многія предположенія по его части, военной, проходили чрезъ руки Сперанскаго. Аракчеевъ былъ въ бѣшенствѣ, когда дѣло объ учрежденіи Государственнаго Совѣта велось мимо его, и онъ долженъ былъ передавать Государю пакеты съ проэктами Сперанскаго отъ имени камердинера Мельникова, не зная, что въ нихъ заключается (Т. II, с. 114).

Здѣсь слѣдуетъ говорить о Запискѣ Карамзина (о древней и новой исторіи), написанной имъ по просьбѣ Великой Княгини Екатерины Павловны, которая познакомилась съ нимъ чрезъ графа Ростопчина. Ростопчинъ терпѣть не могъ Сперанскаго (ce miserable Speransky!).

Признаюсь, читая Записку въ первый разъ, я видѣлъ въ ней только Карамзина, и думалъ только о Карамзинѣ, удивленный его смѣлостію, въ благоговѣніи предъ его гражданскимъ мужествомъ, какъ могъ онъ, въ 1811 году, не представивъ еще своей Исторіи, имѣя нужду въ покровительствѣ, такъ откровенно осудить дѣйствующее правительство въ глаза Государю!

Г. Лонгиновъ, въ его обозрѣніи жизни Сперанскаго, говоритъ о партіи, коей Карамзинъ послужилъ орудіемъ, сдѣлавшись, такъ сказать, редакторомъ и излагателемъ собранныхъ и переданныхъ ему извнѣ мыслей.

Нѣтъ, Карамзинъ, изложивъ въ своемъ историческомъ похвальномъ словѣ Екатеринѣ на нѣсколькихъ страницахъ весь смыслъ ея гражданскихъ учрежденій (чему такъ удивлялся самъ министръ юстиціи Дмитріевъ) доказалъ еще прежде свою способность опознаваться въ самыхъ темныхъ пространствахъ, могъ и самъ по себѣ, одинъ, составить подобное мнѣніе тѣмъ болѣе, что онъ слѣдилъ внимательно за ходомъ дѣлъ, что видно изъ писемъ его къ Дмитріеву. Впрочемъ мнѣнія близкихъ къ нему людей безпрестанно слышанныя о преобразованіяхъ Сперанскаго могли разумѣется, имѣть на него вліяніе.

Мудрено, чтобъ Карамзинъ, въ самомъ разгарѣ своихъ трудовъ историческихъ, рѣшился отвлечься отъ исторіи только для удовлетворенія любопытства Великой Княгини. Сильный эпиграфъ (нѣсть льсти въ языцѣ моемъ), торжественное заключеніе (любя отечество, любя монарха, я говорилъ искренно, возвращаюсь къ безмолвію вѣрноподданнаго съ сердцемъ чистымъ, моля Всевышняго, да блюдетъ Царя и Царство

Россійское), обширное историческое введеніе, показываютъ ясно, что Записка предназначалась для Государя.

Карамзинъ, увлеченный народною молвою, соблазненный галицизмами новыхъ законовъ, устрашенный опасностію отечества, не зная вполнѣ всѣхъ задуманныхъ преобразованій, раздѣляя мнѣніе достойныхъ, опытныхъ людей государственныхъ, которыхъ издавна привыкъ онъ уважать, оставилъ на время свою Исторію, и написалъ Записку. Смиренный труженикъ не подозрѣвалъ, въ правотѣ своего сердца, что онъ работаетъ для иной цѣли, менѣе высокой, чѣмъ какую предполагалъ онъ.

А можетъ-быть и Карамзинская Записка истекала отчасти изъ того источника, пожалуй очень благороднаго, который руководствовалъ и дѣйствіями Сперанскаго— тайнаго для него самого желанія дѣйствовать непосредственно на политическомъ поприщѣ. Изъ словъ его въ письмѣ къ графу Каподистріи можно заключить, что мысли этого рода не совсѣмъ были для него чужды.

Записка была представлена послѣ перваго чтенія отрывковъ изъ Исторіи въ Твери, которое должно было очаровать Государя, осыпавшаго автора знаками своего уваженія и благоволенія.

Государь прочелъ впрочемъ Записку съ великимъ неудовольствіемъ, какъ я слышалъ отъ И. И. Дмитріева, князя Вяземскаго, графа Блудова,—къ прискорбію автора, выразившаго свое удивленіе передъ высокой хозяйкою, которая не находила словъ, какъ успокоить его.

Здѣсь долженъ я привести обстоятельства, слышанныя мною давно отъ графа Блудова и оставленныя мною сначала совершенно безъ связи съ исторіею Сперанскаго, безъ связи, которая однакоже, какъ теперь я заключаю, непремѣнно между ними существуетъ.

О Запискѣ Карамзина, въ продолженіи его жизни, никто не зналъ, ни друзья, ни родные (такъ велика была его скромность), никто не зналъ и по его смерти: она нашлась будто чрезъ 25 л. въ бумагахъ Аракчеева въ Грузинѣ и, подъ строгою тайною (даже безъ наименованія Аракчеева и Грузина), сообщена Арсеньевымъ, разбиравшимъ бумаги Аракчеева, графу Блудову, который такимъ образомъ узналъ объ ней первый послѣ обрѣтателя.

Значитъ, Александръ изъ Твери, въ Мартѣ 1811 г., привезъ записку къ Аракчееву въ Грузино, и здѣсь можетъ быть она была прочтена вторично и обсуждена. Нечего говорить, съ какимъ тайнымъ удовольствіемъ прослушалъ ее Аракчеевъ (источникъ покровительства Исторіи Государства Россійскаго), и съ какимъ доброжелательствомъ говорилъ въ пользу своего могущественнаго соперника, отъ котораго вожделѣнная власть давалась окончательно ему теперь, какъ сонъ въ руку [17]).

Неудовольствіе вѣрно возникло прежде, но теперь и довѣренность поколебалась. Вспомнимъ характеръ Александровъ. Получился новый уголъ зрѣнія на дѣйствія и слова Сперанскаго! Взяло раздумье: не правда ли это? Чуткіе царедворцы услышали тотчасъ, откуда повѣялъ вѣтеръ,

---

[17]) Нынѣ это соображеніе опровергается новыми свѣдѣніями, если впрочемъ они вѣрны.

Государь изъ Твери не заѣзжалъ въ Грузино, какъ видно по календарнымъ отмѣткамъ графа Аракчеева, напечатаннымъ въ Р. Архивѣ 1866, но онъ могъ посылать Записку къ гр. Аракчееву изъ Петербурга въ Грузино. Всѣ мои поиски и поиски К. С. Сербиновича о Запискѣ остаются до сихъ поръ тщетны. М. П.—Нынѣ отыскапъ подлинникъ съ надписью В. Кн. Екатерины Павловны: A mon frère seul. П. Б.

ши повернули и принялись работать, разработывать съ новымъ рвеніемъ данныя обстоятельства. Общественное мнѣніе доставляло безпрестанно свѣжіе поводы, капало по каплѣ, и камень продолбился.

Оправданіе моего предположенія находится еще въ словахъ барона Корфа:

«Пожалованный въ тайные совѣтники еще 30 Августа 1809 г., назначенный 1 Января 1810 г. государственнымъ секретаремъ, наконецъ награжденный 1 Января 1812 г., всего послѣ 15-лѣтней службы, орд. Св. Александра Невскаго, Сперанскій, казалось, навсегда утвердился на той высотѣ, на которую подняло его колесо счастія. Сила министровъ уступала силѣ государственнаго секретаря. Но умы болѣе наблюдательные и болѣе близкіе къ центру событій провидѣли... особливо же въ характерѣ лицъ, тогда дѣйствовавшихъ, признаки непрочности положенія Государева любимца, замѣчали, что надъ нимъ собираются грозныя тучи. Тарпейская скала близко отъ Капитолія, думали тѣ изъ нихъ, которые знали Исторію» (т. II. с. I.).

Любопытно было бы узнать, кто именно были эти прозорливцы, близкіе къ центру событій, и на чемъ тогда основывали они свои догадки?

Кажется, и Сперанскій увидѣлъ свое шаткое положеніе, замѣтилъ тучи, сбиравшіяся надъ его головой и, par un coup de maître, придумалъ охранить себя отъ грозы, устроивъ такъ громоотводъ.

Изобразивъ отношенія свои къ Русскому обществу въ отчетѣ, представленномъ въ Февралѣ 1811 года, Сперанскій въ заключеніи проситъ:

«Отдѣливъ званіе государственнаго секретаря и сложивъ съ меня дѣла Финляндскія, оставить меня при одной должности директора коммиссіи. 1) Зависть и злорѣчіе успокоятся. Они почтутъ меня ниспровергнутымъ, я буду смѣяться ихъ побѣдѣ, а Ваше Величество разъ навсегда освободите себя отъ скучныхъ нареканій. Симъ приведенъ я буду паки въ то счастливое положеніе, въ коемъ быть всегда желалъ, чтобъ весь плодъ трудовъ моихъ посвящать единственно Вамъ, не ища ни шуму, ни похвалъ для меня совсѣмъ чуждыхъ. Смѣю привести на память тотъ девизъ, который нѣкогда Вамъ понравился: «J'ai desiré de faire du bien; mais je n'ai pas desiré de faire du bruit, parce que j'ai senti que le bruit ne faisait pas de bien, comme le bien ne faisait pas de bruit. 2) Тогда, и сіе есть самое важнѣйшее, буду я въ состояніи обратить все время, всѣ труды мои на окончаніе предметовъ вышеизображенныхъ, безъ коихъ, еще разъ смѣю повторить, всѣ начинанія и труды Ваши будутъ представлять зданіе на пескѣ».

Разберемъ и изслѣдуемъ теперь всѣ обвиненія, которыя партія пустила въ ходъ, посредствомъ которыхъ надѣялась низвергнуть Сперанскаго, — и успѣла въ томъ предъ Государемъ.

Правленіе идетъ дурно, всѣ новыя мѣры оказываются неудачными.

Но Государь самъ принималъ непосредственное участіе во всемъ, что было дѣлано по управленію, и раздѣлялъ такъ сказать вину Сперанскаго, если вина есть въ ошибкахъ, всегда неизбѣжныхъ. Сперанскій причинялъ, положимъ, вредъ, но неумышленно.

Мы ошибались, могъ порѣшить И. Александръ, такъ нельзя вести дѣла, оставимъ продолженіе до другихъ обстоятельствъ благопріятнѣйшихъ; теперь надо заняться удовлетвореніемъ текущихъ потребностей: вотъ какое рѣшеніе могло послѣдовать на это обвиненіе, не болѣе. Государь могъ отставить государственнаго секретаря, лишить своего довѣрія, вознегодовать на него, или препоручить ему отдѣльную часть, напримѣръ коммисію составленія законовъ, какъ тотъ и самъ просилъ прежде.

Подобное рѣшеніе не удовлетворяло партіи, которая всегда должна была опасаться, чтобъ Государь вновь не подчинился обаяніямъ Сперанскаго, и не повѣрилъ когда-нибудь его побѣдоносному оправданію. Надо было довести ихъ до совершеннаго раздѣленія.

Распространено обвиненіе въ измѣнѣ, въ тайныхъ сношеніяхъ съ Наполеономъ.

Существованіе этого обвиненія свидѣтельствуется письмомъ Паррота, гдѣ сказано именно: «Вы вчера довѣрили мнѣ скорбь вашего сердца объ измѣнѣ Сперанскаго.»

Въ письмѣ Ростопчина къ Государю говорится прямо объ его козняхъ, въ пользу Наполеона, даже въ ссылкѣ.

По возвращеніи изъ ссылки, однажды, въ дневникѣ Сперанскаго записано: «Пространный разговоръ (съ Государемъ) о прошедшемъ. Доносъ якобы состоялъ въ сношеніи съ Лористономъ и Блумомъ.»

Въ низшемъ обществѣ это мнѣніе было распространено, и я самъ, бывъ ребенкомъ, слыхалъ часто объ измѣнѣ Сперанскаго. Московскіе купцы сбирались убить его на ярмаркѣ въ Нижнемъ, какъ предувѣдомлялъ Ростопчинъ тамошняго губернатора. Въ Перми Сперанскому не давали прохода прозвищемъ измѣнника, какъ свидѣтельствуетъ онъ самъ.

Что могло подать поводъ къ этому обвиненію?

Сперанскій принадлежалъ къ числу жаркихъ почитателей Наполеона, котораго онъ увидѣлъ лицемъ къ лицу въ Эрфуртѣ, и отъ котораго получилъ, можетъ быть, знаки вниманія и уваженія, разумѣется слишкомълестные.

И кто же изъ умныхъ, передовыхъ людей того времени не раздѣлялъ его удивленія къ герою Альпъ, Египта, Маренго, 18 брюмера, конкордата, гражданскаго кодекса? Кто не подчинялся его генію? Кто не прельщался его славою? Нашъ министръ иностранныхъ дѣлъ, послѣ государственный канцлеръ, графъ Румянцевъ, принадлежалъ къ числу безусловныхъ его поклонниковъ.

На своей высотѣ Наполеонъ и Сперанскій не подали ль другъ другу руку?

Однакоже нигдѣ не осталось ни малѣйшаго слѣда объ ихъ связи, и въ книгѣ барона Корфа нѣтъ ничего о непосредственныхъ отношеніяхъ Сперанскаго къ Наполеону; мы не узнаёмъ даже, какого мнѣнія былъ Сперанскій о союзѣ именно Россіи съ Наполеономъ.

За такую мысль, если была она, замѣтимъ мимоходомъ, мудрено осудить Сперанскаго: ею доказывалась бы преимущественно его государственная прозорливость, хотя тогда, разумѣется, она могла бросить неопредѣленную тѣнь на него. Условія, предложенныя Наполеономъ I, вѣрно были бы легче условій Наполеона III подъ Севастополемъ. И еслибъ приняты были первыя, то судьбы Европейскія были бъ иныя, Севастополь вѣрно красовался бъ на берегахъ Чернаго моря, и двѣ страшныя войны не облили бъ кровью Европы. Но на верху видно было написано иначе.

Въ Пермскомъ письмѣ есть темное мѣсто, которое сюда относится, и почему-то не приводится въ книгѣ барона Корфа; вотъ оно:

«Сіе жестокое предубѣжденіе о связяхъ моихъ съ Франціею, бывъ поддержано эпохою моего удаленія, составляетъ теперь самое важное и, могу сказать, единственное пятно моего въ народѣ обвиненія.

«Вамъ единственно, Всемилостивѣйшій Государь, вашей справедливости принадлежитъ его изгладить. Смѣю утвердительно сказать, въ вѣчной правдѣ предъ Богомъ, Вы обязаны, Государь, сіе сдѣлать

Вы не можете тутъ имѣть во мнѣ ни малѣйшаго сомнѣнія; *вашею тайною, а не своею, я связанъ*; слѣдовательно Вамъ и разорвать все должно. Финансы, налоги, новыя установленія, всѣ дѣла публичныя, въ коихъ я имѣлъ счастіе быть вашимъ исполнителемъ, все оправдается временемъ; *но здѣсь чѣмъ я оправдаюсь, когда все покрыто и должно быть покрыто тайною*»?

Не сносился ли Сперанскій съ Наполеономъ отъ своего имени, но по тайному приказанію Александра [18])?

Какъ бы то ни было, мы не знаемъ навѣрное, былъ ли Сперанскій за войну или противъ нея [19]).

Обвиненіе, соприкосновенное съ измѣною, состояло еще въ намѣреніи Сперанскаго разстроить дѣла въ Россіи, чтобъ облегчить успѣхъ Наполеону.

Графъ Ростопчинъ именно въ этомъ смыслѣ писалъ къ Государю: J'ai envoyé, Sire, au comte Tolstoy des avis sur ce misérable Speransky. Il fait agir Stolipine et Zlobine dans les gouvernements de Penza et de Saratow. Et il est fortement question d'affaiblir le zèle par la crainte. Mais il faut y remédier au plus vite et empêcher l'effet des desseins pernicieux que l'on trame contre Vous. (Т. II, с. 66).

Самъ Государь, вслѣдствіе Нижегородскаго донесенія о благопріятныхъ отзывахъ Сперанскаго, на завтракѣ у архіерея, касательно отношеній Наполеона къ духовенству, писалъ: «Если оно справедливо, то отправить сего вреднаго человѣка подъ карауломъ въ Пермь, съ предписаніемъ губернатору, отъ моего имени, имѣть его подъ тѣснымъ присмотромъ, и отвѣчать за всѣ его шаги и поведеніе» (Т. II, с. 67).

Нелѣпость этого обвиненія теперь очевидна: съ какою цѣлію Сперанскій сталъ бы производить безпорядокъ въ Россіи, въ угоду Наполеону? [20]).

Онъ былъ подкупленъ за золото, но золота, не говоря о прочемъ, у Сперанскаго ни при жизни, ни по смерти не оказалось. Сперанскій, извѣстно, былъ не корыстолюбивъ, и могъ всегда отъ И. Александра, или отъ какихъ угодно оборотовъ, получать все съ избыткомъ [21]).

Нѣтъ, самъ И. Александръ не считалъ его измѣнникомъ: на другой день послѣ ссылки онъ сказалъ, какъ было приведено выше, князю Голицыну: «ты разберешь его бумаги, но въ нихъ ничего не найдется— онъ не измѣнникъ».

Въ 1820 году онъ сказалъ Васильчикову: «никогда не вѣрилъ я въ взведенную на него измѣну».

Новосильцеву: «Сперанскій никогда не былъ измѣнникомъ».

Наконецъ въ рескриптѣ по поводу назначенія Сперанскаго Сибирскимъ генералъ-губернаторомъ, порѣшены окончательно эти обвиненія словами Государя:

---

[18]) Покойный Соболевскій слышалъ нѣсколько разъ отъ А. И. Тургенева, что Сперанскій по приказанію Государя имѣлъ сношенія съ Наполеономъ чрезъ нѣсколько посредствующихъ лицъ. Къ этому замѣчанію въ черновой моей тетради приписаны слѣдующія слова, которыхъ я самъ теперь понять не могу: «въ одномъ случаѣ Сперанскій ускорялъ сношенія, пропускомъ нѣкоторыхъ формъ, чрезъ что объяснился механизмъ дѣйствій, и Государь очень прогнѣвался».

[19]) Теперь извѣстно, что Сперанскій былъ противъ войны съ Наполеономъ. См. ниже.

[20]) Это мнѣніе основано было на неудачныхъ (повидимому) учрежденіяхъ Сперанскаго. Де-Санглень.

[21]) Г. Де-Санглень замѣчаетъ: «Когда злоба и клевета не знаютъ, чѣмъ уязвить сильнѣе врага, тогда прибѣгаютъ къ золоту или подкупу. Такъ было и съ Барклаемъ, когда донесли N. N. и Z. Z., что онъ за сдачу Смоленска получилъ отъ Наполеона бочку золота. Это всегда такъ было въ Россіи. И я богатъ, живя въ бѣдности!»

«я хотѣлъ дать вамъ случай доказать ясно, сколь враги ваши несправедливо оклеветали васъ».

Поговоримъ еще объ мнимо умышленномъ разстройствѣ дѣлъ. Не хотѣлъ ли Сперанскій произвесть революцію?

Но ему нужна бъ была партія, а партіи у него никакой не было, кромѣ Цейсра въ Петербургѣ, Столыпина въ Пензѣ и Злобина въ Саратовѣ. Плохіе революціонеры! И для чего ему была нужна революція? Чтобъ ограничить самодержавную власть? Но самъ Александръ готовъ былъ ее ограничить, сколько можемъ мы судить изъ извѣстій выше уже переданныхъ нами изъ книги барона Корфа и подтвержденныхъ теперь Записками графа П. А. Строгонова. Съ Александромъ Сперанскій приближался къ достиженію своей высокой цѣли, къ совершенію своего идеала—чего желать ему было болѣе? Ни Наполеонъ, ни революція, никакая война, не могли удовлетворить его столько.

Сперанскій, говорили, осуждалъ правительство.

Новая нелѣпость: это значило бы осуждать самого себя, потому что онъ былъ душею правительства и принималъ главное участіе въ правленіи. Это есть nonsens. Сперанскій могъ отзываться невыгодно о нѣкоторыхъ дѣятеляхъ, о нѣкоторыхъ учрежденіяхъ, но подобные отзывы принадлежатъ къ общимъ мѣстамъ, во всякое время, раздѣлялись и публикою, и Государемъ, и никому не могли быть вмѣнены въ вину, тѣмъ менѣе уголовную.

Наконецъ, есть еще причина, по коей могъ быть сосланъ Сперанскій: угожденіе общественному мнѣнію, сильно возбужденному противъ Сперанскаго. Нужно было занять вниманіе публики и дать грозный примѣръ, устрашить возможныхъ злоумышленниковъ. Точно такъ разсуждалось послѣ и въ Москвѣ (Верещагинъ—купчишка, эка важность!).

Эта причина очень уважительна, хоть и не очень благородна и человѣчна, и Сперанскій могъ быть, положимъ, на ту пору принесенъ въ жертву. Допустимъ даже, что и всѣ прочія обвиненія, опровержённыя побѣдоносно въ Пермскомъ письмѣ (измѣна и тому подобн.), отстраняемыя теперь окончательно, представлялись публикѣ правдоподобными, вѣроятными въ тѣ критическія минуты, кои переживала тогда Россія, и могли получить даже нѣкоторую степень довѣренности въ глазахъ правительства, самого И. Александра, благодаря постояннымъ навѣтамъ заговорщиковъ, донъ-Базилей и враговъ Сперанскаго, благонамѣренныхъ и злонамѣренныхъ, вмѣстѣ съ глухими и настоятельными требованіями публики, приведенной въ заблужденіе разными двусмысленными явленіями. Положимъ, И. Александръ, дѣйствительно скрѣпя сердце, уступилъ настоятельнымъ требованіямъ минуты, какъ онѣ ему тогда слышались, заподозрилъ своего любимца (это все еще естественно и возможно) то есть, мы примемъ слова Пензенскаго рескрипта въ полномъ ихъ смыслѣ:

«Предъ начатіемъ войны въ 1812 году, при самомъ отправленіи моемъ въ армію, доведены были до свѣдѣнія моего обстоятельства, важность коихъ принудила меня удалить отъ службы тайнаго совѣтника Сперанскаго и дѣйствительнаго статскаго Магницкаго, къ чему во всякое другое время не приступилъ бы я безъ точнаго изслѣдованія, которое въ тогдашнихъ обстоятельствахъ дѣлалось невозможнымъ». (Т. II, с. 119).

Въ этомъ же смыслѣ Государь говорилъ Васильчикову въ 1820 году: «Сила тогдашнихъ обстоятельствъ, которой я не могъ противостоять, заставила меня съ нимъ разстаться» (с. 26).

Повѣримъ всѣмъ этимъ выраженіямъ: И. Александръ принужденъ былъ согласиться на ссылку Сперанскаго; враждебныя донесенія поддерживали его долго въ несчастномъ заблужденіи.

Но *послѣ*-то, когда кончилась война, когда онъ сталъ на высочайшую степень славы, когда вся Европа надѣла на него вѣнокъ освободителя, и единодушно признала себя обязанною за дарованіе ей мира, когда нечего было опасаться ему ни дома, ни за границею, когда онъ имѣлъ все время и всѣ средства удостовѣриться въ истинѣ, тогда-то почему онъ не вспомнилъ о своемъ сотрудникѣ и наперсникѣ, съ которымъ лѣтъ пять находился въ ближайшихъ сношеніяхъ и раздѣлялъ всѣ мысли, который пострадалъ невинно и перенесъ такую ужасную пытку, —мученикъ въ полномъ смыслѣ слова? Кажется И. Александру должно бы быть больно, при мысли о сдѣланномъ имъ наказаніи, когда всѣ вышеупомянутыя обвиненія оказались вполнѣ несостоятельными и ничтожными. Естественно было бы ему постараться объ изглажденіи полученныхъ огорченій Сперанскаго, о вознагражденіи его за претерпѣнныя страданія, о приближеніи къ своей особѣ и объ употребленіи въ дѣло признанныхъ способностей на пользу отечества.

Ничуть не бывало. И. Александръ не только не призвалъ Сперанскаго съ знаками прискорбія, не поцѣловалъ отъ души, въ услажденіе претерпѣнной горечи, не только не объяснился откровенно, но даже и не вспомнилъ о немъ. Вѣроятно были у него на то другія важныя причины.

По неотступнымъ просьбамъ назначено ему умѣренное содержаніе, потомъ позволено жить въ деревнѣ, подъ строгимъ присмотромъ, и уже только по милости Аракчеева принятъ онъ вновь на службу, опредѣленъ губернаторомъ въ Пензу. Потомъ Александръ задалъ ему Сибирскую многотрудную задачу, откладывалъ всѣми силами его тамъ пребываніе, наконецъ, по истощеніи всѣхъ предлоговъ, дозволилъ воротиться въ Петербургъ.

Когда Сперанскій пріѣхалъ въ Петербургъ, Государь еще не возвращался изъ Лайбаха. Его дожидались въ Царскомъ Селѣ Каподистрія, Ермоловъ, Закревскій. Они гуляли обыкновенно въ извѣстный часъ по саду. Къ нимъ присоединился и Сперанскій. Такъ продолжалось и по пріѣздѣ Государя; но чрезъ два дня фрейлина Саблукова, съ императрициной половины, дала знать кому-то изъ нихъ, кажется Ермолову, что Государю неугодно ихъ общество съ Сперанскимъ, и общая прогулка прекратилась [22]).

Государь откладывалъ долго первое свиданіе, занялся съ нимъ послѣ новыми дѣлами, совершенно посторонними, заговорилъ чрезъ нѣсколько времени, и то вскользь, объ ужасной эпохѣ, какъ будто о ежедневномъ событіи, и даже не сослался на силу обстоятельствъ, наконецъ пересталъ почти съ нимъ видѣться, показалъ полное охлажденіе, умеръ не выразивъ ни малѣйшаго сочувствія, расположенія къ Сперанскому, что̀ оставилъ въ наслѣдство и своему преемнику.

---

[22]) Въ черновой моей тетради было сначала написано: «извѣстіе хотя не изъ первыхъ устъ, но отъ достовѣрныхъ свидѣтелей.» Но послѣ я слышалъ это, кажется, отъ самого Ермолова и графа Закревскаго.

Значитъ, Александръ, пославъ Сперанскаго въ ссылку, измѣнился совершенно въ своихъ чувствахъ къ нему, измѣнился такимъ образомъ, что возвращеніе прежнихъ отношеній оказалось невозможнымъ. Значитъ *совершенное опровержение* извѣстныхъ обвиненій было *недостаточно* для И. Александра, чтобъ возвратить прежнее благоволеніе Сперанскому. Значитъ, всѣ эти обвиненія были только предлогами для общества, для бюрократіи, а настоящія причины остались въ тайнѣ.

Еслибъ не было этихъ скрытыхъ причинъ, то И. Александръ никакъ не могъ бы дѣйствовать такъ, какъ онъ дѣйствовалъ: неестественно предположить въ немъ такую продолжительную немилость.

Какія же это были причины, возвращаемся мы опять къ нашему неотступному вопросу. Изложилъ ли ихъ И. Александръ Сперанскому въ послѣднее свое свиданіе, продолжавшееся два часа?

Нѣтъ, не изложилъ, можно, кажется, сказать утвердительно, хоть объ этомъ свиданіи нѣтъ рѣшительно никакихъ свѣдѣній: Сперанскій никогда, ни съ кѣмъ не говорилъ объ немъ, даже съ своею дочерью; но мы имѣемъ Пермское письмо, въ коемъ предлагаетъ онъ полное и обстоятельное оправданіе отъ всѣхъ обвиненій, на него возведенныхъ и ему извѣстныхъ. Тамъ нѣтъ ничего, кромѣ того, что̀ выше было нами изложено и разобрано. Слѣдовательно, ничего другаго и не было сказано И. Александромъ. Еслибъ было что̀ сказано, такъ или иначе, то непремѣнно было бы упомянуто или намекнуто въ Пермскомъ письмѣ, коимъ Сперанскій хотѣлъ и надѣялся отразить всѣ удары, уничтожить всѣ навѣты, и оправдаться окончательно. Какъ бы тонко и нѣжно ни былъ сдѣланъ намекъ, Сперанскій догадался бъ, и также тонко и нѣжно отразилъ бы его, на что̀ былъ всегда такой мастеръ. Онъ объяснилъ бы иначе свое поведеніе, расположилъ бы другимъ образомъ свои доводы. Онъ сказалъ бы, напримѣръ, въ крайнемъ случаѣ: «простите, минули годы, я постарѣлъ, посѣдѣлъ, ослабъ. смотрю иначе на вещи, вижу свою вину. Дайте мнѣ средство заслужить прощеніе».

Еслибъ было еще что-нибудь за нимъ, сознаваемое имъ самимъ, или подозрѣваемое другими, переданное въ послѣднемъ разговорѣ: то, съ одной стороны, оно непремѣнно нашло бъ, и должно было найдти себѣ мѣсто въ окончательномъ оправданіи; съ другой стороны Сперанскій не могъ бы такъ рѣшительно утверждать свою невинность. Простая пословица: «знаетъ кошка, чье мясо съѣла» непремѣнно обнаружилась бы въ письмѣ.

Самая надежда, или даже увѣренность, долго его не покидавшая, возстать и занять прежнее мѣсто, показываетъ намъ, что онъ не зналъ никакихъ другихъ причинъ своего изгнанія, кромѣ выше собщенныхъ, кои всегда легко, казалось ему, уничтожить.

Значитъ, въ послѣднее свиданіе, И. Александръ удовольствовался общими мѣстами, благовидными и правдоподобными, о государственной необходимости, вслѣдствіе возбужденнаго общаго мнѣнія, о внушеніи страха, о поданіи примѣра, выраженіями коими занавѣшивались настоящія потаенныя причины, а ихъ видно поднять онъ не хотѣлъ изъ глубины своего сердца. Все говоренное говорено было только для формы: надо-жь было объясниться какъ-нибудь передъ Сперанскимъ, передъ

собою, передъ публикою, которой нужно было дать тему.

Такъ искусно сыгралъ свою роль въ этой Шекспировской сценѣ И. Александръ, что Сперанскій, несмотря на свою тонкость, не увидѣлъ бездны, которая *между ними разверзлась навсегда*, не прозрѣлъ скрытыхъ причинъ, и не догадался даже объ ихъ существованіи, удалился изъ государева кабинета, хотя съ прискорбіемъ, но и съ надеждою воротиться вскорѣ опять.

Отпустивъ Сперанскаго, чрезъ нѣсколько минутъ, И. Александръ еще отворилъ дверь въ комнату, гдѣ тотъ убиралъ свои бумаги, и сказалъ ему ласковымъ голосомъ: «Прощайте, Михаилъ Михайловичъ». Между тѣмъ Балашовъ съ де-Сангленомъ опечатывали его бумаги, и почтовая тройка, съ частнымъ приставомъ въ провожатыхъ, дожидалась у крыльца.

Поневолѣ припоминается свидѣтельство Тьера о дипломатическихъ способностяхъ И. Александра, обнаруженныхъ въ переговорахъ съ Лористономъ и Коленкуромъ, въ предводительствѣ Европою, послѣ войны 1812 года.

Итакъ Александръ не объяснилъ своихъ причинъ. Мы видимъ только по послѣдствіямъ (чего не видалъ въ эту минуту самъ Сперанскій) что Государь разстается съ нимъ окончательно.

Сперанскій опротивѣлъ,—за что?

Послѣ всѣхъ нашихъ поисковъ, отвѣта напрасно ожидать отъ исторіи, а развѣ отъ психологіи.

Не оскорбилъ ли сильно Сперанскій самолюбіе И. Александра, и не приписывалъ ли онъ себѣ славы всѣхъ проэктовъ и учрежденій? Не называлъ ли И. Александра послушнымъ орудіемъ, съ которымъ онъ можетъ дѣлать что хочетъ? Не давалъ ли онъ разумѣть какъ-нибудь это объ немъ мнѣніе?

Но неужели Сперанскій такъ былъ неостороженъ, что могъ выразить когда-нибудь ясно свое мнѣніе объ И. Александрѣ, и дать врагамъ, все слышащимъ, такое сильное противъ себя оружіе?

На всякій часъ не остережешься, говорить пословица, и другая: на всякаго мудреца находитъ и простота.

Впрочемъ Сперанскій, по замѣчанію барона Корфа, былъ точно неостороженъ, и въ пылу увлеченія даже въ Нижнемъ, во время ссылки, по свидѣтельству князя Грузинскаго, «нисколько не соображая, что на него взводится такое ужасное преступленіе, нимало не остерегался въ своихъ разговорахъ, и произносилъ иногда такія вещи, которыя, бывъ сказаны, вѣроятно безъ умысла, примѣнялись, однако, тотчасъ къ политическимъ происшествіямъ» (стр. 59). «Въ хорошую погоду онъ хаживалъ вмѣстѣ съ своими пріятелями по городу и окрестностямъ и, бывало, на возвышенномъ берегу рѣки долго останавливались разговаривая и не страшась свидѣтелей, только изъ далека слѣдившихъ за ихъ движеніями».

Я слышалъ еще о какомъ-то перехваченномъ письмѣ Сперанскаго, въ которомъ онъ увѣдомлялъ своего пріятеля объ отъѣздѣ Государя осматривать крѣпости...

До Карамзина доходилъ какой-то слухъ о нескромности Сперанскаго. Дмитріевъ отзывается въ этомъ же смыслѣ.

Въ обстоятельствахъ такого рода, въ какихъ находилися И. Александръ, Сперанскій, общество, не нужно бываетъ собственныхъ словъ, юридическихъ письменныхъ уликъ: довольно получить только мотивы, темы, способныя для варіацій, и дѣло охотниковъ-виртуозовъ, чтобъ произвести ими желанное дѣйствіе, нанести рѣшительный ударъ противнику. Очныхъ ста-

вокъ не предполагалось. Ни объясняться, ни оправдываться нельзя. Довольно было напустить чаду въ голову, туману въ глаза, и царедворцы самые ограниченные, самые тупые, самые пошлые, бываютъ мастера на это искусство,— единственный предметъ ихъ бдѣній, занятій, размышленій и безпрестанныхъ опытовъ. Изобрѣтательность ихъ удивительна, и всѣ Пинетти, Каліостро и Боско на свѣтѣ, должны поникнуть предъ ними головою: они улучатъ благопріятную минуту, они отыщутъ слабое мѣсто, они найдутъ чувствительную струну, и сдѣлаютъ что угодно.

И. Александръ, отъ природы недовѣрчивый, имѣлъ несчастіе подвергнуться этому обаянію. Разъ запало въ душу подозрѣніе, получились цвѣтные очки, и онъ сталъ смотрѣть иначе на предметъ, прислушиваться ко всякому слову. При такомъ настроеніи, невиннѣйшія выраженія, чистѣйшія дѣйствія подозрѣваемаго лица, представляются въ иномъ свѣтѣ, получаютъ новую условную форму; все кристаллизуется согласно внутреннему нашему желанію, и горе тѣмъ, кто составляетъ предметъ нашихъ наблюденій.

Къ этому прибавить должно, что И. Александръ, можетъ быть, самъ по себѣ, независимо отъ навѣтовъ, началъ тяготиться приближеніемъ своего секретаря; можетъ быть у него самаго возникла мысль избавиться отъ случившейся надъ нимъ опеки, которая въ глазахъ публики уменьшала его достоинство, и предоставляла низшее мѣсто, столько тяжелое для человѣческаго самолюбія, всегда щекотливаго и чувствительнаго; можетъ быть, наконецъ онъ самъ перемѣнилъ свой образъ мыслей, увидѣлъ, что зашелъ слишкомъ далеко, и не хотѣлъ имѣть долѣе при себѣ свидѣтеля противоположныхъ убѣжденій и стремленій [23]).

Въ такомъ расположеніи духа И. Александра, посторонніе навѣты и убѣжденія достойныхъ, искреннихъ, преданныхъ людей должны были производить еще большее дѣйствіе. Мнимое предательство, неблагодарность, возмущали душу.

Замѣтимъ, что графъ Ростопчинъ назначенъ былъ генералъ-губернаторомъ въ Москву въ 1812 году. Это было неиначе, какъ по совѣту или указанію В. К. Екатерины Павловны, все изъ противной Сперанскому партіи.

И вообще, мало ли какія причины, предлоги, оправданія, можетъ пріискать себѣ лукавая совѣсть человѣческая, а злой духъ подогнать къ нимъ соотвѣтственныя обстоятельства.

Оставалось пріискать только форму наказанія.

Чтобъ получить подтвержденіе своимъ навѣтамъ, оправдать себя въ собственныхъ глазахъ, и вмѣстѣ доставить Государю законное основаніе, врагамъ нужно было захватить бумаги Сперанскаго, въ коихъ у кого же не найдется какихъ-нибудь благовидныхъ предлоговъ! Надо было разобрать ихъ въ отсутствіе хозяина.—Вся цѣль достигалась ссылкою, или, вѣрнѣе сказать, удаленіемъ, и это было вмѣстѣ самое легкое, снисходительное наказаніе: разбирать бумаги некогда, время не позволяетъ,—пусть поживетъ онъ пока гдѣнибудь безъ особеннаго стѣсненія, а мы

23) Замѣтимъ, что въ Нижнемъ, среди откровенныхъ разговоровъ съ княземъ Грузинскимъ, Сперанскій видимо уклонялся отъ разговора о правилахъ (конституціонныхъ?), коими прежде руководствовался: значитъ, онъ увидѣлъ въ нихъ самъ причину, болѣе или менѣе существенную, своего настоящаго положенія.

успѣемъ между тѣмъ изъ бумагъ подвести фундаментъ подъ взятое на прокатъ обвиненіе.

Такъ объясняетъ авторъ цѣль заговорщиковъ. Приводя его мнѣніе, мы желаемъ искренно, чтобъ новыя открытія, новыя извѣстія оправдали главное лице, какъ теперь оправданъ Сперанскій.

Въ какомъ состояніи духа оставилъ Сперанскій Александра?

Онъ былъ изумленъ, пораженъ, ошеломленъ, и не вдругъ могъ опомниться. Однакожъ онъ нашелъ въ себѣ силу заѣхать къ Магницкому, котораго, судя по разговору съ И. Александромъ, или по собственной догадкѣ, считалъ онъ соприкосновеннымъ къ своему обвиненію. За чѣмъ? Не получить ли отъ него какого объясненія?

Но Магницкій былъ уже увезенъ въ Вологду.

Что думалъ Сперанскій по дорогѣ домой? Въ какомъ видѣ представлялась ему царская милость, и бренность земнаго величія?

Одинъ изъ дошедшихъ до меня слуховъ отъ современниковъ приводитъ причиною ссылки Сперанскаго сообщеніе имъ Магницкому какого-то важнаго извѣстія, отъ Государя полученнаго. Магницкій передалъ его женѣ, жена кому-то изъ своихъ близкихъ, и извѣстіе, пойманное полиціей, было немедленно представлено Государю, какъ животрепещущее доказательство невѣрности Сперанскаго.

Посѣщеніе Магницкаго въ такую крайнюю минуту, когда съ собственною дочерью Сперанскій не нашелъ времени или удобства проститься, подкрѣпляетъ нѣсколько этотъ слухъ; но достовѣрные современники меня увѣряли впослѣдствіи, что это несправедливо [24]).

Посѣщеніе Сперанскаго должно имѣть другую причину, впрочемъ не маловажную. При томъ, что̀ это могло быть за извѣстіе, которое повлекло бы за собою ссылку? Въ Пермскомъ письмѣ нѣтъ никакого намека ни на что подобное

Дома его ожидали уже Балашевъ и де-Сангленъ. Де-Сангленъ, правитель канцеляріи Балашева, пріѣхалъ первый; чрезъ часъ его министръ, по назначенію. Прошло довольно долго времени. О Сперанскомъ не было слуха. Балашевъ начиналъ безпокоиться. Де-Сангленъ пошутилъ надъ нимъ: не оборотилось ли колесо, не перемѣниться бы ролямъ, не Сперанскій ли возьметъ ихъ себѣ въ руки! Между тѣмъ, какъ они разсуждали о причинахъ замедленія, послышался стукъ подъѣзжавшаго экипажа, и явился къ нимъ Сперанскій, уже совершенно, или довольно спокойный. «Вы позволите мнѣ переодѣться, милостивые государи», сказалъ онъ, и отошелъ въ свою спальню [25]), гдѣ скинулъ мундиръ, отложилъ ордена, и надѣлъ на себя простой дорожный сюртукъ фіолетоваго цвѣта.

---

[24]) Де-Сангленъ отвергаетъ совершенно это предположеніе и относитъ его къ числу пустыхъ слуховъ, разнесенныхъ въ то время.

Во время изданія Москвитянина я получилъ отъ Магницкаго нѣсколько статей чрезъ А. С. Стурдзу, жившаго съ нимъ вмѣстѣ въ Одессѣ. Упомяну здѣсь объ одной Думѣ о мірозданіи. Другая остается у меня въ рукописи. Третья, о кончинѣ Сперанскаго, напечатана въ Москвитянинѣ. Не осталось ли послѣ него какихъ свидѣтельствъ въ Одессѣ, Записокъ? Хотя по возвращеніи изъ ссылки, Магницкій, вслѣдствіе своихъ нравственныхъ или неправственныхъ переворотовъ, сталъ во враждебныя отношенія къ Сперанскому, но подъ конецъ видно примирился съ его памятью.

[25]) Не въ спальню, «а въ кабинетъ, который послѣ былъ запечатанъ», замѣчаетъ де-Сангленъ.

Онъ написалъ письмо къ И. Александру и отдалъ его Балашеву для доставленія Государю (сохранилось ли это письмо?) съ нѣкоторыми секретными бумагами, имъ отобранными (Онѣ послужили партіи поводомъ обвинять Сперанскаго въ желаніи вмѣшиваться во всѣ дѣла, что̀ заявлено въ Запискахъ Дмитріева).

А въ какомъ состояніи былъ И. Александръ, разставшись съ Сперанскимъ?

Онъ выражалъ огорченіе. У меня отняли правую руку, говорилъ онъ на другой день князю Голицыну.—Я принесъ жертву, онъ не измѣнникъ, и прочее тому подобное.

Тещѣ и дочери Сперанскаго на другой день предложены были деньги и придворная карета для слѣдованія за изгнанникомъ. Друзьямъ Сперанскаго, г-жѣ Крамеръ и Цейеру, Государь выразилъ свое огорченіе, такъ же какъ и нѣкоторымъ приближеннымъ лицамъ: князю Голицыну, Нессельроду, Дмитріеву.

Неужели здѣсь нигдѣ не было искренности, какъ послѣ въ воспоминаніи о Лористонѣ и Блумѣ, и наканунѣ въ сценѣ съ Парротомъ?

---

*

Мы разсуждали на основаніи книги барона Корфа; но изъ замѣчаній г. де-Санглена, впрочемъ не совсѣмъ ясныхъ и положительныхъ, дѣло о ссылкѣ представляется совершенно иначе и относительно начала, и относительно конца.

Конецъ, то есть ссылка, былъ слѣдствіемъ донесенія, представленнаго Балашевымъ послѣ частныхъ его сношеній съ Сперанскимъ и Магницкимъ, начатыхъ чрезъ Бологовскаго, въ которыхъ Армфельдъ былъ ни при чемъ, вовсе не участвовалъ, а напротивъ хотѣлъ воспользоваться ими для сверженія Балашева вмѣстѣ съ Сперанскимъ (см. ниже).

Къ этому заключенію приводятъ слѣдующія мѣста изъ писемъ ко мнѣ и замѣчаній г. де-Санглена.

Онъ говоритъ: «Для чего б. Корфъ не упомянулъ о ссылкѣ со Сперанскимъ Магницкаго и Бологовскаго, который сосланъ былъ безвыѣздно въ тотъ же вечеръ въ его Смоленскую деревню? [26]) *Это разъяснило бы многое*».

Въ другомъ мѣстѣ, говоря о ссылкѣ, г. де-Сангленъ выражается еще яснѣе о значеніи Бологовскаго въ этомъ дѣлѣ: «Вотъ тутъ-то и нужно было говорить о Бологовскомъ, *и все бы объяснилось*».

Дѣйствительно, это умолчаніе замѣчательно. Если Сперанскій и Магницкій были сосланы вмѣстѣ, то вина ихъ должна была считаться общею, относиться къ одному какому нибудь дѣлу. Тоже слѣдуетъ сказать и о Бологовскомъ, котораго имя не встрѣчается даже ни по какому случаю въ сочиненіи барона Корфа [27]).

Отъ гр. Закревскаго я слышалъ однажды, что въ одно время съ Сперанскимъ, Маг-

---

[26]) Однако, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, Д. Н. Бологовскій, состоя при Кутузовѣ (это надо замѣтить), блистательно служитъ въ Отечественную войну. Бологовскій скончался 27 Августа 1852 въ Москвѣ. Біографіи его мы не имѣемъ; есть указаніе на существованіе его Записокъ. П. Б.

[27]) Намъ извѣстна еще одна ссылка, относящаяся къ тому же времени, т. е. къ веснѣ 1812 г. Зять *Кутузова*, генералъ-маіоръ Николай Захаровичъ Хитрово, состоявшій до того при тестѣ своемъ въ дѣйствовавшей арміи въ Валахіи и, въ пріѣздъ свой въ Петербургъ, часто посѣщавшій Коленкура, былъ удаленъ въ Мологу и оттуда въ Вятку. Уже въ концѣ 1812 г., покрытый славою князь Кутузовъ выпросилъ ему позволеніе возвратиться оттуда и снова поступить на службу. П. Б.

*

ницкимъ и Бологовскимъ былъ сосланъ нѣкто Воейковъ[28]).

«Бологовскаго я зналъ въ Москвѣ (пишетъ де-Сангленъ) по дому князя Козловскаго, который на сестрѣ Бологовскаго былъ женатъ. *Недѣли двѣ до ссылки Сперанскаго*, пріѣхалъ Бологовской ко мнѣ и сказалъ: «Балашевъ просилъ меня свести его поближе съ Сперанскимъ и Магницкимъ, съ которыми я пріятель; боюсь, какъ бы въ бѣду не попасть. Что ты мнѣ посовѣтуешь?»—Охота тебѣ, отвѣчалъ я, участвовать въ дѣлахъ, до тебя не касающихся: ужъ былъ въ ссылкѣ, не хочешь-ли опять?—«Неужели ты думаешь, что Балашевъ меня выдастъ?» — Онъ министръ полиціи, отвѣчалъ я: это его обязанность.—«Да и Сперанскій и Магницкій о томъ же меня просятъ», сказалъ Бологовской. —Глупцы вы всѣ, отвѣчалъ я, а ты главный! Охота вамъ бросаться въ лапы министра полиціи.—Бологовской уѣхалъ, но къ вечеру возвратился. «Сперанскій и Магницкій», сказалъ онъ мнѣ, «велѣли сказать тебѣ, что если ты не перестанешь такъ дурно отзываться о Балашевѣ, то они доведутъ это до него, и тебѣ худо будетъ; я насилу упросилъ ихъ. хотѣли тотчасъ Балашева увѣдомить. Я пріѣхалъ тебя предостеречь». — Благодарствуй, отвѣчалъ я. впредь о Сперанскомъ и Магницкомъ ни слова я и отвѣчать не буду».

Я спросилъ письмомъ по поводу вышеприведеннаго замѣчанія: за что былъ сосланъ Бологовскій? Г. де-Сангленъ отвѣчалъ: «Сперанскій былъ уже гонимъ публикой, частію и Государемъ, когда Бологовской ѣздилъ отъ Балашева къ Магницкому, отъ него къ Сперанскому и отъ послѣдняго опять къ Балашеву. Къ Государю дошла эта вѣсть чрезъ уличную полицію, и зная дѣйствія Бологовскаго въ Мартѣ 1801 года, обезпокоился, принявъ за стачку между ними».

«Армфельдъ, узнавъ это (донесеніе о сношеніяхъ между Сперанскимъ, Магницкимъ и Балашевымъ), внушалъ Государю изгнать Балашева. Вотъ что сказалъ мнѣ Армфельдъ. Государь замѣтилъ ему: «Балашева партія большая въ Москвѣ, Петербургѣ, можетъ быть и далѣе; его трогать не должно; я передамъ его министерство другому, а его возьму въ армію. Сперанскій ненавистенъ въ Совѣтѣ и связался съ Бологовскимъ и Балашевымъ,—и это министръ полиціи!» Но Балашевъ видно смекнулъ дѣло, спасся во время фразой Сперанскаго: il est trop faible pour regir и пр., какъ сказано въ запискахъ моихъ къ вамъ (см. ниже стр. 1164). Вотъ вамъ изъясненіе на фразу Сперанскаго въ Нижнемъ».

О фразѣ Сперанскаго въ Нижнемъ, приводимой барономъ Корфомъ (II, 55), Нижегородскій губернаторъ доносилъ министру полиціи отъ 18 Апрѣля 1812 слѣдующее: «Не могу скрыть отъ в. п—ва дошедшаго до меня свѣдѣнія, что г. тайный совѣтникъ Сперанскій, въ откро-

[28]) Флигель-адъютантъ, состоявшій при военномъ министрѣ Барклаѣ, Алексѣй Васильевичъ Воейковъ. Ему, какъ слышно по преданію, Государь поручилъ съѣздить къ Сперанскому и взять отъ него обратно планъ будущей кампаніи противъ Наполеона. Подробности намъ неизвѣстны. См. Письма Сперанскаго къ Масальскому. Спб. 1862, стр. 16. Масальскій сообщалъ Сперанскому въ Нижній ходившіе въ Петербургѣ слухи объ его ссылкѣ. Графиня Софья Григорьевна Шувалова (дѣти которой состояли подъ опекою Сперанскаго) открыла Масальскому: «Твердятъ (посреди знати), что будто бы вы намѣрены были измѣнить отечеству и налогамъ сдѣлать въ народѣ сильное возмущеніе, что перехвачены ваши письма къ Бонапарту; что у военнаго министра украдена портфель съ военными планами, и планы сіи посланы также къ Бонапарту». Преданіе объ участіи Воейкова можетъ быть разъяснится его потомками. П. Б.

венномъ разговорѣ съ здѣшнимъ губ. предв. дворянства, княземъ Грузинскимъ, о случившемся съ нимъ происшествіи сказалъ, что вы, м. г., упредили сіе происшествіе двумя недѣлями, а то бы послѣдовало то же съ вами, что съ нимъ случилось!»

«Были показанія о томъ, будто бы Сперанскій сказалъ разъ у архіерея, что еслибы Балашевъ не ускорилъ двумя часами, о былъ бы на его мѣстѣ».

Де-Сангленъ подтверждаетъ эти слова Сперанскаго объ опасности Балашева и въ одномъ мѣстѣ говоритъ: «Онъ (Сперанскій) въ словахъ своихъ ошибся только часомъ, но сказалъ правду».

Въ другомъ мѣстѣ: «Балашевъ висѣлъ на волоскѣ. Армфельдъ болѣе старался удалить Балашева, и чуть-чуть это ему не удалось».

О чемъ могли совѣщаться Сперанскій и Балашевъ? А вѣдь должно было происходить между ними что нибудь очень важное, если дѣло о ссылкѣ зависѣло только отъ того, кто первый донесетъ о происходившемъ.

Странно, что умный, тонкій Сперанскій могъ попасть въ такую ловушку, если это была ловушка, и не понять подвоху съ перваго раза. Чѣмъ могъ Балашевъ доказать Сперанскому, что его предложеніе есть самостоятельное, а не застрахованное? Странно, чтобъ Сперанскій искалъ связи съ Балашевымъ, какъ утверждалъ де-Санглену Бологовскій. Странно, чтобъ онъ могъ думать о ссылкѣ Балашева, въ случаѣ донесенія Государю объ его сообщеніи!

Зачѣмъ онъ послѣ аудіенціи заѣзжалъ къ Магницкому? Видно, что было между ними нѣчто важное, могшее навести Сперанскаго на мысль искать тамъ причину своей ссылки.

Не сдѣлать ли уже предположенія, что Сперанскій, удостовѣрясь, что судьба его рѣшена въ умѣ Государя, и значеніе, миссія его кончились, отважился на новый смѣлый шагъ, и хотѣлъ остаться при кормилѣ правленія на другихъ условіяхъ, вмѣстѣ съ Балашевымъ, который подъ эгидою Государя затѣвалъ иное, и уже узнавъ только, что это иное открыто, предупредилъ Государя своимъ донесеніемъ.

Въ такомъ предположеніи объяснились бы и настояніе Армфельда, и отзывъ Государя о Балашевѣ, и слова Сперанскаго объ его предупрежденіи, и отношеніе Государя къ Сперанскому даже до кончины.

Нѣтъ, такого предположенія сдѣлать не дозволяетъ вся совокупность свѣдѣній о жизни Сперанскаго. Одно Пермское письмо, дышащее искренностію и правдою, уничтожаетъ всякое подозрѣніе [29]). Онъ былъ невиненъ.

А не думалъ ли Балашевъ въ самомъ дѣлѣ о тріумвиратѣ?

Но съ кѣмъ же?... Со Сперанскимъ и Бологовскимъ? Лица несоизмѣримыя.

Г. де-Сангленъ, оспаривая въ одномъ мѣстѣ прозорливость Сперанскаго, говоритъ именно, что Балашевъ былъ у Сперанскаго по приказанію Государя. «При какомъ случаѣ прозорливость Сперанскаго оказалась? Развѣ въ разговорѣ съ Балашевымъ, когда этотъ къ нему пріѣзжалъ по *приказанію* Государя, pour lui tirer les vers du nez».

Съ другой стороны, странно, что и ловушку, хотя бы дѣйствуя по приказанію Государя, могъ онъ устроить такъ грубо, сшивая бѣлыми нитками черную ткань!.

Если Балашевъ исполнялъ приказаніе Государя, то что же значитъ отзывъ Го-

[29]) Письмо это напечатано, съ высочайшаго разрѣшенія вполнѣ и съ вѣрнаго списка въ книгѣ: Письма Сперанскаго къ Масальскому. Спб. 1862. стр. 32—25. П. Б.

сударевъ о немъ Армфельду? За что могъ онъ висѣть на волоскѣ? На какомъ основаніи Армфельдъ могъ устроять его удаленіе?

Прибавимъ еще, что Балашевъ, какъ сейчасъ увидимъ, имѣлъ приказаніе, задолго до катастрофы, присматривать за Сперанскимъ.

Приходится дѣйствительно повторять слова Сперанскаго въ отмѣткѣ, приводимой барономъ Корфомъ: cabales, intrigues, commérages!

Г. де-Сангленъ, въ вышеприведенныхъ своихъ примѣчаніяхъ, упомянулъ о запискѣ своей ко мнѣ, въ коей значатся слова Балашева въ письмѣ къ Государю, имѣвшія рѣшительное дѣйствіе на судьбу Сперанскаго. Вотъ эта записка:

«Посылаю вамъ, М. И., доказательство твердое, и вѣрное мое мнѣніе о ссылкѣ Сперанскаго. Пишу по-французски, это мнѣ легче и привычнѣе.

Le moindre mot transmis et mal interprêté, quelle que soit la pureté de nos intentions, peut produire les effets les plus terribes et faire le malheur de notre vie. Это *mot* было передано Государю Балашевымъ. Вотъ оно: Il est trop faible pour regir et trop fort pour être régi» 27 Марта (1862).

«Renvoyez moi cette lettre avec mes remarques sur votre troisieme cahier, comme nous nous sommes accordés à cet égard».

Объ этихъ же словахъ, переданныхъ Государю Балашевымъ, г. де-Санглепъ въ другомъ мѣстѣ говоритъ:

«Въ этомъ доносѣ, который Государь приказалъ мнѣ прочитать громко [30], стояла фраза на Французскомъ языкѣ, которую будто сказалъ Сперанскій: l'Empereur est trop faible pour regir et trop fort pour être régi. Я остановился, Государь сказалъ: читай!—Виноватъ, Государь, отвѣчалъ я, это же сказано было и о Лудовикѣ XV. Государь улыбнулся, сказавъ: «Балашевъ это слышалъ или прочелъ и приписалъ Сперанскому; но видно, что что-нибудь сказано Балашеву Сперанскимъ и утаено».

[30]) Слѣд. г. де-Санґленъ былъ въ кабинетѣ у Государя почти наканунѣ ссылки?

Къ поясненію, хотя и очень слабому, сношеній Сперанскаго, Магницкаго, Бологовскаго и Балашева, принадлежитъ еще слѣдующее мѣсто изъ письма ко мнѣ отъ г. де-Санглена, 18 Ноября 1861 года.

«... Съ годъ по ссылкѣ, пригласилъ меня гр. Аракчеевъ къ себѣ. Я явился. Графъ встрѣтилъ меня радушно, взялъ меня подъ руку и повелъ съ собой въ свой кабинетъ, гдѣ спросилъ:

Графъ. Знаете-ли вы, что по Высочайшему повелѣнію я вызывалъ изъ Вологды Магницкаго къ себѣ въ Грузино?

Я. Слышалъ, ваше сіятельство.

Графъ. Отобравъ отъ него нужное, разговорились мы о ихъ ссылкѣ. Я спросилъ: говорятъ, де-Санглепъ тоже причиной. Скажите мнѣ, какъ это было?

Магницкій. Нѣтъ, ваше сіятельство, это ложь. Онъ оказалъ намъ услугу, и еслибъ Бологовскій все не переболталъ, испортилъ, то можетъ-быть и ссылки бы не было.

Графъ. Въ чемъ же услуга эта состояла?

Магницкій. Позвольте о томъ умолчать, чтобы не повредить доброму человѣку.

Графъ. Теперь я обращаюсь къ вамъ, Яковъ Ивановичъ: скажите мнѣ, въ чемъ состояла эта услуга? Это здѣсь и умретъ.

Я. Позвольте мнѣ, графъ, послѣдовать примѣру Магницкаго.

Графъ. Не отстану отъ васъ; вы должны мнѣ въ томъ сознаться.

«Что дѣлать? Я вынужденъ былъ подробно все разсказать. Графъ подалъ мнѣ руку, сказавъ: Вы поступили благородно, но неосторожно. Васъ это погубило у Государя, — но не бойтесь, вы теперь имѣете во мнѣ друга, ибо (?) и я такъ же бы поступилъ».

«Онъ предлагалъ мнѣ разныя мѣста, отъ которыхъ я отказался, усталый и ненавидящій службу, гдѣ хорошіе поступки наказываются, что́ я неоднократно испыталъ».

«Вотъ все, что́ я могъ вамъ сказать; на остальное наложилъ Императоръ Александръ I вѣчное молчаніе, и я исполню его волю до конца жизни моей».

Собственноручная записка Сперанскаго, которую разбирали мы такъ тщательно, въ предположеніи, что она относится къ Балашеву и Армфельду, получаетъ можетъ быть здѣсь свое значеніе, относясь къ Балашеву и Бологовскому, съ отстраненіемъ Армфельда. Армфельдъ, напротивъ, основывалъ на ея содержаніи надежду удалить Балашева вмѣстѣ съ Сперанскимъ, какъ приведено выше.

Сперанскій догадался, видно, послѣ аудіенціи у Государя, въ чемъ дѣло, если и не слышалъ ничего о настоящей причинѣ или поводѣ, и отъ Государя заѣзжалъ къ Магницкому. Почему же самъ Сперанскій не началъ говорить о томъ Государю? Не въ этомъ ли заключается послѣдующее обвиненіе въ неискренности, согласно съ мнѣніемъ барона Корфа? «Никогда я не вѣрилъ во взведенную на него измѣну», говорилъ Государь Васильчикову, «и виню его только въ томъ, что онъ не имѣлъ ко мнѣ полной довѣренности»(II,26).

А въ чемъ состояла услуга де-Санглена?

Можетъ-быть, онъ объяснялъ доносъ Государю какъ-нибудь иначе, въ пользу Сперанскаго и Магницкаго; можетъ-быть, передалъ Сперанскому и Магницкому свѣдѣніе о собирающихся тучахъ, на что́ какъ будто указываютъ слова Магницкаго и утвержденіе Аракчеева, что «это погубило де-Санглена во мнѣніи Государя».

Но и здѣсь представляется странность: какъ, почему, Аракчеевъ могъ сказать, что поступилъ бы также?

Впрочемъ, можетъ быть, я не разобралъ словъ де-Санглена объ этомъ отзывѣ Аракчеева, написанныхъ очень неясно. Подождемъ объясненія изъ новыхъ данныхъ.

Какъ бы то ни было, но это двухнедѣльное приключеніе было только развязкой, ускорило исходъ давно рѣшенный. а когда началась завязка?

Къ сожалѣнію, де-Сангленъ, въ замѣчаніяхъ своихъ, не выставляетъ нигдѣ чиселъ, и можетъ быть даже, по старости, вообще смѣшиваетъ времена.

Постараемся отгадать послѣдовательный ходъ дѣла, хотя приблизительно.

Къ словамъ моимъ объ отчетѣ, поднесенномъ въ Февралѣ 1811 года, гдѣ Сперанскій просилъ объ увольненіи его отъ должности государственнаго секретаря, вслѣдствіе толковъ и жалобъ, г. де-Сангленъ пишетъ: «Отчетъ этотъ я, по приказанію Государя, прочиталъ громко; по окончаніи чтенія Государь сказалъ мнѣ: «Не пронюхалъ ли онъ (Сперанскій) чего-либо? Il a voulu, à ce qu'il parait, détourner mes conjectures. Впрочемъ, прибавилъ Государь, онъ правъ,—il a jeté du sable sur ses écrits». Я ожидалъ отъ Сперанскаго болѣе, отвѣчалъ я; какое ему дѣло до криковъ публики, клеветъ и ругательствъ: совѣсть чиста! Не нужно ихъ страшиться, а еще менѣе просить объ удаленіи: это

похоже бѣжать съ поля сраженія и угождать публикѣ, а себя обвинять безъ праведнаго суда. Французская фраза никуда не годится. Когда величіе духа не производило шума (du bruit) въ безсмысленной толпѣ?»

Изъ этого разсказа видно, что подозрѣнія Государя начались до Февраля 1811 года Въ это время Государь не благоволилъ уже къ Сперанскому, хотя и не согласился на его просьбу объ увольненіи отъ должности государственнаго секретаря.

Приведемъ теперь другой разсказъ г. де-Санглена, который поможетъ намъ опредѣлить точнѣе это время.

«Среди сихъ колебаній, Государю пришла мысль: слѣдовалъ ли Сперанскій данному ему для руководства на Французскомъ языкѣ проекту (Лагарпа) объ учрежденіи министерствъ и не отступилъ ли онъ отъ него[31])? Онъ сообщилъ эту мысль гр. Армфельду, и (спросилъ), не знаетъ ли онъ кого, который бы могъ сличить проектъ съ учрежденіемъ въ Россіи министерствъ Сперанскимъ. Графъ, зная меня, отрекомендовалъ меня. Тайно вызванъ былъ я чрезъ камердинера Зиновьева къ Государю съ повелѣніемъ: этого Балашеву, моему начальнику, не сообщать. Натурально, я явился. Государь подалъ мнѣ Французскій проектъ съ сими словами: «Я за вами посылать буду Зиновьева, и мы вмѣстѣ сличимъ трудъ Сперанскаго съ оригиналомъ».

31) Въ другомъ мѣстѣ г. де-Сангленъ пишетъ: «Въ учрежденіи министерствъ хлопотали Строгоновъ и Новосильцевъ, третьяго имени не упомню Чарторижскій или Кочубей). Публика называла ихъ тріумвирами на основаніи Лагарповомъ. Это до Сперанскаго. Потомъ вручилъ планъ Сперанскому, чтобъ министерство придержать (приладить) къ нему. Во время Строгонова и Новосильцова былъ величайшій либерализмъ въ Россіи».

Г. де-Сангленъ пишетъ еще въ другомъ мѣстѣ: «Я читалъ проектъ у Государя въ кабинетѣ. Съ сего дня я часто призываемъ былъ, и цѣлые вечера проводилъ у Государя. Какое мнѣніе было объ этомъ у Государя, я долженъ молчать, ибо далъ клятвенное обѣщаніе ни слова никому не сообщать. Одно сказать могу; при одномъ чтеніи Государь воскликнулъ: «обрусилъ, запуталъ и испортилъ проектъ человѣка, котораго я сердечно уважаю....» Въ первый разъ услышалъ я изъ устъ Царя: «онъ—измѣнникъ».

Въ другомъ мѣстѣ г. де-Сангленъ говоритъ: «Александръ убѣжденъ былъ въ измѣнѣ Сперанскаго по сличеніи плана Лагарпова[32]) съ учрежденіями Сперанскаго».

Постараемся прежде всего опредѣлить время этихъ тайныхъ аудіенцій, среди которыхъ утверждалось понятіе Государя о Сперанскомъ.

Преобразованіе министерствъ было обнародовано манифестомъ 25 Іюля 1810 г., а государственный совѣтъ и назначеніе Сперанскаго секретаремъ еще 1 Генваря.

Слѣдовательно въ это время Сперанскій пользовался еще полною довѣренностію Государя, и потому разсужденія съ г. де-Сангленомъ должно отнести ко второй половинѣ 1810 г. послѣ Іюля, по крайней мѣрѣ мѣсяца черезъ три послѣ преобразованія, то есть между Октябремъ и Ноябремъ 1810 г. и Февралемъ 1811 г., когда де-Сангленъ читалъ отчетъ 1810 г. въ кабинетѣ Государя, и слышалъ изъ устъ его уже объ его неблаговоленіи.

Теперь поговоримъ о данныхъ, предлагаемыхъ г. де-Сангленомъ въ этомъ разсказѣ.

32) Этотъ планъ Лагарпа имѣется у насъ въ современномъ спискѣ. П. Б.

Въ какомъ смыслѣ Государь назвалъ Сперанскаго измѣнникомъ, при сличеніи перваго плана съ исполненіемъ? Не видѣлъ ли Государь скрытаго намѣренія ограничить монархическую власть? Ибо въ чемъ же иначе можно предполагать измѣну?

Онъ (Государь) распространялся объ этомъ ограниченіи и сказалъ послѣ: «Сперанскій вовлекъ меня въ глупость. Зачѣмъ я согласился на государственный совѣтъ и на титулъ государственнаго секретаря? Я какъ будто отдѣлилъ себя отъ государства. Это глупо. И въ планѣ Лагарповомъ того не было».

«Замашка ограничить самодержавіе была (у Сперанскаго) это вѣрно», замѣчаетъ въ другомъ мѣстѣ г. де-Сангленъ.

Самъ Сперанскій въ Пермскомъ письмѣ намекаетъ на это обвиненіе при исчисленіи своихъ дѣйствій.

«Другіе утверждали, что разумъ сего учрежденія (Совѣта) стѣсняетъ власть Государеву. Гдѣ и какимъ образомъ? Не по государеву ли повелѣнію дѣла вносятся въ Совѣтъ? Не едиными ли словами его рѣшаются? Но зависть и клевета желаютъ лучше казаться слѣпыми, чѣмъ быть безгласными».

Можетъ быть, сюда же относится и слѣдующее свѣдѣніе, сообщенное княземъ Егоромъ Александровичемъ Грузинскимъ, и приведенное барономъ Корфомъ (т. II, стр. 46) о Сперанскомъ, который во время своей силы свободно допускалъ его къ себѣ, любилъ разсуждать съ нимъ о государственныхъ дѣлахъ, и нерѣдко сообщалъ ему даже разные свои проекты на предварительное соображеніе.

«Получивъ съ этою цѣлью на просмотръ и проектъ новаго образованія Сената, Грузинскій привезъ государственному секретарю свои замѣчанія, въ которыхъ опровергалъ новое образованіе, преимущественно со стороны излишняго, по его мнѣнію, распространенія власти Сената. Прочитавъ мои замѣчанія, разсказывалъ князь одному человѣку, записавшему для насъ (для барона Корфа) его слова—со вниманіемъ и разстановкою, Михайло Михайловичъ обратился ко мнѣ съ критическими сужденіями, называя мой умъ отсталымъ отъ вѣка, и не посвященнымъ въ тайны управленія. Въ чертахъ его, всегда почти безстрастныхъ, пробивалась досада на мою догадливость и на рѣзкость замѣчаній; я съ моей стороны предварялъ его, что отъ этого дѣла *да быть какой-нибудь бѣдѣ*. Мы разстались довольно холодно, и это было послѣднее наше свиданіе въ Петербургѣ, который я вскорѣ потомъ оставилъ. Пріѣхавъ зимою 1811 г. въ Нижній-Новгородъ, гдѣ, по званію губернскаго предводителя дворянства, требовали моего присутствія, я часто получалъ изъ Петербурга извѣстія о тамошнихъ новостяхъ, и всѣ письма удостовѣряли меня, что въ положеніи дѣлъ нѣтъ никакой перемѣны. Разъ въ концѣ Марта 1812 г. я зашелъ какъ-то, рано утромъ, къ нашему губернатору Руновскому и, при входѣ въ его залу, остолбенѣлъ, едва вѣря своимъ глазамъ. У окна, прислонясь къ стеклу, стоялъ въ глубокомъ раздумьи и глядѣлъ на улицу, вѣроятно ничего не видя, Сперанскій! Онъ не слыхалъ, какъ я вошелъ; я подошелъ ближе—точно онъ! «Михайло Михайловичъ! закричалъ я въ крайнемъ изумленіи, какимъ образомъ ты здѣсь?—Ты напророчилъ! отвѣчалъ онъ отрывисто». (II, 46).

Записка Карамзина, замѣтимъ мимоходомъ, была подана въ Мартѣ (18 числа) 1811 г., слѣдовательно не она была началомъ подозрѣній, которыя достигли гораздо прежде до высокой степени, еще во второй половинѣ 1810 г., и были заявлены тоже въ Февралѣ 1811 г.

Съ котораго же времени начались они? Г. де-Сангленъ говоритъ, что «съ Эрфурта

начинается колебаніе Государево на счетъ Сперанскаго. Онъ увидѣлъ въ немъ большое пристрастіе къ Наполеону I, хотя и самъ онъ имъ восхищался. Да и Наполеонъ о немъ отзывался хорошо самому Государю. Это Государю не понравилось».

Отвѣчаемъ: можетъ-быть не нравилось, можетъ-быть произошло мгновенное, непріятное впечатлѣніе; но оно не имѣло еще, можемъ сказать рѣшительно, никакого вліянія на отношенія, на довѣренность, ибо съ Эрфуртской поѣздки только начинаются главныя работы Сперанскаго. Баронъ Корфъ говоритъ: «Съ Эрфуртскаго конгресса начинается для Сперанскаго время высшаго значенія и величія, то, что мы называемъ его лѣтомъ».

Этотъ періодъ обнимаетъ два года 1809 и 1810. Работа создавалась подъ перомъ смѣлаго редактора ея съ изумительною быстротою, говоритъ баронъ Корфъ. «Не далѣе Октября 1809 г., весь планъ государственнаго устройства лежалъ уже на столѣ Александра». «1 Января 1810 г. назначенъ былъ Сперанскій государственнымъ секретаремъ».

А въ концѣ этого 1810 г. онъ увидѣлъ уже опасность для себя, просилъ отставки, и отчетъ былъ разсматриваемъ Государемъ съ де-Сангленомъ. Слѣдовательно нерасположеніе началось въ половинѣ 1810 года, какъ нами показано выше.

Теперь слѣдуетъ намъ говорить о томъ, что̀ случилось въ половинѣ 1810 года, чѣмъ Сперанскій навлекъ на себя гнѣвъ Государевъ.

По поводу моего вопроса о началѣ колебаній Государя, когда должно было приступить къ исполненію плана (Жизнь Сперанскаго, т. I, с. 111), г. де-Сангленъ замѣчаетъ: «колебанія не начались, а усилились» и говоритъ о «безпрерывныхъ крикахъ публики и письмѣ Растопчина изъ Москвы о заговорѣ».

Когда же было прислано письмо гр. Растопчина, которое впрочемъ баронъ Корфъ рѣшительно отвергаетъ (II, с. 9), а г. де-Сангленъ во многихъ мѣстахъ рѣшительно принимаетъ, и говоритъ всегда какъ о несомнѣнномъ событіи, объясняя даже въ одномъ мѣстѣ его происхожденіе? Баронъ Корфъ приводитъ числа, выставленныя на этомъ, по его мнѣнію, подложномъ письмѣ: 5, 14, 17 Марта (1812 г?).

Письмо должно принадлежать также къ концу 1810 г., когда Государь приблизилъ уже къ себѣ г. де-Санглена (ибо смѣялся передъ нимъ надъ заговоромъ, о которомъ говорится въ письмѣ, а это не могло быть, какъ мы видѣли, раньше Октября—Ноября 1810 г.). «Балашевъ писалъ Растопчину о существованіи заговора въ Петербургѣ», говоритъ де-Сангленъ, и въ другомъ мѣстѣ: «Балашевъ обманулъ Растопчина, назвавъ обществомъ соединеніе нѣсколькихъ людей для разговора о бывшихъ обстоятельствахъ въ то время»

«Растопчинъ написалъ Государю и указалъ на Балашева».

«Государь узналъ объ этомъ заговорѣ сперва отъ Растопчина».

«Государь поручилъ князю Андрею Борисовичу Голицыну,[33] который все перепуталъ, и выставилъ Сперанскаго какъ сообщника иллюминатовъ Вейсгаупта».

«Армфельдъ сказалъ де-Санглену: «Растопчинъ и публика ошиблись, приняли ложу, въ которой и Сперанскій былъ, за

---

33) Тотъ самый, съ которымъ я провожалъ Иннокентія, см. выше, стр. 1134

заговоръ, и прибавилъ: Et cette bétasse de ministre de police est entré dans la loge de Жеребцовъ, croyant comme frère y trouver quelque chose pour sa police. Il aurait dû entrer dans la loge des illuminés, où est Speransky. И это была ошибка. Сперанскій былъ въ ложѣ Розенкампфа».

«Государь сообщилъ письмо Ростопчина кн. Волконскому, и едва возникшее общество рушилось».

Почему Балашевъ счелъ нужнымъ писать къ Растопчину о заговорѣ? Безъ особаго порученія объ изслѣдованіи, какъ министръ полиціи, онъ имѣлъ вѣдь полное право и обязанность изслѣдовать дѣло и донесть прямо Государю?

«Государь, говоря со мною объ этомъ заговорѣ, смѣялся».

«О заговорѣ дѣло брошено, и все пало (что же пало?) на Сперанскаго, который умолчалъ, потому что подробнаго свѣдѣнія о заговорѣ не имѣлъ; ибо заговорщики не такъ глупы были предложить Сперанскому въ ихъ общество вступить, а говорили ему, что не худо было бы и ему быть во главѣ. Не прямо, а косвенно можно принять это за предложеніе».

Въ этихъ словахъ г. де-Санглена или противорѣчіе, или смѣшеніе обстоятельствъ: выше онъ сказалъ, что заговора не было, а только бесѣда въ едва возникшемъ обществѣ, а здѣсь говоритъ о косвенномъ предложеніи заговорщиковъ (кто они были)?

Притомъ, г. де-Сангленъ говоритъ это въ замѣчаніяхъ къ разсужденію моему о собственноручной запискѣ Сперанскаго по поводу предложеній Балашева и Армфельда. Два разныя событія, раздѣленныя большимъ промежуткомъ времени!

Касательно сношеній съ масонами есть письмо ко мнѣ отъ г. де-Санглена:

«Тайныя сношенія съ Наполеономъ и иллюминатами были, но не по приказанію Александра, который дорожилъ своею властію».

Эти слова не понятны въ связи съ предыдущими:

«Слѣдовательно, по мнѣнію заграничному, Александръ приготовилъ ловушку Сперанскому для ссылки. Вранье!... Армфельдъ и я знали бы это. Александръ par orgueil не пошелъ бы на эту ловушку; да и гдѣ же былъ умъ Сперанскаго, еслибъ это было, зная *характеръ* А? (это также не понятно). Источникомъ этой басни былъ флигель-адъютантъ князь Голицынъ, какъ сказано въ моихъ замѣчаніяхъ къ вамъ».

Изъ этой путаницы можно извлечь развѣ такое заключеніе.

Собирались какія-то лица толковать о современныхъ обстоятельствахъ. Балашевъ счелъ это за заговоръ (по Армфельду, это была масонская ложа), написалъ къ Растопчину. Растопчинъ написалъ къ Государю; началось какое-то слѣдствіе, и общество разсыпалось, а Государь смѣялся надъ заговоромъ передъ г. де-Сангленомъ.

Извѣстіе о сношеніяхъ съ иллюминатами оставило все таки впечатлѣніе неблагопріятное.

Предложеніе же Сперанскому, о которомъ говоритъ здѣсь г. де-Сангленъ, «стать во главѣ, о чемъ онъ, не зная подробностей, не могъ донести ничего Государю», должно относиться къ послѣднему Балашевскому дѣйствію.

Какъ бы то ни было, въ Февралѣ 1811 года, былъ уже полный разрывъ, но не подавалось никакого вида: милости сыпались на Сперанскаго по прежнему.

Доносы между тѣмъ продолжались, и де-Сангленъ пишетъ о нихъ: «Всѣ доносы, клеветы на Сперанскаго были въ моихъ рукахъ, и я неоднократно получалъ выговоры отъ Государя за то, что осмѣливался доносить, что, безъ изслѣдованія доносовъ, Сперанскаго винить нельзя».

Марта 18, 1811 г., представлена была Государю Записка Карамзинымъ. Она принята была неблагосклонно, можетъ быть относительно внѣшней стороны дѣйствія, (какъ смѣлъ и пр.), но не содержанія, которое вѣроятно подѣйствовало, въ дополненіе къ накопившимся подозрѣніямъ и неудовольствіямъ.

Начинались разсужденія о войнѣ съ Наполеономъ, и Государь въ умѣ своемъ рѣшилъ ее.

«Сперанскій противился войнѣ съ Наполеономъ, предлагая собрать боярскую думу, которая вела бы войну. Чѣмъ же я буду?... отвѣчалъ съ гнѣвомъ Государь. Это я слышалъ отъ самаго Царя», говоритъ де-Сангленъ.

«По словамъ самого Государя, союзъ съ Наполеономъ, говорилъ Сперанскій, необходимъ для страха остальной Европы; для того и уступка нужна».

«Сперанскій просилъ позволенія переписываться съ Наполеономъ».

Въ другомъ мѣстѣ это повторяется: «Сперанскій былъ рѣшительно противъ войны, по словамъ Государя. Когда Сперанскій предлагалъ государственную думу, чтобъ ей вести войну, Государь въ личности своей крайне оскорбился, какъ уже сказано прежде».

Можетъ быть тогда, если не прежде, Государь приказалъ Балашеву, бывшему уже виновникомъ Растопчинскаго письма, присматривать за Сперанскимъ. Дмитріевъ горитъ, что это было въ Августѣ 1811 г., и Балашевъ думалъ попасть на верхъ славы.

Онъ мѣтилъ на одного Сперанскаго, который ему препятствовалъ въ расширеніи его министерства» (А Армфельдъ на Сперанскаго вмѣстѣ съ Балашевымъ).

«Балашевъ въ угодность Государю былъ противъ Сперанскаго».

«Придерживаясь мнѣнія публики, онъ угождалъ Государю и выдумывалъ небылицы на Сперанскаго».

«Сперва было рѣшено Государемъ паденіе Сперанскаго».

«По мѣрѣ доносовъ Балашева, которому велѣно было за нимъ присматривать, неудовольствіе Государя дошло до высочайшей степени; онъ думалъ то казнить Сперанскаго, то сослать его, что казалось необходимымъ для будущей войны съ Наполеономъ».

За симъ слѣдовали таинственныя сношенія Балашева съ Сперанскимъ чрезъ Бологовскаго, и донесеніе Балашева съ отзывомъ Сперанскаго о Государѣ.

Можетъ-быть, случилось тогда еще что-нибудь въ сношеніяхъ съ Французскимъ посланникомъ Лористономъ, и Датскимъ Блумомъ, о которыхъ самъ Государь говорилъ впослѣдствіи Сперанскому.

Вслѣдъ за Балашевскимъ донесеніемъ должна происходить сцена съ Парротомъ, который испугался понапрасну, оправдывая пословицу: у страха глаза велики.

Исчислимъ теперь облака и тучи, которыя собирались надъ головою Сперанскаго, паче его чаянія [34]), въ послѣдователь-

---

[34]) «Кажется, изъ этого разговора (у г. де Сангленa съ Бологовскимъ, см. выше стр. 1159) ясно видно, что ни Сперанскій, ни Магницкій, не видали

номъ порядкѣ, и разразились наконецъ 17 Марта 1812 года. Постараемся говорить подлинными словами г. де-Санглена.

Непріятное впечатлѣніе въ Эрфуртѣ за восторгъ къ Наполеону, отзывъ Наполеоновъ, «крики негодованія въ публикѣ, не доносъ, а доносы безпрерывные, ненависть в. к. Екатерины Павловны, подозрѣніе о намѣреніи стѣснить монархическую власть, уклоненіе отъ Лагарпова плана, письмо гр. Ростопчина о заговорѣ, тайныя сношенія съ иллюминатами, Вейсгауптомъ, сношенія съ Наполеономъ, Записка Карамзина, мнѣніе Сперанскаго о войнѣ съ Наполеономъ I, вопреки Государю, рѣшившему ее въ умѣ, доносы Балашева, свѣдѣнія о сношеніяхъ тайныхъ Сперанскаго, Магницкаго, Бологовскаго и Балашева, донесеніе Балашева съ отзывомъ Сперанскаго о Государѣ: «все это взволновало Государя до того, что онъ почти не зналъ на что рѣшиться. Раздраженность дошла до высочайшей степени. Вотъ истинныя причины ссылки; но казнить Сперанскаго никогда и въ голову Государю не приходило, а еще менѣе доброе и нѣжное его сердце этого не допускало. Можетъ-быть онъ кому-либо это и высказалъ, для виду. Природная недовѣрчивость, соединенная съ отличною любезностію, запутали его самого до такой степени, что другаго исхода, какъ ссылка, уже не было, чтобъ успокоить публику. Всѣ хитросплетенія перепутались сами въ себѣ. «Il n'y a, Sire, qu'un seul moyen, c'est de renvoyer Speransky, afin d'eloigner toutes les intrigues, cabales, et réunir le public dans un seul sentiment de patriotisme», сказалъ Государю Армфельдъ. Это и рѣшило все дѣло».

Сперанскій былъ сосланъ.

На описаніе барона Корфа г. де-Сангленъ замѣчаетъ: «Это происходило не такъ. Съ Балашевымъ отправился я въ открытыхъ саняхъ къ Магницкому въ сопровожденіи двухъ драгунъ. По запечатаніи кабинета Магницкаго, спросилъ онъ: Не имѣете ли вы нужды? Въ чемъ бы вы нуждались? — Я забылъ взять нѣкоторыя бумаги. Распечатали кабинетъ, и взялъ Магницкій кипу бумагъ; запечатали опять кабинетъ. Балашевъ подошелъ ко мнѣ и сказалъ: «Вы отправите Магницкаго, а мнѣ нужно съѣздить въ одно мѣсто. Я пришлю вамъ мои сани; по отправленіи Магницкаго поѣзжайте къ Сперанскому,— я уже тамъ буду». Отправя Магницкаго, я поѣхалъ съ тѣми же драгунами къ Сперанскому. Балашева не было. Онъ пріѣхалъ въ 10 часовъ Въ 11-ть пріѣхалъ Сперанскій, взошелъ къ намъ въ совершенно спокойномъ видѣ, и улыбаясь сказалъ: «Извините, господа; Государь меня задержалъ.» Послѣ нѣсколькихъ словъ съ Балашевымъ, обратился Сперанскій ко мнѣ, сказавъ: C'est, je crois, m-r de Sanglin. На отвѣтъ Балашева «да» Сперанскій сказалъ мнѣ: Je suis content de faire votre connaissance.—C'est dommage que c'est dans des circonstances aussi facheuses, отвѣчалъ я.— Cela n'y fait rien, отвѣчалъ Сперанскій. Тутъ подошелъ ко мнѣ Балашевъ и сказалъ мнѣ на ухо: «Дайте мнѣ сказать нѣсколько словъ Сперанскому наединѣ, я послѣ васъ призову». Но я призванъ не былъ. Собирали бумаги, жгли ихъ въ каминѣ, что видно было сквозь двери, отворяемыя для принесенія платья, которое укладывалось въ чемоданы. Я нѣсколько

тучъ, носившихся надъ ихъ головами. Чутье быть могло, но ничего опредѣленнаго не видѣлось». Слова де-Санглена.

разъ вскрикивалъ: «это не въ порядкѣ!» и вѣрно слышно было въ кабинетѣ. Въ 12-мъ часу вышли оба изъ кабинета. Сперанскій вынесъ два толстыхъ портфеля. Балашевъ сказалъ мнѣ: «Запечатайте кабинетъ, Яковъ Ивановичъ», самъ поднесъ мнѣ свѣчку, далъ сургучъ и министерскую печать. «Я забылъ тамъ, Александръ Дмитріевичъ, третій портфель», вскричалъ Сперанскій. Балашевъ приказалъ мнѣ остановиться, и Сперанскій вынесъ третій портфель, такой же толщины, какъ и первые. Затѣмъ запечатанъ былъ кабинетъ, а портфели поѣхали вмѣстѣ съ Сперанскимъ въ Нижній Новгородъ. Что въ нихъ было — знаютъ про то Сперанскій и Балашевъ. Никакихъ бумагъ мы не запечатывали. На другой день, Государь потребовалъ меня и велѣлъ мнѣ разсказать, какъ все происходило у Сперанскаго. Когда я дошелъ до того, что Сперанскій вынесъ два портфеля набитыхъ бумагами и потомъ третій портфель, Государь воскликнулъ: «Балашеву Петръ.... (слѣдующаго слова не могъ я разобрать) отрубилъ бы голову».

«Потомъ открылось, что такъ повелѣно было, чтобъ скрыть записки его съ Сперанскимъ. Тутъ вѣроятно и Балашевъ скрылъ свои записки.»

То-есть Государь не хотѣлъ, чтобъ Балашевъ увидѣлъ записки его къ Сперанскому, и хотѣлъ лучше, чтобъ записки остались у Сперанскаго?

Вотъ это дозволеніе взять съ собою, что угодно, и далъ вѣроятно Балашевъ Сперанскому, оставшись съ нимъ наединѣ, можетъ-быть подавая видъ, что дѣлаетъ это самъ, на свой страхъ, по расположенію къ нему...

Балашевъ не посмѣлъ бы при де-Сангленѣ допустить, чтобы Сперанскій взялъ съ собою какія-нибудь бумаги. Да еслибъ Государь хотѣлъ имѣть всѣ бумаги Сперанскаго, то онъ могъ, получивъ это извѣстіе отъ де-Санглена, послать за ними вслѣдъ за Сперанскимъ, и отобрать бумаги на дорогѣ.

Соберемъ теперь всѣ показанія г. де-Санглена объ И. Александрѣ, Сперанскомъ, о себѣ и о книгѣ барона Корфа.

Сличая отзывы г. де-Санглена въ разныхъ мѣстахъ его замѣчаній и писемъ, должно сдѣлать, кажется, замѣчаніе, что у Императора Александра была своя особенная система и въ образѣ дѣйствій, и въ выраженіи своихъ мыслей. Ему приходилось иногда говорить противъ своихъ собственныхъ убѣжденій, если онъ въ данную минуту считалъ это полезнымъ для своихъ цѣлей, и послѣ забывалъ о томъ. Онъ слѣдовалъ часто не движенію своего сердца, а рѣшенію своего ума, употреблялъ людей какъ орудія по ихъ способностямъ, поколику они могли дѣлать порученное имъ дѣло. Въ этомъ отношеніи, можетъ быть, и можно объяснить нѣкоторые его поступки. Такъ онъ находился въ дружескихъ отношеніяхъ къ Карамзину, и имѣлъ неограниченную довѣренность къ Аракчееву; умилялся съ madame Крюднеръ, и принималъ сердечное участіе въ погибели Аракчеевской Анастасьи; спорилъ съ madame Сталь и Карамзинымъ противъ самодержавія, и вознегодовалъ на Сперанскаго, замѣтивъ, что тотъ думаетъ объ ограниченіяхъ. Балашева порицаетъ онъ съ Армфельдомъ, и даетъ важнѣйшее порученіе въ переговорахъ съ Наполеономъ; Балашева назначаетъ министромъ полиціи, а его директора де-Санглена принимаетъ къ себѣ тайно отъ министра и даетъ особыя пору-

ченія. Сперанскаго думаетъ удалить, а 1-го Января 1812 года надѣваетъ Александровскую ленту.

Все это если не оправдать, то объяснить можно только системою, что и слѣдуетъ имѣть въ виду, при всѣхъ слѣдующихъ отзывахъ г. де-Санглена.

Рѣшаюсь привести кстати одно слово, сказанное мнѣ, лѣтъ сорокъ назадъ, предсѣдателемъ цензурнаго комитета Д. П. Голохвастовымъ. Я жаловался ему на притѣсненія цензуры. Онъ выслушалъ мои жалобы и сказалъ: «Эхъ, М. П., не судите строго цензоровъ. Вы завтра будете назначены цензоромъ, и сами вѣрно будете поступать также, какъ теперь они: *оптика перемѣняется*».

Дѣйствительно, на высотахъ или съ высотъ многое представляется иначе, а съ высоты высотъ кольми паче,—оптика тамъ уже совершенно иная.

Замѣтимъ еще, что г. де-Сангленъ былъ лично не расположенъ къ И. Александру за то, что тотъ приписывалъ впослѣдствіи, нѣкоторымъ образомъ, именно ему ссылку Сперанскаго, и будемъ снисходительны къ его показаніямъ. При томъ же это дѣла давно минувшихъ дней, которымъ прошло болѣе полувѣка.

Противъ барона Корфа г. де-Сангленъ, былъ также очень предубѣжденъ и не обращалъ никакого вниманія на достоинства его книги. Ему казалось, что баронъ Корфъ хочетъ обвинить его въ доносѣ на Сперанскаго. Во всей книгѣ г. де-Сангленъ видѣлъ только одинъ эпизодъ (ссылку) и старался доказывать, что не былъ въ ней виноватъ.

«Какъ не стыдно не упомянуть о проэктѣ Лагарпа для учрежденія министерствъ въ Россіи? Это послужило быть (?) *основаніемъ ссылки Сперанскаго*. Скрыто, для чего? Для того, чтобъ выставить своего героя изобрѣтателемъ министерствъ [35]). Ему хочется прославить своего героя [36]). Зачѣмъ не назвать настоящихъ двигателей факта?... Зачѣмъ ссылаться на Записки современниковъ, которые писали по слухамъ, ходившимъ въ городѣ? Но всего забавнѣе то, что онъ заставляетъ Сперанскаго писать подлѣйшія письма къ графу Аракчееву, Кочубею, и проч. [37]),даже съ приверженностію къ тому, кто его сослалъ... А еще лучше: кажется, *баронъ Корфъ, хоть не прямо, а косвенно, выставляетъ меня доносчикомъ на Сперанскаго*. Всѣ доносы на Сперанскаго отъ высшихъ и низшихъ были шумные. Не ужели для доноса нужно было оставаться и три и больше часовъ въ кабинетѣ [38])? Не имѣло ли другую причину, скрытую отъ *толпы*. Вотъ доказательство противнаго» [39]).

«Довольствуйтесь знать, что баронъ Корфъ во всѣхъ показаніяхъ принаравливался къ общимъ прежде бывшимъ понятіямъ. Вы, кажется, въ историческомъ энтузіасмѣ говорите: vigeat veritas et pereat mundus; а я говорю: Commovent homines non res,

[35]) Явная несправедливость: у Сперанскаго слишкомъ много было собственныхъ изобрѣтеній, и не было никакой нужды барону Корфу приписывать ему чужое.

[36]) Да какая же цѣль можетъ быть при этомъ? Герой въ землѣ, дѣтей не осталось, и лишнее прославленіе не приноситъ никому никакой пользы.

[37]) Ну вотъ и доказательство безпристрастія. «Заставлять писать». Но вѣдь эти письма подлинныя: скрыть ихъ нельзя!

[38]) Г. де-Сангленъ разумѣетъ здѣсь вечернія посѣщенія государева кабинета для сличенія плана Лагарпова съ учрежденіемъ министерствъ Сперанскаго, о чемъ см. выше, стр. 1167

[39]) Здѣсь слѣдуетъ описаніе бесѣды съ Аракчеевымъ, которое приведено выше, стр. 1164.

sed de rebus opiniones. Бѣда, коли сказать: sic erat in fatis»!

«Свидѣтелей происшествія и всего, что ему предшествовало, было трое: Армфельдъ, Балашевъ и я. Первые сокрыты въ сырой землѣ, одинъ я живъ остался; за то обо мнѣ не упомянуто, какъ долженствовало бы, ибо я не только свидѣтель, но въ рукахъ моихъ было и предшествовавшее происшествіе[40]). Но на меня ссылаться нельзя; я высказалъ бы всю правду, а она глаза колетъ. Лучше было предоставить меня клеветѣ, будто я былъ доносчикомъ на Сперанскаго, c'est plus court, нежели открыть глаза невидящимъ, полагающимъ себя зрячими».

«Но довольно. Мнѣ 36 лѣтъ; мнѣ трудно было и эти конфиденціальныя строки вамъ написать, рука трясется. Что бы это было, еслибы рѣшился каждый пунктъ опровергать, имѣя въ виду истину, исторію».

Надо впрочемъ здѣсь прибавить, что въ дневникѣ Сперанскаго и въ Запискахъ Дмитріева остаются слѣды подозрѣній на де-Санглена въ доносахъ на Сперанскаго.

Письмо г. де-Санглена ко мнѣ отъ 20 Февраля 1862 года:

«Напрасно вы думаете, что я не проникаю цѣли вашей. Она мнѣ извѣстна, ибо вы авторъ и историкъ; но позвольте вамъ сказать откровенно, вы сбиваетесь съ большой дороги и идете по проселочной, сквозь дремучіе лѣса и дебри, полагая, что всяка дебрь исполнится и всяка гора и холмъ смирятся.—Что я одинъ остался свидѣтелемъ катастрофы, прочіе померли, хоть и не свидѣтели, а зрители,—неоспоримо; жаль, что въ наше время ни Каліостры, ни Шведенборги не могутъ ихъ допрашивать въ могилѣ.—Записки Дмитріева я читалъ и, не взирая на родство съ Балашевымъ (Дмитріевъ) думалъ, какъ министръ, все знать, и ничего не зналъ, и только говорилъ о крикахъ публики.—Смѣшнѣе всего, что, повторяя вранье публики, назвалъ меня доносителемъ объ измѣнѣ Сперанскаго. Чистое и наглое вранье!—Это подражаніе публикѣ, которая, не зная объяснить себѣ частыя и продолжительныя пребыванія мои у Государя, опредѣлила: вѣрно онъ шпіонничаетъ!—Балашеву вѣрить нельзя; неужели пробарабанилъ онъ свои грѣхи Дмитріеву? Растопчинъ заварилъ кашу [41]), и расхлебалъ ее одинъ въ 1812 году. Когда армія наша ретировалась къ Москвѣ, я былъ у него на Брюсовой дачѣ, и изъ вопросовъ и сужденій его усмотрѣлъ я, что онъ настоящаго не зналъ, и что онъ, какъ и всѣ товарищи его, великіе земли сей, столь же свѣдущи были. И весьма натурально, ибо Импер. Александръ I, какъ нынѣ Наполеонъ, ведетъ почти всю Европу за носъ; такъ и Александръ велъ своихъ царедворцевъ, которые, какъ будто толкнутые въ дремучіе лѣса, не видѣли исхода, а выбившись на бѣлый свѣтъ, искали правды, обращались и ко мнѣ; но я долженъ былъ, хоть притворно, поддерживать крикъ публики. Такъ было повелѣно! Какъ упираться на этихъ господъ, или на разговоры Сперанскаго и Марченко или Батенкова? Они были въ томъ же лѣсу. Самъ Сперанскій въ запискахъ своихъ по возвращеніи въ Петербургъ говоритъ тоже».

---

[40]) Какое?

[41]) Здѣсь должно разумѣться, кажется, первое письмо Растопчина къ Государю, основанное на извѣщеніи его Балашевымъ. Слѣдовательно, письму Растопчина приписывалось большое значеніе въ дѣлѣ о Сперанскомъ, а прежде г. де-Сангленъ говорилъ, что Государь смѣялся передъ нимъ надъ заговоромъ.

«Балашевъ, Сперанскій въ могилѣ, а мы трое могли знать, что происходило у Магницкаго, Сперанскаго, и какъ попалъ Бологовскій въ тріумвиратъ, о которомъ баронъ Корфъ умолчалъ [42]). А я одинъ остался живъ, можетъ быть по опредѣленію Промысла для указанія на истину святую. За откровенно высказанное вамъ, по просьбѣ вашей, вы не должны, и не честно было бы, выдать меня въ лапы цензуры. По истинѣ, я одинъ заслуживаю вѣрованія, ибо брошенъ былъ судьбою въ этотъ омутъ, изъ котораго выступилъ чистъ. но преданъ злословію и преслѣдованію, именно за чистоту мою. — Что я выигралъ? — Бѣдность! И ею горжусь, и слыву богачемъ! Участь завидная въ будущемъ, но не сладкая во временной жизни. Слѣдовательно имя мое въ неразрѣшенныхъ вопросахъ барона Корфа выставлять грѣшно».

23 Марта 1862 г. (Строка неразобранная) Fragilitatem hominis. Securitatem Dei.

«Извините, отъ старости рука трясется. Прочтете ли вы? А писца молчаливаго отыскать трудно, а самому переписывать еще труднѣе».

Выпишемъ въ заключеніе мнѣніе г. де-Санглена о разныхъ дѣйствовавшихъ лицахъ:

«Волконскій былъ необразованъ... Увы, я служилъ при немъ!

Голицынъ—хитрое твореніе, жилъ умомъ Лабзина и Тургеневыхъ, подъ конецъ Бартенева [43]).

Кочубей—уменъ и ловокъ.

Но васильцевъ—спросите Польшу.

Закревскій—и писать не умѣлъ.

Строгоновъ и Меньшиковъ—одни только могли бы это исполнить (написать Записки объ И. Александрѣ)».....

V.

Тяжело было наперснику, совѣтнику государеву, пользовавшемуся его довѣренностію и принимавшему главное участіе въ правленіи, мчаться на перекладныхъ, въ распутицу, въ сопровожденіи частнаго пристава! Черезъ четыре дня, были они уже въ Нижнемъ [44]), гдѣ Сперанскій написалъ еще письмо къ Государю и къ Балашеву, котораго благодарилъ [45]) за доставленіе ему добраго провожатаго, и поручалъ его вниманію.

Сперанскій, зная свою невинность, считалъ, кажется, свое удаленіе временнымъ, и имѣлъ твердую надежду воротиться скоро въ Петербургъ, судя, вѣроятно, по послѣднему своему разговору съ Императоромъ Александромъ, судя по милости къ его семейству, наконецъ, судя по отзывамъ Государя и отношеніямъ къ близкимъ ему лицамъ, напримѣръ, къ Цейеру и г-жѣ Крамеръ.

На этомъ основаніи Сперанскій старался казаться совершенно спокойнымъ, чтобъ тѣмъ подтвердить свою невинность, являлся на оффиціальныхъ представленіяхъ, у мѣстныхъ властей, на публичныхъ сходбищахъ, прогуливался въ городѣ и за городомъ, выражалъ свои мнѣнія и велъ себя безпечно, какъ человѣкъ свободный отъ всѣхъ опасеній.

---

[42]) Не умолчалъ, а указалъ безъ наименованія лицъ.

[43]) Юрія Никитича. П. Б.

[44]) Спрашивается, для чего нужна была такая поспѣшность?

[45]) Де-Сангленъ замѣчаетъ, что благодарность относилась къ портфелямъ, которые допущено было увезть.

Чтобъ укротить своихъ непріятелей и быть забыту ими, какъ сошедшему съ политическаго поприща, не могущему имъ мѣшать или вредить, онъ распустилъ слухъ, что хочетъ купить себѣ имѣніе близь Нижняго, и приторговалъ себѣ домъ.

Въ письмахъ, кои были, какъ онъ конечно зналъ, раскрываемы и прочитываемы, онъ также старался распространить мнѣніе о своемъ спокойствіи и преданности ученымъ занятіямъ, воспитанію дочери ипр.

Отъ 10 Апрѣля, напримѣръ, на другой день послѣ пріѣзда тещи съ дочерью, онъ писалъ къ своему повѣренному, Масальскому:

«Мнѣ сказывали, что вы чрезмѣрно печалитесь. Развѣ вы не вѣрите Провидѣнію? Сколько разъ я твердилъ вамъ, что вѣра состоитъ не въ словахъ, а въ дѣлѣ? Вамъ сказали вздоръ, что ко мнѣ и писать уже не можно. Не вѣрьте симъ глупостямъ. Впрочемъ, дѣла и отношенія мои съ вами, такъ какъ и со всѣми, суть таковы, что мы можемъ переписываться даже и черезъ газеты; дружба же моя никого не постыдитъ. Всѣмъ друзьямъ моимъ поклонитесь, и скажите, что никогда не бывалъ я ни такъ здоровъ, ни столько спокоенъ» (II,52).

Можетъ-быть, Сперанскій старался распространить мнѣніе о своей философіи съ особенною цѣлью, о коей мы выше замѣтили.

Впрочемъ, сама дочь его такъ описываетъ первое свое свиданіе:

«Трепеща отъ нетерпѣнія и душевнаго волненія, я не могла дождаться нашего пріѣзда, и когда минута свиданія наступила, то бросилась въ комнату какъ безумная и повисла на шеѣ у батюшки, думая найти и его въ горькомъ отчаяніи. И что же? Онъ былъ точно такъ же спокоенъ, веселъ, свѣтелъ, какъ наканунѣ нашей разлуки, въ Петербургѣ, когда никто изъ насъ и не подозрѣвалъ готовившагося несчастія. По его виду казалось, что это заточеніе только прогулка, простая перемѣна жительства по собственной волѣ. Съ обыкновеннымъ обаяніемъ своего ума и прекрасной души, изгнанникъ-опальный уже успѣлъ, въ такое короткое время, совершенно привлечь и покорить себѣ хозяевъ того дома, въ которомъ жилъ» (II,51).

Для отстраненія слуховъ объ его богатствѣ, дошедшихъ даже и до привязаннаго къ нему Кочубея, онъ выставилъ свои нужды,—просилъ о выдачѣ слѣдующаго ему жалованья.

Бѣдный, онъ бился, какъ рыба объ ледъ; легковѣрный, онъ надѣялся, что выпутается изъ силковъ, захватившихъ его такъ нечаянно.

Нѣтъ, ты затянутъ ими такъ, что уже не освободиться тебѣ долго, если не никогда.

Надъ Сперанскимъ былъ учрежденъ надзоръ, и какъ читали его и къ нему письма, такъ и слѣдили за всѣми его движеніями. Первое предписаніе можетъ-быть было пустою формальностію, ибо какого заговора или опаснаго дѣйствія можно было въ тогдашнихъ обстоятельствахъ ожидать въ Нижнемъ отъ Сперанскаго?

Но при извѣстномъ настроеніи, съ извѣстной точки зрѣнія, малѣйшее слово или движеніе принимаютъ у людей особый смыслъ; пустая, ничтожная вещь увеличивается до колоссальныхъ размѣровъ, и доставляетъ обильную пищу возбужденному подозрѣнію, тѣмъ болѣе, что было много охотниковъ, желавшихъ въ его обвиненіи находить поводъ для своего оправданія.

Сперанскій любилъ ходить въ народѣ, и заглядывалъ иногда даже въ трактиры, кабаки, для наблюденія нравовъ и обычаевъ простолюдиновъ.—Нѣтъ, онъ ищетъ средства взбунтовать народъ (II,57)!

Сперанскій вымѣниваетъ золотыя и серебренныя деньги на приданое своей дочери,

изъ опасенія, что ассигнаціи могутъ упасть въ цѣнѣ.—Онъ хочетъ, видно, бѣжать, или заготовляетъ на случай (II,63).

Сперанскій на завтракѣ у архіерея говоритъ безъ всякаго умысла, что Наполеонъ оказывалъ вездѣ пощаду духовенству. — Стало быть, онъ старается привлечь духовенство на сторону Наполеона.

Между тѣмъ началась война. Наполеонъ вторгнулся въ Россію съ полумилліономъ войска. Полилась кровь, запылали города и села. Наполеонъ шелъ, не останавливаясь, къ Москвѣ.

Ростопчинъ, старый врагъ Сперанскаго, одно изъ главныхъ дѣйствовавшихъ лицъ въ противной партіи, пишетъ къ Государю письмо о козняхъ Сперанскаго и его приверженцевъ, Столыпина и Злобина.

Въ умѣ, въ любви къ отечеству, въ готовности ко всякимъ пожертвованіямъ Растопчина нѣтъ никакого сомнѣнія, а между тѣмъ, вотъ до какой пошлости могъ онъ дойти! Будемъ снисходительны и осторожны въ сужденіяхъ о такихъ людяхъ.

Послѣдній Нижегородскій доносъ показался столь важнымъ самому И. Александру, что онъ написалъ вышеприведенное нами письмо графу Толстому и велѣлъ отправить Сперанскаго далѣе въ Пермь.

Въ день своего отправленія изъ Нижняго, 15 Сентября, Сперанскій встрѣтился съ Карамзинымъ, въ первый разъ отъ роду, на поздравленіи у графа Толстаго, къ коему великіе Русскіе люди, оба, считали нужнымъ явиться въ день царскаго тезоименитства!

Когда Сперанскому вечеромъ было объявлено дальнѣйшее слѣдованіе, онъ, по свидѣтельству барона Корфа (стр. 68), сказалъ: «я ожидалъ этого».

Нѣтъ ли здѣсь ошибки? Почему было ему ожидать бóльшаго наказанія? Не пропущена ли здѣсь частица *не?*

Отъѣзжая подъ карауломъ, Сперанскій пишетъ еще письмо къ Государю.

Отъ все еще надѣется на письма, на кои никто уже не обращаетъ вниманія: Толстой удержалъ письмо при себѣ. А Сперанскій просилъ еще кланяться графу Толстому, и писалъ къ нему самому, чтобъ онъ сохранилъ о немъ доброе мнѣніе, для него очень дорогое!

Нѣтъ, его дѣло, видно, считалось порѣшеннымъ и сданнымъ въ архивъ; объ немъ никто не хотѣлъ уже думать, несмотря на всѣ его поиски и старанія и униженія. Онъ приписывалъ новое распоряженіе (не подозрѣвая Высочайшихъ собственноручныхъ повелѣній и ихъ поводовъ) своимъ врагамъ, которые хотѣли доканать его, удалить его еще далѣе и положить болѣе преграды къ возвращенію; но оно, безъ ихъ усилій, было, видно, опредѣлено выше, и на подчиненныя лица нисходило вліяніе сверху.

Въ Перми онъ это почувствовалъ живѣе, нежели въ послѣднее время въ Нижнемъ. Если онъ пріѣхалъ туда съ новою раною въ сердцѣ, чувствуя, что враги, не смотря на его старанія, не забыли его, то пріемъ Пермскихъ жителей поразилъ его еще болѣе. На визиты его городскимъ властямъ никто не отвѣчалъ, и едва ли кто принялъ его. На улицахъ, посреди прогулокъ, онъ слышалъ себѣ клики: измѣнникъ! Въ церкви, за обѣдней, въ день Покрова Богоматери, заходили впередъ смотрѣть ему въ глаза съ презрѣніемъ. Самъ архіерей счелъ за нужное метать на него грозные взоры. Сперанскій все выдержалъ и послѣ обѣдни явился обѣдать по обыкновенію къ архіерею, который тотчасъ отправился къ губернатору

оправдаться въ пріемѣ такого гостя. На вторые визиты, которые отсовѣтовалъ ему самъ хозяинъ, купецъ его Поповъ, не послѣдовало также никакого отвѣта. Французскіе плѣнники не принимали отъ него милостыни, какъ отъ измѣнника. Крестьяне на родинѣ Сперанскаго хотѣли разметать домъ его зятя.

Можно ли быть унижену болѣе? И Сперанскій все переносилъ! Какая сила души потребна была для перенесенія такихъ нравственныхъ страданій, и за что?

Надо удивляться, какъ Сперанскій, при такихъ оскорбленіяхъ и огорченіяхъ, не упалъ духомъ и выдержалъ ужасное испытаніе.

Въ Перми, по стеченію обстоятельствъ, онъ узналъ даже нужду, занималъ у своихъ людей, закладывалъ цѣнныя вещи (II,81). Онъ написалъ еще письмо къ графу Толстому и другое къ Государю, въ которомъ просилъ о жалованьѣ. Напрасно онъ просилъ Толстаго:

«Сибирь — есть земной рай въ сравненіи съ Пермью... Зная ваше благородное чувство, не могу себѣ представить, чтобъ вы согласились когда-нибудь вѣрить сплетнямъ враговъ моихъ. Нелѣность ихъ слишкомъ ощутительна, а впрочемъ сама собою откроется, когда только удостоятъ вопросить меня».

И это письмо не было отправлено. Видя безуспѣшность своихъ попытокъ чрезъ графа Толстаго, Сперанскій обратился къ Балашеву и послалъ къ нему письмо для представленія Государю, гдѣ просилъ объ избавленіи отъ унизительнаго присмотра и о выдачѣ жалованья.

Нельзя безъ внутренняго волненія слушать вопли измученной души:

«Умилосердитесь, Государь; не предайте меня на поруганіе всякаго, кто захочетъ изъ положенія моего сдѣлать себѣ выслугу, пятная и уродуя меня по своему произволу. Никогда, среди самыхъ тяжкихъ напастей, не колебался я вѣрить, что состою еще въ точной и великодушной вашей защитѣ».

Въ письмѣ къ Балашеву онъ напоминаетъ о своемъ жалованьѣ, о чемъ просилъ графа Толстаго.

Послѣдняя просьба тотчасъ была удовлетворена. Сперанскій получилъ все слѣдовавшее ему жалованье (что̀ составило значительную сумму) и вмѣстѣ извѣстіе, что мѣстному начальству предписано, чтобъ «Высочайшая воля вполнѣ и не далѣе предѣловъ, ею означенныхъ, была исполняема» (стр. 85).

Сперанскій благодарилъ Балашева:

«Оставленный всѣми, заточенный въ самомъ несносномъ жилищѣ, я имѣлъ величайшую нужду въ семъ утѣшеніи. Богъ воздастъ вамъ за него, а я не въ силахъ. Довершите ваше одолженіе, повергнувъ въ удобное время всеподданнѣйшую благодарность мою Государю Императору. Всякій знакъ вниманія къ судьбѣ моей для меня всегда будетъ драгоцѣненъ» (стр. 86).

Замѣтимъ это дѣйствіе Балашева; еслибы Сперанскій подозрѣвалъ его въ главной причинѣ своей ссылки, то какъ бы могъ онъ, кажется, говорить ему такимъ языкомъ?

Обхожденіе въ Перми измѣнилось: начальники и жители начали являться и приглашать къ себѣ съ знаками совершеннаго почтенія и доброжелательства. Сперанскій отдохнулъ. Ступивъ одинъ счастливый шагъ, не остановился на немъ, приступилъ обнадѣясь немедленно къ дальнѣйшему движенію впередъ, и съ безпримѣрною настойчивостію началъ безпрестанно подвигаться. Образъ дѣйствій Сперанскаго можно уподобить искусной шахматной игрѣ, въ коей игрокъ опытный умѣетъ воспользоваться всякимъ выгоднымъ обстоятельствомъ.

Увидѣвъ въ благосклонномъ исполненіи своей просьбы возвращеніе царской милости, онъ рѣшился обратиться къ Государю съ подробнымъ объяснительнымъ и оправдательнымъ письмомъ.

Вся трудность задачи состояла въ томъ, какъ довести до рукъ Государя, мимо бдительныхъ враговъ, письмо, которое могло открыть ему дорогу въ Петербургъ. Сперанскій рѣшился разстаться съ единственнымъ своимъ утѣшеніемъ, любимою дочерью, и поручилъ ей отвезти письмо. Она отправилась вмѣстѣ съ своей бабушкою въ Петербургъ искать благопріятнаго случая.

Сперанскій возложилъ надежды на письмо это, въ которомъ изложены подробно всѣ обвиненія, сколько ему случилось услышать отъ самого Государя и сообразить по послѣдовавшимъ обстоятельствамъ, тѣмъ болѣе, что война обратилась въ нашу пользу, опасности миновались, враги со стыдомъ бѣжали изъ предѣловъ отечества, устилая путь своими костями.

Мы имѣли уже случай говорить объ этомъ примѣчательномъ письмѣ.

Заключеніе его очень трогательно:

«Въ награду всѣхъ горестей мною претерпѣнныхъ, въ возмездіе всѣхъ тяжкихъ трудовъ, въ угожденіе Вашему Величеству, къ славѣ Вашей и къ благу государства подъятыхъ; въ признаніе чистоты и непорочности всего поведенія моего въ службѣ, и наконецъ, въ воспоминаніе тѣхъ милостивыхъ и лестныхъ мнѣ частныхъ сношеній, въ коихъ одинъ Богъ былъ и будетъ свидѣтелемъ между вами и мною,— прошу единой милости: дозволить мнѣ, съ семействомъ моимъ, въ маленькой моей деревнѣ, провести остатокъ жизни, по истинѣ одними трудами и горестями преизобильной. Если въ семъ уединеніи угодно будетъ поручить мнѣ окончить какую либо часть публичныхъ законовъ, разумѣя гражданскую, уголовную, или судебную, я приму сіе личное отъ Вашего Величества порученіе съ радостію и исполню его безъ всякой помощи, съ усердіемъ, не ища другой награды, какъ только *свободы* и *забвенія*. Богъ, общій Отецъ и Судія государей и ихъ подданныхъ, да благословитъ благія намѣренія Вашего Величества на пользу государства, да ниспошлетъ Вамъ исполнителей кроткихъ безъ малодушія и усердныхъ безъ властолюбія. Сіе будетъ навсегда предметомъ желаній человѣка, коего многіе въ службѣ могутъ быть счастливѣе, но никто не можетъ быть лично Вамъ преданнѣе».

Скажемъ смѣло: только совершенное убѣжденіе въ своей невинности можетъ сообщить рѣчи такую силу и твердость. Могъ ли бы Сперанскій изъ ссылки говорить въ глаза И. Александру такія вещи, еслибъ зналъ, что Государь имѣетъ другія свѣдѣнія, и можетъ его опровергнуть, имѣетъ право ему не повѣрить? Могъ ли бы онъ надѣяться на благосклонное вниманіе къ своей просьбѣ?

Замѣтимъ желаніе Сперанскаго, въ заключеніе, имѣть Государю исполнителей кроткихъ безъ малодушія и усердныхъ безъ властолюбія.

Сперанскій этими словами, кажется, сознавался, (если это не есть легкая иронія) что желаемыхъ добродѣтелей ему не доставало, или, по крайней мѣрѣ, не приписывалось.

Онъ былъ увѣренъ въ дѣйствіи своего письма, и чрезъ полгода, 6 Августа, такъ заключалъ длинное письмо къ Словцову:

«Скажу вамъ нѣсколько словъ о житейскомъ моемъ положеніи. Я живу здѣсь изряднехонько, т. е. весьма уединенно и спокойно. Возвратиться на службу не имѣю ни большой надежды, ни желанія, но желаю и надѣюсь зимою переселиться въ маленькую мою Новгородскую деревню, гдѣ теперь живутъ моя дочь и семейство, и тамъ умереть, если только дадутъ умереть спокойно».

Письмо Сперанскаго къ Государю осталось безъ отвѣта.

Читатели! Посудите, чего стоили эти тщетныя ожиданія, эти несбывшіяся надежды?

Прошли полтора года.

Окончаніемъ войны и славнымъ заключеніемъ мира Сперанскій воспользовался, чтобы опять просить Государя о позволеніи жить въ своей Новгородской деревнѣ.

Поздравляя Государя (9 Іюля 1814 года) съ этимъ блистательнымъ событіемъ, онъ заключаетъ: «Удаленіе мое отъ лица Вашего и бѣдствія, меня постигшія, да не умалятъ въ очахъ Вашихъ цѣну сихъ желаній. Никакое положеніе не лишитъ меня права быть Вамъ приверженнымъ. Среди всеобщей радости не оскорбитесь, Всемилостивѣйшій Государь, склонить вниманіе Ваше на горестную судьбу мою. Тому полтора года, какъ, бывъ принужденъ разстаться здѣсь съ моею дочерью, вручилъ я ей письмо, для поднесенія Вашему Величеству при первомъ вѣрномъ и удобномъ случаѣ. Не знаю еще, дошло ли оно до рукъ Вашихъ. Содержаніе его, съ перемѣною обстоятельствъ, не во многомъ измѣнилось. Я просилъ въ немъ единой милости: дозволенія сокрыть остатокъ скорбныхъ дней моихъ въ маленькой деревнѣ близь Новгорода, дочери моей по наслѣдству доставшейся. Сей самой милости и теперь испрашиваю, въ твердомъ уповаціи на правосудіе и милосердіе Ваше».

Съ минованіемъ войны, говоритъ онъ, отпало и главное побужденіе опалы, или то, что было взято поводомъ къ ней.

«Первое движеніе Государя, всегда мнѣ благотворное», писалъ впослѣдствіи Сперанскій къ Кочубею, «успѣли перемѣнить. Первое движеніе, мнѣ съ достовѣрностію тогда означенное, было вызвать меня въ Петербургъ, второе проводить за присмотромъ въ деревню» (стр. 92).

Авторъ говоритъ, что обстоятельства точно были теперь иныя. Нѣкоторые изъ прежнихъ дѣятелей уже умерли [46]). Другіе не находились болѣе при Александрѣ.

Однакоже удовлетвореніе послѣдовало далеко недостаточное. Кто же дѣйствовалъ теперь на Государя?

Въ опредѣленіи было сказано, что всемилостивѣйшее соизволеніе «дается въ полной удостовѣрности, что скромное житье его не подастъ повода къ какимъ-либо въ отмѣну сего мѣрамъ».

На Великополье, говоритъ баронъ, правительство смотрѣло какъ на продолженіе Нижняго и Перми.

Мы видимъ, что Александръ, самъ по себѣ, или вслѣдствіе навѣтовъ, не склонился нимало къ своему секретарю, и, не смотря на краснорѣчивыя его защиты, оставилъ его въ удаленіи.

Искусному игроку правителемъ игры уступалось также только по одному шагу.

Присмотръ продолженъ для того ли только, чтобъ сохранить наружность, чтобы оправдать первоначальное наказаніе, хотя и несправедливое. Какихъ опасныхъ дѣйствій можно было ожидать въ Новгородской глуши, особенно послѣ того, какъ самъ Наполеонъ въ главѣ своей арміи былъ низверженъ и сосланъ на островъ Эльбу, а потомъ и на Св. Елену?

«Распорядитесь», писалъ управляющій министерствомъ полиціи графъ Вязмитиновъ, къ начальнику Новгородской губерніи, чтобы безъ всякой огласки извѣстно вамъ было объ его образѣ жизни и о знакомствахъ, о чемъ и мнѣ отъ времени до времени давайте знать».

Сперанскій прожилъ въ Великопольѣ два года.

Сначала онъ желалъ только забвенія,

---

[46]) Армфельдъ умеръ въ Царскомъ Селѣ въ 1814 году.

котораго просилъ въ письмѣ къ Государю. Декабря 3-го 1814 г. пишетъ онъ къ Масальскому: «Для меня вся сила въ томъ, чтобъ забыли о бытии моемъ на свѣтѣ».

Внутренній червь усыпился, но не на долго.

Сперанскій много занимался, принялся было за сельское хозяйство, однако вскорѣ оставилъ его. Часть времени онъ посвящалъ дочери, которой преподавалъ все, а другую—любезному дитяти, дочери г-жи Вейкартъ. Много времени отдано на изученіе Англійскаго языка и потомъ Еврейскаго. Въ Великопольѣ написалъ онъ много сочиненій о разныхъ предметахъ философическихъ, богословскихъ, юридическихъ [47]). Наконецъ онъ занимался тамъ много патристикою, и началъ дѣлать извлеченія изъ сочиненій святыхъ отцевъ, найденныхъ имъ въ сосѣдней библіотекѣ монастыря Саввы Вишерскаго.

Эти занятія согласовались и съ воспитаніемъ и расположеніемъ душевнымъ Сперанскаго, равно и съ прежними занятіями; однако нельзя не замѣтить здѣсь совпаденія съ господствовавшею модою того времени. Вспомнимъ, что Государь и князь Голицынъ въ это именно время были самые жаркіе ревнители мистическаго направленія. Князя Голицына Сперанскій не оставилъ тотчасъ и увѣдомить о приготовленныхъ имъ трудахъ по сей части (отъ 19 Января 1817 г.).

Слѣдующее мѣсто изъ письма къ Цейеру доказываетъ знакомство Сперанскаго съ завѣтнымъ преданіемъ мистицизма.

47) Гдѣ онѣ? Полное изданіе ихъ должны считаться священною обязанностію для того, кто можетъ это сдѣлать, не только въ знакъ почтенія къ памяти Сперанскаго; но и къ славѣ Русской науки, Русской исторіи. М. П.

Прибавимъ: и языка Русскаго. П. Б.

«Разговоръ, заведенный мною на дняхъ съ отцемъ Петромъ (заступившимъ мѣсто настоятеля въ обители св. Саввы Вишерскаго), вразумилъ меня, что они вовсе не чужды высшимъ степенямъ созерцательной молитвы. Гдѣ почерпнули они эту тайну? Такъ-то справедливо, что безпритязательное простосердечіе идетъ исполинскими шагами, даже и по пути знаній. Часто, пресмыкаясь по землѣ, оно головою касается неба» (стр. 103).

Уроки дочери, изученіе языковъ, наука, монастырь, святые отцы, а червь внутренній проснулся и поднялъ голову.

Спокойствія и забвенія оказалось недостаточно. Явились новыя потребности, столько же настоятельныя и убѣдительныя, какъ и Пермскія.

Авторъ прекрасно изображаетъ здѣсь состояніе души Сперанскаго, и мы не беремся передавать его своими словами.

«При всемъ, однакоже, христіанскомъ смиреніи и упованіи, при всемъ наружномъ спокойствіи, истинный покой въ существѣ, далеко былъ отъ сердца опальнаго. Чѣмъ далѣе подвигалось впередъ время, тѣмъ болѣе его терзали продолжавшіяся подозрѣнія публики, какъ бы оправдываемыя долговременностію самой ссылки; терзало вѣроятно, отсутствіе государственной дѣятельности послѣ прежняго огромнаго поприща; терзали наконецъ и помыслы честолюбія, которые горѣли въ немъ неугасимо, несмотря на всю безъисходность изгнанія. И напрасно дочь, въ своихъ воспоминаніяхъ, говоритъ, что въ жизни съ нею и для нея отецъ находилъ свое блаженство и не искалъ, не надѣялся, не желалъ никакой перемѣны. Молодая дѣвушка не могла отгадать тайныхъ его думъ и влеченій. Доказательство ошибочности ея взгляда мы находимъ въ письмахъ» (стр. 105).

Что же дѣлать Сперанскому? Какія пріискать новыя средства?

Относиться къ Государю еще послѣ просьбы, въ коей онъ желалъ только спо-

койствія и забвенія и получа ихъ, было неудобно и ненадежно. Сперанскій увидѣлъ, хотя и жилъ въ деревнѣ, что власть теперь находится въ рукахъ у Аракчеева, и что мимо его нельзя надѣяться ни на какой успѣхъ.

Вотъ кому надо поклониться!

Но чѣмъ тронуть металлическое сердце этого грознаго и всемогущаго нелюдима? Чѣмъ подвигнуть его къ милости? Можетъ-быть Сперанскій сознавалъ, что въ другое время онъ подавалъ поводъ къ его неудовольствіямъ, ревности, зависти, оскорблялъ его гордость и самолюбіе.

Каково же было для Сперанскаго поклониться Аракчееву!

Мудрено было и надѣяться на успѣхъ. Долго, должно быть, обдумывалъ Сперанскій свое письмо къ нему, стоя за всенощной въ тихой обители св. Саввы, прогуливаясь по берегамъ Волхова, не давая замѣтить дочери, какія размышленія занимали его умъ, останавливаясь можетъ-быть вдругъ, среди ея уроковъ, ей даваемыхъ.

Наконецъ, онъ обдумалъ и написалъ свое письмо къ Аракчееву (въ Іюлѣ 1816 г.) образецъ ясности, точности, краткости, убѣдительности, силы; письмо смиренное, но съ сохраненіемъ достоинства, и, главное, съ твердымъ сознаніемъ своей невинности.

Въ письмѣ выставлены достоинства Аракчеева, которыя, не нарушая справедливости, можно было ему приписывать, для пріобрѣтенія его благосклонности: преданность и любовь въ справедливости; искусно подведены основанія, представлены причины, указаны средства исполнить желаніе съ соблюденіемъ всѣхъ государственныхъ приличій.

Письмо было убѣдительно, и тому лучшее доказательство въ томъ, что самъ Аракчеевъ умилился, подался и исполнилъ желаніе Сперанскаго. Письмо попало въ цѣль, пробило грудь, тройною мѣдью покровенную. Вотъ тема:

Вы справедливы, вы преданы Государю ближе всѣхъ: разсудите же, за что̀ я терплю. Дайте мнѣ средства оправдаться, очистить себя въ общественномъ мнѣніи, чтобъ не умереть съ именемъ измѣнника. Примите меня на службу, или дайте мнѣ судъ.

Замѣчено выше, что Пермское письмо не могло быть писано человѣкомъ, сознающимъ за собою какую-нибудь вину. Еще болѣе это должно сказать о Великопольскомъ письмѣ, и къ кому? Къ Аракчееву, который все зналъ, былъ расположенъ болѣе принимать все въ худую сторону, чѣмъ въ хорошую, не любилъ Сперанскаго. Его мудрено было обмануть, провести, переувѣрить. Видно, точно Сперанскій былъ невиненъ.

Аракчееву лестно было увидѣть страшнаго соперника, умнѣйшаго человѣка въ государствѣ, признающаго его силу и смиренно умоляющаго о помилованіи! Пріятно было доказать, что онъ точно можетъ поднять его, и онъ поднялъ! Спасибо и за то!

Отвѣта Аракчеева не сохранилось, но мы знаемъ несомнѣнно, что самъ Сперанскій былъ вскорѣ въ Грузинѣ, вѣроятно по приглашенію новаго своего благодѣтеля (между письмомъ къ нему въ Іюлѣ и между пребываніемъ Александра въ Грузинѣ въ Августѣ).

Свиданіе Сперанскаго съ Аракчеевымъ достойно кисти Шекспира.

Еслибъ Шекспиръ представилъ, что Сперанскій упалъ къ нему въ ноги, то я этому не долженъ бы былъ удивляться нисколько, какъ не удивительно мнѣ явле-

ніе Сперанскаго въ щегольскомъ нарядѣ передъ Обольяниновымъ, и письмо о занятіи мистическими писателями и святыми отцами, къ князю Голицыну [48]).

Письмо къ Государю, также образцовое по своей логикѣ, силѣ, скромности, умѣренности, мы не беремся передавать своими словами. Вотъ оно:

«При удаленіи меня отъ лица Вашего, Ваше Императорское Величество соизволили мнѣ сказать, что, во всякомъ другомъ положеніи дѣлъ, менѣе затруднительномъ, Ваше Величество употребили бы много времени и способовъ на подробное разсмотрѣніе моего поведенія и свѣдѣній, до васъ дошедшихъ».

«Съ того времени доселѣ, пятый годъ находясь подъ гнѣвомъ Вашего Величества, я не переставалъ однакоже надѣяться разрѣшенія судьбы моей».

«Время, вмѣсто смягченія моихъ обстоятельствъ, ожесточаетъ мое положеніе; оно усиливаетъ вѣроятность вмѣняемыхъ мнѣ преступленій, ослабляетъ способы къ моему оправданію, стираетъ слѣды, по коимъ можно бы еще было дойти до истины, утверждаетъ, самою продолжительностію, общее о винѣ моей мнѣніе и вдали, въ концѣ жизни, трудами, бѣдствіями и посрамленіемъ исполненной, указуетъ безчестный гробъ».

«Именемъ правосудія и милости, кои одни доставляютъ государямъ славу прочную и благословеніе небесное, именемъ ихъ умоляю Ваше Величество обратить на судьбу мою Всемилостивѣйшее Ваше вниманіе и рѣшить ее такъ, какъ Богъ Вамъ въ сердце вложитъ» (стр. 106).

Замѣтимъ еще одну прекрасную черту. Сперанскій не забылъ о товарищѣ своего изгнанія Магницкомъ, и написалъ въ письмѣ къ Аракчееву: «Осмѣливаюсь присовокупить еще одно обстоятельство: я не знаю, и точно не знаю, въ какой степени и въ чемъ именно судьба моя связана съ Магницкимъ; но если сіе въ обстоятельствахъ дѣла существуетъ, то ваше сіятельство легко себѣ представить можете, что не могу и не долженъ я ничего желать для себя, не желая и не прося равнаго для него» (стр. 110).

Государь пріѣхалъ вскорѣ въ Грузино и оттуда вмѣстѣ съ Аракчеевымъ отправился въ Москву. Тамъ, Августа 30-го, состоялся Высочайшій указъ о назначеніи Сперанскаго губернаторомъ въ Пензу, а Магницкаго вице-губернаторомъ въ Воронежъ.

«Предъ начатіемъ войны въ 1812 году, при самомъ отправленіи моемъ къ арміи, доведены были до свѣдѣнія моего обстоятельства, важность коихъ принудила меня удалить отъ службы тайнаго совѣтника Сперанскаго и дѣйствительнаго статскаго совѣтника Магницкаго, къ чему во всякое другое время не приступилъ бы я безъ точнаго изслѣдованія, которое въ тогдашнихъ обстоятельствахъ дѣлалось невозможнымъ. По возвращеніи моемъ приступилъ я къ внимательному и строгому разсмотрѣнію поступковъ ихъ, и не нашелъ убѣдительныхъ причинъ къ подозрѣніямъ; потому, желая преподать имъ способъ усердною службою очистить себя въ полной мѣрѣ, всемилостивѣйше повелѣваю» [49]).

За указомъ послѣдовали многія денежныя награжденія; но дано понять, что

[48]) Не душа лжетъ, а мошна, говоритъ Русская пословица, которую можно распространить такъ: не душа лжетъ, а среда. Вотъ его извиненіе, если не оправданіе. Такъ и Карамзинъ долженъ былъ въ мундирѣ ѣхать съ визитомъ къ Аракчееву. Ермоловъ не хотѣлъ сдѣлать лишняго по его мнѣнію шага, не хотѣлъ наклониться (хоть и сгибался въ случаяхъ, менѣе важныхъ), и потерялъ тридцать лѣтъ для полезной службы отечеству, переплетая книги, сыпля остроуміемъ въ утреннихъ и вечернихъ бесѣдахъ и переливая изъ пустаго въ порожнее. Развѣ это лучше? А Ермоловъ пригодился бы и на Кавказѣ, и въ Турціи, и въ Крыму. Сперанскій, поклонившись Аракчееву, получилъ возможность устроить Сибирь, и проч., издать Собраніе законовъ, Сводъ.

[49]) Совершенно согласно съ мнѣніемъ Сперанскаго, указаннымъ въ письмѣ къ Аракчееву

Государю Императору будетъ пріятно, если Сперанскій отправится въ Пензу прямо изъ деревни; то-есть *нельзя* заѣзжать въ Петербургъ.

Сперанскій былъ очень радъ, совершенно доволенъ. Друзьямъ своимъ, которые смотрѣли на дѣло иначе, для успокоенія онъ писалъ: «Для перваго шага это гораздо болѣе, нежели я ожидалъ. Вы увидите, и я имѣю на это доказательства, что все прочее пойдетъ какъ по маслу».

Ахъ нѣтъ, Михаилъ Михайловичъ, напрасно ласкаете вы себя этою надеждою: не пойдетъ все маслу, а развѣ по ухабамъ, по этапамъ, и вы еще долго будете жаловаться. Счастливыя времена ваши уже прошли и не возвратятся больше. Но, слава Богу, что вы можете себя обманывать въ легковѣріи вашего добраго сердца. Вамъ издали показывается исполненіе вашихъ желаній, которое постепенно будетъ отъ васъ отдаляемо, и вы найдете совершенный покой — только въ могилѣ.

Считая свое назначеніе временнымъ и даже непродолжительнымъ, Сперанскій не взялъ съ собою дочери въ Пензу, а отправилъ ее въ Петербургъ, подъ предлогомъ окончанія воспитанія и неизвѣстности, какъ устроится Пензенское хозяйство. Разумѣется, онъ ошибся, и долженъ былъ прослужить два года вѣрою и правдою въ Пензѣ

Въ новой должности, на незнакомомъ почти для себя поприщѣ правителя, въ обстоятельствахъ весьма для себя мудреныхъ, въ отношеніи къ обществу, къ врагамъ и государству, къ вопросамъ отвлеченнымъ и положительнымъ, Сперанскій нашелся, и показалъ тѣже свои великія способности, тотъ же умъ, тоже умѣнье примѣняться къ людямъ и обстоятельствамъ, пользоваться ими для достиженія своихъ цѣлей, туже терпимость, переходившую можетъ-быть за предѣлы, и туже любезность, привлекавшую къ нему подчиненныхъ какъ и въ Петербургѣ, во главѣ управленія. Онъ тотчасъ заслужилъ любовь и уваженіе тѣхъ,которые имѣли до него дѣло.

Щекотливый вопросъ въ то время былъ о крестьянахъ; но счастливый случай предложилъ ему съ самаго начала дѣло, которое онъ могъ рѣшить въ пользу дворянъ, не нарушая справедливости.

Это рѣшеніе обратило общее мнѣніе тотчасъ въ его пользу, чему способствовали и старые друзья его Столыпины.

Вслѣдъ за этимъ рѣшеніемъ, какъ бы для удовлетворенія другой партіи и слѣдуя своимъ собственнымъ убѣжденіямъ, «тотъ же губернаторъ, не долго спустя, доказалъ, что онъ не намѣренъ смотрѣть сквозь пальцы и на тиранство помѣщиковъ. Одинъ изъ нихъ, съ большими связями, засѣкъ своего крестьянина до смерти. Сперанскій безпощадно подвергъ его суду, который имѣлъ послѣдствіемъ ссылку виновнаго въ Сибирь. Тотчасъ же послѣ своего пріѣзда онъ съ такою же строгостью окончилъ дѣло, тянувшееся до тѣхъ поръ лѣтъ десять, объ одной помѣщицѣ, истыкавшей несовершенно-лѣтняго своего двороваго перочиннымъ ножемъ до смерти за то, что не досмотрѣлъ за ея кроликами» (стр. 127).

Замѣтимъ, что все таки въ то время только человѣкъ съ сильнымъ характеромъ и твердымъ убѣжденіемъ могъ постановить подобное, хотя и справедливое, рѣшеніе, или содѣйствовать ему, особенно имѣя за собою такое прошлое и не стоя твердо на своей почвѣ.

Какъ разжалованный въ солдаты, которому открыты были средства для выслуги, принялся онъ за службу со всею рьяностью. Онъ позабылъ, кажется, вовсе чѣмъ былъ;

новый человѣкъ, онъ думалъ только о томъ, какъ наилучше, наипріятнѣе для всѣхъ исполнить свое дѣло, свою должность, первое важное порученіе и не оставлялъ никакой бездѣлицы безъ вниманія.

Прибывъ въ Пензу, онъ тотчасъ объѣхалъ съ визитами всѣ Пензенскія знаменитости и тѣмъ потѣшилъ губернское самолюбіе. Тогда же онъ открылъ свободно доступъ къ себѣ всѣмъ.

Сначала онъ окончательно весь погружался въ исполненіе своей должности, какъ будто знать ничего не хотѣлъ болѣе, и купилъ даже деревню себѣ въ Пензѣ весною 1817 года.

Замѣтимъ значительное слово въ письмѣ къ Цейеру: «Скажите Сергѣю Семеновичу Уварову, что одно изъ величайшихъ моихъ наслажденій было бы къ нему писать; но я долженъ еще нѣкоторое время хранить строгое воздержаніе» (стр. 129). Долго ни къ кому не писалъ онъ ничего.

Но утвердившись на мѣстѣ, получивъ благорасположеніе, убѣдясь внутренно, что дѣла хороши, атмосфера благопріятствуетъ, онъ подвигается еще впередъ, онъ ступаетъ нѣсколько шаговъ, и пишетъ къ Государю поздравительное письмо съ новымъ годомъ.

Баронъ Корфъ прекрасно объяснилъ это письмо:

«Лишь только Сперанскій водворился въ новомъ своемъ мѣстопребываніи, онъ, оставляя въ сторонѣ обыкновенный служебный порядокъ, вошелъ съ Императоромъ Александромъ въ непосредственное, частное сношеніе, уже не какъ проситель, или человѣкъ жалующійся на свою судьбу, но въ такое сношеніе, которымъ явно искалъ показать, что, несмотря на все, случившееся съ 17 Марта 1812 года, слѣды прошедшаго никогда и ничѣмъ не могутъ быть изглажены,—словомъ, что и по низведеніи на степень губернатора, онъ въ собственныхъ своихъ глазахъ остается и въ глазахъ Александра долженъ оставаться тѣмъ же Сперанскимъ, который нѣкогда былъ ежедневнымъ собесѣдникомъ своего Монарха, способствовавшимъ ему преобразовывать Россію и созидать для нея новое бытіе. Первымъ къ тому поводомъ онъ избралъ поздравленіе съ наступленіемъ новаго (1817) года, а темою—дѣла библейскихъ обществъ, которыми, въ то время, много занималось наше правительство».

Замѣтимъ тему: библейскія общества, любимое и модное учрежденіе!

Письма не найдено, но отвѣтъ показываетъ, что, независимо отъ прочихъ отношеній, оно было пріятно.

Замѣтка барона Корфа объ удовольствіи Сперанскаго мастерская.

«Этотъ отвѣтъ, хотя былъ не собственноручный, но, по тону своему, очевидно относился тоже не къ губернатору, а къ *прежнему Сперанскому.* Помѣта 1 Февраля 1817 г. была сдѣлана рукою князя Голицына, въ канцеляріи котораго, безъ сомнѣнія и самый отвѣтъ былъ сочиненъ. Сперанскій чрезвычайно ему обрадовался, и еще болѣе, кажется, обрадовался тому, что вообще впервыя, послѣ событій 1812 года, былъ удостоенъ прямаго отзыва. «На ушко скажу тебѣ», — тотчасъ написалъ онъ дочери, — «что и отъ Государя получилъ я здѣсь, лично къ себѣ, письмо, исполненное самыхъ милостивыхъ выраженій». Замѣчательно, что эту частную переписку онъ почелъ нужнымъ сохранять въ особенной тайнѣ, можетъ-быть для того, чтобъ не пробудить усыпленной зависти, и съ нею новыхъ противъ себя происковъ, а можетъ-быть и по общей чертѣ его характера, всегда чуждаго всякой самолюбивой хвастливости. Въ томъ же его письмѣ къ дочери прибавлено: «симъ ты можешь порадовать одного Андрея Андреевича» (Жерве).

Вѣтеръ подулъ съ другой стороны. Сперанскій чаялъ уже быть близку повороту

солнечному, возвращенію зимы на лѣто; тогоже чаяло и Петербургское общество; но всѣ ошибались, и сношеніе ограничилось одними ласковыми выраженіями.

По крайней мѣрѣ такое чаяніе сдѣлалось причиною многихъ возобновленныхъ связей; нѣкоторые сильнѣйшіе вельможи постарались сойтись съ Сперанскимъ заблаговременно и обращались къ нему за совѣтами. Онъ очень умно поставилъ себѣ задачей показывать всѣмъ, что старое позабыто, что зла не осталось у него на сердцѣ. Ему хотѣлось приготовить себѣ въ Петербургѣ если не доброжелателей, то хоть не противниковъ его возвращенія, очищать себѣ путь, стараясь ослабить силу сопротивленія, «усыпить своихъ враговъ», какъ о томъ выражается баронъ Корфъ,—и онъ пользовался всякимъ случаемъ сказать пріятное кому бы то ни было. Сперанскій переступалъ здѣсь можетъ-быть границы позволительнаго смиренія и унижался иногда (скажемъ откровенно) даже до грубой лести.

Изъ этихъ писемъ ясно видно, что дочь его (равно какъ и самъ онъ прежде) ошибалась, писавъ къ своимъ друзьямъ, что отецъ не желаетъ никакихъ перемѣнъ. Нѣтъ, внутри горѣла прежняя жажда дѣятельности, и всѣ его дѣйствія, даже безотчетныя, клонились къ этой цѣли. Чрезъ годъ новое поздравленіе съ праздникомъ Рождества Христова, и немедленно отвѣтъ, также милостивый. По ходатайству министра финансовъ Гурьева, пожаловано пять тысячъ десятинъ земли въ Саратовской губерніи.

Удостовѣрясь, что горизонтъ предъ нимъ прочищается, онъ пошелъ смѣлѣе впередъ, началъ предъявлять новыя требованія, подобно игроку, выигравшему ходъ и тотчасъ замышляющему новое движеніе.

Тонъ его писемъ постепенно вообще возвышается. Прежде онъ говорилъ: «въ какомъ бы званіи или степени гражданскаго порядка, въ столицѣ ли, или въ отдаленіи, гдѣ бы и какъ бы ни было угодно Государю Императору употребить меня, я смѣю принять на себя строгую обязанность» (стр. 109); а теперь онъ уже недоволенъ Пензенскимъ губернаторствомъ и для окончанія очистительной своей службы, проситъ сенаторства. Въ письмѣ къ министру полиціи Вязмитинову Сперанскій пишетъ (1818 г., Сент. 21)... «Я просилъ суда и рѣшенія. Всѣ опасности сего поступка я принималъ на свой страхъ, а непріятелямъ своимъ предоставлялъ всѣ способы поправить ошибку самымъ благовиднымъ образомъ. На случай одной крайности, присовокуплялъ и другое средство—службу. Изъ двухъ, однакожъ, именно выбрали худшее, и меня, ни оправданнаго, ни обвиненнаго, послали оправдываться и вмѣстѣ управлять правыми... Обращаясь лично къ себѣ, я прошу и желаю одной милости, а именно, чтобъ сдѣлали меня сенаторомъ, и потомъ дали бы, въ общемъ обыкновенномъ порядкѣ, чистую отставку. Послѣ сего, я побывалъ бы на мѣсяцъ или на два въ Петербургѣ единственно для того, чтобъ заявить, что я болѣе не ссыльный и что изгнаніе мое кончилось. Въ постепенномъ приближеніи къ сей единственной, неподвижной цѣли, которую одну я буду преслѣдовать не только постоянно, но даже съ несвойственнымъ мнѣ упрямствомъ, я буду всегда полагать мою надежду на сильное ваше содѣйствіе, по мѣрѣ случаевъ и возможности, кои представиться къ тому могутъ».

Сперанскій хлопочетъ о томъ еще чрезъ Нессельрода, Аракчеева, Кочубея.

Кочубей отвѣчаетъ: «напишите-ка ваше мнѣніе объ учрежденіи губерній, и при этомъ случаѣ можно будетъ», и пр.

И неутомимый Сперанскій принимается сочинять новое учрежденіе губернскаго устройства.

Нессельродъ отвѣчаетъ, что ему неловко было выразить его желаніе, потому что Государь предупредилъ намѣреніемъ расширить кругъ дѣйствій Сперанскаго.

Отвѣта на просьбу нѣтъ, и Сперанскій, вышедъ изъ терпѣнія, проситъ себѣ отпуска. А еще прежде Кочубей ему замѣчалъ: «*трудно взять на себя увидѣть васъ*».

Просьбу объ отпускѣ самъ считаетъ онъ большимъ своимъ шагомъ.

...«Одно можетъ послужить предлогомъ къ отказу: назначеніе меня въ областные начальники, какъ по слухамъ предполагается. Иначе могутъ протянуть, но отказать, кажется, не могутъ. Впрочемъ, рѣшась одинъ разъ, я буду просить сто разъ неотступно». И въ самомъ дѣлѣ, спустя мѣсяцъ, онъ опять писалъ дочери:

«Отказа еще по сіе время нѣтъ, развѣ принять отказомъ молчаніе. Я дѣлаю еще усиліе. Пишу къ гр. Аракчееву: ибо, по разнымъ соображеніямъ, предполагаю, что тутъ болѣе желаютъ отложить, нежели отказать. Если только отложить, то лѣто, или зима, большой разности для меня не будетъ. Но если рѣшительный отказъ, тогда, по нѣкоторомъ соображеніи и конечно не позже какъ въ теченіи лѣта, и я рѣшительный же сдѣлаю шагъ».

Государь и Аракчеевъ увидѣли, что далѣе отлагать нельзя, а исполнить имъ этого не хотѣлось, и вотъ они придумали новый почетный отказъ и приказъ.

Аракчеевъ написалъ:

«Настаивать у Государя объ отпускѣ вашемъ въ то самое время, когда Его Величеству угодно было *удостоить васъ новою довѣренностію и дать вамъ препорученіе столь важное для пользы государства*, мнѣ показалось неприличнымъ. Если хотите принять отъ меня искренній совѣтъ, то, по лучшему моему разумѣнію, я полагаю необходимымъ вамъ сообразоваться въ точности съ волею Государя Императора. Исполнивъ оную, я увѣренъ, что Его Величество будетъ умѣть цѣнить новую заслугу, вами Ему оказанную».

Сперанскому хочется въ Петербургъ. Нѣтъ, Михаилъ Михайловичъ вы слишкомъ быстры; не угодно ли прогуляться по Сибири! Аракчеевъ въ этомъ письмѣ помѣщаетъ слѣдующія примѣчательныя слова:

«Я васъ любилъ душевно тогда, какъ вы были велики и какъ вы не смотрѣли на нашего брата; любилъ васъ и тогда, когда...вы страдали; протестовалъ противъ онаго по крайнему своему разумѣнію... радовался о концѣ сего непріятнаго для васъ дѣла, и буду не только радоваться, но и желать вашего возвышенія на степень высшую прежней».

Замѣтимъ, что этими словами ясно еще доказывается совершенная невинность Сперанскаго: иначе Аракчеевъ не написалъ бы ему ни за что на свѣтѣ ничего подобнаго.

«На письмо ваше отъ 11 Марта, прилагаю мой формальный отвѣтъ, и въ душѣ своей я съ онымъ соглашаюсь, бывъ увѣренъ, что дѣйствіе ваше, согласно съ онымъ, *много будетъ служить къ вашему* въ мірѣ семъ возвышенію. Желаніе мое въ ономъ, по слабости человѣческой, заключается въ слѣдующемъ. Становясь старъ и слабъ здоровьемъ, я долженъ буду очень скоро основать свое всегдашнее пребываніе въ своемъ Грузинскомъ монастырѣ, *откуда буду утѣшаться, какъ истинно Русскій, Новогородскій неученый дворянинъ, что дѣла государственныя находятся у умнаго человѣка, опытнаго какъ по дѣламъ государственнымъ, такъ болѣе еще по дѣламъ суетъ міра сего*, и въ случаѣ обыкновеннаго, по несчастію существующаго у насъ въ отечествѣ, обыкновенія безпокоить удалившихся отъ дѣлъ людей, *въ необходимомъ только случаѣ смѣю отнестись и къ вамъ* милостивому государю». Баронъ Корфъ думаетъ, что Аракчеевъ хотѣлъ потѣшиться надъ Сперанскимъ. Я думаю болѣе: Аракчеевъ разсердился за его неотступность, и напомнилъ ему, что только въ важныхъ случаяхъ можно-де относиться ко мнѣ. Потому и отклонилъ онъ также отъ себя переписку съ Сперанскимъ по Сибирскимъ дѣ-

ламъ, указавъ ему путь чрезъ князя Голицына.

Какое же было важное порученіе, которое должно было служить къ возвышенію въ мірѣ семъ «на степень высшую прежней?»

Сперанскій былъ назначенъ генералъ-губернаторомъ въ Сибирь.

Обревизовать и устроить Сибирь,—вѣдь это въ родѣ тѣхъ задачъ, неисполнимыхъ по своей трудности, кои задаются въ нашихъ сказкахъ разнымъ богатырямъ для приведенія ихъ въ смущеніе.

Указъ впрочемъ написанъ въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ, и пилюля позолочена густо.

А вотъ и отвѣтъ Государя объ отпускѣ, который доказалъ явно, что онъ не хотѣлъ видѣть Сперанскаго въ Петербургѣ:

«Занимаясь бумагами, относящимися къ новому назначенію вашему, получилъ я письмо, въ коемъ просите вы отпуска въ Петербургъ по домашнимъ дѣламъ вашимъ. Я надѣюсь, что вы сами почувствуете невозможность мнѣ нынѣ удовлетворить желанію вашему. Присутствіе начальника въ Сибири дѣлается день ото дня необходимѣе, не говоря уже о чрезмѣрномъ прибавленіи къ пути вашему поѣздкою въ Петербургъ».

«Почтитесь исполнить возлагаемое мною на васъ нынѣ порученіе съ тѣмъ дарованіемъ и исправностію, кои васъ отличаютъ, и тогда пріѣдете вы въ Петербургъ съ явною новою заслугою, оказанною отечеству, и которая поставитъ меня въ дѣйствительную возможность основать уже ваше пребываніе *навсегда при мнѣ въ Петербургѣ*».

Поняли, поняли, чего хочется Сперанскому: Петербурга! И вотъ обнадеживаютъ, манятъ его безпрестанно, черезъ часъ по ложкѣ, Петербургомъ, и онъ идетъ, идетъ, тянется, какъ голодная лошадь за возомъ сѣна, рвется...

Сперанскому было очень горько, тяжело; но дѣлать нечего: онъ долженъ былъ покориться, затаить свои слезы и уйдти опять въ себя. Государя онъ благодарилъ въ выраженіяхъ самыхъ нѣжныхъ, но Аракчееву сознается: «И неблагодарно и грѣшно бы мнѣ было увѣрять ваше сіятельство, что я принялъ мое новое назначеніе безъ горести. Искренность, которая одна можетъ составить всю мою передъ вами заслугу, заставляетъ меня признаться,—*но признаться вамъ единственно*—что вѣсть сія тронула меня до глубины сердца. То, что есть въ назначеніи семъ для меня утѣшительнаго и лестнаго, все сіе есть тайна чувства моего и искренней преданности Государю. Но публика знаетъ только два слова: отказъ въ отпускѣ и удаленіе! Я очень обманусь, если голосъ сей не будетъ общимъ. Какъ бы то ни было и не взирая ни на какія толки, я исполню новое мое назначеніе съ тѣмъ же усердіемъ, какъ бы я самъ его желалъ и выбралъ».

А дочери Сперанскій пишетъ: «Вчера я получилъ вѣсть сію, и признаюсь, еще не образумился. Думаю однакоже, что Господь дастъ мнѣ силы перенести и сіе огорченіе, по всей вѣроятности послѣднее, ибо есть конецъ всякой силѣ изобрѣтенія и есть же конецъ и всякому терпѣнію».

Такъ писалъ Сперанскій къ Гурьеву и Голицыну: «Мнѣ простительно видѣть вещи съ самой мрачной ихъ стороны, но да будетъ во всемъ воля Божія!»...

Къ Кочубею въ черновомъ письмѣ было зачеркнуто: «Отправленіе въ Сибирь я всегда причислялъ къ составу бѣдствій, девятый годъ меня преслѣдующихъ. Сія часть бытія моего одною оттѣнкою разнится отъ цѣлаго».

Примѣчательно, что онъ давно имѣлъ предчувствія о Сибири. «Что я ни дѣлалъ чтобъ избѣжать Сибири, писалъ онъ къ Столыпину отъ 1 Апрѣля 1819 года, и никакъ не избѣжалъ. Мысль сія, какъ ужасное ночное привидѣніе, преслѣдовала меня всегда, начиная съ 17 Марта 1812 года, и

наконецъ постигла. Странное предчувствіе! Въ судьбѣ моей есть нѣчто суевѣрное».

Проводы изъ Пензы показали, какую любовь въ краѣ пріобрѣлъ Сперанскій.

Приведемъ здѣсь вѣрное замѣчаніе автора: «Съ перваго дня паденія конечною цѣлію тайныхъ желаній и надеждъ Сперанскаго было—возвращеніе снова *въ Петербургъ*, и черезъ Петербургъ, *ко двору въ прежнюю милость*. Теперь его отъ всего удаляли съ честію, и съ обѣщаніемъ возврата, но почти на край свѣта, гдѣ и голосъ его могъ изчезнуть, и самая память о немъ могла изгладиться».

Ревизія и устроеніе Сибири продолжались два года почти. Сперанскій не щадилъ никакихъ трудовъ, и работалъ неутомимо; но чѣмъ ближе задача его приближалась къ концу, тѣмъ нетерпѣніе его увеличивалось пріѣхать въ Петербургъ. Въ Петербургъ, въ Петербургъ— онъ о томъ и спалъ и видѣлъ, и еще за долго до своего отбытія (18-го Мая 1819 г.) писалъ къ министру внутреннихъ дѣлъ графу Кочубею: «Къ Марту 1820 года всѣ слѣдствія будутъ окончены, и всѣ свѣдѣнія къ образованію изготовлены... Отсюда вопросъ: долженъ ли я въ Марѣ пуститься отсюда обратно? По выраженію рескрипта, дѣло, мнѣ поручаемое, могло продолжиться годъ или полтора. Посему, я могъ бы имѣть право считать и возвращеніе мое и срокъ его уже рѣшенными. Но привыкнувъ къ строгой покорности, я не хочу испортить осьмилѣтняго моего терпѣнія минутною нетерпѣливостію, и потому полагаю въ Январѣ мѣсяцѣ дать краткій отчетъ въ положеніи дѣлъ и, означивъ срокъ ихъ окончанія письмомъ на имя всемилостивѣйшаго Государя, испрашивать и ожидать дальнѣйшихъ приказаній. Они могутъ придти ко мнѣ въ концѣ Марта, и тогда, если получу я другое какое-либо назначеніе, могу ускорить моимъ путешествіемъ и найду способъ быть въ концѣ Мая, или въ началѣ Іюня, въ Петербургѣ. Если же получу что-либо противное, тогда, отправивъ всѣ дѣла и всѣ мои предположенія съ Цейеромъ, буду просить увольненія отъ службы, и буду ожидать его въ Тобольскѣ».

При отчетѣ Государю Сперанскій выразилъ надежду, что къ Маю работы будутъ кончены.

Послѣ однакожь онъ самъ отдалилъ нѣсколько этотъ срокъ, намѣреваясь часть лѣтняго времени употребить на вторичное и окончательное обозрѣніе Томской и Тобольской губерній.

Къ Голицыну онъ пишетъ уже объ осени: «Но ваше сіятельство не изволите найти конечно страннымъ, что я въ Январѣ помышляю и пишу къ вамъ объ осени».

Кочубей оффиціально отъ 8 Марта 1820 года объявилъ Высочайшую волю—прибыть въ Петербургъ съ дѣлами Сибирскими, къ исходу Октября того года (с. 243).

Наконецъ-то!

Сперанскій обрадовался безъ памяти и поспѣшилъ отправить большую часть своего имущества изъ Иркутска.

Вдругъ, чрезъ двѣ недѣли, получается собственноручный рескриптъ въ лестныхъ выраженіяхъ, но со слѣдующимъ ужаснымъ для Сперанскаго заключеніемъ:

«Расположите путь вашъ такимъ образомъ, чтобъ прибыть въ Петербургъ къ послѣднимъ числамъ Марта будущаго года».

То-есть ровно черезъ годъ!

Сперанскій былъ пораженъ какъ громомъ и выразилъ свои чувства въ горькихъ письмахъ къ Государю, князю Голицыну и графу Кочубею.

Причины и доказательства, приводимыя Сперанскимъ во всѣхъ этихъ письмахъ, удивительны по тонкости соображенія и искусству выраженія; но что́ онъ долженъ былъ терпѣть, сочиняя такія письма.

Угрозы подѣйствовали, прозьба тронула, и хотя свиданіе въ Мартѣ 1821 г. по такимъ-то обстоятельствамъ не отмѣнено, но дано разрѣшеніе выѣхать изъ Сибири, когда заблагоразсудится!

Сперанскій страдалъ, страдалъ въ глубинѣ своей души, и чѣмъ ближе наступалъ срокъ, тѣмъ онъ становился тревожнѣе.

«*Молись*—писалъ къ дочери Сперанскій въ Февралѣ 1821 г.,—молись; мнѣ нужна твоя молитва болѣе еще въ радости, нежели въ печали, чтобы взглядомъ недовѣрія или излишнихъ надеждъ не изурочить счастія, не оскорбитьПровидѣнія, ко всему снисходительнаго, кромѣ гордости!»

И въ это время Сперанскій долженъ былъ писать еще письма къ разнымъ лицамъ, примѣняя разныя обстоятельства для выраженія своихъ мыслей и желаній, смотря по ихъ свойствамъ и своимъ отношеніямъ.

Наконецъ, 8 Сентября настало желанный, столь давно и горько вымаливаемый часъ освобожденія. Сперанскій выѣхалъ изъ Тобольска, и самъ себѣ еще не вѣрилъ, что онъ выѣзжаетъ. Восторгъ охватывалъ духъ ему, замѣчаетъ авторъ.

Почталіонъ, привезшій въ Пензу почту, донесъ, что въ Муромѣ отдѣлился отъ него курьеръ съ бумагами на имя Сибирскаго генералъ-губернатора въ Тобольскъ. Эта вѣсть сильно встревожила Сперанскаго. «Ну, какъ да опять назадъ въ Сибирь!» повторялъ онъ безпрестанно, и Лубяновскому приходилось успокоивать его все однимъ и тѣмъ же, что въ Петербургѣ еще не знаютъ объ его отъѣздѣ, или не знаютъ, что онъ своротилъ на Пензу и потому послали ему на встрѣчу, по Сибирскому тракту какія нибудь, можетъ статься, ничтожныя бумаги. Такъ дѣйствительно послѣ и вышло.

Въ Рязани Сперанскій обѣдалъ у Балашова и получилъ нѣкоторое «дополненіе къ исторі исвоей ссылки». Далѣе мудрено разобрать или прочесть въ дневникѣ, говоритъ баронъ Корфъ.

Наконецъ, вотъ и Петербургъ! Въ дневникѣ записано: «Къ обѣду въ Царскомъ Селѣ. Встрѣча Елисаветы (дочери). Какая встрѣча! Сколько горестей! Ввечеру въ Петербургъ. Выѣхалъ 17 Марта 1812 г., воротился 22 Марта 1821 г. Странствовалъ девять лѣтъ и пять дней!»

Государя не было въ Петербургѣ. Два мѣсяца прождалъ его Сперанскій. Въ это время никуда онъ не ѣздилъ, только на поклонъ въ Грузино, откуда объѣхалъ и осмотрѣлъ военныя поселенія.

Наконецъ прибылъ Государь изъ Лайбаха 26 Мая 1821 года въ Царское Село, Сердце Сперанскаго вострепетало. Вотъ позовутъ его завтра! Нѣтъ, завтра не позвали. Еще день, и еще нѣтъ! Третій, четвертый, пятый,—все нѣтъ! Мучительныя ожиданія. Наконецъ, черезъ десять дней его вызываютъ. Вотъ онъ изольетъ душу свою, спроситъ, ему скажутъ, отвѣтятъ, все омоется слезами и предастся забвенію. Нѣтъ, Государь не сказалъ ни одного слова о прошедшемъ, не вошелъ ни въ какія объясненія. Чрезъ шесть мѣсяцевъ разговоръ упалъ на ссылку, и Государь упомянулъ что-то вскользь о Лористонѣ и Блумѣ. Сперанскій отмѣчаетъ у себѣ въ дневникѣ: «Работа у Государя Императора. Пространный разговоръ о прошедшемъ. Доносъ состоялъ въ сношеніи съ Лористономъ и Блумомъ... Вообще кажется и начало и происшествіе сего дѣла забыты [50]).

---

[47]) III, с. 18. См. еще выше.

Нѣтъ, ничего не забыто; нѣтъ, онъ ошибается!

Сперанскому все еще хочется обманывать себя, и онъ, при малѣйшемъ излишнемъ знакѣ расположенія, предается непокидающимъ его мечтамъ. Ему казалось даже на нѣкоторое время «будто возрастающимъ его вліяніемъ пробуждается негодованіе Аракчеева; даже будто бы, видя необходимость уступить поле сопернику болѣе счастливому, Аракчеевъ намѣревается все бросить» [51]).

Среди этихъ колебаній заводится въ Совѣтѣ споръ между нимъ и княземъ Голицынымъ, который предлагаетъ свои замѣчанія на мнѣнія Сперанскаго. Сперанскій перепугался, и увидѣлъ въ этихъ замѣчаніяхъ косвенное обвиненіе себя въ ереси, за которое тогда пострадали нѣкоторые профессоры. Ему представилась въ разстроенномъ воображеніи новая ссылка, и онъ, несогласно съ своимъ характеромъ, вышелъ почти изъ себя, и поспѣшилъ написать жалобу Государю, который объяснилъ ему тотчасъ неосновательность его подозрѣній и опасеній.

Между тѣмъ и ласки царскія слабѣли: пріемы становились рѣже, также и приглашенія къ обѣдамъ. Въ 1825 году не былъ уже ни разу Сперанскій во дворцѣ. Однажды Государь отозвался о немъ: Сперанскій излѣнился! Позабыты увѣренія Аракчеева, что (принятіе должности генералъ-губернатора въ Сибири) «много будетъ служить къ вашему въ семъ мірѣ возвышенію»; позабыты обѣщанія «приблизить къ себѣ», «дать другое занятіе, болѣе сходное тому приближенію, въ коемъ онъ привыкъ находиться», основать уже навсегда пребываніе при немъ (въ Петербургѣ). Сперанскій страдалъ, разумѣется, но терпѣлъ, молчалъ и продолжалъ трудиться по-прежнему. Онъ участвовалъ во всевозможныхъ комитетахъ, и вездѣ оставлялъ слѣды своихъ геніальныхъ способностей. Служба его если оцѣнялась по достоинству, то непринимаема была къ сердцу, и Государь не хотѣлъ открывать ему никакого обширнаго поприща.

Карамзинъ, провожая Государя, отъѣзжавшаго въ Таганрогъ, пѣшкомъ) до заставы въ Царскомъ Селѣ, на жалобу его, что не находитъ людей способныхъ, сказалъ: Но почему не употребляете Вы Сперанскаго? Способности его не подлежатъ сомнѣнію.

—«Вы его не знаете», отвѣчалъ Государь. «Ему нельзя вѣрить. Я имѣю несомнѣнныя доказательства объ его сношеніяхъ передъ 12 годомъ. Мнѣ донесено было отъ людей совершенно постороннихъ, что онъ въ такое-то время будетъ у такого-то иностраннаго агента; я поручилъ наблюденіе, и Сперанскій къ нему явился въ назначенный часъ.» (Это я слышалъ отъ покойнаго графа Д. Н. Блудова [52]).

---

[51]) И. стр. 284.

[52]) Было помѣщено въ моей біографіи Карамзина, которая въ рукописи пересылалась тетрадями къ его семейству. Князь П. А. Вяземскій написалъ противъ приведеннаго мѣста: «Не надобно забывать, что Сперанскій имѣлъ много враговъ, и, можетъ-быть, отчасти и заслужилъ эту вражду. Соглядатаи, назначенные Государемъ, могли и обмануть его. Безъ подобной оговорки нельзя пустить въ ходъ и въ печать слова графа Блудова. Нельзя же безъ доказательства прямаго заклеймить Сперанскаго... Я здѣсь вступаюсь за честь и личность человѣка». К. С. Сербиновичъ написалъ по поводу этого же мѣста: «Убѣдительно просятъ вовсе исключить отзывъ Государя о Сперанскомъ. Николай Михайловичъ никогда бы не рѣшился предавать печати такого интимнаго отзыва во вредъ заслуженному лицу».

Послѣдняя причина меня убѣдила, и я не напе-

Чаша горестей для Сперанскаго не вся еще была испита: нашлись новыя, кои долженъ онъ былъ испытать. Общество 14 Декабря, преданное верховному суду за государственныя преступленія, имѣло въ виду между прочимъ нѣкоторыя преобразованія, кои были предметомъ разсужденій между Сперанскимъ и И. Александромъ въ началѣ его царствованія, и кои, въ нѣкоторыхъ частяхъ, исполнились въ наше время. Дѣятельное участіе въ обществѣ принимало много людей, ему знакомыхъ, а одинъ изъ главныхъ, Батеньковъ, жилъ у него въ домѣ. Имя его часто повторялось членами, вмѣстѣ съ именами Ермолова и Филарета. Подозрѣніе падало и на него. Самъ И. Николай сказалъ между прочимъ послѣ, при извѣстіи о смерти Сперанскаго «Мнѣ столько было наговорено объ его превратныхъ идеяхъ, о его замыслахъ: клевета осмѣлилась коснуться его даже и по случаю исторіи 14 Декабря».

Съ другой стороны, Сперанскій, размышляя съ своей подушкою, могъ думать, что этого несчастнаго происшествія не случилось бы, еслибъ первыя предположенія его съ И. Александромъ были приведены въ исполненіе.

Членомъ слѣдственной коммиссіи онъ не былъ назначенъ, но онъ долженъ былъ прослушать ея рѣшеніе, и потомъ, какъ членъ Государственнаго Совѣта, участвовать въ верховномъ уголовномъ судѣ, наконецъ нести рѣшеніе вмѣстѣ съ двумя избранными лицами на утвержденіе къ Государю.

Безъ сомнѣнія, старые враги устроили ему это тяжелое порученіе, понимая, каково ему было исполнить оное!

Любопытно было бы узнать, какой голосъ подавалъ Сперанскій на судѣ о наказаніяхъ, такъ какъ теперь извѣстно по драгоцѣннымъ Запискамъ Шишкова, что мнѣнія, были различны: одни говорили о казни, другіе о вѣчной каторгѣ, а остальные члены о работахъ болѣе или менѣе продолжительныхъ [53].

«Дочь пишетъ въ своихъ Запискахъ, что въ это мучительное время она нерѣдко видѣла отца въ терзаніяхъ и съ слезами на глазахъ, и что онъ покушался даже совсѣмъ оставить службу».

Трагическое положеніе! Но какъ было ему просить отставки, или даже выставить облегчающія обстоятельства, ему, заподозрѣнному и даже имѣвшему противъ себя нѣкоторыя улики, т. е. близкое отношеніе

чаталъ этого мѣста въ біографіи. Но теперь обстоятельства перемѣнились: отзывъ подобный сдѣланъ нѣсколько разъ, и, главное, уничтожается собственными словами Государя въ его рескриптѣ Сперанскому при опредѣленіи его генералъ-губернаторомъ въ Сибирь. «Открывъ... дарованіямъ вашимъ новый путь (въ Пензѣ), не переставалъ я помышлять о способѣ, могущемъ изгладить изъ общихъ понятій прискорбныя происшествія, послѣдовавшія съ вами съ 1812 года, и столь тягостныя моему сердцу, привыкшему въ васъ видѣть одного изъ приближенныхъ къ себѣ. Сей способъ... былъ единственный .. служеніемъ вашимъ доказать явно, сколь враги ваши несправедливо оклеветали васъ».

Мнѣ слѣдовало бы спросить у князя Вяземскаго позволенія печатать его замѣчаніе. Но за отсутствіемъ его сдѣлать этого не могу, и смѣю надѣяться, что онъ не посѣтуетъ на меня за присоединеніе черты и къ его біографіи.

---

53) Мы слышали отъ Дм. Арк. Столыпина, что Сперанскій высказался противъ смертной казни; онъ выразилъ свое мнѣніе такъ, что смертная казнь хотя была вписана въ законѣ, но законъ этотъ не приводился въ исполненіе, а что всякій законъ, который продолжительное время не примѣняется, а замѣняется другими, тѣмъ самымъ теряетъ свою силу. Это мнѣніе Сперанскаго было передано Д. А. Столыпину отъ лицъ его семейства. П. Б.

къ нему Батенькова? Значило бы подавать на себя оружіе новымъ врагамъ, смѣнившимъ старыхъ, какъ бы уклоняться отъ суда, и почти сознаваться въ своей винѣ, или по крайней мѣрѣ въ расположеніи тайномъ къ обвиненнымъ! Голосъ его не принесъ бы пользы никому, а только принесъ бы вредъ ему.

Конечно это не оправданіе въ строгомъ смыслѣ, а только ссылка на среду унижающую, развращающую.

И. Николай, при всемъ нерасположеніи къ Сперанскому, началъ однакожъ употреблять его по необходимости, и давалъ ему разныя порученія, болѣе или менѣе важныя: первый манифестъ о возшествіи на престолъ принадлежитъ большею частію Сперанскому, и отчасти Карамзину. Наконецъ назначенъ былъ Сперанскій управляющимъ дѣлами коммиссіи составленія законовъ, переименованной вторымъ отдѣленіемъ собственной Е. И. В. канцеляріи.

При учрежденіи знака безпорочной службы, канцлеръ орденовъ, князь Куракинъ, бывшій благодѣтель и начальникъ Сперанскаго, выведшій его, какъ говорится, въ люди, и перемѣнившійся послѣ въ расположеніи къ нему, хотѣлъ вычесть изъ лѣтъ его службы время, проведенное въ удаленіи отъ дѣлъ, въ Нижнемъ, Перми и Великопольѣ. Сперанскій пожаловался Государю, и представилъ ему собственноручныя письма покойнаго И. Александра, въ коихъ тотъ признавалъ его невинность. И. Николай велѣлъ зачесть эти года въ службу, и вмѣстѣ, перемѣнивъ свое о немъ мнѣніе, сдѣлался благосклоннѣе.

Начальствуя вторымъ отдѣленіемъ, совершилъ онъ два колоссальные труда, дающіе ему, кромѣ проэктовъ о всеобщемъ преобразованіи въ царствованіе И. Александра, неоспоримое право на высокое мѣсто въ исторіи русскаго законодательства: это Собраніе законовъ Росс. имперіи, изданное въ 1830 году въ 45 квартантахъ, и Сводъ Законовъ, изданный въ 1833 году въ 15 томахъ. Все это было написано и напечатано впродолженіи семи лѣтъ. «Ни одна строка не осталась», по свидѣтельству барона Корфа, «безъ личной его повѣрки очень часто передѣлки». Предисловіе, и обозрѣніе историческихъ свѣдѣній о Сводѣ пранадлежатъ перу Сперанскаго.

Подробности о производствѣ этихъ страшныхъ работъ читатели могутъ найдти, мастерски изложенныя, въ книгѣ барона Корфа [54]).

19 Января 1833 года Государственный Совѣтъ былъ созванъ въ чрезвычайное собраніе. На столѣ совѣтской залы лежали шестдесятъ томовъ конченныхъ изданій. Самъ Государь открылъ засѣданіе, объяснилъ дѣло, и въ заключеніе, обнявъ Сперанскаго, снялъ съ себя Андреевскую звѣзду и надѣлъ на него. (Этотъ моментъ изображенъ на монументѣ И. Николаю). Впродолженіи трудовъ своихъ Сперанскій получилъ Св. Владиміра 1 степени, бриліанты на орденъ Св. Александра Невскаго, табакерку съ портретомъ Государя и аренду.

Съ удивленіемъ останавливаемся передъ этой Египетскою пирамидою, памятникомъ Русскаго ума и дѣятельности, который совершенъ собственно однимъ человѣкомъ при помощи нѣсколькихъ болѣе

[54]) Безпристрастіе требуетъ, чтобъ я привелъ здѣсь замѣчаніе графа Д. Н. Блудова, мною отъ него слышанное, что Сперанскій не стѣснялся въ Сводѣ указами, помѣщенными въ Полномъ Собраніи, и дополнялъ ихъ иногда своими соображеніями, или давалъ имъ произвольный смыслъ

*

или менѣе черновыхъ работниковъ. Но до какой степени должно увеличиться это удивленіе, когда узнаешь, что главный дѣятель былъ въ тоже время руководитель и исполнитель многихъ другихъ, не менѣе важныхъ работъ. Назовемъ комитетъ 6 Декабря 1826 года, которому Государь поручилъ: «1) пересмотрѣть бумаги, найденныя въ кабинетѣ Императора Александра; 2) пересмотрѣть нынѣшнее государственное управленіе; 3) изложить мнѣніе: а) что̀ предпологалось, б) что̀ есть, в) что̀ оставалось бы еще кончить; 4) изложить мнѣніе, что̀ нынѣ хорошо, чего оставить нельзя, и чѣмъ замѣнить; 5) матеріалами къ сему употребить: а) то, что̀ найдено въ кабинетѣ, б) что̀ Балашову поручено было в) и то, что̀ сами члены предположатъ».

Въ этотъ комитетъ назначено было нѣсколько членовъ, но дѣйствовать настоящимъ образомъ могъ только одинъ Сперанскій, и онъ старался провести здѣсь нѣкоторыя изъ мыслей прежняго государственнаго секретаря. По свидѣтельству барона Корфа, этотъ комитетъ, по разнымъ причинамъ, долженъ былъ прекратить свои дѣйствія, и только немногія изъ его предначертаній вошли въ силу.

Не говоримъ о сочиненіи манифестовъ и указовъ, о значительномъ участіи въ составленіи Свода военныхъ законовъ (12 томовъ), законовъ для Остзейскихъ губерній, для Западнаго края, въ сочиненіи устава для Училища Правовѣдѣнія[35]. Упомянемъ только о преподаваніи ученія о законахъ Государю Цесаревичу, нынѣ царствующему Государю, о мысли Сперанскаго приготовить для Россіи ученыхъ юристовъ, для чего онъ выписалъ изъ Академіи отличныхъ воспитанниковъ, приготовилъ ихъ въ своей коммиссіи, и наконецъ отправилъ въ Берлинъ, поруча руководству Савиньи, и принимая непосредственное участіе во всѣхъ ихъ занятіяхъ и экзаменахъ. Какъ въ первый періодъ своей дѣятельности, Сперанскій принималъ дѣятельное участіе въ устройствѣ духовныхъ училищъ и свѣчнымъ сборомъ обезпечилъ значительно ихъ дальнѣйшее существованіе, написалъ уставъ Царскосельскаго Лицея и издалъ указъ 1809 года; такъ во второмъ трудился для Училища Правовѣдѣнія и приготовилъ профессоровъ юридическихъ наукъ для университетовъ Русскихъ. Все это мѣры важнѣйшія для Русскаго образованія.

Послѣдній трудъ Сперанскаго былъ Полицейскій Уставъ, слабѣйшее его произведеніе, по мнѣнію барона Корфа, которое подверглось въ Совѣтѣ многимъ возраженіямъ, и было отвергнуто, кромѣ немногихъ отдѣльныхъ частей, что̀ Сперанскаго очень огорчило, хотя онъ и сознавался въ недостаткахъ.

Въ бумагахъ его найдены очерки бесѣдъ о законахъ съ Государемъ Цесаревичемъ, и начало «Руководства къ познанію законовъ», предпринятое по желанію и приглашенію Н. Николая, которое остановилось на VIII главѣ (впослѣдствіи оно напечатано).

Въ 1838 г., проводя лѣто въ Малороссіи, въ новокупленномъ имѣніи, онъ написалъ довольно обширное разсужденіе (78 параграфовъ), «Опредѣленіе закона»: на тетради отмѣчено его рукою: «въ Буромлѣ, начато въ Іюлѣ, кончено 10 Августа 1838 года». Это сочиненіе остается еще ненапечатаннымъ» (!!).

[35]) Училище Правовѣдѣнія помѣстилось въ домѣ, бывшемъ Неплюева, гдѣ Сперанскій, по возвращеніи изъ Сибири, началъ трудиться для законодательства.

VI.

Возвратившись изъ Малороссіи, Сперанскій занемогъ 16 Октября 1838 года, не остерегался—ѣздилъ по приглашенію въ Царское Село 22 Октября, въ театръ и на балъ ко Двору, «какъ усердный исполнитель своихъ обязанностей, въ томъ числѣ и придворныхъ», на другой день былъ тамъ у обѣдни и потомъ обѣдалъ во дворцѣ, и воротившись въ Петербургъ, слегъ въ постель. Болѣзнь приняла опасный характеръ: онъ исповѣдался и пріобщился Св. Таинъ. Въ книгѣ барона Корфа описаны превосходно эти торжественныя минуты въ жизни христіанина. Но этой болѣзни еще не было суждено быть послѣднею. Съ конца Ноября она приняла благопріятный оборотъ. Бюллетени перестали появляться (они доставлялись къ Государю по два раза въ день), и 12 Декабря Сперанскій записалъ въ календарѣ, что болѣзнь прекратилась. «Онъ тотчасъ принялся за работу—объ уничтоженіи простонароднаго лажа на монету, о которомъ слѣдовало разсуждать въ Государственномъ Совѣтѣ подъ его предсѣдательствомъ. Государь навѣстилъ выздоравливающаго 23 Декабря потомъ 27, и 1 Января 1839 г., въ день своего рожденія, Сперанскій былъ возведенъ въ графское имперіи Россійской достоинство.

«Вечеромъ, говоритъ дочь въ своихъ воспоминаніяхъ, къ намъ съѣхалось безъ зову множество гостей. Бывшіе тутъ вѣрно припомнятъ блескъ, исходившій отъ генія, готоваго угаснуть, то сіяніе, которое изливалось отъ свѣтлой души, хотя ея тѣлесная оболочка была такъ близка къ разрушенію; все это уже поддерживалось одно только силою воли. Никогда рѣчь батюшки не была краснорѣчивѣе и увлекательнѣе, не смотря на ослабленіе голоса и на потускнѣвшіе глаза, почти совсѣмъ закрытые вѣками. Окружавшіе его затаивали дыханіе, ловя каждое его слово, какъ бы въ предчувствіи, что эти уста, изъ которыхъ лилось столько сокровищъ, скоро навсегда закроются».

Дѣйствительно, настоящаго, полнаго выздоровленія уже не было, а усиленныя черезъ мѣру работы по дѣлу о лажѣ окончательно истощили силы больнаго. Сколько разъ, говоритъ дочь, я умоляла его, въ слезахъ, на колѣняхъ, именемъ моихъ дѣтей, бросить эту ненавистную для меня работу. «Долгъ прежде всего», отвѣчалъ онъ, сжимая мои руки въ своихъ исхудалыхъ пальцахъ; а между тѣмъ физическая его слабость была, въ это время, такъ велика, что, послѣ каждыхъ десяти написанныхъ строкъ, голова опускалась на грудь, и глаза на нѣсколько минутъ смыкались...» Но замѣчательно: изнеможеніе плоти не имѣло никакого вліянія на духъ; умственныя силы, сила воображенія и творчества были также свѣжи, какъ за четверть вѣка тому назадъ, въ государственномъ секретарѣ».

Жизнь графа Сперанскаго склонилась къ западу. 7 Февраля, по неосторожности вышедъ прогуливаться въ дурную погоду, вѣтреную и снѣжную, онъ простудился, и занемогъ опять. Приведу изъ книги одну прекрасную Русскую черту:

«10 Февраля, за Арендтомъ прискакалъ курьеръ, съ приглашеніемъ къ престарѣлому Кушникову, за нѣсколько дней передъ тѣмъ назначенному предсѣдателемъ гражданскаго департамента въ Государственномъ Совѣтѣ, и вдругъ разбитому параличемъ. Едва Арендтъ выѣхалъ за Петергофскую заставу, какъ его остановилъ другой посланный, съ извѣстіемъ, что и

Сперанскій снова опасно занемогъ. Арендтъ пріѣхалъ сначала къ Кушникову. Добрый и почтенный старикъ былъ въ памяти, еще владѣлъ языкомъ и уже зналъ о припадкѣ Сперанскаго, жившаго почти рядомъ съ нимъ. «Видѣли ли вы Михаила Михайловича?» былъ первый его вопросъ вошедшему лейбъ-медику.—«Нѣтъ еще».—«Ну, такъ бросьте меня и поѣзжайте скорѣе къ нему: я уже полумертвый, а его нужно спасти для Россіи».

Вечеромъ Сперанскій почувствовалъ себѣ лучше, и много говорилъ съ Арендтомъ о физическихъ явленіяхъ небесныхъ.

11 Февраля 1839, въ 40 минутъ 9 часа, онъ скончался.

C'est une epreuve de plus et des plus pénibles pour moi... писалъ Государь Васильчикову. «Другаго Сперанскаго мнѣ уже не найдти», повторялъ онъ нѣсколько разъ барону Корфу, «да и кѣмъ я попытаюсь даже замѣнить его умъ, свѣдѣнія, опытность, усердіе, быстроту?»... Замѣтимъ эти слова, дѣлающія честь покойному Государю больше многихъ возгласовъ.

«Торжественно было, и по внѣшнему великолѣпію, и по внутреннему смыслу, погребеніе бѣднаго семинариста (графа Сперанскаго), сына своихъ дѣлъ», говоритъ баронъ Корфъ.

Для сужденій о Сперанскомъ, какъ государственномъ дѣятелѣ, отсылаемъ читателей къ превосходной характеристикѣ барона Корфа.

Мы предложимъ здѣсь только нѣсколько отдѣльныхъ мыслей, или афоризмовъ, внушенныхъ намъ его знаменитымъ сочиненіемъ, при первомъ чтеніи въ 1861 году. Нѣкоторые, можетъ-быть, устарѣли вслѣдствіе совершившихся и совершающихся преобразованій, но мы оставляемъ ихъ, потому что они въ извѣстномъ отношеніи служатъ признаками прошедшаго и настоящаго времени: но не придаемъ имъ значенія, съ другой стороны, по дилентантизму въ юриспруденціи.

Трудъ Сперанскаго раздѣляется на два періода: первый до его ссылки въ 1812 году, второй по возвращеніи въ Петербургъ до кончины.

О первомъ періодѣ судить теперь нельзя, потому что мы знаемъ его только въ отрывкахъ по сочиненію, и въ отрывкахъ передѣланныхъ по исполненію: совѣтъ и министерства продолжаются, но министры безъ отвѣтственности, и совѣтъ безъ почина, не имѣютъ того значенія, какое они имѣли въ предположеніяхъ Сперанскаго. Судопроизводство и судоустройство остались неприкосновенными. Теперь, на основаніи извѣстныхъ данныхъ, можно, кажется, сказать только, что Сперанскій былъ великимъ уставщикомъ, какъ бы доктринеромъ, опередившимъ въ 1810 году многія конституціонныя правленія въ Европѣ. Съ умомъ строго-логическимъ и систематическимъ, съ обширнымъ кругозоромъ, съ пылкимъ воображеніемъ и страшною дѣятельностію, легкостію работы, безъ достаточныхъ положительныхъ свѣдѣній о народѣ и настоящемъ его положеніи, объ исторіи, онъ создалъ, *кажется*, великое искусственное зданіе, съ соразмѣрными частями, съ твердымъ основаніемъ въ головѣ, но не въ природѣ вещей, по крайней мѣрѣ не въ природѣ Русскихъ вещей его времени, можетъ-быть, въ родѣ утопіи Томаса Моруса, или конституціи аббата Сіеса, въ ихъ отношеніяхъ къ своему времени.

Во время Сперанскаго господствовала теорія. Враги и противники его вращались въ томъ же кругу, какъ и онъ, усту-

пая только ему въ силѣ, въ способностяхъ, въ соображеніяхъ.

Исключимъ Карамзина съ его Запискою о древней и новой Россіи. Но и Карамзинъ былъ уже далекъ отъ дѣйствительности, которую онъ зналъ въ восьмидесятыхъ, девяностыхъ сотыхъ годахъ; 1811 годъ, время сочиненія Записки, не походило на любимое его Екатерининское время. Если онъ хотѣлъ, какъ кажется, оставить все по старому, лишь допуская только мѣстныя и временныя улучшенія, то всетаки онъ хотѣлъ лучшихъ людей и исполнителей. На на самоучекъ надѣяться нельзя, природные геніи рѣдки.

Русскаго народа, какъ и Русской Исторіи, съ юридической стороны, Сперанскій въ молодыхъ своихъ лѣтахъ не могъ узнать, а съ 12 лѣтняго возраста его охватила уже школа съ силогизмами, хріями, приступами и заключеніями, а потомъ, съ поступленіемъ чиновникомъ къ князю Куракину въ канцелярію, съ бумагами, справками, заголовками, нумерами входящими и исходящими, и въ тоже время Французскою литературою, съ сочиненіями Жанъ Жака Руссо и Наполеоновымъ кодексомъ.

Въ такомъ расположеніи духа онъ получилъ миссію законодательную. Ему достались матеріаломъ учрежденія Петра, Екатерины, въ подьяческихъ исполненіяхъ, и онъ рванулся преобразовывать, не видя, разумѣется, и не зная, изъ-за Духовнаго или Военнаго Регламента и Учрежденія о губерніяхъ, древней, народной основы,—и въ этомъ самомъ порывѣ, въ этомъ размахѣ, обнаружилъ въ себѣ такого же чистаго Русскаго человѣка, какимъ былъ Петръ I-й, несмотря на пристрастіе къ Голландіи, или Ломоносовъ съ Латинской конструкціей періодовъ.

Сперанскій приписалъ, напримѣръ, много формѣ, регламентаціи, и не зналъ, не понималъ, какъ эта регламентація противна Русской натурѣ, требующей во всемъ рамокъ просторныхъ.

Задача соединить просторъ съ законностью—задача трудная, и, право, приходится часто сознаваться, что намъ всего лучшаго должно ждать больше отъ людей, чѣмъ отъ учрежденій, что́ можетъ быть понималъ сознательно и чуялъ безсознательно Карамзинъ.

Оставаясь при кормилѣ управленія и приводя самъ въ исполненіе свои мысли, Сперанскій увидѣлъ бы прежде всѣхъ недостатки или ошибки, увлеченія своей системы, и съумѣлъ бы, разумѣется, исправить все несостоятельное.

При самомъ вступленіи въ должность губернаторскую въ Пензѣ, Сперанскій увидѣлъ вещи въ другомъ свѣтѣ, нежели въ какомъ онъ видѣлъ ихъ прежде изъ Петербурга. Баронъ Корфъ справедливо замѣчаетъ (II, 128): «Переходъ изъ отвлеченной сферы законодательства къ дѣйствительному управленію и отъ начертаній теорій къ самому процессу и къ исполненію на мѣстѣ, во многомъ долженъ былъ разочаровать Сперанскаго. Съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе удостовѣрялся онъ въ ограниченности средствъ новаго своего званія, и въ томъ, что несравненно легче было *предписывать* образъ дѣйствія, нежели самому дѣйствовать».

Самъ Сперанскій писалъ изъ Сибири къ кн. Голицину: «учрежденіе безъ людей тщетно, но и люди безъ добрыхъ учрежденій мало добра произвести могутъ» (207).

Приведемъ примѣчательныя слова Сперанскаго изъ послѣдняго его письма Сибирскаго къ Кочубею: «... о семъ (о недостаткахъ въ людяхъ) прежде всего должно было помыслить тѣмъ юнымъ зако

нодателямъ, которые, мечтая о конституціяхъ, думаютъ, что это новоизобрѣтенная какая-то машина, которая можетъ идти сама собою вездѣ, гдѣ ее пустятъ» (с. 253).

По возвращеніи изъ Сибири, проѣзжая чрезъ Пензу, Сперанскій сказалъ Лубяновскому (губернатору, своему старому знакомому): «Признайся, Ѳедоръ Петровичъ, что во время óно, еще не знавъ Россіи, и мѣряя все по одному Петербургскому аршину, мы надѣлали тьму глупостей» (II, 256). Былъ ли онъ вполнѣ искрененъ въ этихъ словахъ, или хотѣлось ему, такимъ осужденіемъ прошедшаго, обезпечить свое будущее, представя себя человѣкомъ уже отжившимъ, склоннымъ поддаваться личнымъ расчетамъ, котораго нечего болѣе бояться,—не беремся рѣшить; но по крайней мѣрѣ по наружности онъ оказался тутъ, во многомъ, совсѣмъ другимъ, чѣмъ прежде: не повторялъ болѣе своихъ любимыхъ Французскихъ фразъ о необходимости всеобщей ломки, и, напротивъ, утверждалъ, что перемѣны, нужныя по времени и обстоятельствамъ, должно вводить постепенно, съ большою осторожностію, не отваживаясь ничего передѣлывать наскоро».

Поколѣніе, дѣйствовавшее послѣ Сперанскаго, было знакомо съ народомъ и его нуждами еще менѣе, еще слабѣе, хотя и заботилось о немъ много.

Положимъ, мы познакомились теперь болѣе съ основами народнаго духа, съ его естественными взглядами на вещи, но какое же вліяніе имѣетъ это знакомство на законодательство, даже на домашнее хозяйство и управленіе въ собственномъ своемъ кругу, у тѣхъ людей, которые поглубже прониклись этимъ духомъ? Отвлеченно говорить легко, но попытайтесь приложить добытыя вами правила къ жизни, и всякая попытка встрѣтитъ неожиданныя затрудненія, и будетъ сопровождаться ошибками. Слѣдовательно нельзя относиться къ прежнимъ дѣятелямъ, на этомъ основаніи, съ такою неумолимою строгостію,—а у насъ теперь у иныхъ и Петръ Великій ни по чемъ!

Иногда дѣйствительность предупреждаетъ умозрѣніе (практика теорію), что̀ имѣетъ мѣсто преимущественно въ началѣ исторіи какого либо государства; иногда умозрѣніе предупреждаетъ дѣйствительность, что̀ бываетъ обыкновенно при дальнѣйшихъ періодахъ въ развитіи государствъ.

Семинаристъ изъ губерніи, въ девяностыхъ годахъ, сынъ сельскаго попа, чрезъ десять лѣтъ по увольненіи изъ Александро-Невской лавры, преобразователь и установитель законодательства въ обширнѣйшемъ государствѣ, первый совѣтникъ Государя и дѣлопроизводитель, представившій потомъ въ три года полную систему управленія, — этого никто не можетъ сдѣлать кромѣ генія; это одно изъ великихъ явленій, сокровищъ Русской Исторіи.

А еслибы Сперанскій родился въ Англіи, въ Америкѣ,—что̀ сдѣлалъ бы онъ на мѣстѣ Дизраели, Гладстона, Гранта?

Пожелаемъ, чтобы всѣ проекты Сперанскаго, исполненные и неисполненные, всѣ записки, представленныя на усмотрѣніе Государя, всѣ отвѣты, замѣчанія на чужія мнѣнія, были изданы во всеобщее свѣдѣніе. Прискорбное явленіе, что великій государственный дѣятель, принесшій Отечеству такія важныя услуги, обогатившій сокровищницу Русской науки такими великими произведеніями, претерпѣвшій такія безпримѣрныя страданія, не можетъ до сихъ поръ явиться въ полномъ своемъ

свѣтѣ, со всѣми своими свидѣтельствами на судъ Исторіи, на судъ соотечественниковъ.

Баронъ Корфъ воздвигъ Сперанскому славный памятникъ своей превосходной біографіей. Объ изданіи писемъ Сперанскаго мы имѣемъ уже обнародованное его обѣщаніе. Въ собраніе должны войдти и всѣ манифесты, писанные Сперанскимъ.

Собраніе всѣхъ сочиненій Сперанскаго лежитъ на обязанности г. Калачева, какъ завѣдывающаго архивомъ Государственнаго Совѣта. Баронъ Корфъ, безъ сомнѣнія, не откажетъ ему въ своихъ указаніяхъ.

Итакъ, о совокупности трудовъ Сперанскаго судъ впереди: но какія есть у насъ сочиненія и изслѣдованія о Собраніи Законовъ, о Сводѣ, напечатанныхъ уже сорокъ лѣтъ? Въ чемъ состоятъ достоинства Свода, его отличительныя качества, недостатки, средства для ихъ исправленія, сокращенія? Что̀ можно сказать объ его расположеніи? Нѣтъ ли какихъ работъ надъ его отдѣльными частями? Увы, отвѣтъ долженъ быть отрицательный, а мы имѣемъ въ семи университетахъ больше пятидесяти профессоровъ права! Не мало вышло и магистровъ.

Предложу еще вопросъ: сколько студентовъ юридическаго факультета, съ Училищемъ Правовѣдѣнія включительно, прочли біографію Сперанскаго, сочиненную барономъ Корфомъ? Отвѣтъ увлекъ бы меня далеко, и я остановлюсь на вопросѣ...

Намъ остается говорить о Сперанскомъ, какъ о человѣкѣ. И здѣсь не можемъ мы составить полнаго о немъ понятія, пока не будутъ собраны и изданы всѣ его письма, особенно къ дочери[56]). Удовольствуемся нѣкоторыми отрывочными замѣчаніями, и прослѣдимъ сперва характеръ по его отношенію къ службѣ.

Внезапное, безпримѣрное возвышеніе не возгордило его нисколько. Какъ въ этотъ блистательный періодъ его жизни, такъ и въ послѣдній, когда онъ вновь пріобрѣлъ значеніе, и вновь возвысился въ общественномъ мнѣніи и въ государственной службѣ, Сперанскій оставался однимъ и тѣмъ же: въ кабинетѣ его висѣлъ всегда на почетномъ мѣстѣ портретъ матери его, попадьи, повязанной платочкомъ. Всѣ его родные, попы и дьяконы, дьячки и пономари, просфирни, получали во всю жизнь отъ него пособіе, удовлетвореніе ихъ просьбъ, и имѣли всегда свободный къ нему доступъ. Деньги занимаютъ здѣсь послѣднее мѣсто: родственныя чувства слышатся во всѣхъ его письмахъ и пріемахъ, и онъ никогда не забывалъ своего происхожденія.

Я слышалъ (забылъ отъ кого, чуть-ли не изъ первыхъ устъ), что одинъ старый знакомый Сперанскаго пришелъ къ нему однажды по утру рано, въ Петербургѣ, въ день его рожденія, и засталъ его спавшимъ на голыхъ доскахъ. «Что̀ это значитъ?» спросилъ его удивленный посѣтитель, когда тотъ проснулся. — «Такъ я сплю быкоповенно, отвѣчалъ Сперанскій, въ ночь своего рожденія, чтобъ напомнить себѣ о бѣдности, въ которой родился» [57]).

Сперанскій прогуливался однажды съ своею дочерью по набережной, па Аптекарскомъ острову, слѣдовательно уже во второмъ періодѣ своего возвышенія.

[56]) Напечатаны въ Р. Архивѣ 1868 г.

[57]) Не смѣю утверждать, чтобъ эти слова были такъ точно сказаны, но смыслъ отвѣта былъ навѣрное таковъ.

Вдругъ онъ видитъ прачку, которая, выполоскавъ бѣлье, идетъ отъ рѣки на улицу, и какъ бы сторонится. «Марѳа Тихоновна, куда же ты такъ отъ меня бѣжишь? Развѣ не узнаёшь стараго пріятеля?» Взялъ ее за руку и сказалъ нѣсколько пріятныхъ словъ, на которыя былъ такой мастеръ, свидѣтельствуетъ баронъ Корфъ.

Эта Марѳа Тихоновна, жена повара, стирала бѣлье молодаго семинариста, когда онъ жилъ въ домѣ князя Куракина.

Камердинеръ князя, Иванъ Марковъ, крѣпостной князя Лобанова, имѣлъ случай тогда же оказывать Сперанскому разныя послуги. Этотъ Иванъ Марковъ явился къ Сперанскому во время его губернаторства въ Пензѣ съ какою-то просьбою, и ожидалъ въ передней, въ числѣ другихъ просителей. Сперанскій, выйдя изъ своего кабинета, тотчасъ его узналъ, и, бросясь къ нему съ словами: «Иванъ Марковичъ, старый знакомый!» сталъ его обнимать и разсказалъ въ общее услышаніе о прежнихъ ихъ отношеніяхъ.

На основаніи этихъ движеній, невольныхъ, неподготовленныхъ, непскуственныхъ, можно, кажется, смѣло сказать, что у Сперанскаго нисколько не было гордости, спѣси, чванства, тщеславія.

Но, безъ сомнѣнія, внутреннее сознаніе своего достоинства предъ другими было ему присуще.

Духовнику предъ смертію сказалъ Сперанскій: «Хотя во мнѣ давно уже угасли страсти плотскія, но за то съ постоянною силою дѣйствуютъ другіе враги, тоже не новые, но все еще ростущіе, *страсти духовныя*. Такъ, при всей борьбѣ, не могу превозмочь одного порока: *духовной* гордости. Если, послѣ безпрестанныхъ усилій и работы надъ самимъ собою, иногда и удается ее усмирить, то спустя нѣсколько времени она опять накинется съ новою силою, и мнѣ остается только горевать о слабости своей воли».

Въ письмѣ къ Словцову, отъ 16 Августа 1813 г., чрезъ полгода по отсылкѣ Пермскаго письма къ Государю, Сперанскій писалъ: «Люди и несправедливости ихъ, по благости Божіей, мало по малу изъ мыслей моихъ изчезаютъ. Тотъ, Кто посредствомъ ихъ исторгнулъ меня изъ *бездны страстей*, *раздиравшихъ мою душу*; Кто далъ мнѣ потомъ самые вѣрные опыты Своего милосердія, и по истиннѣ, несказанной благости; Кто рѣшилъ однимъ мгновеніемъ всѣ колебанія моей воли, и вялымъ давнишнимъ моимъ къ Нему влеченіямъ далъ постоянное направленіе: Тотъ устроитъ все по Своему смотрѣнію и не попуститъ, чтобъ я еще разъ изъ рукъ Его выпалъ» (II, стр. 89).

Онъ пишетъ къ дочери изъ Перми, проѣзжая черезъ этотъ городъ въ Сибирь: «Я въ Перми, и ты можетъ представить всю странность, всю противуположность моихъ впечатлѣній. Это есть мѣсто моихъ страданій, *училище терпѣнія, покорности и духовнаго величія*» (с. 19).

Въ замѣткахъ, относящихся къ самымъ молодымъ годамъ, написано Сперанскимъ: «Кто можетъ сказать самому себѣ: каждый день я приближаюсь къ совершенству, каждый день я вырываю изъ сердца какой-нибудь порокъ, какую-нибудь слабость. Съ тремя врагами долженъ я бороться: *съ лѣностію*, *робостію* и *гордостію*. Боже мой, какіе враги! Они соединились противъ меня съ дней моего дѣтства. Темпераментъ мой подаетъ имъ всегда новое оружіе, и что могу я сдѣлать одинъ противъ трехъ,—я, бѣдный и слабый смертный, съ моимъ блестящимъ воображеніемъ и слабымъ разумомъ».

«Лѣность есть порокъ моей души [58]). Съ быстрымъ и сильнымъ воображеніемъ и съ неистощимымъ запасомъ самолюбія, должно постоянно гнаться за химерами счастія, которыхъ изображеніе ничего намъ не стоитъ. Это—удобное и прекрасное средство заниматься самимъ собою, и оно должно быть естественно предпочитаемо всѣмъ другимъ средствамъ, какъ наиболѣе легкое».

Въ одномъ письмѣ изъ Пензы Сперанскій пишетъ: «Скажу откровенно, иногда мнѣ кажется, что я могъ бы дѣлать лучше и болѣе, нежели подписывать вѣдомости и журналы губернскаго правленія; ибо въ семъ почти существенно заключается вся наша инвалидная губернская служба. Такъ мнится мнѣ въ минуты, въ часы, а иногда и въ цѣлые дни, *когда бьетъ меня самолюбіе*; но, образумясь, я нахожу, что безразсудно было бы желать пуститься въ бурное море, на утлой ладьѣ, безъ твердой надежды въ успѣхахъ, а сей надежды, по всѣмъ расчетамъ здраваго смысла, имѣть я не могу. Явное противорѣчіе: *всю жизнь желать покоя и уединенія, и въ самую почти минуту событія опять погнаться за суетою*»!

Напрасно авторъ говоритъ о мистицизмѣ Сперанскаго, какъ о чемъ-то постороннемъ, случайномъ: нѣтъ, это направленіе составляло часть его самого, и многія мѣста, даже изъ извѣстныхъ его писемъ, искреннія, правдивыя, свидѣтельствуютъ это. Духъ его парилъ высоко, и мысли его постоянно возносились къ Небу, въ другой міръ, къ которому здѣшній служитъ пріуготовленіемъ. Связь съ масонами и Феслеромъ укрѣпила, можетъ-быть, это направленіе. Въ Пермскомъ письмѣ онъ пишетъ Государю: «Когда Ваше Величество пожелали о предметахъ сего рода, (масонскихъ), и особенно о мистической ихъ части, имѣть свѣдѣнія, я съ удовольствіемъ готовъ былъ посвятить Вамъ всѣ плоды *моихъ собственныхъ изысканій и размышленій*. Бесѣды сіи мнѣ тѣмъ были пріятнѣе, чѣмъ болѣе я видѣлъ, что предметъ ихъ сообразенъ съ сердечными Вашими чувствами. *Не изъ книгъ, не изъ актовъ и хартій*, почерпалъ я сіи истины; онѣ были изліяніемъ души моей, смѣю сказать, ими преисполненной. Обстоятельства и многодѣліе прервали слишкомъ рано сіи лестныя для меня сношенія, и хотя не имѣлъ я еще времени открыть Вамъ во всемъ пространствѣ истинныя ихъ знаменованія, но, судя по самому ихъ началу, смѣю сослаться на собственное Ваше сердце и на самыя бумаги, у васъ оставшіяся, что другое въ сихъ истинахъ Вы слышали отъ меня, кромѣ указаній на достоинство человѣческой природы, на высокое ея предназначеніе, на законъ всеобщей любви, яко единый источникъ бытія, порядка, счастія, всего изящнаго и высокаго».

Онъ былъ искреннимъ христіаниномъ. Получивъ прискорбное для него назначеніе на службу въ Сибирь во время говѣнія, онъ писалъ къ дочери: «Нѣтъ нужды тебѣ описывать мои первыя впечатлѣнія. По счастію, я говѣлъ (вспомнимъ, что это было на Страстной недѣлѣ), и впечатлѣнія сіи не могли глубоко проникнуть мою душу: занято было мѣсто. Въ четвергъ я пріобщался: это еще болѣе исцѣлило или закрыло мои раны...»

«Такъ-то, любезный другъ», писалъ

[58]) Замѣчательно, что Сперанскій, не смотря на свои колоссальные труды, жаловался всегда на свою лѣность, по свидѣтельству барона Корфа.

Сперанскій къ Масальскому, въ отвѣтъ на поздравленіе съ новымъ годомъ и днемъ его рожденія: «время течетъ, и все сближается къ вѣчности. Мысль сія должна быть главнымъ нашимъ поздравленіемъ при вступленіи въ новый годъ, ибо никогда не должно забывать, что мы въ дорогѣ, и возвращаемся въ наше отечество, кто съ котомкою на плечахъ, кто на рѣзвой четверкѣ, но всѣ войдемъ въ одни ворота».

За двадцать лѣтъ до кончины, Сперанскій писалъ къ Словцову: «Желайте, чтобъ тихая рука смерти съ вѣрою, любовью и надеждою закрыла мнѣ глаза, зрѣлищемъ ложнаго свѣта давно уже утомленные». Потомъ, спустя десять лѣтъ, онъ писалъ тому же другу: «Мысль, когда приду и явлюсь лицу Божію, вездѣ и всегда со мною».

Всѣ эти слова и мысли, свидѣтельствующія о нравственной высотѣ, на которой стоялъ Сперанскій, это возношеніе духа, это сознаніе собственной немощи, это стараніе о *самоисправленіи*—мы почитаемъ великимъ достоинствомъ въ характерѣ Сперанскаго; онъ, видно, былъ убѣжденъ въ святой истинѣ: кая бо польза человѣку аще міръ весь пріобрящетъ, душу же свою отщетитъ? Оборони Богъ когонибудь видѣть здѣсь лицемѣріе—въ письмахъ къ дочери, къ друзьямъ, въ словахъ съ духовниками, съ самимъ собою! Всѣ эти изліянія были искренны, а между тѣмъ внутри, въ глубинѣ сердца, невѣдомо для него самого, таились суетныя надежды, земныя желанія, мелочныя заботы. Таковъ человѣкъ! Аще ты, Господи, назриши, кто постоитъ?

Все, что можетъ сдѣлать человѣкъ лучшаго,—это наблюдать за собою и сознаваться въ своей немощи!

Сперанскому хотѣлось дѣйствовать. Это было потребностію его организма, его природы, его привычкою. Удаленный изъ Петербурга, онъ былъ въ полной силѣ своихъ способностей, только что развернувшихся. Въ Нижнемъ, въ Перми, въ Великопольѣ, въ Пензѣ, въ Сибири, онъ безпрестанно учился, занимался, пріобрѣталъ опытность, и надѣялся принести много пользы Отечеству, Петербургъ и, кажется, Дворъ, оставались долго его мечтами, и здѣсь онъ показывалъ малодушіе, нетерпѣніе. Отсюда происходила лесть въ нужныхъ случаяхъ къ тѣмъ лицамъ, отъ которыхъ зависѣло исполненіе его тайнаго желанія, или которые могли быть ему полезными въ этомъ случаѣ, хотя и здѣсь большею частію приличіе было всегда соблюдено; онъ хвалилъ иногда, можетъ быть, слишкомъ, хорошее, умалчивалъ о нехорошемъ, умѣлъ обходить недостатки. Въ немногихъ случаяхъ, въ письмахъ къ Аракчееву, можно указать кое-что черезъ край, также къ Гурьеву, къ кн. Голицыну. Иное впрочемъ можно приписать привычкѣ, условному языку писемъ, въ родѣ милостивый государь, покорный слуга. Баронъ Корфъ прекрасно изъяснилъ эту сторону его характера.

Сперанскій былъ человѣкъ добрый въ полномъ смыслѣ этого слова добрый вообще къ людямъ, и добрый въ частности къ тому и другому человѣку, гуманный, какъ говорятъ нынѣ. Какъ обходился онъ съ арестантами, колодниками въ Пензѣ! Каждый воскресный и праздничный день, послѣ обѣдни, Сперанскій непремѣнно, и несмотря ни на какую погоду, бывалъ въ тюремномъ замкѣ, и въ заведеніяхъ Приказа Общественнаго Призрѣнія, гдѣ осматривалъ и разспрашивалъ каждаго арестанта о причинѣ и времени содержанія. «Ну, друзья мои, оканчивалъ онъ потомъ

обыкновенно, день нынче праздничный, давайте помолимся Богу о прощеніи нашихъ грѣховъ и чтобы Онъ далъ намъ силы терпѣливо сносить наши скорби и несчастія». Послѣ этого священникъ начиналъ молебенъ, за которымъ слѣдовалъ обѣдъ. Отвѣдавъ каждаго кушанья, губернаторъ, при выходѣ, всегда оставлялъ что нибудь на улучшеніе арестанской пищи.

Въ деревнѣ у себя, «бѣдныхъ крестьянъ безденежно снабжалъ скотомъ и лошадьми и всѣмъ вообще, въ болѣзни лекарствами, деньгами и пр. Случалось, что во время прогулокъ по полямъ онъ находилъ работниковъ, спавшихъ на голой землѣ; тогда, если было по близости сѣно, онъ тотчасъ бралъ его въ охабку, и бережно клалъ имъ подъ головы», чтобъ они не простудились. Мужички, видно, высоко это цѣнили, потому что болѣе тридцати лѣтъ хранили о томъ преданіе. Такое же отеческое общеніе между Великопольскимъ помѣщикомъ и крестьянами были и при всѣхъ другихъ случаяхъ. Баринъ, по словамъ ихъ, запрещалъ имъ пить на работѣ холодную воду, высылая изъ своего дома квасъ; заказывалъ употреблять горячіе напитки не во время и безъ нужды, и грозилъ, если въ томъ его не послушаютъ, тяжелымъ отвѣтомъ на судѣ Божіемъ, повторяя имъ, по часту, о мирѣ и согласіи между собою и сосѣдями; вообще наставлялъ ихъ какъ жить и по-христіански и по-крестьянски: наконецъ, встрѣчаясь съ ними, самъ *первый* кланялся, чтобъ нѣсколько смягчить грубость ихъ нравовъ. Человѣколюбіе свое онъ распространялъ и на чужихъ: такъ прохожіе по большой Московской дорогѣ въ его усадьбу всегда находили тамъ пріютъ, пищу и посильное вспоможеніе.

Съ подчиненными былъ отцемъ, любилъ награждать. Въ Сибири чиновники получили при немъ столько наградъ, сколько не получено было тамъ съ учрежденія губерніи въ 1800 году. Вообще подчиненные вездѣ обожали его. Баронъ Корфъ говоритъ вообще «объ удивительной переносчивости его и снисхожденіи къ людямъ, и къ ихъ слабостямъ,—качествѣ, доходившемъ у него, во всѣ времена, можетъ быть даже до нѣкотораго излишества».

Пенза оставалась въ восторгѣ отъ его управленія, а въ Сибири до сихъ поръ сохраняются теплыя воспоминанія. Изъ Сибири онъ писалъ къ дочери: «Здѣсь настоящая Сибирь, и здѣсь-то, наконецъ, я чувствую, что Провидѣніе, всегда правосудное, не безъ причины меня сюда послало. Я былъ здѣсь дѣйствительно Ему нуженъ, чтобъ уменьшить страданія, чтобъ оживить надежды, почти уже исчезавшія, и ободрить терпѣніе слишкомъ утомленное».

Во всѣхъ отношеніяхъ съ людьми онъ соблюдалъ совершенную простоту, и притомъ не дѣлалъ различія между знатными вельможами, князьями, графами,—и прачкою Маврою Тихоновной, камердинеромъ Иваномъ Марковымъ. Если онъ слалъ вообще мягко, то и спать у него было не жестко.

Чувствительный, что доказывается горестью по смерти его жены и любовію къ дочери, онъ плакалъ, слушая проповѣди Леванды: вообще былъ человѣкъ, какъ говорятъ, симпатичный, привлекательный, обходительный, умѣвшій стать на всякое мѣсто, приноровиться ко всякому, и найдти сказать и сдѣлать для него пріятное, человѣкоугодливый. Незлопамятенъ и, ни одного изъ его враговъ онъ никогда, ка-

жется, не называлъ по имени. Мстительности никакой. Только И. Александру, кажется, онъ не могъ простить предъ концемъ, удостовѣрясь, что тотъ оставилъ его совершенно.

«Во все время, какъ я пользовался Вашимъ довѣріемъ», писалъ Сперанскій къ Государю изъ Перми (и нельзя читать этихъ строкъ безъ умиленія),—«кого и чѣмъ я очернилъ, помрачилъ, или кому старался повредить въ глазахъ Вашихъ? На кого навелъ я какую либо тѣнь подозрѣнія? Напротивъ, я всегда желалъ, и при всѣхъ случаяхъ старался питать и возвышать въ душѣ Вашей ту любовь къ человѣкамъ, ту кротость и снисхожденіе, коимъ Богъ и природа въ благости своей Васъ одарили».

Въ первомъ письмѣ изъ Перми, 6 Іюля 1813 года, къ Масальскому онъ писалъ: «Послѣднее чувство, которое во мнѣ угаснетъ, это будетъ довѣріе къ людямъ и въ особенности къ друзьямъ моимъ».

Но вотъ и противоположный звукъ, вѣрно вырвавшійся въ минуту особеннаго раздраженія: «Я никогда не удивляюсь худымъ поступкамъ людей, и напротивъ всякое добро отъ нихъ для меня неожиданно».

Несчастія свои Сперанскій переносилъ съ *терпѣніемъ* и, можно сказать, съ *великодушіемъ*; сначала подкрѣпляла его надежда скораго ихъ прекращенія, а потомъ онъ привыкалъ ко всякому новому положенію; если роптал, то только на людей, и то очень рѣдко, безъ всякихъ личностей, безъ всякой горечи и желчи.

Эти событія изъ его жизни свидѣтельствуютъ всего убѣдительнѣе, что онъ былъ человѣкъ мягкій, уступчивый, и имѣлъ характеръ, такъ сказать, эластическій.

1812 г. Марта 17 Сперанскій, за минуту не подозрѣвавшій опасности, упалъ внезапно съ высоты недосягаемой. Въ первыя минуты крайнее смущеніе замѣчено свидѣтелями; но когда онъ возвратился къ себѣ въ домъ, увидѣлъ тройку у крыльца, а въ комнатѣ министра полиціи съ своими директорами, онъ держалъ уже себя такъ, что послѣдній, нимало къ нему нерасположенный, готовъ былъ поцѣловать у него руку [59])

Неожиданный ударъ, подобный полученному Сперанскимъ, сломилъ бы человѣка съ характеромъ болѣе твердымъ: Сперанскій только погнулся, сосредоточился, ушелъ въ себя.

Высокаго ума, геніальныхъ способностей, съ строгою логикою, быстротою соображеній, одаренный примѣчательнымъ даромъ слова, мастеръ писать, Сперанскій отличался еще неутомимою *дѣятельностію* и вмѣстѣ легкостію въ работѣ, но и, это доказательство особенной *скромности*, никогда не говорилъ, не упоминалъ о своихъ трудахъ.

Любознательность принадлежитъ къ отличительнымъ чертамъ его характера.

Только что вышедъ изъ Семинаріи, онъ принялся за изученіе Французскаго языка и овладѣлъ имъ въ совершенствѣ, что и принесло ему большую пользу въ высшемъ кругу. Женясь на Англичанкѣ, онъ изучилъ Англійскій языкъ. Въ Перми занимался Нѣмецкимъ и потомъ Еврейскимъ языками, полатыни онъ умѣлъ говорить, какъ всѣ старые семинаристы. Погречески читалъ свободно, и извѣщеніе о Сибирскомъ генералъ-губернаторствѣ заста-

---

[59]) Укажемъ для сравненія на покойнаго Государя Николая Павловича. Онъ не могъ выдержать извѣстій, полученныхъ изъ Крыма, удостовѣрясь въ пагубномъ для Отечества оборотѣ дѣлъ, и. же

ло его за Θукидидомъ. Переводилъ Θому Кемпійскаго, начатаго въ 1805 году, по страницѣ въ день, вмѣсто молитвы. Въ Великопольѣ большая часть времени посвящалась изученію отцевъ церкви. Принимая участіе въ судьбѣ словесности, онъ съ нетерпѣніемъ ожидалъ выхода томовъ Карамзина. Въ одномъ письмѣ Сперанскій писалъ о немъ: «Онъ бранитъ меня не зная, а я хвалю его съ основаніемъ».

«Меня увѣдомили, что уже печатается IX томъ Исторіи Н. М. Карамзина; но вѣрно онъ пройдетъ его благополучно, sine ira et studio». «Я не знаю ни того, ни другаго (ни стараго ни новога слога) я знаю только слогъ Карамзина и Филарета».

Увѣдомляя, что имѣетъ исторію Нѣмецкой литературы Шлегеля, Миллера, Клопштока, онъ просилъ снабжать его книгами и новостями литературы.

лѣзнаго сложенія, скончался въ нѣсколько дней отъ незначительной болѣзни.

Возмемъ примѣръ изъ другой области: былъ у насъ профессоръ Устинъ Евдокимовичъ Дядьковскій, съ знаменитыми заслугами наукѣ и обществу, посвятившій всю свою жизнь общей пользѣ; по осьми часовъ въ сутки посвящалъ онъ университету и академіи медико-хирургической, уча студентовъ на лекціяхъ и въ клиникѣ, и вдругъ, на всемъ горячемъ бѣгу его, ему подшибла ноги Нѣмецкая партія, и онъ, обвиненный въ матеріализмѣ!! (1836), уволенъ былъ отъ службы. Казалось, онъ принялъ это увольненіе равнодушно, шутилъ съ нами по обыкновенію, — но черезъ два - три года, послѣ разныхъ путешествій, отъ ничтожной болѣзни скончался на Кавказѣ. Прибавимъ здѣсь кстати, что по завѣщанію своему онъ предоставилъ все трудами нажитое состояніе, тысячъ двѣсти, въ пользу бѣдныхъ Рязанскихъ семинаристовъ; но завѣщаніе было отстранено вслѣдствіе несоблюденія какой-то формы.

Помяну его пока хоть здѣсь въ скромномъ замѣчаніи.

Взаключеніе этого отдѣленія въ нашемъ опытѣ о достоинствахъ Сперанскаго, приведемъ золотыя слова его изъ Пермскаго письма, объ отношеніяхъ верховной власти и правительства къ народу:

«Не попустите, Всемилостивѣйшій Государь, чтобъ *система ложныхъ страховъ и подозрѣній*,—система, коею какъ я догадываюсь, ищутъ уловить вниманіе Вашего Величества,— чтобъ система сія, всегда приводившая государей къ безславію, а государства къ бѣдствіямъ, превозмогла надъ достоинствомъ моральнаго Вашего характера, который одинъ, смѣю сказать, среди всѣхъ неустройствъ нашего правительства, доселѣ составлялъ отраду народа и надежду всѣхъ людей просвѣщенныхъ и благомыслящихъ. Одни мечтатели или люди коварные и властолюбивые могутъ видѣть въ народѣ, самомъ кроткомъ и добродушномъ, въ подданныхъ, привыкшихъ повиноваться самой малѣйшей власти, и Вамъ, Всемилостивѣйшій Государь, дѣйствительно и лично преданныхъ, могутъ въ семъ народѣ, въ мнѣніяхъ его и въ пустыхъ толкахъ неразумѣнія или легкомыслія, видѣть ропотъ, опасности, причины важныхъ подозрѣній. Ужасъ поражаетъ мое воображеніе, когда я помышляю о слѣдствіяхъ сихъ внушеній. Смѣло могу назвать ихъ, если они существуютъ, преступленіемъ противъ самого Величества. Но Богъ, проведшій Васъ сквозь толикое множество трудныхъ происшествій и сохранившій для благоденствія Россіи, безъ сомнѣнія сохранитъ и отъ сихъ опасныхъ сѣтей, скрытыхъ подъ видомъ личной преданности и какой-то привязанности къ старымъ Русскимъ правиламъ. Истинныя Русскія правила суть взаимная любовь и довѣріе между Государемъ и подданными, точное отношеніе

отца къ дѣтямъ: а совѣты, основанные на страхѣ и угодливости мнимому общему мнѣнію, когда оно несправедливо и пользамъ государственнымъ противно, суть совѣты не Русскіе, но совѣты или малодушные, или злые, и во всѣхъ отношеніяхъ Васъ недостойные. *Сіе* мнимое общее мнѣніе слабо и ничтожно, когда его презираютъ; напротивъ строптиво и ужасно, когда его слушаютъ. Простите, Всемилостивѣйшій Государь, невольное сердца моего изліяніе. Враги мои могли очернить меня предъ Вами, но никогда не отъучатъ сердца моего желать Вашей славы, сохраненія Вашего достоинства и кроткаго правленія».

Поговоримъ объ его отношеніяхъ къ извѣстнымъ лицамъ.

Служебное поприще открыто Сперанскому княземъ Алексѣемъ Борисовичемъ Куракинымъ, и при удаленіи Куракина И. Павломъ, Сперанскій хотѣлъ за нимъ слѣдовать въ его заточеніе, оставляя службу. Желательно знать, почему тотъ сталъ къ нему послѣ въ непріязненныя отношенія, такъ что не хотѣлъ дать ему даже знака безпорочной службы безъ вычета лѣтъ, проведенныхъ въ удаленіи!

Второе лице, содѣйствовавшее Сперанскому на служебномъ поприщѣ, былъ Кочубей: въ какихъ отношеніяхъ находился къ нему Сперанскій при разныхъ превращеніяхъ въ жизни того и другаго? Въ книгѣ барона Корфа есть нѣкоторые пробѣлы.

Аракчееву Сперанскій былъ обязанъ возвращеніемъ на службу, льстилъ ему, и въ знакъ благодарности далъ благопріятное мнѣніе о военныхъ поселеніяхъ, стараясь указать хорошія ихъ стороны. Но какъ держалъ себя Сперанскій въ отношеніи къ нему въ царствованіе Императора Николая, въ книгѣ барона Корфа также не находится извѣстія.

А. А. Столыпинъ былъ вѣрнѣйшимъ его другомъ въ продолженіи всей жизни, и его совѣту написать манифестъ о вступленіи на престолъ И. Павла Сперанскій былъ обязанъ, по замѣчанію г. де-Санглена, первымъ значительнымъ движеніемъ по службѣ.

Яковлевъ, *Лазаревъ*, *Баташевъ* были постоянными его благопріятелями.

Ближайшія короткія дружескія связи Сперанскаго были всегда съ людьми средняго сословія, съ которыми сошелся онъ въ молодости: съ Масальскимъ, Цейеромъ, Жерве, Кремеромъ, г-жею Вейкартъ,—и онъ оставался имъ вѣренъ во всѣхъ періодахъ своихъ жизни.

Въ первый періодъ должно назвать еще *Масальскаго* и *Лубяновскаго*.

Начало связи съ *П. Г. Масальскимъ* и конецъ ея темны, даже и послѣ изданной его сыномъ переписки. Познакомилъ ихъ въ 1793 году товарищъ Сперанскаго, Сахаровъ (Августинъ, епископъ Оренбургскій) знавшій Масальскаго въ Ярославлѣ. «И они полюбили другъ друга», говоритъ сынъ его (стр. 119), «съ перваго ихъ знакомства, такъ что Сперанскій, опредѣленный въ началѣ 1797 г. въ канцелярію генералъ-прокурора, писалъ къ нему, призывая въ Петербургъ на службу: «Ожидаю васъ съ распростертыми и самыми теплыми объятіями. Пріѣзжайте, утвердивъ надежду вашу на Бога и связавъ ее съ надеждами моими, кои доселѣ еще меня не обманывали». Въ другомъ письмѣ: «за письма ваше, другъ мой сердечный Петръ Григорьевичъ, покорнѣйше васъ благода-

рю; побольше бы еще былъ благодаренъ, еслибы въ выраженіяхъ вашихъ больше находилъ дружбы, нежели учтивости. По связи моей съ вами, мнѣ кажется, вамъ бы можно себя уволить и меня освободить отъ благодарности, увѣреній и признательности».

Во время несчастій Сперанскаго, Масальскій представилъ ему примѣчательные опыты вѣрности и преданности, былъ усерднѣйшимъ исполнителемъ всѣхъ его просьбъ и порученій; между тѣмъ, послѣднее письмо къ нему было изъ Пензы 15 Апрѣля 1819 года. Какія же отношенія были между ними послѣ? Мы не находимъ также никакого извѣстія, чѣмъ Сперанскій засвидѣтельствовалъ свою благодарность Масальскому.

—

Что сказать о недостаткахъ Сперанскаго? Мы коснулись до нѣкоторыхъ, высшаго рода, признанныхъ имъ самимъ; замѣтимъ еще въ первомъ періодѣ—опрометчивость, самонадѣянность, въ коихъ онъ сознавался самъ; во второмъ періодѣ —скрытность, которая кажется и вообще принадлежала къ его свойствамъ, вмѣстѣ съ какою-то благовидною хитростію: онъ открывалъ людямъ только общее, только то, что казалось ему нужнымъ. Возвратившись изъ Сибири, Сперанскій, какъ человѣкъ, который обжегся на молокѣ, началъ дуть уже на воду, и совершенно ушелъ въ себя, чѣмъ и можно только объяснить отзывы о немъ Каподистріи и Карамзина.

Скажемъ два слова еще о какой-то особой расчетливости и излишней заботѣ при его умѣренной жизни и значительныхъ вознагражденіяхъ (жалованіе, аренды, земли, домъ и проч.), о хозяйственныхъ дѣлахъ. Она происходила вѣроятно отъ первоначальной нужды, въ коей онъ жилъ.

Вообще въ Сперанскомъ должно различать двухъ человѣкъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ: одного до ссылки и другаго послѣ ссылки.

Припишемъ эти недостатки и пороки, равно какъ и другіе, пропущенные нами, слабости человѣческой натуры, которая всего разительнѣе и яснѣе обнаруживается для нашихъ наблюденій именно на такихъ великихъ людяхъ, какъ Сперанскій. Сперанскій, Карамзинъ, Филаретъ, Кутузовъ, Растопчинъ, Ермоловъ, Мордвиновъ, Шишковъ—примѣчательные люди въ Русской исторіи: они имѣли каждый въ своей области случаи принести Отечеству великія услуги, и представляютъ, также каждый въ своемъ родѣ, тѣ или другіе недостатки. Надо намъ смотрѣть на нихъ, какъ и на всѣхъ своихъ братій, въ лучшія минуты ихъ дѣятельности, воздавать должную справедливость, и свидѣтельствовать благодарность за добро ими для насъ содѣянное. Бросать же камни или грязь въ ихъ священную память—признакъ невѣжества или дурнаго сердца. Изучать отрицательныя стороны, наравнѣ съ положительными, въ собственное назиданіе, отстраняя безусловныя похвалы,—о, это другое дѣло, не только не предосудительное, но желательное и похвальное, которое также у насъ, къ сожалѣнію, не въ ходу, и всякое порицаніе, даже съ почтеніемъ выраженное, считается оскорбленіемъ памяти. Другой родъ невѣжества или недостаточнаго развитія.

Я назвалъ нѣсколько именъ, принадлежащихъ къ царствованію И. Александра Перваго, и обратился вообще къ этому времени. Сколько еще припомнилось мнѣ почтенныхъ именъ! Воронцовъ, Багратіонъ, Барклай, Кочубей, Канкринъ, Нессельродъ, Репнинъ, Голицынъ (Д. В.), Васильчиковъ, Кикинъ, Коновницынъ, Балашевъ,

Раевскій, Бенигсенъ, самъ Аракчеевъ, Закревскій, Меньшиковъ, Бибиковъ, — вѣдь это все лица, фигуры историческія, съ именами, заслугами, съ характерами.

А ихъ преемники? Перифразируя эпиграмму Дмитріева, объ нихъ можно сказать развѣ: выѣхали въ Ростовъ!

Damnosa quid non imminuet dies!
Aetas parentum. pejor avis, tulit
Nos nequiores, mox daturos
Progeniem vicisiorem!*)

Мнѣ остается сказать еще два слова о книгѣ барона Корфа, которой я обязанъ большею частію основаній предлагаемаго опыта. «Жизнь графа Сперанскаго» составляетъ украшеніе нашей исторической литературы, и ни одно произведеніе этого рода въ послѣдніе годы не можетъ съ ними сравниваться. Тщательность въ собраніи свѣдѣній не имѣетъ и примѣра другаго въ Русской словесности. Если можно замѣтить, что никто и не могъ имѣть столько средствъ для того, какъ баронъ Корфъ, то должно прибавить, что никто и не умѣлъ бы такъ воспользоваться ими. Ясность изложенія въ самыхъ затруднительныхъ законодательныхъ вопросахъ доказываетъ мастера, хозяина и знатока. Наконецъ зоркость и проницательность въ сужденіяхъ объ источникѣ тѣхъ или другихъ дѣйствій, строгій анализъ, заставляютъ жалѣть, что баронъ Корфъ не избралъ предметомъ своего сочиненія болѣе обширнаго предмета, чѣмъ жизнь одного лица, хотя и такого лица, какъ Сперанскій. Къ недостаткамъ сочиненія, если это можно назвать недостаткомъ, а не необходимостію, — отнесемъ умолчаніе нѣкоторыхъ обстоятельствъ, безъ сомнѣнія. извѣстныхъ барону Корфу, и въ этомъ отношеніи надо удивляться искусству, съ которымъ эти обстоятельства обойдены. Впрочемъ, въ послѣднія десять лѣтъ, какъ вышла книга, многое, тогда сохранявшееся подъ спудомъ, вышло наружу, и можно надѣяться, что при новомъ изданіи Жизнь Сперанскаго явится въ полнѣйшемъ видѣ.

М. Погодинъ.

*) Тое. Чего не измельчитъ гибельное время! Поколѣніе отцовъ, которое хуже дѣдовъ, произвело насъ негоднѣйшихъ, а отъ насъ вскорѣ будетъ еще болѣе порочное потомство (Горацій, О. VII-я кн. III-я). П. Б.

УКАЗЪ

Императрицы Екатерины II-й.

Оренбурской губернской канцеляріи. Ея Императорское Величество указать соизволила. Хотя содежащіеся въ Ставропольскомъ духовномъ управленіи Оренбургской губерніи села Спаскаго (Чесноковка тожъ) попъ Иванъ Ѳедоровъ и дьячекъ Ѳедоровъ, попъ за то, что онъ въ отправленіи утренни и на молебнѣ на эктеніи упоминалъ о здравіи бывшаго Императора Петра III-го и говорилъ, якобы онъ здравствуетъ и оному дьячку Ѳедорову да понамарю приказывалъ на многолѣтіи пѣть о здравіи его жъ бывшаго Императора, а дьячекъ за то, что онъ по объявленному поповскому приказу оное многолѣтіе пѣлъ, надлежащему наказанію и достойны: но оное имъ изъ высочайшаго Ея Императорскаго Величества милосердія оставить и изъ подъ караула освободитъ. Марта 19 дня 1763 года. Генералъ прокуроръ Александръ Глѣбовъ. (Подлинное въ г. Оренбургѣ въ архивѣ Тургайскаго областнаго правленія, въ столбцѣ указовъ 1763 года листъ 42).

ИЗЪ ОЧЕРКОВЪ НЕДАВНЕЙ СТАРИНЫ.

«Свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ!»

У насъ, родившихся когда Грибоѣдовъ написалъ этотъ стихъ, есть въ памяти событія едва успѣвшія обратиться въ преданія, а уже кажущіяся невѣроятными: мы до того успѣли проникнуться преобразованіям, совершающимися въ строѣ ежедневной нашей жизни, они до такой степени были потребны,—что мы освоились съ ними, такъ сказать, наканунѣ того дня, когда они совершились, и мы сами не вѣримъ сегодня тому, что̀, по привычкѣ, мы дѣлали совершенно безсознательно вчера. Юноша, у котораго едва пробивается усъ, съ улыбкой недовѣрія слушаетъ разсказы о томъ, какъ богомольная барыня отправляла сѣчь на съѣзжей двороваго, доставившаго ей въ Москву черствою просвиру, за которою она посылала его верхомъ къ Николѣ на Угрѣшѣ; какъ добродушнѣйшій въ мірѣ помѣщикъ также приказывалъ сѣчь крестьянъ, которые недовольно усердно выплясывали на устроенномъ для нихъ же потѣхи сельскомъ праздникѣ. Юноша этотъ осмѣлится громко высказать сомнѣніе, когда ему скажутъ, что еще существуетъ въ подвалахъ одной изъ городскихъ думъ Россійской имперіи, такъ называемая «*Моховая*» т. е. покрытый плѣсенью и мохомъ подземный казематъ, въ которомъ въ то недавнее время, когда этотъ юноша уже явственно выговаривалъ «папа» и «мама», приковывались по единоличному и никѣмъ никогда не обжалованному отеческому приговору городскаго головы, купцы и мѣщане за *домашнія* вины: за нетрезвое поведеніе, за неповиновеніе родителямъ, за драку съ семейными, за непочтеніе къ старшимъ. А если этому юношѣ разсказать, что въ повѣсти «*Дубровскій*» портретъ Троекурова списанъ Пушкинымъ съ натуры *), что у этого богача-помѣщика, названнаго Троекуровымъ, однажды становой приставъ, привезшій изъ земскаго нижняго суда не удостоившуюся его одобренія бумагу, былъ посаженъ на цѣпь въ подвалъ на хлѣбъ и на воду,—тогда, пожалуй, юноша зальется такимъ смѣхомъ, какимъ мы не смѣялись даже при разсказахъ о походѣ лодокъ Олега на колесахъ, съ распущенными парусами, къ Царьграду, *по суху, аки по морю!*

Да что говорить объ юношахъ! Намъ нѣтъ еще и полувѣка, сѣдина еще коегдѣ только пробивается въ волосахъ, которые спереди довольно прилично скрываютъ оголенную макушку,—а и намъ не вѣрятся и кажутся удержавшимися въ нашей памяти изъ нянюшкиныхъ сказокъ командныя слова:—«Смотри веселѣе!... Больше игры въ носкахъ... Прибавь чувства въ икры!»—А развѣ не въ очію передъ нами совершалось, что, на такъ называемыхъ *репетичкахъ* разводовъ, измученные долгимъ ожиданіемъ, валившіеся подъ грузомъ ранца, подавленные тяжестію туго набитаго кивера съ колыхаю-

*) Съ Рязанскаго помѣщика Измайлова.

*

щимся отъ вѣтра почти аршиннымъ султаномъ, затянутые до удавленія туго застегнутымъ воротомъ и скрещенными на груди ремнями, солдаты въ точности исполняли эти команды: смотрѣли веселѣе, придавали игры носкамъ, чувства икрамъ, зная, сердечные, что кто этого не исполнитъ, отправится, какъ говорили въ то время, «куда Макаръ телятъ не гонялъ»!— мѣсто, сдѣлавшееся въ настоящее время также неизвѣстнымъ.

Замѣчательно, что солдатъ всему этому покорялся и покорялся безропотно, даже съ любовью, когда требованія эти дѣлались командиромъ, котораго онъ любилъ, въ которомъ видѣлъ начальника достойнаго себя, дѣлившаго съ нимъ холодъ и голодъ, готоваго положить животъ за честь Русскаго знамени. «Для милаго дружка и сережку изъ ушка!» говорили гусары, когда Кульневъ приказомъ запретилъ своимъ солдатамъ носить серьги, и никто не подумалъ роптать на причуду любимаго командира: солдаты ропщутъ только на Нѣмцевъ, а *Нѣмцами* зовутъ они и Русскихъ, которые не умѣютъ говорить съ ними. Принца Евгенія Виртембергскаго, хлебавшаго кашицу изъ артельнаго котла, Карла Ивановича Бистрома, который впереди своихъ егерей бросался на непріятеля, ни одному солдату и въ голову не приходило называть *Нѣмцами*.

Но даже и въ этихъ Нѣмцахъ, весьма нерѣдко Русскихъ, Русскій солдатъ всегда умѣлъ уважать два качества: храбрость и справедливость. Юридическія понятія у Русскаго мало развиты, и онъ не умѣетъ соразмѣрять наказанія, но цѣнитъ нелицепріятность въ наказаніи: наказаніе можетъ быть жестоко, но, пока оно одинаково-безразлично для каждаго, Русскій ему спокойно подчинится.

Лицо, къ которому относятся нижеслѣдующіе два разсказа, былъ изъ Нѣмцевъ въ сейчасъ указанномъ смыслѣ. Чисто Русскій по имени и происхожденію, Русскій помѣщикъ, перенесшій помѣщичьи привычки въ полкъ, лицо это не умѣло говорить сердцу солдатъ, но было честно въ отношеніи къ нимъ: солдатъ зналъ, что одинаково-строго командиръ накажетъ каждаго ослушника; солдатъ видѣлъ, какъ командиръ этотъ, несмотря ни на какую опасность, стоялъ всегда впереди на самомъ опасномъ мѣстѣ; слышалъ, какъ самъ-четвертъ, съ тремя казаками, отрѣзанный отъ своего отряда, онъ прорубился черезъ непріятельскую цѣпь и одинъ прискакалъ назадъ, и не смотря на педантство, на придирчивость, на жестокость этого командира, солдатъ чтилъ въ немъ безпристрастіе, чтилъ въ немъ отвагу воинскую, и все таки звалъ его «*Нѣмцемъ*».

Объ этомъ-то командирѣ существуютъ преданія, которыя кажутся въ настоящую минуту невѣроятными; но истинность приводимыхъ здѣсь разсказовъ не подвержена сомнѣнію. Первый изъ нихъ не можетъ быть безъизвѣстенъ многимъ слышавшимъ разсказы участниковъ войны 1813 года; оставшіеся въ живыхъ бывшіе въ двадцатыхъ годахъ субальтернъ-офицерами въ томъ полку, гдѣ случилось послѣднее событіе, едва ли могли его забыть: лѣтъ тридцать тому назадъ оно еще жило въ памяти каждаго офицера этого полка.

Имени командира выставить невозможно: его сынъ еще живъ, а неотрадно сыну встрѣтить имя отца, запятнанное преданіемъ о жестокости; притомъ и самая память командира заслуживаетъ уваженія. Онъ болѣе полувѣка съ честію носилъ Русскій мундиръ, честно и добросо-

вѣстно занималъ многія важныя государственныя должности и сошелъ въ могилу, окруженный если не любовію всѣхъ его знавшихъ, то во всякомъ случаѣ уваженіемъ, въ которомъ не могли ему отказать даже злѣйшіе его враги.—По всѣмъ этимъ обстоятельствамъ въ разсказахъ имя его опущено, и онъ названъ просто *командиромъ* безъ означенія двухъ полковъ, которыми онъ командовалъ,— однимъ въ 1813-мъ, другимъ—въ 1822-мъ году. Разсказы эти характеризуютъ не личность самаго командира, а эпоху, когда могли существовать подобные командиры; но такъ какъ оба разсказа касаются страшнаго наказанія *сквозь строй*, увѣковѣчившагося въ памяти народной подъ названіемъ *Зеленой улицы*, то неизлишне предпослать имъ еще разсказъ о томъ, какъ производилось это наказаніе. Этому разсказу придаетъ особенный интересъ то обстоятельство, что онъ, сколько память могла удержать, дословно приведенъ изъ устъ одного изъ коренныхъ Аракчеевскихъ солдатъ Новгородскаго военнаго поселенія, поселенія, гдѣ, какъ слишкомъ извѣстно, система тѣлесныхъ наказаній была доведена до непонятной нынѣ степени утонченности.

«Поставятъ насъ, бывало, въ два ряда, да и ведутъ провинившагося; а прежде—виноватъ, было забылъ—каждому припасутъ розгу, то есть оно только званіе что розга,— хворостина потолще, пожалуй, мизинца будетъ, да къ тому еще ровная такая и гибкая - прегибкая, такъ что уже вся какъ есть при ударѣ на спинѣ отлѣпится, а не то что въ одномъ мѣстѣ прихватитъ, а другое минуетъ. Какъ станутъ въ двѣ шеренги солдатики, вотъ ихъ и заставятъ надъ головой нѣсколько разъ этими самыми розгами помахать: для того: нужно знать, хорошо ли онѣ гнутся и вѣренъ ли взмахъ; иная еще и до спины не дойдетъ, а ужь переломится, — значитъ не годится; ну, и перемѣняй загодя. Вотъ это, какъ станутъ всѣ на мѣста, смирно, и приведутъ виноватаго; а приведутъ его такъ: руки у него привязаны къ прикладу ружья, а другой конецъ ружья у штыка держатъ два дюжіе солдатика: ихъ уже это дѣло тащить его, коли упрямится впередъ идти, или наваливаться на ружье, коли больно заторопится; для того — нужна въ ходу соразмѣрность, иначе весь порядокъ разстроится, потому что, при неровномъ ходѣ, тѣ, кто въ шеренгахъ стоитъ, розмаха порядочнаго имѣть не могутъ, — значитъ и ударъ неполонъ будетъ. Коли мало ударовъ, да парень попадется фарсистый, пожалуй и всю улицу на ногахъ пройдетъ; а то зачастую, половину пройдя, свалится, и его не то на скрещенныхъ ружьяхъ привязаннаго понесутъ (носилки не запомню, чтобы употреблялись), а не то одинъ изъ солдатъ на своей спинѣ до конца наказанія протащитъ. Бывало и такъ: коли не въ моготу, такъ отнесутъ въ лазаретъ, да какъ залечится спина, опять выведутъ доканчивать; только это рѣдко, потому что хорошій командиръ каждаго солдата натуру знаетъ; сколько кто ударовъ вытерпитъ, а коли кому опредѣлитъ ихъ не въ мѣру—значитъ тому смерть: мертваго на салазкахъ протащить велитъ, а что кому ассигновано, такъ тому и быть!

«Да и наказывать-то не легко было: взмахивать нужно игриво, попасть мѣтко и розгу держать не такъ, чтобы въ рукѣ свободна была, а большимъ перстомъ придерживать, чтобы въ ударѣ форсъ былъ. Товарищу тутъ поволить не приходилось, да и не до жалости, какъ знаешь, что за

шеренгами фельдфебель съ мелкомъ ходитъ: взмахъ ли не хорошъ, розга ли не придержана, ударъ ли коротокъ пришелся—разомъ на спину мелкомъ крестъ поставитъ. Бывало, всѣмъ, кажись, угодилъ начальству, а кончится сѣкуція, обернешься спиною къ сосѣду, спросишь: «крестъ есть?» — «Есть», скажетъ; ну, и знаешь, что самому наказанія не миновать.

«Бывали командиры лютые. Помню такого, — большой былъ шутникъ: вздумалъ фельдфебель почеловѣколюбствовать, идетъ за шеренгой, да ни за какую промашку креста и не ставитъ, а того и не чуетъ, что командиръ-то, за нимъ крадучись, самъ съ мелкомъ идетъ; кончилась сѣкуція—смотримъ у насъ ни у кого крестовъ нѣтъ, думали уже расходиться, только командуетъ командиръ: «Стой!—Фельдфебель, обернись!» Какъ обернулся, а у него вся спина въ крестахъ; тутъ же его сердечнаго разложили, да и наказали, да наказали-то такъ, что прямо пришлось свезти въ лазаретъ. Какъ выписали его оттуда, похаркалъ онъ съ мѣсяцъ, не то съ два кровью, да вскорѣ Богу душу и отдалъ; а все за свою глупость,—значитъ не добродушничай, а норови дѣлать какъ начальствомъ приказано!»

Много лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ пишущій эти строки слышалъ этотъ разсказъ; но изъ подобныхъ разсказовъ во всю жизнь слова не забудешь, и теперь, когда, болѣе тридцати лѣтъ спустя, они впервыя укладываются на бумагу, въ воображеніи возникаетъ изможденный образъ Аракчеевскаго солдата, сознававшаго справедливость казни фельдфебеля, засѣченнаго за то, что *добродушничалъ*; слышится его старческая рѣчь, прерываемая хохоточнымъ кашлемъ, послѣдствіемъ его прогулокъ по Зеленой улицѣ. Бѣдный, неразумный Салтычовъ! Да простится тебѣ безграничнымъ Милосердіемъ безсознательная жестокость, которую ты принималъ за исполненіе своего долга, которая казалась тебѣ обязанностію передъ твоимъ начальствомъ, передъ твоимъ Отечествомъ!

Вотъ что значило во время оно прогнаніе сквозь строй, вотъ что значило *пройтись по Зеленой улицѣ*!

Послѣ этого поясненія, приступимъ къ разсказамъ о двухъ событіяхъ изъ жизни одного и того же командира.

I.

Въ 1813 году, по переходѣ нашихъ войскъ за границу, отданы были приказанія о строжайшемъ соблюденіи дисциплины между солдатами: за всякое своевольство, за всякую обиду жителямъ Нѣмецкихъ провинцій, въ которыя вступали наши отряды, сулилось начальствомъ неминуемое наказаніе по всей строгости полеваго суда. Признаться, и поводовъ къ ссорамъ съ Нѣмцами не было: встрѣчая насъ избавителями отъ ненавистныхъ Французовъ, Нѣмцы оказывали намъ возможное гостепріимство; случалось, правда, что, при выступленіи проходящаго отряда, иной Нѣмецъ-хозяинъ не дочтется на своемъ дворѣ то поросенка, то куренка, то иной живности, но рѣдко кто за это взыскивалъ, сознавая, что какъ же взыскивать на проголодавшемся, плохо одѣтомъ, еще хуже обутомъ солдатикѣ за то, что онъ не устоялъ противъ искушенія—полакомиться даровщинкой! Вообще, можно сказать, что жалобъ на солдатъ не было, а когда и случались, то обходилось безъ наказанія; до наказаній вообще тогда командиры были не совсѣмъ охотливы:

ни для кого въ то время не было тайной, что командиры, слывшіе у солдатъ черезчуръ *лютыми*, частенько выбывали изъ строя при встрѣчахъ съ непріятелемъ, и раны-то на тѣлахъ ихъ не всегда находили спереди; случалось, что пули попадали имъ и въ затылокъ.

Нашъ командиръ былъ педантъ въ полномъ смыслѣ этого слова: никакое приказаніе начальства у него не считалось мертвою буквою; никогда не поднималъ онъ голоса, никогда не поддавался увлеченію, все у него дѣлалось по темпамъ, да и говорилъ-то онъ по темпамъ; но его размѣренной рѣчи солдаты боялись пуще, чѣмъ порывовъ гнѣва самаго бѣшенаго начальника, и никогда не смѣлъ никто ослушаться приказанія, переданнаго этимъ тихимъ, обдуманнымъ голосомъ, страшнымъ именно по своей тихости и обдуманности. Этого командира, разумѣется, солдаты не любили.

Случилось однажды нашему отряду имѣть ночевку въ одномъ Прусскомъ селеніи. Командиру отведено было помѣщеніе на самомъ краю селенія. Просто ли не спалось ему, или изучалъ онъ на топографической картѣ мѣстность, которую ему придется проходить завтра, только слышитъ онъ, уже за полночь, женскій крикъ неподалеку отъ дома; подошелъ къ окну,— видитъ, что съ однимъ изъ его солдатовъ барахтается какая-то Нѣмка: живность ли какую онъ у нея отнималъ, или склонялъ къ эротическимъ забавамъ (что также на походѣ случается), но дѣло въ томъ, что слышанный крикъ происходилъ отъ Нѣмочки. Командиръ подозвалъ виноватаго солдата (солдатовъ своихъ онъ зналъ всѣхъ до единаго), спокойно спросилъ его: знаетъ ли онъ приказъ объ избѣжаніи всякихъ ссоръ съ обывателями, отечески объяснилъ ему, что невозможно обижать союзниковъ и приказалъ отправиться подъ часы.

При утреннемъ рапортѣ объявленъ дальнѣйшій походъ, назначены для посылки впередъ квартирьеры; при докладѣ объ арестантѣ велѣно ему слѣдовать въ вагенбургѣ.

Дорога нашему отряду шла лѣсомъ, въ срединѣ котораго была довольно гладкая поляна. Дошли мы до нея; скомандованъ привалъ; ружья велѣно составить въ козлы. Между тѣмъ, командиръ подозвалъ дежурнаго по отряду, велѣлъ ему отобрать нѣсколько піонеровъ съ заступами и, когда они собрались, самъ повелъ ихъ къ опушкѣ лѣса и велѣлъ рыть яму, между тѣмъ какъ остальнымъ становиться въ двѣ шеренги, запасшись шпицрутенами. Когда все было исполнено, тогда только командиръ приказалъ привести вчерашняго арестанта и, разсказавъ офицерамъ его проступокъ, велѣлъ гнать его сквозь строй.

Едва ли найдется человѣкъ, у котораго нервы довольно одеревенѣли, чтобы хладнокровно присутствовать при томъ, какъ гоняютъ сквозь строй: при маломъ числѣ ударовъ наказаніе производитъ дѣйствіе сильнаго слабительнаго, при большомъ—летятъ со спины клочья кожи и мяса, и извергаются потоки крови! Зрѣлище это либо остервеняетъ человѣка, либо одуряетъ всѣ его понятія.

Арестантъ кончилъ свое шествіе: «Веди назадъ!» раздался голосъ командира «Онъ не можетъ идти!» — «Тащи его!» «Не отвѣчаю за жизнь!»—сказалъ докторъ, щупая пульсъ.—«Исполнять, что приказано!» отвѣчалъ командиръ.

Несчастнаго понесли назадъ: послѣдніе удары пали на его уже бездыханное тѣ-

ло!—«Умеръ»!—рѣшилъ докторъ, по окончаніи обратнаго шествія. Тогда командиръ приказалъ снести тѣло къ вырытой ямѣ, снявъ фуражку, скомандовалъ: «на молитву», велѣлъ опустить тѣло, сотворялъ предъ нимъ земной поклонъ и, бросивъ на него первую горсть земли, отошелъ въ сторону. Потомъ, когда надъ погребеннымъ возвысился могильный курганъ, онъ велѣлъ барабанщикамъ бить походъ, сѣлъ на лошадь, скомандовалъ: «Стройся повзводно! — Господа офицеры по мѣстамъ!—Маршъ!» и тихо, въ головѣ всего отряда, поѣхалъ впередъ.

Мы были въ какомъ-то отуманеніи чувствъ; намъ не вѣрилось, что солдатикъ, дѣлившій съ нами полчаса тому назадъ всѣ трудности похода, переживиій столько сраженій заодно съ нами, еще вчера спутникъ нашъ въ радости и въ горѣ, оставленъ нами гдѣ-то... тамъ, на опушкѣ какого-то лѣса, нами засѣченный, нами зарытый, нами закиданный чужою Нѣмецкою землею. А передъ нами, въ виду всѣхъ, медленно двигалась высившаяся на конѣ мрачная фигура командира: и хоть бы разъ повернулся онъ назадъ, а то даже во весь путь и не посмотрѣлъ на насъ, какъ бы не удостоивая подозрѣвать, что его затылокъ можетъ служить вѣрнымъ прицѣломъ для первой шальной пули, пущенной негодующимъ товарищемъ засѣченнаго.

Что чувствовалъ командиръ, что чувствовали прочіе—не знаю! Знаю только, что пришедши на ночлегъ, не смотря на усталость, я не могъ во всю ночь глазъ сомкнуть отъ *раскаянія*; я чувствовалъ себя соучастникомъ въ *убійствѣ* несчастнаго, который покорился своей участи, даже не произнеся мольбы о своемъ помилованіи!

Въ эту кампанію командиру не пришлось болѣе наказывать въ нашемъ отрядѣ: поведеніе солдатъ было рѣшительно безукоризненно; до сдачи имъ командованія отрядомъ не было ни одного проступка противъ дисциплины: убійство бѣднаго солдата утвердило примѣрный, или вѣрнѣе безпримѣрный, порядокъ во всѣхъ его товарищахъ.

Но не безпримѣрна ли была и жестокость!

II.

Служака, скажу вамъ, я былъ въ полку не послѣдній! Шагистику всю и фрунтовистику, какъ есть, поглотилъ цѣликомъ! Бывало, церемоніальнымъ маршемъ передъ начальникомъ проходишь, такъ всѣ до одной жилки въ тѣлѣ почтеніе ему выражаютъ; а о правильности темпа въ шагѣ, о плавности поворота глазъ на-право, на-лѣво, о бодрости вида—и говорить нечего! Идешь это передъ ротою, точно одно туловище съ ногами впередъ идетъ, а глаза-то такъ отъ генерала и не отрываются! Самъ-то все впередъ идешь, а лицомъ-то все на него глядишь! Со стороны посмотрѣть, истинно думаю, должно было казаться, что голова на пружинѣ: нѣтъ-нѣтъ, да лицомъ на затылокъ перевернется!

А нынче что? Ну кто нынче ухитрится ногу съ носкомъ въ прямую линію горизонтально такъ вытянуть, что носокъ такъ тебѣ и выражаетъ, что, вотъ молъ, до послѣдней капли крови готовъ за Царя и Отечество животъ положить!

А хоть служакой и былъ я хорошимъ (то-есть, такимъ, что безъ хвастовства сказать, въ полку другаго такого при мнѣ и не было), а какъ, бывало, подходитъ время къ инспекторскому смотру, такъ сердце не на мѣстѣ.

Оно не то, чтобы по хозяйству страшно было: вѣдь это только на бумагѣ писалось, что инспектированіе, дескать, должно удостовѣрять, что солдаты все, имъ отъ казны положенное, получаютъ; солдатъ почему знастъ, что̀ ему отъ казны положено? Да и не дуракъ солдатъ, чтобы сознаться, что, за недостаткомъ дровъ въ казармахъ, онъ у сосѣдей заборъ раззорилъ, или что себѣ въ щи цѣлой ротой у огородника нѣсколько грядъ капусты, или картофеля повыкопалъ; солдатъ всякій знаетъ, что «доносщику первый кнутъ»; да и то ему вѣдомо, что грабить и съ голода не позволено. Къ тому же дѣло и начальству было не безъизвѣстное. что только съ дровъ, да съ припасовъ, да съ аммуниціи полковой командиръ доходъ и наверстаетъ: иначе и извернуться съ коммисаріатомъ было бы ему нечѣмъ.

Нѣтъ, на счетъ экономіи можно было быть совершенно спокойнымъ: Богъ не выдастъ, свинья не съѣстъ! Попался, правда, разъ одинъ полковой комадиръ на крагахъ,—уволили отъ полка, да ужъ больно хитрую штуку выдумалъ.

Вы, молодежь, небось нынче и не знаете: что это и за *краги* такіе были? А это, видите ли, были голенища кожаныя, которыя надѣвались сверхъ брюкъ, съ застежками по бокамъ. За кожу на нихъ, да на шитье, да и за пуговицы отпускались деньги, которыя, разумѣется, прямо отправлялись командирамъ въ карманъ; а солдатики, знай себѣ, старыя краги донашивали: ваксой натрутъ—за новыя идутъ. Только однажды инспекторскій смотръ: хвать, хвать! а на старыхъ-то крагахъ кожа до того перегорѣла, что пуговицы не держатся. Только голь хитра на выдумки: соорудили краги изъ сахарной бумаги, ваксой натерли—словно зеркало блестятъ! Такъ бы и сошло. Надобно же случиться бѣдѣ! Инспекторъ ли новый попался больно ретивый, измѣна ли какая случилась, только открылась вся штука! Командиру, разумѣется безъ огласки, велѣли выйти въ отставку, да вслѣдъ за тѣмъ (спасибо ему, доброму человѣку) и самыя краги отмѣнили. Хорошо что отмѣнили, а то, бывало, краги застегивать—пребѣдовая коммиссія!

Такъ вотъ, я говорилъ, по хозяйству инспекторскихъ смотровъ бояться было нечего: безъ слѣдствія всякому солдатскому заявленію не повѣрятъ же; а слѣдствіе зачнется тѣмъ, что заявителя-то засадятъ подъ часы, да на хлѣбъ-на воду, да аудиторъ такъ засудитъ, что его же раба Божьяго за ложный доносъ безъ выслуги запишутъ въ линейный какой нибудь баталіонъ, а на дорогу еще всыплютъ нѣсколько сотенъ.

Страсть-то не въ этомъ, а въ *бодромъ видѣ* солдатъ, да въ пригонкѣ на нихъ аммуниціи. Бѣда это, бывало, съ ремешками, да съ репейками, да съ помпонами, да со всѣмъ инымъ прочимъ. Ну, куда за всѣмъ углядѣть! Всякая-то вещь отдѣльно—пустякъ! а за эти-вотъ за самые пустяки, хорошо коли только гауптвахтой отдѣлаешься, а не то иной разъ и въ гарнизонъ угодишь.

Нашъ командиръ ужъ очень хорошо это понималъ, и меня, спасибо ему, по достоинству цѣня, многому-таки понаучилъ. Однимъ упрекнуть можно, педантъ былъ, все бывало твердитъ: «что̀ солдату назначено, то ему и отпускай; взыскивай съ него должное, да и отпускай должное». Насчетъ взысканія оно вѣрно, а на счетъ отпуска онъ ошибался: отпусти солдату что̀ положено, все онъ истратитъ; сколько хочешь не додай, будетъ на томъ доволенъ; отпусти лишнее—тоже ничего

не оставитъ. Такая ужъ у него солдатская натура!

Да ужъ нечего говорить—чудакъ былъ командиръ! Другіе командиры только думали какъ бы смотръ съ рукъ сбыть, а онъ, все время командованія нашимъ полкомъ, завелъ, чтобы каждый разъ передъ инспекторскимъ смотромъ *репетичка* была; смѣшно сказать--самъ себя инспектировалъ! Жутко приходилось солдатамъ выстаивать эти репетички, да и намъ, офицерамъ, сокомъ онѣ доставались.—пожалуй, солонѣе самаго смотра приходились, потому что на смотру инспектирующій генералъ обойдетъ ряды, иной разъ для приличія, то-есть больше для острастки, придерется къ какимъ-нибудь пустякамъ, опроситъ солдатиковъ: «Всѣмъ ли довольны?» «Всѣмъ довольны, ваше превосходительство!» «Все ли получаете?» «Все получаемъ ваше превосходительство!» Случилось разъ — забавникъ попался инспекторъ,—спросилъ: «А сахарными пирогами командиры кормятъ?» «Кормятъ ваше превосходительство!» — Потому что солдаты пріучены были послѣднее генеральское слово дружно подхватывать. Пропуститъ потомъ церемоніальнымъ маршемъ пройти, да и вся недолга! Ну, разумѣется, коли на маршѣ пуговица у солдата отлетитъ, либо кутасы на киверахъ въ шеренгѣ не въ одинъ размѣръ шевелятся, либо какой помпонъ изъ общей линіи выскочитъ взадъ или впередъ, опустится ниже или поднимется выше, тогда виноватому, извѣстно, что̀ слѣдуетъ ему, назначатъ, да и отдѣленный, зачастую ротный, а иной разъ и баталіонный—гауптвахты не минуютъ. Да вѣдь это случай; ну, а за всякимъ случаемъ не угоняешься!

А ужь на репетичкахъ случаевъ не бывало: тутъ все на чистоту открывалось. Выведутъ спозаранку назначенный на репетичку баталіонъ, соберетъ около себя командиръ всѣхъ офицеровъ, да и станетъ по-одиночкѣ каждаго солдатика выкликать, да разсматривать—душу всю этимъ осмотромъ вытянетъ! Сперва оружіе осмотритъ, киверъ скинетъ и, Боже упаси, коли какая въ немъ лишняя дрянь, трубка что̀ ли, или рожокъ съ табакомъ, запихана — не терпѣлъ онъ табаку, даже мы его за это раскольникомъ между собою прозвали; а тамъ за ранецъ примется; да ужъ въ конецъ концовъ мундиръ и брюки осматривать станетъ; да вѣдь какъ осматривалъ! Пальцы между пуговицъ пропихиваетъ, между зобомъ и воротомъ суетъ, иной разъ велитъ разстегнуться, да показать, не грязна ли рубашка, и во все это время для нашей науки причитываетъ, что солдатъ долженъ заботиться о чистотѣ, что Царемъ данное оружіе лелѣять слѣдуетъ, что военному человѣку отнюдь не нужно приставать къ такимъ привычкамъ, которымъ на походѣ удовлетворять нельзя, что онъ долженъ пріучаться и къ холоду, и къ голоду, и къ лишеніямъ, и къ терпѣнію; и все это приговариваетъ не торопясь, тихо, съ разстановками.

А мы-то̀ стоимъ, бывало, около него, да слушаемъ, да не дождемся: скоро ли кончитъ онъ вычитывать свои рацеи, да насъ портняжьему искусству научать, да отпуститъ насъ водочки выпить и, чѣмъ Богъ послалъ, закусить.

Впрочемъ, намъ-то еще съ полгоря; а жалко, бывало, солдатиковъ. Еще хорошо, коли скомандуетъ: «ружья *къ ноги*!» стоять *вольно*»; но иной разъ забудетъ что̀ ли, а не то, пожалуй, и не безъ умысла, начнетъ онъ свой осмотръ послѣ команды: «*на плечо*», да не скомандуетъ: «*къ ноги*»; такъ и выстаивай—сердечные солдатики—

неподвижно, вытянувшись въ струнку, съ ружьями подъ прикладъ, часа два, не то три, а забывшись и больше, пока не отпуститъ наши души на покаяніе!

Вѣкъ буду жить, а въ вѣкъ не забуду что на одной такой репетичкѣ смотра случилось. Скомандовалъ командиръ «*къ ногѣ*», да и началъ осмотръ; смотритъ часъ, смотритъ другой; вдругъ слышитъ (а командиръ страшно на ухо чутокъ былъ) въ задней шеренгѣ вздохнулъ солдатикъ очень глубоко, да въ полголоса, должно быть въ забытьѣ, проговорилъ очень жалобно: «Охъ! Охъ! Охъ!» Повернулся командиръ: «Кто тамъ вздохнулъ? говоритъ, выходи!» Вышелъ солдатикъ: «Что? спрашиваетъ тихимъ голосомъ, усталъ братецъ?» А тотъ съ дуру-то и брякнулъ: «Виноватъ, ваше превосходительство,—усталъ!» «Отчего же ты, возразилъ командиръ, усталъ? А я, говоритъ, твой полковой командиръ, да и всѣ эти (на насъ показываетъ) господа офицеры, твои командиры, не устали? Ты, говоритъ, въ полной формѣ, и мы также въ полной формѣ, да и я, да и они всѣ въ полной формѣ (про ружье, да про ранецъ не упомянулъ). Вѣдь и наше, говоритъ, дѣло не легкое: ты, вотъ, за себя одного отвѣчаешь, а мы за васъ, за всѣхъ, передъ Царемъ, да передъ Отечествомъ отвѣчаемъ. Ты, говоритъ, знаешь ли долгъ свой? Отвѣчай—знаешь ли?» Ну гдѣ же солдату отвѣчать?—Извѣстное дѣло, отвѣчаетъ: «Виноватъ, ваше превосходительство!» «Я знаю, что виноватъ; но въ чемъ виноватъ? Вотъ я тебѣ растолкую, въ чемъ ты виноватъ».... и пошелъ толковать ему (понимается, больше намъ, офицерамъ, въ урокъ), что долгъ воина—повиновеніе, лишеніе, терпѣніе, и все въ этомъ тонѣ. Кончилось, разумѣется, наказаніемъ; да наказаніе то ужь больно видно, жестоко было: какъ наказали солдатика, такъ въ лазаретъ полковой снесли; полежалъ онъ тамъ много времени ничкомъ и какъ его ни лечили, а пришлось за неспособностію изъ службы выписать. Ходилъ у насъ въ полку слухъ, что командиръ самъ не разъ къ нему въ лазаретъ захаживалъ, а какъ на родину отпустили, такъ и пенсію ему по самую смерть опредѣлилъ. Кто тому вѣрилъ, кто не вѣрилъ, а иные говорили, что высшее начальство съ тѣмъ уговоромъ только командиру и взысканія никакого за наказаніе не сдѣлало. Да кто его знаетъ, онъ и самъ такой чудной былъ: можетъ-быть, просто отъ себя наградилъ за то, что солдатикъ не могъ больше службу продолжать. А впрочемъ и то — правду надобно сказать—солдатикъ-то, самъ по себѣ, ледащій былъ!

Съ тѣхъ поръ въ нашемъ полку никакого баловства въ строю больше не было: хоть сутки простоитъ солдатъ съ ружьемъ, подъ прикладъ ли, къ ногѣ ли, а ужъ не охнетъ! Да что и говорить — не случись Турецкой кампаніи и оставайся у насъ прежній командиръ, первымъ бы въ войскѣ полкомъ по выправкѣ былъ. Ну, а объ войнѣ, извѣстное дѣло, тѣмъ, кто умнѣе меня, сказано, что «война солдатъ портитъ».

А все таки скажу—сильное ощущеніе производитъ инспекторскій смотръ; но не въ примѣръ сильнѣе производили *репетички* этихъ смотровъ, которыя завелъ у насъ этотъ командиръ; здоровая моя натура, а не дай Богъ на ночь объ нихъ вспомнить; то-есть честью вамъ клянусь: попадись въ наше время какой нибудь офицерчикъ съ нынѣшнимъ слабонервіемъ— и Боже упаси!... бѣжалъ бы изъ полка!

Невѣроятно, не правда ли? а между тѣмъ эти разсказы—не сказки, а были.

Да, истинныя были и были столь недавнія, что онѣ остались въ памяти людей, еще живыхъ, еще не совершенно старыхъ; а между тѣмъ, онѣ уже обратились въ какія-то чудовищно-невѣроятныя преданія. Возблагодаримъ же Провидѣніе за то, что такое *минувшее* прошло безвозвратно, за то, что *настоящее* сдѣлало это минувшее впредь невозможнымъ, и будемъ ожидать *будущаго* еще болѣе блистательнаго, которому это настоящее служитъ вѣрнымъ залогомъ.

19 Февраля
1871

Новонайденные стихи Лермонтова къ Николаю Николаевичу Арсеньеву.

Дай Богъ, чтобъ ты не соблазнялся
Приманкой сладкой бытія,
Чтобъ духъ твой въ небо не умчался,
Чтобъ не изсякла плоть твоя.
Пусть покровительство судьбины
Повсюду будетъ надъ тобой,
Чтобъ умъ твой не вскружили вины
И взоръ красавицы младой.
Ланиты и вино не рѣдко
Фальшивой краскою блестятъ:
Вино поддѣльное, кокетка—
Для головы и сердца ядъ.

М. Лермонтовъ.

(Съ собственноручнаго подлинника, изъ альбома Елизаветы Николаевны Лиссотовичъ, урожденной Арсеньевой. Отецъ ея, Николай Николаевичъ Арсеньевъ, былъ двоюродный братъ матери Лермонтова; но по лѣтамъ былъ ему сверстникъ).

О Нѣмецкомъ сочиненіи Императрицы Екатерины II-й.

Въ Русскомъ Архивѣ сего года, на стр. 293, въ отрывкѣ изъ Записокъ Н. И. Греча, упоминается о переведенной Семеномъ Великимъ съ Нѣмецкаго языка восточной повѣсти Обидагъ [1], напечатанной вмѣстѣ съ оригиналомъ въ 1787 г., въ Спбургской Императорской типографіи Вейтбрехта. Оригиналъ этой повѣсти, по словамъ историка Нѣмецкой литературы Курца, принадлежитъ къ числу немногихъ сочиненій на Нѣмецкомъ языкѣ Императрицы Екатерины II-й, которая такъ хорошо, по своему времени, владѣла Русскимъ языкомъ и писала на Французскомъ письма къ Вольтеру и свои мемуары. Вотъ что говоритъ Курцъ въ 3-мъ томѣ Исторіи Нѣмецкой литературы, исчисляя Нѣмецкихъ писательницъ той эпохи: «Для достопамятности упомянемъ о Русской Императрицѣ Екатеринѣ II-й; она написала восточную повѣсть Обидагъ (1786 года) и многія другія».

Считаемъ не лишнимъ привести эту замѣтку, такъ какъ о Нѣмецкихъ сочиненіяхъ Императрицы Екатерины, кажется, у насъ еще нигдѣ не было говорено.

П. Х.

[1]) Напечатано по ошибкѣ Обидачъ.

Спасо-Нередицкая церковь.

(Сообщено г. Скалдинымъ).

Въ трехъ верстахъ отъ Новгорода, посреди низменнаго берега Волхова и вблизи древняго историческаго Городища, стоитъ на довольно возвышенномъ пригоркѣ маленькая одноглавая церковь *Спасъ-Нередица*. Снаружи она представляетъ видъ полнаго запущенія: желѣзо на главѣ продырявѣло; старая деревянная крыша скоро должна разрушиться; стѣны обнажились отъ извести и мѣстами осыпаются. Надъ входомъ сохранились еще остатки фресковаго изображенія Деисуса. За ветхостію церкви, богослуженіе совершается въ ней раза два въ годъ, для окрестныхъ крестьянъ; остальное время она стоитъ запертая и безмолвная, какъ могильный памятникъ давно минувшихъ вѣковъ Русской исторіи. Чтобы проникнуть въ нее, надобно обратиться къ священнику Благовѣщенской церкви что на Городищѣ, къ которой Спасо-Нередицкая церковь приписана, какъ заштатная.

Войдя внутрь, мы сперва вступаемъ въ тѣсный и темный придѣлъ; низкій деревянный потолокъ, очевидно позднѣйшаго устройства, едва держится и въ самой срединѣ подпертъ простымъ коломъ. Перейдя изъ придѣла въ самую церковь, посѣтитель вдругъ переносится въ глубокую древность. Всѣ стѣны церкви покрыты фресками древняго Греческаго пошиба, современными самому основанію этой церкви, которое относится къ концу XII вѣка. Нѣкоторые фрески были когда-то подправлены; до другихъ, очевидно, еще не касалась рука реставраторовъ. Изъ числа этихъ первоначальныхъ фресковъ въ особенности замѣчательно изображеніе строителя этой церкви, Новгородскаго князя Ярослава Владиміровича. Ярославъ, съ созданною имъ церковію въ рукахъ, предстоитъ Спасителю, сидящему на престолѣ. На князѣ красная шапка, отороченная внизу бѣлымъ горностаемъ, совершенно подобная той, которая хранится въ ризницѣ Новгородскаго Софійскаго собора. Это изображеніе доказываетъ, что фрески современны самому созданію церкви. Надобно вспомнить, что Ярославъ Владиміровичъ, насильно навязанный Новгородцамъ великимъ княземъ Всеволодомъ Суздальскимъ, былъ трижды принимаемъ въ князья и трижды изгоняемъ изъ Новгорода. Послѣднее его удаленіе случилось (1199 г.) не далѣе, какъ черезъ годъ по основаніи Нередицкой церкви, и затѣмъ родъ его никогда уже болѣе не княжилъ въ Новѣгородѣ. Нельзя предположить, чтобы этомъ нелюбимый Новгородцами князь («негодовахуть бо ему Новгородьци, зане много творяху пакости волости Новгородьскѣй» *), не оставившій притомъ своего потомства въ Новгородѣ, былъ изображенъ на стѣнахъ этой церкви уже послѣ ея созданія.

Хорошо также сохранилось изображеніе

---

*) Полн. Собр. Р. лѣт. III, 18.

мучениц Варвары и Іуліаніи, съ надписями: «о агіа Варвара, о агіа Уліана».

Въ числѣ поправленныхъ фресковъ нѣкоторыя изображаютъ событія изъ жизни Св. князя Всеволода-Гавріила, создателя Юрьевскаго монастыря (1119 г.).

Иконостасъ имѣетъ пять ярусовъ. Мѣстныя иконы весьма древняго письма, особенно храмовая, изображающая Преображеніе Господне. Царскія врата деревянныя, превосходной мелкой рѣзьбы, но не сквозныя, а накладныя на доскахъ, и повидимому весьма древней работы. Въ алтарѣ прежде всего обращаетъ вниманіе горнее мѣсто, каменное, грубой древней работы. Надъ горнимъ мѣстомъ фресковое изображеніе Знаменія Пр. Богородицы. На лѣвой стѣнѣ алтаря: апостолъ Тимоѳей, Св. Екатерина (Катъ-рына) и «агіос Петръ Александрьскый». На правой: «агіос Илія» въ пещерѣ, съ сѣдыми всклокоченными власами и весьма выразительнымъ лицемъ; Іоаннъ Предтеча съ надписью «Іѡ Πρόδρομος»; далѣе «агіос Игнатей» и «агіос Григорей». Алтарь отдѣленъ арками отъ жертвенника и діаконника. Въ узкомъ оконцѣ жертвенника сохранился оконный переплетъ, носящій слѣды глубокой древности: онъ сдѣланъ изъ одного толстаго дубоваго куска, въ видѣ развѣтвленій оленьяго рога. Церковь построена, какъ и большая часть нашихъ древнѣйшихъ зданій, изъ плитообразнаго кирпича, между которымъ заложены различной величины камни. Она имѣетъ форму шестисаженнаго квадрата, съ тремя полукружіями на восточной сторонѣ. Сводъ поддерживается четырьмя столбами; къ двумъ западнымъ придѣланы большіе деревянные хоры, а къ восточнымъ иконостасъ. На сводахъ и по стѣнамъ вдѣланы голосники, въ видѣ большихъ глиняныхъ кувшиновъ. Окна весьма узкія, напоминающія бойницы крѣпостей. Трибунъ, поддерживающій главу, скрѣпленъ изнутри деревяннымъ кружаломъ, повидимому недавняго устройства; но кружало это начинаетъ замѣтно садиться внизъ. Окна въ трибунѣ заложены кирпичемъ.

Это именно та часть зданія, которая болѣе всего угрожаетъ близкимъ разрушеніемъ. Колокольня построена въ концѣ прошлаго вѣка; въ древности вѣроятно была лишь небольшая звонница, по обычаю Новгородскихъ церквей. Изъ немногихъ вещей, сохраняющихся въ церкви; наиболѣе древними слѣдуетъ признать: во первыхъ, деревянный крестъ съ рѣзьбою, во вторыхъ, церковную металлическую кружку, въ видѣ маленькаго кувшинчика, вершка въ полтора длиною, съ замочкомъ, пробоемъ и скважиною, въ которую едва пройдетъ нынѣшній серебряный пятачекъ. Въ церкви хранятся медаль и дипломъ, выданные на имя Спасо-Нередицкой церкви на Парижской всемірной выставкѣ за представленіе образцовъ древняго иконописанія. По словамъ мѣстнаго священника, снимки съ церковныхъ фресковъ, посланныя на выставку, были изготовлены кѣмъ-то изъ художниковъ Императорской Академіи.

Вотъ настоящее положеніе Спасо-Нередицкой церкви. Теперь скажемъ нѣсколько словъ о ея прошедшемъ. Церковь эта и нѣкогда существовавшій при ней Нередицкій монастырь, основаны, какъ было уже упомянуто, Новгородскимъ княземъ Ярославомъ Владиміровичемъ въ 1198 г. Князь этотъ былъ безземельный внукъ Мстислава Великаго и поставленъ на Новгородскій столъ своимъ свойкомъ, великимъ княземъ Всеволодомъ Суздальскимъ, который сильно напиралъ на Новгородъ,

желая подчинить его своему вліянію. То было въ самый разгаръ усобицъ между потомками Ярослава 1-го, когда князья, какъ шальные, метались изъ стороны въ сторону, бороздили Русскую землю, добывая себѣ вотчины: изъ Курска шагали въ Новгородъ, оттуда перебрасывались въ Кіевъ или Переяславль, приводя нерѣдко съ собою ватаги Половцевъ и Черныхъ Клобуковъ. На югѣ Русь отбивалась отъ поганыхъ степныхъ кочевниковъ, Половцевъ и Печенѣговъ, на сѣверѣ воевала съ Шведами и Чудью. Это же было и самое бурное время Новгорода, когда Новгородцы безпрерывно то призывали, то выгоняли князей, нерѣдко заставляя ихъ силой княжить у себя (ибо безъ князя они не терпѣли быть); одинъ конецъ города возставалъ на другой; побѣдители сажали своего посадника, а людей имъ нелюбыхъ свергали съ моста въ Волховъ. Время вольницы, безтолковщины, хаотическаго броженія несложившихся элементовъ, время, за которое Русь должна была въ послѣдствіи поплатиться Татарскимъ игомъ, отпаденіемъ подъ власть Литвы и Польши большей и лучшей половины древнихъ Русскихъ земель, наконецъ поплатиться Московскимъ періодомъ, съ его холопствомъ и казнями, когда Русь была окрещена кровію и огнемъ въ единую, сильную державу. Въ такое-то время создана была Нередицкая церковь, присутствовавшая, такъ сказать, при самомъ зарожденіи Русскаго государства и съ тѣхъ поръ, почти безъ перемѣнъ, сохранившаяся до нашихъ дней, въ теченіе 670 лѣтъ! Нередицкая церковь находится вблизи того Городища, гдѣ стояла въ древности Княжеская изба и гдѣ, начиная съ Рюрика и до покоренія Новгорода Москвою, проживали напчаще Новгородскіе князья: оберегаясь городскихъ смутъ, они неохотно оставались на Ярославовомъ дворѣ. Недавно близь самой церкви была случайно отрыта гробница изъ цѣльнаго бѣлаго камня, съ двумя скелетами юнаго возраста (опять закопанная въ землю). Очевидно, столь роскошная по тогдашнему времени, гробница не могла скрывать тѣла простыхъ иноковъ или послушниковъ монастыря, а должна была принадлежать знатнымъ лицамъ. Близость Нередицкаго монастыря къ Городищу дѣлаетъ вѣроятнымъ предположеніе, что то были останки двухъ княжескихъ дѣтей, умершихъ одновременно вслѣдствіе какого-либо несчастія или вѣроятнѣе—отъ одной изъ тѣхъ повальныхъ болѣзней, которыя были столь часты въ то время. Древніе Русскіе князья имѣли обычай созидать вблизи своего двора монастырь, гдѣ упокоивались ихъ останки и куда нерѣдко сами они или ихъ домочадцы удалялись отъ міра, принимая постригъ. Такъ въ Смоленскѣ, не вдалекѣ отъ княжескаго двора, на рѣчкѣ Смядынкѣ (за чертою нынѣшняго города) находилась обитель, развалины которой замѣтны еще донынѣ. Здѣсь, какъ говоритъ лѣтописецъ, въ 1197 г. Смоленскій князь Давидъ, чувствуя приближеніе смерти, принялъ схиму, вскорѣ затѣмъ умеръ и погребенъ *). Въ концѣ 1830 годовъ среди развалинъ Смядынскаго монастыря были отрыты два гроба, высѣченные изъ цѣльныхъ известковыхъ камней: одинъ въ величину полнаго человѣческаго роста, другой меньшаго размѣра; въ семъ послѣднемъ найденъ золотой вѣнчикъ у изголовья и небольшой топоръ. Весьма вѣроятно, что и Нередицкій монастырь, какъ ближайшій къ княжескому двору на Го-

*) Прибавл. къ Ипат. Л., стр. 326.

родищѣ, былъ усыпальницею нѣкоторыхъ Новгородскихъ князей или по крайней мѣрѣ ихъ ближнихъ родственниковъ.

Что́ касается до названія Нередица или Нерядица, то быть-можетъ, оно дано этому монастырю потому, что онъ находился не въ ряду города, а за чертою Словенскаго его конца. По близости къ Городищу, монастырь сей именовался также Спасомъ на Городищѣ.

Сколько воспоминаній и мыслей пробуждаетъ эта малая, убогая, какимъ-то чудомъ сохранившаяся Нередицкая церковь, съ ея стѣнами и фресками, оставшимися нетронутыми съ конца XII вѣка! Немного на Руси памятниковъ, столь хорошо уцѣлѣвшихъ отъ древнихъ временъ. А между тѣмъ этотъ драгоцѣнный остатокъ нашей старины оставленъ въ пренебреженіи, на произволъ разрушительнымъ стихіямъ. Пройдетъ еще немного лѣтъ, и Нередицкая церковь, съ ея дырявою главою и ветхою деревянною крышею, будетъ размыта дождями; изчезнутъ фрески, по своей древности и полнотѣ почти не имѣющіе себѣ подобныхъ въ Россіи. Наши Археологическія Общества заботливо собираютъ старинныя монеты, утвари и разныя мелкія вещи, находимыя въ землѣ; а здѣсь, на глазахъ всѣхъ, изчезаетъ памятникъ, доживающій до 700 лѣтъ своего существованія. Въ числѣ вопросовъ, предположенныхъ къ обсужденію на второмъ археологическимъ съѣздѣ, имѣющемъ быть въ Петербургѣ въ Декабрѣ нынѣшняго года, первое мѣсто занимаетъ вопросъ: «Какія должны быть приняты мѣры къ сохраненію и приведенію въ извѣстность памятниковъ какъ языческой, такъ и христіанской древности въ Россіи?» (Прав. Вѣстн. № 54-й 1871 г.). Пока съѣздъ будетъ обсуживать этотъ вопросъ и потомъ приводить въ извѣстность существующіе у насъ памятники, одинъ изъ драгоцѣннѣйшихъ памятниковъ, стоящій въ виду губернскаго города, наиболѣе богатаго остатками древности, быть-можетъ, придетъ въ непоправимое разрушеніе. Но неужели не найдется на Руси людей, которые сочувствовали бы сохраненію нашихъ историческихъ памятниковъ и готовы бы были принести свою малую лепту на поддержаніе такой замѣчательной древности, какъ Нередицкая церковь? По милости Божіей, не всѣ же еще Русскіе люди сдѣлались космополитами, для которыхъ наша родная многострадальная старина не имѣетъ никакого смысла и достоинства. Найдутся, быть-можетъ, люди, которымъ, по ихъ офиціальному положенію и мѣсту жительства, удобно было бы испросить разрѣшеніе на открытіе подписки и взять на себя надзоръ за исполненіемъ работъ. На возобновленіе Нередицкой церкви можетъ потребоваться приблизительно до 1000 р., не включая сюда однако возобновленія фресковъ. Эта послѣдняя работа должна быть ввѣрена опытному художнику, основательно изучившему наше древнее иконописаніе; иначе обновленіе фресковъ можетъ обратиться въ ихъ искаженіе, какъ не однажды уже случалось въ нашихъ древнихъ храмахъ.

Благочестивые старцы сосѣдняго Юрьева монастыря вѣроятно также не откажутъ удѣлить отъ своихъ преобильныхъ сокровищъ малую лепту на поддержаніе Нередицкой церкви и тѣмъ почтить дни древняя Великаго Новгорода, когда воспріяла начало и ихъ обитель.

С.-Петербургъ
24-го Марта 1871 г.

Помѣстье Салтычихи.

Въ Русскомъ Архивѣ 1865 года, въ статьѣ о прославившейся въ народѣ своимъ звѣрствомъ людоѣдкѣ Салтычихѣ, окончившей жизнь свою въ заключеніи въ Ивановскомъ монастырѣ въ Москвѣ, не совсѣмъ вѣрно указано помѣстьемъ ея село Троицкое на Деснѣ, по Старокалужской дорогѣ, принадлежащее нынѣ баронессѣ Черкасовой. Имѣніе Дарьи Николаевны Салтыковой было верстъ на 20 ближе отъ Москвы на той же дорогѣ, въ Московскомъ уѣздѣ, село Троицкое при деревнѣ Теплые Станы, принадлежащее нынѣ г. Устинову.

Разбогатѣвшій думный дьякъ, начальникъ вотчиннаго Приказа при Петрѣ Великомъ, Автономъ Ивановъ Ивановъ, въ концѣ XVII вѣка скупилъ у разныхъ владѣльцевъ цѣлый рядъ смежныхъ имѣній Сосенскаго стана: Бѣляево-Кузнецово и Говорово (нынѣшнее Троицкое), Татариново, Никольское, Прокшино и Лѣтово [1]).

По межевымъ книгамъ видно, что нѣсколько лѣтъ до пріобрѣтенія имъ этихъ дачъ, онъ межевалъ ихъ съ стольникомъ княземъ Перфильемъ Шаховскимъ, въ качествѣ дьяка, въ 1685 г. [2]) что̀ вѣроятно и побудило его къ покупкѣ оныхъ.

Онъ же былъ строителемъ каменныхъ церквей: въ сельцѣ Никольскомъ (нынѣ уже не существующая) во имя чудотворца Николая, и въ с. Говоровѣ во имя Св. Троицы, переименованное посему въ село Троицкое, гдѣ донынѣ на всѣхъ колоколахъ каменной колокольни и на богатомъ серебряномъ крестѣ съ мощами встрѣчается имя думнаго дьяка Автонома Иванова съ означеніемъ 7194 (1686) года.

У Автонома былъ одинъ сынъ Николай Ивановъ, а у него пять дочерей, изъ коихъ Дарья за Глѣбомъ Салтыковымъ, Аграфена за Тютчевымъ и Марѳа за Измайловымъ. По смерти Николая Иванова при генеральномъ межеваніи, въ 1763 г., Троицкое значится за Д. Н. Салтыковой, а въ экономическихъ примѣчаніяхъ, составленныхъ нѣсколько лѣтъ спустя, когда уже Салтычиха находилась въ заключеніи,—за дѣтьми ея Ѳеодоромъ †1801 года и Николаемъ †1775 г. Глѣбовичами Салтыковыми, не оставившими послѣ себя потомковъ. Никольское [3]) же перешло къ Измайловымъ и Тютчевымъ, а Прокшино къ Аннѣ Ивановнѣ Бредихиной, внукѣ Николая Автономовича, а позднѣе по приходскимъ

---

[1]) Описаніе документовъ и бумагъ арх. М. мин. юстиц., стр. 150, № 1533.

[2]) Писц. книга 7137, Сосенскаго стана: Говорово (Жуково-Суковотоже) за Бахметьевымъ 7186; дер. Жуково за Зыбинымъ; а въ 1709, село Троицкое что̀ было деревня Говорово, Суково и Жуково за Ивановымъ (все время безъ крестьянъ, господскій дворъ).

[3]) Сельцо Никольское въ Плечникахъ, бывшая деревня Поповка, по писцовымъ книгамъ XVII вѣка была вотчина князей Хованскихъ и принадлежала въ 1675 году извѣстному ревнителю старой вѣры князю Ивану Андреевичу Хованскому-Тараруя, казненному въ Москвѣ съ сыномъ своимъ въ 1682 г., послѣ чего Никольское подверглось вѣроятно общей конфискаціи имѣній Хованскаго и уже по межевой книгѣ 1685 года считалось за какимъ-то Петромъ Тимоѳеевымъ Кондыревымъ (окольничьимъ), который вскорѣ перепродалъ его Иванову. О селѣ же Никольскомъ или Поповкѣ (о которой упоминается въ писцовыхъ книгахъ 7137) упомяну только, что въ дачѣ этого села есть оврагъ и прилегающая къ нему луговина, носящіе и понынѣ названіе Поповки, гдѣ по народному преданію и находилось первоначальное сельцо.

книгамъ 1807 года за дѣвицами Измайловыми. Татариново, бывшее въ продолженіи многихъ лѣтъ до продажи Иванову за княземъ Лобановымъ-Ростовскимъ, а потомъ и за вдовой его, уже совершенно исчезаетъ въ спискахъ генеральнаго межеванія, и мѣстность онаго можетъ быть опредѣлена нынѣ только народнымъ изустнымъ преданіемъ, прозывающимъ большой лѣсъ сельца Никольскаго Лобановскимъ.

Изъ мѣстныхъ воспоминаній о Салтычихѣ могъ я только собрать слѣдующее. По всѣмъ своимъ вотчинамъ собирала она дѣвокъ и дѣтей женскаго пола и брала ихъ къ себѣ въ Москву будто въ услуженіе; тамъ ихъ выкармливала и зарѣзывала, какъ телятъ, но ѣла только одни груди, тѣла же покойныхъ жертвъ своихъ присылала въ село Троицкое въ своей каретѣ шестерикомъ, и тутъ попъ, подкупленный ею, хоронилъ ихъ по ночамъ, кто говоритъ на сельскомъ кладбищѣ, кто завѣряетъ, что въ лѣсахъ, гдѣ по увѣренію управляющаго г. Устинова, часто попадаются и могилки и отдѣльныя кости. Жила Салтыкова въ собственномъ домѣ своемъ, въ Рогожской, гдѣ въ саду былъ большой прудъ, куда стекала кровь убіенныхъ. При открытіи ея преступленій и Троицкой священникъ былъ преданъ суду. Крестьяне долгое время ничего не подозрѣвали, такъ какъ барыня всегда утверждала, что пропадающія дѣвки находились въ бѣгахъ, но слухъ о гнусныхъ преступленіяхъ ея дошелъ въ Петербургъ до сына ея Николая Глѣбовича, и когда онъ прискакалъ въ Москву и сталъ увѣщевать мать свою, она бросилась на него съ кинжаломъ, послѣ чего онъ самъ уже выдалъ ее правосудію. Конечно невозможно отвѣчать за положительную вѣрность этихъ свѣдѣній, и даже кости, находимыя въ лѣсахъ села Троицкаго, вѣроятнѣе всего относятся къ гораздо древнѣйшей, доисторической, курганной эпохѣ; тѣмъ не менѣе нельзя иногда не удивляться, какъ долго и упорно сохраняются въ народѣ воспоминанія чрезвычайно отдаленныхъ отъ насъ временъ. Такъ напримѣръ при распросахъ моихъ у одного Никольскаго старожила о прежнихъ помѣщикахъ сельца, онъ между прочимъ упомянулъ о Кондыринѣ (Кондыревъ 1685 г.) который по его словамъ былъ большой картежникъ и проигралъ имѣніе въ карты, и потому подержалъ за собою имѣніе всего 9 мѣсяцевъ. Дѣйствительно и оказывается по писцовымъ книгамъ, что весьма не долго владѣлъ этимъ имѣніемъ окольничій Кондыревъ.

Но не одна Салтычиха прославилась въ этой мѣстности своей жестокостью. Если изъ Троицкаго повернемъ къ Москвѣ по Старокалужской дорогѣ, версты три отъ Теплыхъ Становъ, попадется деревня Коньково *), слитая собственно изъ двухъ дачъ, раздѣленныхъ дорогой: на лѣво сельцо Сергіевское (прежде деревня Серино) съ каменною церковію во имя Радонежскаго Чудотворца и помѣщичьей усадьбой; а направо Коньково съ длиннымъ рядомъ полуразрушившихся въ ней каменныхъ избъ и съ большимъ памятникомъ изъ бѣлаго камня посреди деревни, напоминающимъ формой своей екатерининскіе верстовые столбы, но въ большемъ размѣрѣ. За крестьянскими дворами на возвышенномъ мѣстѣ, поросшемъ теперь мелкимъ кустарникомъ, замѣтны слѣды большихъ кирпичныхъ построекъ и сохра-

*) Въ началѣ XVIII в. Коньково принадлежало графу Александру Гавриловичу Головкину, а у него въ царствованіе Елизаветы куплено гр. М. Л. Воронцовымъ. См. Архивъ Кн. Воронцова кн. 2-я. П. Б.

нились даже двѣ каменныя надгробныя плиты, внизу же видны слѣды большихъ прудовъ съ давно прорванной плотиной.—Это была собственно господская усадьба села Конькова съ церковью во имя Троицы. Въ 1768 году, при генеральномъ межеванiи этой дачи, она принадлежала генералъ-маiоршѣ Авдотьѣ Наумовнѣ Зиновьевой, которая жестокимъ обращенiемъ съ своими крестьянами довела ихъ до того, что они подали просьбу на свою помѣщицу Императрицѣ Екатеринѣ, которая, чтобы избавить ихъ отъ ея ига, приказала купить у ней все имѣнiе, такъ что при составленiи экономическаго примѣчанiя къ планамъ генеральнаго межеванiя Коньково обозначено уже собственностью Ея Императорскаго Величества. Къ этому времени относится и воздвигнутый крестьянами памятникъ посреди села въ ознаменованiе ихъ освобожденiя и рядъ каменныхъ избъ, выстроенныхъ имъ царственною помѣщицею.

Въ народѣ утверждаютъ, что Императрица сама прiѣзжала разъ осматривать свое новое владѣнiе; скоро послѣ того господская усадьба и церковь были снесены, а крестьяне причислены къ дворцовой конторѣ; утверждаютъ также, что оранжереи, нѣкогда существовавшiя при дачѣ, перенесены въ Царицыно, а камни отъ Троицкой церкви были употреблены на ограду сосѣдняго храма Св. Сергiя, пользующагося большимъ уваженiемъ во всемъ округѣ, по случаю храненiя въ немъ частицы мощей Чудотворца. Когда эти мощи и кѣмъ были пожертвованы въ эту церковь, неизвѣстно; но судя по монограммѣ на золотомъ небольшомъ складнѣ внизу, окружающей изображенiе св. Сергiя, Е. Н. (Н) З. можно предположить съ нѣкоторою вѣроятностью, что мощи эти были доставлены именно Коньковской помѣщицей Зиновьевой, пожелавшей, быть-можетъ, искупить этимъ свои жестокости.

Д. О. Ш.

Русскiй у подошвы Чатырдага.

Сочиненiе князя Д. П. Горчакова, писанное передъ 1812 годомъ).

Вчера еще являлъ надменный Чатырдагъ
Чело, блестящее лучемъ послѣднимъ Ѳеба;
Вчера еще лазурь отсвѣчивалась неба
Въ скрывающихъ его вершину вѣчныхъ льдахъ.
Вдругъ весперъ*) налетѣлъ, одѣянъ бурной мглою,
Туманами покрылъ гиганта грозный видъ—
И царь Таврiйскихъ горъ ужъ взора не дивитъ
Грозящею главою!

———

Такъ мыслилъ я, челомъ поникши долу,
Истоку присѣдя Салгирскихъ мутныхъ водъ.
Ахъ, все подъ солнцемъ свой имѣетъ оборотъ,—
Премѣна хижинѣ присущна и престолу!
Какъ падающихъ звѣздъ мгновенно тускнетъ блескъ,
Подобно мiра царствъ сiянье исчезаетъ:
Едва могуществомъ родъ смертныхъ ужасаетъ—
И ужъ валящейся громады слышенъ трескъ!

———

Тутъ, къ дивнымъ нашихъ дней событьямъ обращая
Взоръ, человѣчества напастьми утомленъ
И сына чувствiемъ къ странѣ своей вспаленъ,—
Со вздохомъ, съ горестью воскликнулъ я вѣщая:
Гдѣ лаврами побѣдъ обвитый мечь твой, Россъ?
Гдѣ сильная рука, страшившая вселенну?
Тебѣ ли, слабостью внезапной изумленну,
Посмѣлъ предписывать уставы дерзкiй Корсъ?
Ужель всю мощь твою, весь духъ Екатерина
Сокрыла въ гробъ съ собой?
Ужель къ паденью царствъ назначенна судьбой,
Приспѣла срочная и для тебя година?
Тогда ль, какъ къ небесамъ вознесъ главу колосъ,

*) Мѣстное названiе вѣтра.

Въ немъ внутренность мождитъ отрава;
Тогда ль, какъ къ полнотѣ созрѣлъ, ко славѣ Россъ,—
Его внезапно меркнетъ слава?
Пространна колыбель героевъ искони,
Отечество мое,—страна мужей почтенныхъ,—
Вселенную дивить тобою воздоенныхъ,
Встань, прахъ стряси отъ вѣждъ и на себя взгляни,—
На славу, коея предѣлы міра полны,
На способы твои несчетны кинь твой взоръ:
Здѣсь духъ твоихъ сыновъ, тамъ злато въ нѣдрахъ горъ;
А вкругъ седьми морей тебѣ послушны волны.
Давно ли Оттоманъ гордящійся дрожалъ,
Румянцовымъ твоимъ въ Стамбулѣ устрашенный?
Давно ль кичливый Галлъ руки твоей бѣжалъ,
Суворовымъ твоимъ нещадно пораженный?
Здѣсь царство силою ума покорено,
Тамъ царство истребилъ твой мечь правдива мщенья.
На верхъ величества и славы взнесено,
По волѣ кротость ты являло, иль прещенье.
Какой же чарою противъ своихъ враговъ
На ратномъ поприщѣ безсильствуешь ты нынѣ?
Какой враждебный духъ, устроя хитрый ковъ,
Къ постыдной могъ тебя довесть теперь судьбинѣ?
Въ Россіи ли уже великихъ нѣтъ мужей?
Ихъ въ нѣдрахъ у себя она всегда имѣла:
Петръ государственныхъ творилъ людей,
Екатерина ихъ отыскивать умѣла.
Отечественный духъ въ Россіи возбудить
Единое удобно слово.
Умѣть и умереть, умѣть и побѣдить—
Для Россовъ никогда не ново.
Нѣтъ нужды намъ искать героевъ чуждыхъ странъ,—
Довольно есть своихъ искусныхъ согражданъ,
Чрезъ воды насъ, чрезъ огнь, могущихъ весть въ храмы славы.
Монархъ, отечество—ихъ правила, уставы.
Но если зодчій, взявъ гдѣ глину за гранитъ,
Изъ нихъ соорудить огромный храмъ вознмнитъ,
Обрушиться должно тотчасъ непрочно зданье.
Когда употребленъ въ дѣлахъ
Невѣжда или даже врагъ,
Худой успѣхъ всегда обманетъ ожиданье.
Пристрастью тамо мѣста нѣтъ,
Гдѣ требуютъ Отечество и слава
Не гибкаго, уклончиваго нрава,
Не дворской хитрости отъ вождей, а побѣдъ!
Коль дарованіямъ, заслугамъ предпочтенна,
Дышаща дерзостью, неопытность надменна
Иль ползающа лесть, душъ мелкихъ гнусный даръ:
Готовъ тутъ гибельный ударъ,
И царствъ паденія минута приближенна.
О вы! что честолюбья гласъ
Влечетъ за пышностью, за почестьми, чинами,—
Почестолюбствуйте хоть разъ
Прямыми быть Отечества сынами.
Отвѣдайте вкусить пресладостный нектаръ
Хвалы не лестію сплетенный сильнымъ въ даръ
И не наемничей рукою начерченный,
Но сердцемъ вашимъ въ васъ самихъ произведенный.
Вотще всей силою ко благу воспаритъ
Монархъ, хоть съ ангельской душей на свѣтъ рожденный;
Успѣхами труды не будутъ награжденны,
Достойныхъ коль себѣ сотрудниковъ не зритъ.
Безплодно проведетъ онъ дни свои въ заботѣ,
Чтобы къ величеству страну свою возвесть!
Что можетъ славнаго ваятель произвесть,
Имѣющій рѣзцы негодные къ работѣ?
Владыки царствъ земныхъ!
Межъ милліонами подвластна вамъ народа,
Великихъ душъ рождать не устаетъ природа.
Употребляйте только ихъ,
И мудростью водимы,
Ихъ отличать въ толпѣ стремите бдящій взоръ.
Такъ злато рудокопъ въ ущельяхъ видитъ горъ,
Гдѣ мыслятъ зрѣть одну дресву простолюдимы.

Сообщено А. И. Казначеевымъ.

Разсказываютъ, что министръ полиціи Балашовъ прочелъ эти стихи Государю Александру Павловичу и выразилъ мысль о невозможности допускать ихъ въ печать. «Отчего же? исказалъ Государь—qui se sent morveux, se mouche»*)

*) У кого половъ носъ, тотъ сморкается.

Библиотека "Руниверс"

Дѣла давно минувшихъ дней.

Всѣмъ почти современникамъ Александра I-го извѣстно имя Никанора Ивановича П. Онъ жилъ обыкновенно въ Курскѣ, гдѣ обладалъ огромнымъ имѣніемъ, нажитымъ большею частью на откупахъ, увеличивалъ его постоянно, не стѣсняясь незаконностью средствъ, и расширилъ наконецъ свои владѣнія на пространство восьмидесяти тысячъ десятинъ. Онъ сознавалъ свою силу—силу золотаго тельца, и позволялъ себѣ самыя дикія выходки, которыя не сошли бы съ рукъ никому другому. Не разъ поступали на него жалобы, не разъ снаряжали на него слѣдствіе; но онъ сыпалъ деньгами, и дѣло оканчивалось всегда въ его пользу. Послѣ его смерти у него нашли большой мѣшокъ, наполненный золотыми табакерками, а въ его сараяхъ стояло значительное число совершенно новыхъ экипажей, еще зашитыхъ въ чахлы, подъ которыми они были присланы изъ Москвы или Петербурга. Экипажи и табакерки были приготовлены *на подарки*, въ случаѣ надобности. П. смѣнялъ и назначалъ по волѣ Курскихъ чиновниковъ, и люди, не занимавшіе особенно виднаго положенія, боялись его гнѣва болѣе гнѣва царскаго.

Между прочими Курскими помѣщиками было извѣстно семейство Шумаковыхъ. Они владѣли довольно значительнымъ имѣніемъ, жили открыто и слыли людьми честными и добрыми. Разъ къ нимъ съѣхалось на обѣдъ нѣсколько сосѣдей. Лишь только сѣли за столъ, вошелъ въ комнату человѣкъ немолодой, худощавый, блѣдный, въ поношенномъ сюртукѣ верблюжьяго цвѣта. Никто изъ гостей его не зналъ, но очевидно было, что онъ у Шумаковыхъ изъ числа домашнихъ, потому что онъ занялъ свое мѣсто у стола, не поздоровавшись съ хозяевами дома. Онъ былъ грустенъ и молчаливъ, и скрылся немедленно послѣ обѣда. Кто-то обратился къ г-жѣ Шумаковой съ вопросомъ: «кто этотъ незнакомецъ»? и она разсказала его печальную повѣсть, которая была мнѣ передана однимъ изъ присутствовавшихъ лицъ.

Этотъ незнакомецъ былъ помѣщикомъ маленькаго хутора, который граничилъ съ имѣньемъ П—ва и жилъ припѣваючи, никому не завидуя, своими скромными доходами. Но П. пригласилъ его къ себѣ и объявилъ ему о намѣреніи купить его хуторъ. Надо сказать, что между мелкопомѣстными владѣльцами не было охотниковъ вступать въ денежныя сдѣлки съ Никаноромъ Ивановичемъ: онъ назначалъ обыкновенно самъ цѣну за землю, которую желалъ пріобрѣсти, и не признавалъ за продавцами даже права съ нимъ торговаться. Нашъ бѣднякъ, знакомый съ его обычаями, отказалъ, говоря, что не желаетъ продавать своего хутора, что привыкъ къ нему, что въ немъ онъ провелъ всю жизнь и въ немъ думаетъ умереть. Богачь настаивалъ, бѣднякъ упрямился. Наконецъ, выведенный изъ терпѣнія, П. объявилъ своему сосѣду, что не отпуститъ его домой, пока не будетъ составлена запродажная запись. Эта угроза не подѣйствовала на владѣльца хуторка: онъ отвѣчалъ, что готовъ на все, но своего имѣнья не продастъ. Тогда П. позвалъ своихъ слугъ и приказалъ запереть его въ погребъ, гдѣ несчастный провелъ цѣлыхъ два года. Холодная, сырая тюрьма, горе,

мысль, что можетъ быть ему суждено умереть, не видавши свѣта Божьяго, сокрушили здоровье и силы несчастнаго. Онъ согласился на требованье П—ва, который возвратилъ ему свободу и, совершивши купчую крѣпость, вручилъ сторублевую ассигнацію. Въ этой суммѣ заключалось все имущество человѣка, жившаго когда-то безбѣдно. Ему некуда было преклонить головы, и Шумаковы предложили ему поселиться у нихъ, гдѣ онъ нашелъ, по крайней мѣрѣ, радушный пріемъ, кусокъ хлѣба и готовый кровъ.

Перехожу къ другой драмѣ, сообщенной мнѣ Михайломъ Семеновичемъ Щепкинымъ, который жилъ долго въ Курскѣ и зналъ дѣло во всѣхъ его подробностяхъ. Передаю здѣсь его разсказъ со всей возможной точностью.

У князя Юсупова были богатыя помѣстья въ Курской губерніи. Онъ взялъ отпускъ съ тѣмъ, чтобъ взглянуть на свое хозяйство, и остановился проѣздомъ въ Курскѣ, гдѣ отдохнулъ и перемѣнилъ лошадей. Въ ту минуту, какъ онъ садился въ коляску, ямщикъ, мужикъ съ плутоватой физіономіей, спросилъ у него:

«Какой дорогой прикажете ѣхать, ваше сіятельство? Одна-то покороче и дорога хорошая, а другая ужъ больно плоха, опять же и крюкъ придется дать.

Юсуповъ разсмѣялся.

—Ужъ по-моему лучше ѣхать хорошей дорогой, отозвался онъ.

—Коли вы прикажете, ваше сіятельство, отвѣчалъ ямщикъ, стало и поѣдемъ; а другимъ не позволяютъ. Хоть зарѣжь лошадей, да ступай въ объѣздъ. Дорога-то идетъ на Рыжково, а тутъ шлагбаумъ стоитъ.

— Или ты лишнее выпилъ, что такой вздоръ мелешь? Кто же смѣетъ у себя шлагбаумъ поставить? Шлагбаумъ ставятъ только въ городахъ.

—Я вамъ точно докладываю, ваше сіятельство, что у П. стоитъ шлагбаумъ. «Не хочу, говоритъ, чтобъ по моей землѣ ѣздили».

—Посмотримъ, сказалъ Юсуповъ, крайне удивленный. Пошелъ на Рыжково!

Лошади тронули и, проскакавши нѣсколько верстъ, остановились дѣйствительно у шлагбаума. По обѣимъ сторонамъ крестьяне въ рогаткахъ копали канаву. То были колодники П—ва, который усвоилъ себѣ право, какъ древніе феодалы, чинить въ своихъ владѣніяхъ судъ и расправу. Около шлагбаума стояла стража.

—Пропусти! крикнулъ Юсуповъ.

—Не велѣно, отозвался часовой крестьянинъ.—Князь выпрыгнулъ изъ коляски, спустилъ цѣпь, и ямщикъ стегнулъ лошадей. Но въ ту же минуту испуганный крестьянинъ успѣлъ схватить конецъ цѣпи. Подпявшійся шлагбаумъ быстро опустился и ударилъ по головѣ сидѣвшаго въ коляскѣ княжескаго камердинера, который вскрикнулъ и лишился чувствъ. Ямщикъ осадилъ лошадей. Юсуповъ бросился къ коляскѣ и, удостовѣрясь, что камердинеръ тяжко раненъ, приказалъ ѣхать обратно въ Курскъ.

Князь Юсуповъ былъ человѣкъ крайне гуманный. Онъ поселился въ гостинницѣ и ходилъ цѣлыхъ три недѣли за больнымъ. По возвращеніи своемъ въ Петербургъ, онъ разсказалъ Императору о случившемся и просилъ его приказать изслѣдовать дѣло. Императоръ замѣтилъ, что можно угадать впередъ исходъ слѣдствія: П—ъ уже не разъ подкупалъ слѣдователей. Но Юсуповъ настаивалъ, говоря, что повѣритъ дѣло человѣку, за котораго ручается. Александръ далъ свое согласіе.

Человѣкъ, о которомъ говорилъ князь, воспитывался при немъ и служилъ у него по особымъ порученіямъ. Его звали Милошевымъ. Онъ былъ скромной наружности и строгой честности, еще молодъ, но уже отецъ семейства, которое содержалъ своимъ жалованьемъ. Князь любилъ его и уважалъ, и поручилъ ему слѣдствіе съ полной надеждой, что на этотъ разъ П. не удастся уйдти отъ заслуженнаго наказанія.

Между тѣмъ П—въ, чуя бѣду, велъ дѣятельную переписку съ своими Петербургскими агентами, которые дали ему знать о порученіи, возложенномъ на Милошева. Тогда Никаноръ Ивановичъ приказалъ содержателямъ Курскихъ гостинницъ извѣстить его, лишь только человѣкъ этого имени явится къ которому-нибудь изъ нихъ, и получилъ въ скоромъ времени увѣдомленіе, котораго ожидалъ.

Онъ поѣхалъ немедленно въ Курскъ, остановился въ назначенной гостинницѣ и приказалъ половому отвести его прямо къ Милошеву. Половой ввелъ его въ общую залу и указалъ ему человѣка, который обѣдалъ за одинокимъ столомъ. П—въ къ нему подсѣлъ.

Приступилъ ли онъ къ дѣлу, не стѣсняясь присутствіемъ свидѣтелей, говорилъ ли онъ съ глазу на глазъ съ Милошевымъ, который передалъ въ послѣдствіи ихъ разговоръ,—этого я не знаю; но сообщаю читателю этотъ разговоръ, какъ слышала его нѣсколько разъ изъ слова въ слово отъ Щепкина.

—Позвольте васъ спросить, началъ П. по какому дѣлу вы сюда пріѣхали?

— Я думаю купить здѣсь имѣніе.

— Которое?... Я знаю всѣ здѣшнія имѣнія.

Милошевъ назвалъ имѣніе, которое желалъ пріобрѣсти.

— Помилуйте, воскликнулъ П—въ,—да это имѣнье самое пустое. Тутъ же рядомъ продаютъ другое—просто золотое дно. Что вы его не купите? За него просятъ бездѣлицу: всего сорокъ тысячъ.

—То-есть ровно вдвое противъ того, что я могу заплатить. Весь мой капиталъ состоитъ изъ двадцати тысячъ.

— На такой случай я посовѣтовалъ бы вамъ занять. Это имѣніе вамъ дастъ огромные проценты.

— Я не желаю вступать въ долгъ. Да и занять-то мнѣ не у кого.

— Позвольте мнѣ предложить вамъ мои услуги. Я Никаноръ Ивановичъ П—въ.

— Очень вамъ благодаренъ за вашу обязательность, отвѣчалъ Милошевъ, кланяясь, но мнѣ право трудно войти въ такой значительный долгъ. Вѣдь надо подумать и о расплатѣ.

— Объ этомъ прошу васъ не заботиться: когда-нибудь выплатите изъ доходовъ. Я слишкомъ счастливъ, что могу оказать вамъ услугу. Извольте получить, продолжалъ онъ, вынимая изъ своего бумажника ломбардный билетъ въ двадцать тысячъ.

— Благодарю васъ еще разъ, отвѣчалъ озадаченный Милошевъ, но дайте мнѣ подумать. А этихъ денегъ я, ни въ какомъ случаѣ, принять не могу: присутственныя мѣста уже закрыты, и негдѣ даже написать заемное письмо.

—Тутъ думать нечего, а я вамъ вѣрю безъ заемнаго письма, возразилъ П—въ, и подалъ ему билетъ.

—По крайней мѣрѣ, позвольте мнѣ дать вамъ до завтра хоть росписку: я люблю аккуратность въ дѣлахъ.

Милошевъ потребовалъ бумаги и чернилъ, составилъ росписку и подалъ ее съ новыми изъявленіями признательности

П—ву, который взялъ ее и изорвалъ на мелкіе клочки.

—Тоже сдѣлаю и съ заемнымъ письмомъ, сказалъ онъ, и вышелъ, а Милошевъ проводилъ его удивленнымъ взглядомъ.

Не мало удивился на слѣдующій день и П—въ и не мало досадовалъ, когда узналъ, что Милошевъ, которому онъ далъ такъ обязательно наканунѣ двадцать тысячь, не имѣетъ ничего общаго съ Юсуповскимъ чиновникомъ, и пріѣхалъ дѣйствительно на югъ Россіи съ цѣлью купить имѣніе. Но въ такомъ промахѣ милліонеръ могъ легко утѣшиться, лишь бы *настоящій* Милошевъ оказался человѣкомъ сговорчивымъ. Наконецъ явился и онъ. Никаноръ Ивановичъ поѣхалъ точно также въ Курскъ, предложилъ ему, точно также, свои услуги, но молодой человѣкъ не поддавался на его заискиванья, и поѣхалъ къ нему въ имѣніе съ тѣмъ, чтобъ приступить къ дѣлу. Какъ П—въ велъ переговоры объ этомъ, никто не знаетъ. Извѣстно только, что Милошевъ, проживши у него около мѣсяца, уѣхалъ, не начавши даже слѣдствія. Онъ остановился недалеко отъ Петербурга, на почтовой станціи, откуда написалъ два письма: одно къ князю Юсупову, другое, въ которое онъ вложилъ стотысячный ломбардный билетъ, къ своей женѣ, и застрѣлился.

Князь Юсуповъ не вспомнилъ себя, когда прочелъ письмо этого несчастнаго. Онъ поклялся, что не отступится отъ дѣла и просилъ у Императора позволенія снарядить новое слѣдствіе съ цѣлью потребовать показанія отъ всего Курскаго дворянства, которое должно было подтвердить присягой, что П—въ поставилъ шлагбаумъ въ своемъ имѣніи. Но П—въ, извѣщенный о томъ во-время, не струсилъ. Въ ожиданіи слѣдователей, онъ давалъ балъ за баломъ и обѣдъ за обѣдомъ. Курское дворянство пировало у него на славу и показало подъ присягой, что въ Рыжковѣ не было никогда шлагбаума.

Толычева.

Замѣтка о К. И. Бистромѣ.

Въ историческомъ изданіи: «Русская Старина», въ Январской книжкѣ сего 1871 года, помѣщенъ эпизодъ изъ жизни Императора Николая Павловича 1828 г., или черта къ его характеристикѣ.

Подобный разсказъ я слышалъ болѣе 30 лѣтъ назадъ, именно въ 1837 г., отъ флигель-адъютанта полковника К...ва, бывшаго тогда моимъ полковымъ командиромъ и находившагося къ Бистрому въ очень близкихъ отношеніяхъ. Не помню уже теперь, гдѣ и при какомъ случаѣ происходило событіе, о которомъ я хочу говорить (черезъ 30 лѣтъ позволительно забыть) и потому охотно соглашусь, что это было подъ Варною, наканунѣ ея сдачи, какъ это разсказано въ «Русской Старинѣ». Только помнится мнѣ, что поводомъ-то къ случаю было то, что Государь Николай Павловичъ, въ видахъ опасности, угрожавшей отряду Бистрома, неоднократно посылалъ старому генералу приказаніе оставить занимаемую имъ позицію. Сознавая всю важность этой позиціи, Бистромъ имѣлъ мужество ослушаться приказанія Государя, и потому снова посланный къ Бистрому флигель-адъютантъ объявилъ ему, что за *послѣдствія* его ослушанія онъ отвѣтитъ Государю *своею головою*.

«Скажи своему Государю, воскликнулъ оскорбленный Бистромъ, что если отрядъ мой будетъ опрокинутъ, то и головы Бистрома ему не видать!»

Когда Варна сдалась, Его Величество, не встрѣчая въ числѣ явившихся къ нему отрядныхъ генераловъ Бистрома, написалъ къ нему своеручное письмо!... И письмо это Бистромъ, зашивъ въ ладонку, до конца своей жизни носилъ на крестѣ. Умирая онъ передалъ его Наслѣднику Престола, нынѣ благополучно Царствующему Государю Императору, завѣщая Ему хранить письмо Его Отца, какъ образецъ подвига, достойнаго великой души.

Карлъ Ивановичъ Бистромъ, будучи лютераниномъ, носилъ, по обычаю православныхъ, на груди тѣльникъ и слово: «Нѣмецъ» для него было что-то въ родѣ брани или упрека. «Сал...въ, Ваше Высочество, ужасный Нѣмецъ» говорилъ разъ Бистромъ покойному Великому Князю Михаилу Павловичу, будучи почему-то недоволенъ Сал...вымъ.

За истину всего сказаннаго мною не отвѣчаю: передаю, какъ слышалъ и какъ мнѣ помнится.

В. Селивановъ.

Замѣтка о кончинѣ Грибоѣдова.

Въ 1-мъ выпускѣ Русскаго Архива за нынѣшній годъ помѣщена статья Н. В. Берга подъ заглавіемъ: ***Изъ разсказовъ** С. А. Соболевскаго*. Первый изъ этихъ разсказовъ, записанныхъ теперь Н. В. Бергомъ, касается И. С. М., бывшаго свидѣтелемъ смерти Грибоѣдова въ Тегеранѣ и, къ удивленію, какъ говоритъ записавшій, оставшагося въ живыхъ. Покойный С. А. Соболевскій, по связямъ своимъ, могъ знать всѣ подробности этого несчастнаго событія и разсказывать ихъ Н. В. Бергу; но мнѣ кажется, что разсказъ этотъ сохранился въ памяти г. Берга нѣсколько смутно. На стр. 188 сказано: «Чернь окружила наше посольство, стала рубить и стрѣлять всѣхъ, кто только попадался подъ руку». Потомъ, «почуя опасность, И. С. М. бросился къ какому-то пріятелю Армянину, далъ нѣсколько червонцевъ и записку въ Тифлисъ»... «Армянинъ запряталъ М. на какой-то чердакъ, въ халатѣ, какъ онъ былъ, а самъ на коня и вскорѣ очутился предъ Тифлискимъ губернаторомъ, съ запискою М., котораго онъ извѣщалъ о близившейся грозѣ и просилъ помощи». Изъ этого разсказа должно заключить, что И. С. М. бросился въ халатѣ къ своему пріятелю Армянину, когда чернь окружила наше посольство, стала рубить и пр. Между тѣмъ въ посланной съ Армяниномъ запискѣ И. С. М. извѣщалъ Тифлискаго губернатора о *близившейся* грозѣ и просилъ помощи—изъ Тифлиса въ то самое время, какъ рѣзали посольство въ Тегеранѣ? Тутъ что нибудь такъ, да не такъ. Не возможно же предположить, чтобъ И. С. М.. былъ заблаговременно извѣщенъ своимъ пріятелемъ Армяниномъ о готовящемся нападеніи черни на посольство и съ своей стороны не предупредилъ объ этомъ Грибоѣдова, вмѣсто того чтобы посылать за помощію въ Тифлисъ. Такимъ образомъ, и послѣ настоящаго разсказа, спасеніе И. С. М. все-таки остается неразъясненнымъ и удивительнымъ. Выше г. Бергъ говоритъ: «Исторія, погубившая Грибоѣдова, заключалась, по словамъ Соболевскаго, главнѣйшимъ образомъ въ неловкости и запальчивости молодаго посла, который, просто на просто, былъ не на своемъ мѣстѣ, былъ черезчуръ мало подготовленъ къ посту и пр.»... Грибоѣдовъ отправился въ Персію секретаремъ нашей миссіи въ 1818 г., и находясь въ Тавризѣ, пріобрѣлъ особенное къ себѣ расположеніе наслѣдника престола Абасъ-Мирзы. Въ 1822 г., Грибоѣдовъ опредѣленъ по дипломатической же части къ главнокомандующему въ Грузіи А. Ермолову. Все это время Грибоѣдовъ, съ свойственною ему любознательностію, занимался изученіемъ Востока и особенно Персіи и Персидскаго языка, на которомъ изъяснился довольно свободно. Паскевичъ воспользовался знаніями и способностями Грибоѣдова, который былъ дѣятельно употребленъ имъ при переговорахъ о Туркманчайскомъ мирѣ и посланъ въ Петербургъ съ извѣстіемъ о заключеніи этого трактата; потомъ Грибоѣдовъ былъ назначенъ посланникомъ въ Персію. Необыкновенныя умственныя дарованія Грибоѣдова, высокая образованность, спеціальныя познанія и предшествовавшая

служба на Востокѣ, а также энергическій его характеръ давали ему, кажется, нѣкоторое право на полученный имъ постъ, и не слишкомъ ли легко произнесенъ приговоръ, что онъ *просто-запросто былъ не на своемъ мѣстѣ, черезчуръ мало подготовленъ* и т. п.? Далѣе повѣствуется въ статьѣ г. Берга: «Ничтожное происшествіе освобожденія Грибоѣдовымъ какихъ-то рыжихъ, толстыхъ Нѣмокъ (какъ выражался разсказчикъ Соболевскій) изъ гаремовъ именитыхъ жителей Тегерана, произвело взрывъ». Конечно, С. А. Соболевскій приплелъ тутъ рыжихъ Нѣмокъ въ шутку. Къ какой стати Грибоѣдову было заступаться за нихъ, и какъ онѣ попали въ Тегеранскіе гаремы? Грибоѣдовъ имѣлъ при себѣ списокъ подданныхъ обоего пола, которые были похищены Персіянами въ Русскихъ владѣніяхъ и о выручкѣ которыхъ ходатайствовали ихъ родственники или друзья. Этихъ-то Русскихъ подданныхъ онъ разыскивалъ и желалъ освободить. Если не ошибаюсь, двѣ Армянки, христіанскаго исповѣданія, изъ вновь пріобрѣтенныхъ нами областей, нашли убѣжище въ домѣ нашего посольства. Этому приписывается взрывъ фанатической мусульманской черни Тегерана, настроенной уже крайне враждебно противъ Русскихъ послѣ несчастной съ нами войны. Можетъ-быть, Грибоѣдовъ дѣйствовалъ тутъ не съ достаточною дипломатическою осторожностію и мягкостію, но конечно въ его заступничествѣ были политической смыслъ и чувство достоинства представителя Россіи *). Повторяю, что сообщаемый Н. В. Бергомъ разсказъ нисколько не уясняетъ загадочныхъ обстоятельствъ сопровождавшихъ смерть Грибоѣдова. По свидѣтельству одного Персіанина-очевидца *) вечеромъ наканунѣ и съ утра въ самый день событія муллы собирались въ главной мечети, повѣстили о закрытіи всѣхъ лавокъ на базарѣ и возбуждали правовѣрныхъ отправиться въ Русскій кварталъ для вытребованія укрытыхъ тамъ женщинъ и фанатизировали народъ. Гвардія шаха и Европейскіе отряды отъ другихъ посольствъ прибыли къ Русскому посольству, когда кровавая драма уже совершилась, послѣ того какъ домъ посольства нѣсколько часовъ былъ окруженъ волновавшеюся толпою народа. Итакъ, есть нѣкоторый поводъ подозрѣвать Персидское правительство въ умышленномъ бездѣйствіи при намѣренномъ, можетъ-быть возбужденіи черни. Можно предполагать также, что интрига не обошлась и безъ внушеній или совѣтовъ со стороны агентовъ западныхъ державъ, особенно Англіи, въ интересахъ которой было противодѣйствовать преобладающему вліянію Россіи на дѣла Персіи. Грибоѣдовъ же, кажется, былъ твердо расположенъ и, можетъ-быть, способенъ поддерживать это вліяніе. Но для дальнѣйшихъ соображеній нужно и желательно бы было имѣть болѣе обстоятельныя и достовѣрныя о всемъ происходившемъ свѣдѣнія, нежели тѣ, которыя до сего времени обнаружены.

*) Къ тому же нужно бы знать, какія онъ имѣлъ инструкціи отъ нашего правительства.

*) См. реляцію произшествій, предшествовавшихъ и сопровождавшихъ убіеніе Россійскаго посольства въ Персіи въ 1829 г., разсказъ Персіанина, изъ Nouvelles annales des voyages, XII année 1830, въ книгѣ: А. С. Грибоѣдовъ и его сочиненія, изданіе Серчевскаго, Спб. 1858 г.

Два стихотворенія Языкова.

Николай Михайловичъ Языковъ въ 1823 году жилъ въ Дерптѣ въ квартирѣ синдика тамошняго университета г. Борга: это былъ первый годъ вступленія Языкова въ университетъ. Тогда учился онъ чрезвычайно прилежно. Милое семейство г. Борга, всѣми уважаемое въ городѣ, доставляло ему полное спокойствіе для занятій. Но потомъ Языковъ съѣздилъ въ свою Симбирскую деревню, прожилъ тамъ ваканціонное время и писалъ мнѣ, что деревенская жизнь въ Россіи отупляетъ молодыхъ людей и что едва ли, когда нибудь, онъ возвратится туда. Воротясь изъ деревни, онъ уже остановился не у Борговъ, а на особой квартирѣ, чтобъ имѣть болѣе свободы. Его тогдашнее намѣреніе было: подвергнуть себѣ строгому ученію, такъ чтобы выдержать университетскій экзаменъ, для чего изучалъ онъ древніе языки. Въ экзаменѣ онъ не имѣлъ нужды, потому что служить не желалъ, имѣя весьма достаточное состояніе, а поставилъ себѣ цѣлію эту задачу, чтобъ не ослабѣвать въ ученіи.

Однако его добродушіе и Русское гостепріимство сдѣлали тому противное. Нѣсколькихъ Дерптскихъ студентовъ (вѣроятно не лучшихъ качествъ) нашли очень пріятнымъ для себя пользоваться его угощеніями и завладѣли имъ и его временемъ. Онъ самъ, въ одномъ письмѣ ко мнѣ, горько жаловался на это, говоря, что у него ежедневныя оргіи, въ которыхъ самъ онъ почти не принимаетъ участія, но отъ которыхъ отдѣлаться не можетъ. Это конечно большой недостатокъ характера, но откуда же было пріобрѣсти твердость, когда у насъ не было, да и теперь, кажется, нѣтъ настоящаго воспитанія? Не надѣясь уже выдержать экзаменъ, Языковъ выѣхалъ изъ Дерпта *безпатентный*, какъ онъ упоминаетъ о томъ въ одномъ стихотвореніи. Дальнѣйшей жизни его я почти не знаю. Онъ присылалъ мнѣ свои изданія, и только тогда мѣнялись мы письмами. Въ послѣднемъ письмѣ, изъ Москвы, отъ 15-го Іюня 1845 года, онъ описывалъ мнѣ свое леченіе въ Гастейнѣ, воды котораго ему помогли. Но въ слѣдующемъ же 1846 году, 26 Декабря, онъ скончался.

Представляемыя двѣ пьесы не вошли ни въ одно изданіе стихотвореній Языкова; отъ перваго, уцѣлѣвшаго въ моемъ альбомѣ, вѣроятно не оставалось у него и списка, а второе считалъ онъ слишкомъ маловажнымъ, хотя оно было напечатано въ 1823 году *въ Благонамѣренномъ*, изданіи А. Е. Измайлова.

В. К—чъ.

Февраль 1871 г.
С.-Петербургъ.

I.

В. М. К. . . . у.

Онѣ прошли и не придутъ,
Лѣта невѣрныхъ наслажденій,
Когда, презрѣвъ высокій трудъ,
Искалъ я счастія во мракѣ заблужденій.
Младый поклонникъ суеты,
На лирѣ, дружбой ободренной,
Чуть знаемый молвой и славою забвенный,
Я пѣлъ безпечность и мечты;
Но гордость пламеннаго нрава
На новый путь меня звала,
Чего-то лучшаго душа моя ждала:
Хвалы друзей—еще не слава!

*

Я здѣсь, я промѣнялъ на сей безвѣстный кровъ
Безумной младости забавы,
Веселый свѣта шумъ на тишину трудовъ,
И жажду нѣгъ—на жажду славы.
Моихъ желаній не займутъ
Толпы невѣждъ рукоплесканья,
Оракулы вѣковъ душѣ передадутъ
И жаръ отважныхъ думъ, и смѣлость упованья.

*

Когда на сводѣ голубомъ
Выходитъ мѣсяцъ величавый,
И вечеръ пасмурнымъ крыломъ
Одѣнетъ Дерптскія дубравы,
Одинъ, подъ кровомъ тишины,
Я здѣсь бесѣдую съ минувшими вѣками;
Героевъ призраки изъ мрака старины
Встаютъ передо мной шумящими рядами.
И я привѣтствую родныхъ богатырей,
И слышу силу ихъ ударовъ;
Предъ взорами—холмы разорванныхъ цѣпей
И море бурное пожаровъ!
Какой роскошный пиръ восторгамъ и мечтамъ!
Какъ быстро грудь моя трепещетъ,
Въ очахъ огонь поэта блещетъ,
И рвется длань моя къ струнамъ!

*

Очистивъ юный умъ въ горнилѣ просвѣщенья,
Я стану пѣть дѣла воинственныхъ Славянъ,
И яркіе лучи святаго вдохновенья,
Прорѣжутъ древности туманъ.
Ты, радуясь душой, услышишь пѣснь свободы
Въ живой гармоніи стиховъ,
Какъ съ горной высоты внимаетъ сынъ природы
Побѣдоносный крикъ орловъ.

11 Мая 1823.

II.

В . . . ъ М . . . ъ.

Простите мнѣ простое: ты.
Богиня пѣсень презираетъ
Приличій свѣтскихъ суеты,
И дочь боговъ не замѣчаетъ,
Паря къ безсмертнымъ небесамъ,
Законовъ моды беззаконной.
Но граматическимъ цѣпямъ
Она съ улыбкой благосклонной
Младыя руки отдаетъ.
Затѣмъ-то вамъ, среди паренья,
По правилу мѣстоименья,
Сказала: ты—и тихо ждетъ
Грѣху безгрѣшному прощенья.

Н. Языковъ.

12 Мая 1823 г.

А. Ѳ. Львовъ.

(Письмо къ профессору Московской консерваторіи протоіерею Д. В. Разумовскому).

Милостивый государь,
Дмитрій Васильевичь.

При послѣднемъ свиданіи нашемъ въ Москвѣ вы, сообщая мнѣ свое намѣреніе заняться біографіею покойнаго Алексѣя Ѳедоровича Львова, выразили желаніе имѣть нѣкоторыя свѣдѣнія о моемъ съ нимъ знакомствѣ. Я тѣмъ охотнѣе спѣшу исполнить ваше желаніе, что близко зналъ этого достойнѣйшаго человѣка, любилъ его искренно, уважалъ глубоко и—скажу съ нѣкоторою гордостью—былъ имъ удостенъ взаимной дружбы.

Вамъ ближе, чѣмъ кому-либо, извѣстны заслуги Алексѣя Ѳедоровича по части нашего церковнаго пѣнія. Если еще и теперь онѣ не вполнѣ оцѣнены со стороны Русскаго общества, то въ то время, когда онъ началъ издавать свои переложенія унисонныхъ церковныхъ нотъ въ 4-хъ голосныя, они не только не вызвали чувства признательности, но возбудили вообще негодованіе и въ особенности со стороны духовенства, достигавшее въ нѣкоторой степени до преслѣдованія. Все было придумано, чтобы повредить успѣху его труда, и когда по волѣ высшаго правительства употребленіе его нотъ при богослуженіяхъ сдѣлалось обязательнымъ, то въ Петербургскихъ церквахъ, вмѣсто такъ называемыхъ ирмосовъ Греческаго распѣ-

ва, съ которыми такъ давно освоились прихожане, начали почти исключительно пѣть ирмосы знаменные, почти никому незнакомые,—а на вопросы, что это за напѣвъ, отвѣчали: «это переложеніе Львова». Такими и тому подобными путями добились до распространенія всеобщей молвы, что Львовъ перепортилъ и исказилъ всѣ наши древніе напѣвы. Молва эта, благодаря интригѣ, росла и наконецъ превратилась въ общественное мнѣніе, силѣ котораго подчинился и я. Для меня это было тѣмъ непростительнѣе, что я не далъ себѣ труда удостовѣриться въ справедливости возводимаго на Алексѣя Ѳедоровича обвиненія и позволилъ себѣ съ наслуху порицать его труды. Предубѣжденіе мое до того было сильно, что я даже всячески старался избѣгать съ нимъ встрѣчи.

Однажды,-это было кажется въ 1850 г., поѣхалъ я вечеромъ къ преосвященному Иннокентію Таврическому, который жилъ на Псковомъ подворьѣ, и съ которымъ я былъ въ довольно близкихъ отношеніяхъ. Войдя въ прихожую, я замѣтилъ лежавшую тамъ военную шинель и, когда, на вопросъ мой: кто здѣсь?—Получилъ отвѣтъ: «генералъ Львовъ», мнѣ сдѣлалось такъ непріятно, что я остановился въ раздумьѣ: не ѣхать-ли мнѣ домой. Но холодная зимняя ночь и дальнее разстояніе до моей квартиры—я тогда жилъ на Литейной—заставили меня преодолѣть непріятное впечатлѣніе, и я рѣшился войдти. Сначала я всячески старался избѣгать непосредственной бесѣды съ Алексѣемъ Ѳедоровичемъ; но когда я вслушался мало по малу въ его рѣчи, впечатлѣнія мои начали измѣняться и предубѣжденіе ослабѣвать. Онъ говорилъ такъ дѣльно и съ такимъ искреннимъ уваженіемъ къ нашему древнему церковному пѣнію, что я не могъ въ душѣ съ нимъ не соглашаться. Мнѣ казалось только непонятнымъ, что человѣкъ, столь здраво разсуждающій, такъ ясно смотрящій, могъ посягнуть на неприкосновенность того самаго предмета, передъ которымъ, казалось, онъ такъ благоговѣетъ.

На другой же день отправился я въ пѣвческую капеллу и спросилъ себѣ его догматики и ирмосы знаменнаго напѣва. Я просмотрѣлъ ихъ съ величайшимъ вниманіемъ и не нашелъ никакого отступленія отъ древнихъ нашихъ напѣвовъ. Не довѣряя однакожъ самому себѣ, я попросилъ пропѣть мнѣ первыя строки и еще болѣе убѣдился, что въ нихъ нѣтъ ни малѣйшихъ существенныхъ измѣненій. То же оказалось и съ переложеніями Греческаго распѣва. Интрига сдѣлалась для меня очевидною. Мнѣ стало и совѣстно и стыдно, что я такъ легкомысленно дался въ обманъ. Прямо изъ капеллы я поѣхалъ ко Львову и чистосердечно передъ нимъ покаялся. Онъ простилъ меня добродушно Съ этого времени мы сблизились, и знакомство наше не замедлило превратиться въ самую искреннюю дружбу. Желая исправить мою собственную ошибку и объявить другимъ дѣло въ его настоящемъ видѣ, я написалъ извѣстное вамъ «историческое обозрѣніе нашего церковнаго пѣнія», которое остается и доселѣ не изданнымъ. Этотъ слабый и поверхностный трудъ возбудилъ противъ меня, какъ вы знаете, если не гоненіе, то сопротивленіе со стороны духовнаго начальства. Рукопись была отослана на разсмотрѣніе Московскаго митрополита Филарета, который писалъ противъ нея въ Св. Синодъ. Критика знаменитаго іерарха доселѣ остается для меня тайною; но въ чемъ бы она ни состояла, несомнѣнно

одно: не я, и ни ничтожный трудъ мой были ея предметомъ,—все таже интрига противъ Львова, тоже предубѣжденіе противъ его трудовъ руководили ея авторомъ, конечно, безсознательно подчинившимся чужому вліянію. Лѣтъ черезъ семь послѣ отсылки рукописи, мнѣ говорили, что я могу ее напечатать, но оффиціальнаго разрѣшенія я никогда не получалъ и рукописи мнѣ не возвращали. Такъ какъ цѣлію моего сочиненія было оправданіе трудовъ Львова указаніемъ ихъ непосредственной связи съ древними напѣвами, и поелику въ это время вражда противъ нихъ заглохла, а общественное мнѣніе начало отдавать имъ справедливость, то я нашелъ, что изданіе моей рукописи сдѣлалось уже безцѣльнымъ и несвоевременнымъ. Со всѣмъ тѣмъ я передалъ списокъ съ нея въ Императорскую Публичную Библіотеку, гдѣ онъ и находится.

Вотъ вѣрный разсказъ о сближеніи моемъ съ покойнымъ Алексѣемъ Ѳедоровичемъ. Я обязанъ былъ случаю счастіемъ близко узнать этого замѣчательно-благороднаго человѣка. Достоинства его, какъ художника, вы оцѣните сами, и мнѣ нѣтъ нужды распространяться о немъ какъ о директорѣ капеллы, какъ о композиторѣ, какъ о музыкантѣ. Позволю себѣ сказать только нѣсколько словъ о немъ какъ о человѣкѣ. Сынъ достопочтеннаго отца, всю жизнь не уклонявшагося съ пути правды и чести, онъ наслѣдовалъ отъ него тѣ же качества. Оставленныя родителемъ его рукописныя записки и нравственныя разсужденія, онъ чтилъ какъ святыню и прочитывалъ ихъ чуть ли не ежедневно. Почтительный сынъ, онъ вмѣстѣ былъ и попечительнымъ отцомъ, добрымъ супругомъ и искреннимъ, нѣжнымъ другомъ. Вся общественная его дѣятельность была проникнута стремленіемъ къ добру и правдѣ и освящалась неподдѣльнымъ христіанскимъ чувствомъ.

Главнѣйшая заслуга Львова, по моему мнѣнію, заключается въ томъ, что онъ первый понялъ, что наше церковное пѣніе несовмѣстно съ мѣрнымъ тактомъ. Раздѣляя музыкальный ритмъ на стихотворный и прозаическій, онъ справедливо подчинилъ первый такту, столь удобно прилагаемому къ стихотворному метру, и освободилъ отъ него послѣдній, принявъ для прозы мѣрно-полную ноту съ ея дробными подраздѣленіями.

Я не буду здѣсь повторять того, что̀ уже высказано мною объ этомъ предметѣ въ вышеупомянутомъ моемъ сочиненіи, и что̀ такъ превосходно разработано въ изданныхъ вами книжкахъ: скажу только нѣсколько словъ о томъ блистательномъ доказательствѣ, какое употребилъ для торжества своей идеи покойный Львовъ.

Онъ написалъ, какъ извѣстно, музыку на слова «Stabat mater», переведенныя для него Русскою прозою. Въ числѣ, помнится, 24 нумеровъ этого сочиненія, нѣкоторые были написаны имъ съ обыкновенными тактами, остальные безъ нихъ, и чтоже? При исполненіи этихъ пьесъ въ его собственномъ домѣ, въ присутствіи почетнѣйшихъ и компетентнѣйшихъ жителей столицы и лучшихъ артистовъ Итальянской оперы, всѣ были изумлены тѣмъ, что слова нѣкоторыхъ изъ нумеровъ ясно, внятно и отчетливо влагались въ ухо слушателя, между тѣмъ какъ прозаическій текстъ другихъ, не ладившій по своему строенію съ музыкальнымъ тактомъ, оставался непонятнымъ. Дѣло объяснилось тѣмъ, что первые были написаны музыкальною прозою и вѣрно передавали прозаическую рѣчь, а другіе связанные так-

томъ, искажали ее до непонятности. Я живо помню, какъ Итальянцы не хотѣли вѣрить объясненію Алексѣя Ѳедоровича и убѣдились только тогда, когда онъ принесъ имъ партитуру. Излишне было бы говорить, какое значеніе имѣетъ это въ приложеніи къ пѣснопѣнію нашей церкви, гдѣ весь текстъ писанъ прозою и гдѣ слову предоставлено такое важное значеніе.

Исполнивъ симъ выраженное вами желаніе, я заключаю это письмо моимъ собственнымъ: да благословитъ Господь ваши полезные труды на томъ же поприщѣ, на которомъ подвизался покойный мой другъ, и да охранитъ и защититъ Онъ васъ отъ тѣхъ враждебныхъ интригъ, которыя такъ упорно и горько отравляли авторское спокойствіе достойнѣйшаго Алексѣя Ѳедоровича.

Примите увѣреніе въ истинномъ почтеніи и совершенной моей преданности.

Гр. Дм. Н. Толстой.

Іюнь 1871 г.
Село Толстые.

СОДЕРЖАНІЕ

ПЕРВОЙ КНИГИ

АРХИВА КНЯЗЯ ВОРОНЦОВА.

Въ 8-ку, XII и 656 стр. Цѣна 2 р. 50 к. съ пересылкою за 3 фунта по разстояніямъ. Получать и выписывать можно отъ издателя П. И. Бартенева, въ Москвѣ, на Мясницкой, въ Чертковской библіотекѣ.

ТРЕТЬЯ КНИГА АРХИВА КНЯЗЯ ВОРОНЦОВА ВЫЙДЕТЪ ВЪ СВѢТЪ ВЪ НЕПРОДОЛЖИТЕЛЬНОМЪ ВРЕМЕНИ.

ПОДПИСКА

НА

РУССКІЙ АРХИВЪ

1871

(ДЕВЯТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ)

Русскій Архивъ, посвященный историческому изученію нашего о ства, преимущественно въ XVIII и XIX столѣтіяхъ, выходитъ въ 1871 на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и первыя восемь лѣтъ.

Цѣна годовому изданію Русскаго Архива 1871 года 12 тетрадей в рато, *выходящихъ по мѣрѣ отпечатанія* составятъ до 2000 и свыше стра убористой, но четкой печати), какъ въ Москвѣ и Петербургѣ, съ достав на домъ, такъ и съ пересылкою гг. иногороднымъ подписчикамъ—

семь рублей.

Желающіе получать Русскій Архивъ въ 1871 году доставляютъ высылаютъ эти **семь** рублей, съ приложеніемъ четко написаннаго м своего жительства, *въ Москву, въ Чертковскую библіотеку, на Мясниц* № 7 *и издателю Петру Ивановичу Бартеневу.*

Можно подписываться также въ С.-Петербургѣ—въ книжномъ магази *А. Ѳ. Базунова*, на Невскомъ, и въ Москвѣ—въ книжномъ магазинѣ *И. Солодовникова*, на Страстномъ бульварѣ.

Тетради Русскаго Архива отдѣльно не продаются.

За перемѣну адреса уплачивается 10 к. или почтовая марка, при чемъ просятъ непремѣнно сообщать прежній адресъ или нумеръ перемѣняемаго адреса

Лица, проживающія въ чужихъ краяхъ, къ вышепоказанной цѣнѣ прибавляютъ: для Германіи и Бельгіи — **1** р. **50** к., для Франціи — **2** р., для Англіи — **2** р. **50** к., для Швейцаріи и Италіи—**3** р.

Составитель и издатель Русскаго Архива: **Петръ Бартеневъ.**

ЧЕРТКОВСКАЯ БИБЛІОТЕКА НА ЛѢТНЕЕ ВРЕМЯ ЗАКРЫВАЕТСЯ ДЛЯ ЧТЕНІЯ.

(О ВРЕМЕНИ ОТКРЫТІЯ БУДЕТЪ ОБЪЯВЛЕНО).